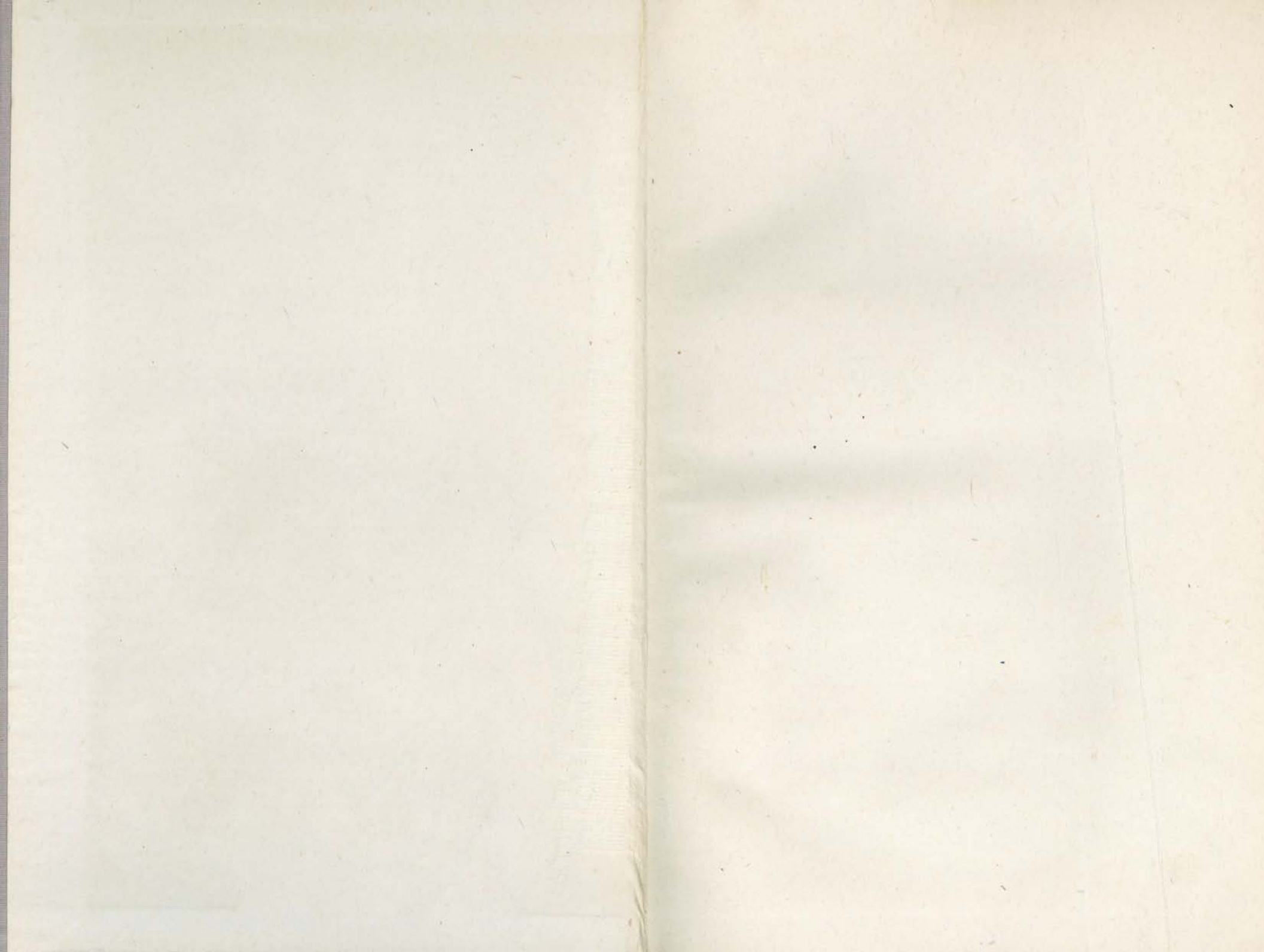

М.Н.ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ
ЦАРСКОЙ
ТЮРЬМЫ

М.Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ
ЦАРСКОЙ
ТЮРЬМЫ

В пяти томах

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

МОСКВА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

М.Н. ГЕРНЕТ

ИСТОРИЯ
ЦАРСКОЙ
ТЮРЬМЫ

Том третий

1870 - 1900

1961

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Предисловие автора ко 2-му изданию

ВТОРОЕ издание третьего тома «Истории царской тюрьмы», как и переизданные два предшествующих тома, автор пополнил рядом новых документальных данных.

В значительном большинстве случаев они извлечены из тех архивных дел, которыми автор мог воспользоваться лишь после того, как были возвращены и приведены в порядок архивы, эвакуированные на время войны из нашей столицы.

Те параграфы второй главы «Судебная и административная борьба царизма с революционным движением», которые отведены изучению крупнейших политических процессов семидесятих годов XIX века, восполнены теперь материалами из делопроизводств особого присутствия правительствующего Сената и военно-окружного суда в Петербурге.

В частности, представилось возможным использовать названные материалы по судебным делам: «Процесс долгушинцев», «Демонстрация на площади Казанского собора», «Процесс 50-ти», «Процесс 193-х», «Южнороссийский союз рабочих». Вновь написан очерк о «Северном союзе рабочих» и, в частности, о Викторе Обнорском, одном из организаторов этого союза.

При изложении сведений по перечисленным судебным процессам было обращено особое внимание на таких крупных революционеров, обвинявшихся по этим процессам, как рабочий Петр Алексеев и Ипполит Мышкин. В главе «Петропавловская крепость» в параграф «Трубецкой бастион» включены сведения о пребывании в этой государственной тюрьме членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Шاپовалова и Баумана. Очерк о режиме Шлиссельбургской крепости восполнен некоторыми сведениями из подлинных писем шлиссельбургца М. Р. Попова, не появлявшихся до сих пор в печати.

Менее существенные изменения в тексте не представляется надобности отмечать в этом предисловии.

Предисловие автора к 1-му изданию

ПЕРВЫЕ два тома «История царской тюрьмы» охватили время с середины XVIII века до 1870 года. Последние полвека существования царской тюрьмы (1870—1917 гг.) обнимают два периода, различных по продолжительности и характеру.

Первый из этих периодов включает последние 30 лет XIX века, а второй — годы существования царской тюрьмы в двадцатом столетии.

Хронологически работа полностью охватывает тот исторический период, когда центральной фигурой революционного движения был разночинец-народник, и начало нового исторического периода в истории революционного движения, когда на авансцену политической борьбы выдвигается новый класс — пролетариат.

В третьем томе мы знакомим читателя с политическими процессами народников-пропагандистов и террористов, с которыми мы встретимся затем в очерках о Петропавловской, Шлиссельбургской крепостях и других политических тюрьмах царизма исследуемого периода.

Наряду с судебными репрессиями царизм широко применял к участникам революционного движения и административную расправу. В 70-х годах узниками царских тюрем становятся отдельные представители рабочего класса. Среди них наше внимание привлекли рабочий Потапов, первый развернувший красное знамя во время демонстрации, организованной на Казанской площади в Петербурге в 1876 году; рабочий Петр Алексеев, слова которого о грядущей победе пролетариата, сказанные им на процессе 50-ти в 1877 году, В. И. Ленин назвал великим пророчеством¹, и осужденные по делу «Южнороссийского союза

рабочих» в 1877 году. Уже в 70-е годы царизм предпочитал вести борьбу с рабочим движением путем административной расправы, которую он усилил в 80-е и особенно в 90-е годы.

Для характеристики размеров внесудебной расправы царизма над тысячами участников рабочего движения мы использовали секретные обзоры жандармских управлений по делам о государственных преступлениях.

Третий том составлен в основных чертах по тому же плану, как и два первых. Как и ранее, нас интересовала история тюремного законодательства, история политических, монастырских и общеуголовных тюрем. В первой главе «История тюремного законодательства» исторический очерк доведен до свержения царизма. Основанием для этого послужило то обстоятельство, что царское правительство в начале XX века почти не издало сколько-нибудь значительных законов о тюрьмах и до последнего дня царизма продолжал оставаться в силе Устав о содержащихся под стражею издания 1890 года.

История государственной тюрьмы в Шлиссельбургской крепости и история монастырских тюрем захватывает в нашем изложении также и начало XX века.

Особая глава отведена таким политическим тюрьмам, как тюрьма III отделения, пересыльные политические тюрьмы, каторжные политические центры (близ Харькова) и Карийская каторжная политическая тюрьма.

В главе о монастырских тюрьмах мы также ставили своей задачей выявить не только условия содержания узников, но и те основания, которые привели их в одиночные камеры нередко на очень долгие годы.

Бесправное положение многочисленных нерусских народностей, превращавшее царскую Россию в тюрьму народов, отражалось и на истории царской тюрьмы. Царизм использовал в борьбе с национальными меньшинствами и местные тюрьмы, куда попадали лица исключительно в административном порядке.

Вместе с тем в главе «Общеуголовные тюрьмы» дана общая характеристика тяжелого положения представителей национальных меньшинств в местах лишения свободы.

На научных работниках национальных республик лежит благородная задача использовать местные архивы и выявить во всей полноте картину бесправного положения в царской тюрьме тех, кого и на воле делала бесправными принадлежность к национальным меньшинствам.

В главе по истории общеуголовной тюрьмы мы, как и ранее в двух предшествующих томах, не останавливаемся на истории

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 346.

ссылки на каторжные работы. Эта обширная тема требует специального исследования.

Считаю своим долгом принести глубокую благодарность Главному архивному управлению МВД СССР и архивам Москвы и Ленинграда за предоставленную мне возможность использования архивных материалов.

Наименования архивов, из которых я извлекаю материалы для этого тома «Истории царской тюрьмы», обозначены мною сокращенно, а именно: Центральный Государственный исторический архив в Москве — ЦГИА в Москве, Центральный Государственный исторический архив в Ленинграде — ЦГИА в Ленинграде, Центральный Государственный исторический архив древних актов в Москве — ЦГАДА в Москве, Центральный Государственный военный исторический архив — ЦГВИА.

Глава первая

ИСТОРИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

§ 1. КОМИССИЯ 1872 ГОДА ПО ТЮРЕМНОМУ ПРЕОБРАЗОВАНИЮ

В ТРЕТЬЕМ томе нашего исследования истории царской тюрьмы нас интересует период начиная с 1870 года. С этим годом почти совпало важное событие в истории тюремного законодательства, а именно в 1872 году была учреждена специальная комиссия для составления «общего систематического проекта тюремного преобразования». Конечно, нужда в таком проекте или, правильнее сказать, в таком тюремном преобразовании и в издании нового закона о тюремном устройстве была велика. Надо припомнить, что первое издание Устава о содержащихся под стражею было опубликовано за 40 лет перед тем, в 1832 году в XIV томе Свода законов, и представляло набор выдержек из ранее изданных законов. Последующие издания вносили поправки, дополнения, но они являлись как бы заплатами на очень старом платье. От этих заплат тюремный устав не становился лучше.

Учреждение новых судебных установлений и издание Устава уголовного судопроизводства оказали большое влияние на изменения судебной репрессии и, в частности, на роль тюрьмы как карательной меры и как средства предупреждения способов уклонения от следствия и суда.

При таких условиях неизбежно вставал вопрос о тюремной реформе. Поскольку существовавшее до 1872 года тюремное законодательство было не систематизированным сборником прежде изданных законов, учрежденная в 1872 году комиссия тюремного преобразования поставила себе задачу выработать «систематический проект тюремного преобразования».

Однако дело составления нового тюремного законодательства не пошло дальше работ по составлению проекта. Поэтому отпадает интерес к подробному ознакомлению с плодами бюрократического проектирования. Для наших целей достаточно выявить основные черты тех предположений, которые сделала названная нами комиссия, но которые не претворились в действительность.

Комиссия рассылала запросы разным учреждениям и лицам, интересовалась мнениями и отзывами, докладами и записками, присылаемыми в ответ, печатала обширные материалы и, таким образом, подготовляла фундамент для нового тюремного кодекса.

Вся «систематичность» составленного проекта свелась к очень немногому: проект тюремного устава состоял из пяти частей.

В первой части проводилась классификация мест заключения. Они разделялись на предварительные и исполнительные, последние в свою очередь делились на краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные. Авторы проекта, увлекаясь систематизацией, делили места заключения на губернские и центральные¹. Одно и то же место заключения попадало в группу «исполнительных», «краткосрочных» и «губернских». Очевидно, что эта «систематика» была хуже всякой бессистемности. Неизвестно, по каким соображениям авторы проекта вспомнили, что в природе существуют сады, и решили «наградить» ими дома судебного заключения, арестные и смиренные дома, предложив развести при них сады. Эта маниловщина разводилась авторами проекта в те самые годы, когда большинство тюрем находилось в абсолютно антисанитарных условиях (см. главу об общеуголовных тюрьмах).

Проект в самой категорической форме объявлял: «Система общего содержания заключенных на нарах отменяется», но никакой системы общего содержания заключенных на нарах никогда не существовало. Нары же благополучно продолжали свое существование во многих тюрьмах. Проект проводил в одних

¹ См. «Проект положения о тюрьмах», ст. 3. Официальное издание. 1873.

тюрьмах одиночное заключение, а в других — лишь разобщение арестантов на ночь.

Очень «либеральными» казались размышления авторов проекта о дисциплинарных наказаниях. Они высказались против ограничения пищи, против лишения права свиданий, против денежных штрафов, против выговоров и оскорбления самолюбия», но это не помешало им оставить телесные наказания для осужденных к каторге, а для всех арестантов — карцер на том основании, что «на опыте доказано», что карцер внушает арестантам ужас несравненно выше всех других наказаний¹. Мы не удивляемся тому, что внушавшие арестантам ужас карцеры были сохранены «либеральными» авторами проекта. Предложения авторов проекта отменить все дисциплинарные наказания и оставить из них лишь карцеры и телесные наказания свелись на практике к тому, что остались все без исключения наказания. Дальше слов о вреде ограничения пищи, о тягости лишения права свидания и т. п. дело не пошло.

Вероятно, результатом заграничных командировок чинов тюремного ведомства явилось предложение переправлять арестантов, если они идут пешком, в особых башлыках с отверстиями для глаз. Здесь комиссия проявляла трогательную заботу о стыдливости пересыльных арестантов. Добавим, что эти башлыки, плод досужей фантазии комиссии тюремного преобразования, никогда не существовали в России. Едва ли кто-нибудь об этом пожалел. Не забывая, что проект тюремного устава должен отвечать требованиям систематичности, комиссия разделила работы арестантов на «черные», «серые» и «белые». Только название «черных» работ было общепринятым. Работы же, названные «серыми» и «белыми», никакого отношения к названным краскам не имели. Работы в тюрьмах были безвозмездные и платные с возрастающей оплатой. Они должны были производиться по преимуществу артелями и от подрядчиков.

Комиссия по тюремному преобразованию «забыла» предъявленные к ней требования выработать такую систему тюремного заключения, «которая, удовлетворяя всем современным требованиям науки и практики, достигла бы этой цели с соблюдением возможной экономии». Такую забывчивость нельзя поставить в вину комиссии: переустройство мест заключения на новых началах не могло происходить под флагом экономии. Сама комиссия определяла эти начала очень туманно и неясно. Она громко провозглашала, что «порядок содержания в местах заключения

¹ См. Биншток, Материалы для истории русской тюрьмы («Сборник правоведения», т. III, СПб., 1894, стр. 163).

имеет в своем основании три начала: правосудие, попечительство и народность». Неизвестно, что вкладывала комиссия в эти три названных понятия. Напомним только, что, сохранив телесные наказания, она тем самым нашла, что они отвечают требованиям «правосудия, попечительства и народности».

Проект положения о местах заключения гражданского ведомства, разработанный комиссией под председательством графа Соллогуба, был 19 мая 1873 г. по повелению Александра II передан на рассмотрение особого комитета для окончательного обсуждения тюремного преобразования под председательством графа Зубова.

Комитет определил, что на переустройство тюрем потребуется 42 млн. руб. Эта огромная сумма была совершенно непосильна государственной казне. Проект тюремного преобразования был передан новой комиссии под председательством Грота (высочайшее повеление 28 февраля 1877 г.).

Эта новая комиссия, считаясь с недостатком денежных средств, остановила свое внимание на той части проекта, которая создавала центральный орган управления всеми тюрьмами империи.

§ 2. УЧРЕЖДЕНИЕ ГЛАВНОГО ТЮРЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Центральное управление местами заключения находилось в рассматриваемый нами период в ведении департамента исполнительной полиции министерства внутренних дел, хотя на департаменте лежал и ряд других обязанностей. Управление тюрьмами составляло только некоторую часть этих обязанностей, и сами тюрьмы не привлекали к себе того внимания, которого они заслуживали. Циркуляры департамента исполнительной полиции нередко касались лишь отдельных мест заключения. Централизация управления тюрьмами почти отсутствовала.

Еще в 1876 году один из высших чиновников, считавшийся специалистом по тюремному делу, подал Александру II записку о положении тюремного преобразования в России. В этой записке он называл каторжные тюрьмы не пенитенциарными учреждениями, а вертепами разврата. Он предлагал признать известного бельгийского тюремоведа Стевенса и с его помощью устроить тюрьму на Ладожском озере, пригласив также и шведского тюремоведа-практика капитана Барга.

Результатом многолетнего проектирования было лишь образование 27 февраля 1879 г. Главного тюремного управления, ко-

торое было проводником тюремной политики царизма вплоть до 1917 года. Оно проводило ее в одинаковой мере и состоя в ведомстве министерства внутренних дел, и позднее, когда было передано в ведение министерства юстиции. Сущность реформы сводилась к следующему: в Петербурге создавался центральный орган управления тюрьмами. Он включал в себя несколько отделений с различными административными и хозяйственными задачами. В губерниях образовывалась губернская тюремная инспекция. Главные тюремные инспектора из центра ревизовали губернии. Новая бюрократическая машина немедленно вступила в действие.

Интересно, что первый начальник Главного тюремного управления позаботился с самого начала своей деятельности завязать сношения с иностранными тюремными управлениями, развившиеся... в обмене фотографиями с главными тюремными начальниками.

Надо признать, что была работа и другого типа. Она состояла прежде всего в попытке учета тюремного хозяйства, управления местами заключения и пр. О своей деятельности управление ежегодно издавало отчет. Первый такой отчет охватил период с 16 июня 1880 г. до конца 1881 года. В этом отчете вскрывалось хаотическое состояние мест заключения. Общее число мест заключения, не считая полицейских арестных помещений, достигало в это время 767. Количество тюремного населения к январю 1882 года достигало 93 108 человек. Таким образом, новый центральный орган с первых же шагов своей деятельности располагал почти стотысячной армией заключенных. За весь же год в тюрьмы империи прибыло 596 380 мужчин и женщин и 30 769 детей при них.

В эти печатные отчеты не попадали сведения, которые давали бы картину действительного состояния тюрем, питания заключенных и пр. Так, например, в 1879 году начальник Главного тюремного управления нашел, что в полицейском доме Коломенской части города Петербурга вместо приготовления похлебки из снетков (мелкая рыба), она готовится из «какой-то земляной массы и сора, среди которых редко где виднелась сама рыба»¹. Такие факты не включались в отчеты. Мы остановимся на них позднее, когда будем описывать фактическое состояние мест лишения свободы в России. Там же нам придется характеризовать деятельность Главного тюремного управления по руководству тюремной политикой.

¹ ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, опись 1, 1879—1900 гг., дело № 191.

Возвращаясь к вопросу о тюремном законодательстве, отметим роль Главного тюремного управления в этом вопросе.

Ответ на интересующий нас вопрос мы находим в ежегодных отчетах главного тюремного управления, в Уставе о содержащихся под стражею, в продолжениях Свода законов.

Главное тюремное управление, казалось бы, должно было быть инициатором по изданию законов, касавшихся устройства мест лишения свободы, определения условий содержания в них и выхода из них. Но не только Главное тюремное управление, но и весь законодательный аппарат царской России не интересовался упорядочением тюремного законодательства. Главное тюремное управление, находившееся в ведомстве министерства внутренних дел, было переведено законом 13 декабря 1895 г. в ведомство министерства юстиции, но эта передача не оказала никакого влияния на пробуждение внимания законодателя к тюрьме.

Главное тюремное управление опубликовало в 1914 году «Перечень законоположений по тюремной части», последовавших за время с 27 февраля 1879 г. по 27 февраля 1914 г.¹ Этот перечень охватывает 35 лет, и в нем указано около 500 законов по «тюремной части», но из этого огромного числа законов историк царской тюрьмы может использовать не более дюжины имеющих общеперское значение. Все же остальные законы касаются тех или других местных тюрем, их открытия или закрытия, изменения в штатах различных тюрем, вопросов о продовольствии арестантов в отдельных тюрьмах, об открытии благотворительных комитетов в разных местах и т. п. В частности, вопрос о форменной одежде чинов тюремного ведомства очень интересовал законодателя. Характерно, что после перевода Главного тюремного управления из ведомства министерства внутренних дел в ведомство министерства юстиции первый законодательный акт касался замены пуговиц на форменной одежде. На этом примере видно, чем интересовалось тюремное управление прежде всего.

Из законодательных актов, имевших общеперское значение, следует отметить следующие: 1) 11 декабря 1879 г.— «Об основных положениях, имеющих быть руководством при преобразовании тюремной части и при пересмотре Уложения о наказаниях», 2) 24 апреля 1884 г.— «Об отмене заключения в смиренном и рабочем домах, о закрытии сих учреждений», 3) 11 июня 1885 г.— «Об отмене установленного Уложением о наказаниях подразделения каторжных работ на рудничные, кре-

¹ См. «Краткий очерк деятельности Управления за первые 35 лет его существования» (1879—1914 гг.), приложение III.

постные и работы на заводах», 4) 6 января 1886 г.— «О занятии арестантов работами и о распределении получаемых от сего доходов», 5) 15 июня 1887 г.— «Сокращение сроков наказания в одиночных тюрьмах», 6) 18 мая 1889 г.— «О некоторых мерах по устройству новых тюрем и усилению тюремного надзора», 7) 29 марта 1893 г.— «Об отмене телесных наказаний для ссыльных женщин», 8) 2 июня 1897 г.— «Об изменении наказуемости малолетних и несовершеннолетних», 9) 12 июня 1900 г.— «Об отмене ссылки на жительство и ограничении ссылки на поселение», 10) 19 апреля 1909 г.— «О воспитательно-исправительных заведениях для несовершеннолетних», 11) 22 июня 1909 г.— «Об условном досрочном освобождении», 12) 3 июня 1913 г.— «О школах для тюремных надзирателей».

Кроме перечисленных законов, лишь очень немногие, хотя и относившиеся к отдельным местам заключения, представляли интерес; мы скажем о них в других разделах нашей работы.

Первый из названных нами законов представляет собой мертворожденный проект основных положений тюремных реформ. Государственный совет рассмотрел эти положения, и Александр II утвердил их в декабре 1879 года. Дальше этого утверждения проект не двинулся, а потому и не требует подробного с ним ознакомления. Материалы, представленные по этому вопросу председателем комиссии Гротом, были очень высоко оценены Государственным советом, который назвал их «обширным трудом, отличающимся замечательными достоинствами», и добавлял, что «труд этот представляет собой драгоценный материал для дальнейших работ по пересмотру уложения»; но вместе с тем такая похвала не помешала Государственному совету признать тюремную реформу преждевременной¹.

Государственный совет ограничился признанием возможности свести места заключения к четырем видам: каторжным тюрьмам, исправительным домам, тюрьме и арестным домам. При этом было предложено устраивать тюрьмы по одиночной системе, а также ввести одиночную систему в исправительных домах, разобщая арестантов на ночь и в нерабочее время. Эта попытка расширения в России одиночного заключения встретила непреодолимое препятствие в недостатке денежных средств².

¹ ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, опись 1, делопроизводство 1879—1880 гг., дело № 176. «Об основных положениях преобразования тюремной части и уложения о наказаниях».

² См. изд. Комиссии для разработки мероприятий по изданию нового Уголовного уложения, «Тюремное преобразование», 1905, стр. 162—163. См. также «Свод замечаний на проект общей части Уголовного уложения», т. II, стр. 178 и сл.

Проектированные «Основными положениями» указанные выше четыре вида лишения свободы должны были заменить собою несколько других видов лишения свободы по действовавшему тогда законодательству. Так, например, каторжная тюрьма должна была заменить каторжные работы, разделявшиеся на три вида: рудниковые, крепостные и заводские. Только законом 11 июня 1885 г. эти три вида каторжных работ были слиты в один. Точно так же проектированное «Основными положениями» закрытие рабочих и смиренных домов произошло лишь по закону 24 апреля 1884 г. Правда, фактически названные дома перестали существовать раньше: например, в 1883 году их оставалось только три. Напомним, что по Уложению о наказаниях широко применялись вместо рабочего и смиренного домов розги. Такая замена была запрещена лишь законом 25 ноября 1885 г.

Из других законов, касавшихся лишения свободы, следует отметить введение тюремного труда законом 6 января 1886 г. До этого времени занятие арестантов работами, кроме как на каторге и в арестантских ротах, не было сколько-нибудь подробно регламентировано законодателем. Этот закон допускал эксплуатацию труда заключенных частными подрядчиками и самой администрацией тюрьмы. Та и другая система использования арестантского труда нередко превращала заключенных в настоящих рабов. Однако очень часто вместо тюремного труда было тюремное безделье, еще более тяжелое, чем работа, как мы это увидим ниже, из ознакомления с состоянием мест заключения.

Циркуляры Главного тюремного управления за 80-е годы (циркуляр 25 апреля 1886 г. № 13, 3 марта и 14 декабря 1888 г. № 6 и 21, 25 июня 1889 г. № 16 и др.) уточняли условия арестантского труда внутри тюремных помещений и вне их. Относительно видов арестантских работ внутри помещений циркуляры рекомендовали в первую очередь плетение из ниток, веревок, соломы и разных деревянных волокон, изготовление шеточных изделий, проволочных корзинок, отделки пуговиц, шипание перьев и тому подобные несложные занятия, но эти виды труда давали очень небольшой заработок и не могли быть использованы заключенными после освобождения.

С 1902 года, когда в составе Главного тюремного управления было открыто специальное отделение по организации труда, в тюрьмах начали вводиться более сложные виды труда с применением ткацких машин фабрично-заводского типа.

Приведенный нами перечень законов, относившихся в той или иной степени к лишению свободы, показывает, что режим

тюрьмы оставался вне регламентации в законодательном порядке. Только в 1912 году был введен в виде опыта «проект общей тюремной инструкции» о режиме в местах заключения, и лишь 28 декабря 1915 г. эта «инструкция» была утверждена министром юстиции. Мы познакомимся с ней ниже, как с последним словом царизма в области тюремного управления.

Перечисленные нами выше законы об ответственности несовершеннолетних, об ограничении или отмене некоторых видов ссылки, об условном освобождении и некоторые другие не относились непосредственно к области тюремного законодательства. Но они оказали значительное влияние на сокращение численности тюремного населения и на ограничение применения наказания тюрьмой. Так как тюрьма заменялась исправительно-воспитательным заведением, то уменьшалась ее роль; условное освобождение сокращало срок пребывания в тюрьме.

Однако тюрьма продолжала крепко стоять на своих прежних основаниях. Поэтому, не останавливаясь на этих законах, мы ограничиваемся лишь упоминанием о них.

§ 3. УСТАВ О СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЮ 1886 И 1890 ГОДОВ

Основным тюремным кодексом по-прежнему продолжал оставаться Устав о содержащихся под стражею, в издания которого вносились лишь те или другие изменения, большей частью относившиеся к местам заключения той или другой губернии. Поэтому нет необходимости проследивать подробно историю этих изменений Устава в интересующий нас период. Первое переиздание Устава в этот период последовало в 1886 году.

При сравнении изданий Устава о содержащихся под стражею 1857 и 1886 гг. следует отметить большое различие в количестве статей. Вместо 1130 статей издания 1857 года Устав о содержащихся под стражею 1886 года содержит всего 400 статей. Такое изменение объема Устава объясняется исключением тех статей, которые относились к отмененным видам лишения свободы, а именно — смиренным и рабочим домам. Что касается исправительных арестантских рот гражданского ведомства, то они были заменены исправительными арестантскими отделениями, и потому на них в основном распространились постановления об арестантских ротах.

Большая разница числа статей в названных изданиях Устава не отразилась в значительной степени на содержании оставшихся статей.

Незначительны были перемены и в структуре Устава обоих изданий. Они свелись к включению второго раздела издания 1857 года относительно Попечительного о тюрьмах общества в первый раздел издания 1886 года в качестве особой главы. Таким образом, в Уставе издания 1886 года осталось два раздела.

Устав о содержащихся под стражею, изданный в 1886 году, был переиздан в 1890 году. За эти 4 года никаких изменений в тюремном законодательстве не произошло, и новое издание почти целиком повторило предыдущее.

Изменения в Устав вносились в различные годы по «Продолжениям» Свода законов, но они не меняли основного фундамента, на котором был построен этот Устав. К потребностям и духу времени управление тюрьмами приспособлялось не изменением Устава о содержащихся под стражею, а циркулярами Главного тюремного управления.

Устав издания 1890 года оставался в силе 27 лет. За это время было несколько частных, неофициальных его изданий¹ с дополнениями. Поскольку Устав издания 1890 года просуществовал до последнего дня царизма, ознакомимся с его содержанием.

В издании 1890 года — 394 статьи. Их содержание в основных чертах повторяет статьи Устава о содержащихся под стражею издания 1886 года.

Все места лишения свободы разделены на 4 группы, смотря по цели лишения свободы: 1) как мера пресечения способов уклонения от следствия и суда, 2) как мера исправления и наказания, 3) для содержания неисправных должников и 4) для содержания пересыльных арестантов. Но было бы ошибочно думать, что к 1890 году правительству удалось на практике провести разобщение всех названных групп заключенных. Как и раньше, такое строгое разобщение в большинстве случаев оставалось лишь на бумаге. Поэтому в том перечне мест содержания под стражей, который дан в ст. ст. 2, 3, 4 и 5 названного Устава, мы не находим согласованности с целями лишения свободы, указанными в ст. 1.

Только указания на пересыльные тюрьмы отвечают той цели лишения свободы, которая указана для четвертой группы арестантов (пересыльные).

¹ См. А. Рябчикова, Устав о содержащихся под стражею, 1904, 1906, 1909, 1912 гг. См. также Лопато, Сборник узаконений и распоряжений по тюремной части 1903 г.; Коковцев и Рухлов, Систематический сборник узаконений и распоряжений по тюремной части, изд. 2-е, 1904.

К 1890 году по-прежнему сохранилось большое разнообразие наименований мест лишения свободы. Сравнительно с более ранними изданиями Свода законов теперь повторялись давно знакомые нам названия: крепости, гауптвахты, тюремные замки, исправительные арестантские отделения и пр., но появились и более новые названия мест лишения свободы, как, например, исправительные приюты для несовершеннолетних. Но надо признать, что смешение в одних и тех же тюрьмах различных заключенных продолжало оставаться как в последнем десятилетии XIX века, так и в XX веке.

Содержание мест заключения относилось за счет государства, земств и городов, как это было установлено в томе XIV Свода законов издания 1886 года, и по-прежнему происходила пререкания и споры об источниках покрытия тюремных расходов.

Обширная третья глава «Об управлении мест заключения» (ст. ст. 14—63) повторяет уже известные нам узаконения об учреждении Главного тюремного управления.

Закон 13 июня 1887 г. ввел в управление тюрьмами на местах, кроме начальников тюрем и их помощников, также их помощниц или смотрительниц женских отделений и состоящих при местах лишения свободы священников, дьяконов, псаломщиков, врачей, фельдшеров и фельдшерниц. Этот закон (ст. 26 тома XIV, изд. 1890 г.) ввел в тюремную стражу тюремных надзирательниц для надзора за содержащимися лицами женского пола. Таким образом, женщины-арестантки были, наконец, освобождены от тягостной для них мужской стражи. Впрочем, слова закона нередко расходились с практикой, и женский надзор не был введен повсюду.

По-прежнему в Устав о содержащихся под стражею вошел Устав попечительного о тюрьмах общества (ст. ст. 64—123). Рамки деятельности этого общества были крайне узкими, а его состав в своей основе был аристократическим.

Весь второй раздел рассматриваемого Устава посвящен узаконениям о порядке содержания заключенных в разных местах лишения свободы, начиная с арестных помещений и кончая каторжными тюрьмами.

Раздел начинается с главы о помещениях для подвергаемых аресту, этому легчайшему виду лишения свободы в перечне наказаний. До последнего дня своего существования царизм не отказался от совершенно откровенного проведения классовых различий даже в этом виде лишения свободы. По-прежнему Устав о содержащихся под стражею проводил различие между положением в арестном доме лиц высших сословий, с одной

стороны, и всех остальных — с другой. Он требовал, чтобы, по возможности, арестованные этих социальных групп содержались, не смешиваясь между собой. Лишь крестьяне и мещане могли быть назначаемы на хозяйственные работы в местах заключения.

Кроме социального происхождения, различия в положении арестованных в арестных домах обуславливались также степенью их материальной обеспеченности. При желании и при наличии соответствующих денежных средств заключенные в арестном доме могли, например, питаться за свой счет, и закон не ставил в этом отношении никаких ограничений.

Особая глава (третья) отведена содержащимся при полиции и в тюрьмах в качестве подсудимых и осужденных.

Статья 174 уравнила в отношении привилегий в тюрьме дворян и чиновников, «людей, состоянием своим отличных и иностранцев». Они должны были быть помещены отдельно «от людей низшего состояния». Были сохранены преимущества для лиц привилегированного сословия относительно условий их питания (ст. 207). Впрочем, на практике недостаток помещений отражался и на исполнении требования закона об отделении привилегированных от общеарестантской массы. Вообще в этой главе выражались требования, исполнение которых было не под силу тюремной администрации, даже и при ее желании. К числу таких требований относилось, например, пожелание ставить беременным и кормящим грудью арестанток в более льготные условия.

В этой главе определялось положение в тюрьме приговоренных к аресту, которое в основных чертах не отличалось от положения подсудимых, но, конечно, было связано с более значительными ограничениями; скажем здесь же, что постановления этой главы относительно дисциплинарной ответственности арестантов отличались архаичностью. Например, среди них было предусмотрено называть «чиновных» арестантов по имени без отчества (ст. 271). Это было отменено 23 мая 1901 г.

Следующим за тюрьмою видом лишения свободы по Уставу о содержащихся под стражею издания 1890 года явились исправительные арестантские отделения. Они предназначались лишь для лиц мужского пола, не изъятых от телесного наказания, в возрасте от 17 до 60 лет. Таким образом, классовая принадлежность определяла и этот вид лишения свободы. Эта зависимость вида лишения свободы от классовой принадлежности была отменена 10 июня 1900 г.

Различные статьи главы об исправительных арестантских отделениях повторили старые требования о религиозно-нравственном исправлении арестантов через духовников: священник

должен быть духовным отцом и наставником отделения (ст. 305). Отсюда требование говения, посещения церкви, слушания проповедей, молитвы днем и вечером и пр. Только арестанты, отличившиеся «исполнением обязанностей веры и прилежанием к труду» могли быть переводимы в так называемый «отряд исправляющихся» (ст. 312), что влекло сокращение срока наказания и необходимость особого разрешения для телесного наказания их. Наказание розгами допускалось до тридцати ударов. Розги, посты и молитвы были главными средствами перевоспитания осужденных в исправительных арестантских отделениях.

Во всей главе нет ни одного слова о библиотеках и об обучении ремеслам. Даже в особой главе (четвертой) о занятии арестантов работами даны не предписания о постановке труда в местах заключения, а лишь указания, какие категории приговоренных к лишению свободы должны быть заняты трудом, в какие дни они не должны быть заняты работами, какова продолжительность рабочего дня и какова должна быть плата приговоренным к разным видам лишения свободы (из вырученного дохода приговоренные к заключению в тюрьме получали 0,4 этого дохода, к отдаче в исправительные отделения — 0,3 и осужденные к ссылке в каторжные работы — 0,1).

Никаких постановлений об охране и гигиене труда эта глава не содержала, кроме лицемерного и никогда не исполнявшегося запрещения работ, вредно действующих на здоровье арестантов.

Устав о содержащихся под стражею издания 1890 года в главе пятой второго раздела о каторжных тюрьмах содержал всего три статьи. Они были отменены после 1912 года, так как условия пребывания в этих тюрьмах составляли содержание Устава о ссыльных.

Но и в Уставе о ссыльных режим каторжной тюрьмы не был определен так, как того требовал бы этот тягчайший вид лишения свободы. И здесь открывался величайший простор усмотрению администрации.

Постановления же Устава о ссыльных в наибольшей их части относятся не к тюрьме, а к ссылке, которая остается вне интересующей нас области.

Устав о содержащихся под стражею в издании 1890 года оставался в силе, как мы уже сказали, до свержения царизма. В него вносились лишь частичные изменения и дополнения, подробное ознакомление с которыми из года в год не представляло бы интереса. Поэтому мы прямо обратимся к продолжениям XIV тома Свода законов, изданным уже в XX веке.

В 1902 году в изданном продолжении Свода законов было произведено несколько, казалось бы, существенных изменений Устава о содержащихся под стражею. Среди этих изменений одни были вызваны законом 10 июня 1900 г. об отмене и преобразовании ссылки, другие — законом 23 мая 1901 г. о дисциплинарной ответственности содержащихся под стражей.

Первые изменения имеют для нашей темы второстепенное значение. Наоборот, велико значение вторых. Мы останавливаемся на них подробнее, так как они проявляют основные черты тюремной политики, которую проводило тюремное ведомство на рубеже XIX и XX веков. Они вошли в качестве VIII главы Устава (ст. ст. 395—415). Напрасно мы стали бы искать даже намек на переворот в режиме мест лишения свободы после издания закона 23 мая 1901 г. Тот дух, которым было проникнуто законодательство XIX века, когда лишение свободы строилось на фундаменте разнообразных дисциплинарных наказаний, остался прежним. Недаром закон 23 мая 1901 г. содержит статьи, изданные еще в 1839 году. Так, например, ст. 402 Устава о содержащихся под стражею по продолжению Свода законов, изданному в 1902 году, сохраняет за начальником места заключения право повторять наложение разных дисциплинарных наказаний, сколько ему вздумается, не устанавливая даже минимального срока между наложением этих наказаний. Таким образом, срочное дисциплинарное наказание могло превратиться в постоянное. Отсюда становятся понятными угрозы тюремной администрации арестантам «сгноить их в карцере», хотя закон и устанавливал высший срок пребывания в нем в один месяц.

Перечень наказаний в ст. 395 сделан относительно тюрем и исправительных арестантских отделений. В числе десяти видов дисциплинарных наказаний указаны: выговор, лишение права чтения, переписки, свиданий, покупки на свои деньги припасов, распоряжения заработком и конфискация его, уменьшение пищи, вплоть до оставления на хлебе и воде, и заключение в карцер, светлый или темный. Назначение в карцер в более важных случаях для узников исправительных арестантских отделений могло быть сроком на месяц. Заключение в темный карцер должно было прерываться через 3 дня переводом в светлый и прогулкой (ст. 397). Наконец, закон 23 мая 1901 г. не отказался даже и от розог для тех, кого закон в XX веке продолжал называть «не изъятым от телесных наказаний».

Таков перечень наказаний. Каждое из них в условиях тюрьмы несло заключенным неодинаковые тяготы. Если помнить, что разные наказания могли быть назначаемы одновременно и возобновляемы по усмотрению начальника тюрьмы, то надо при-

знать, что тяжесть их могла быть доведена до крайних пределов. Страшнее же всего было то, что это фактически зависело от начальника тюрьмы и даже от простого надзирателя. Установленная «гарантия» в виде согласия прокурорского надзора, губернатора — фактически не имела значения. Таким образом, тюрьма в силу самого закона была превращена в орудие пытки и приводила ее обитателей к преждевременной смерти.

Изменения Устава о содержащихся под стражею происходили нередко. Сравнение редакции Устава по продолжениям XIV тома Свода законов 1902, 1906, 1909 гг. с изданиями до образования Главного тюремного управления показывает, что глубокого изменения основ тюремного законодательства не произошло. Под рядом статей мы встречаем по-прежнему ссылку на законы даже первой половины XIX века, произведенная же нами характеристика главы о дисциплинарных наказаниях, среди которых даже розги перешли в XX век, подтверждает эту мысль.

Таково содержание Устава о содержащихся под стражею по продолжениям тома XIV Свода законов в XX веке. Его четыре главы в первом разделе и девять — во втором по-прежнему представляют смесь законов за весь XIX и начало XX века и содержат регламентацию многих мелочей, по-прежнему отличаюсь широтой и неопределенностью, которые порождали произвол — этот бич тюремного быта.

В XIV томе Свода законов, кроме Устава о содержащихся под стражею, содержится Устав о ссыльных. Поскольку в задачу этого исследования не входит история ссылки в ее различных видах, не приходится останавливаться на ознакомлении с Уставом о ссыльных. Однако мы считаем не лишним сказать, хотя бы очень кратко, о тех статьях Устава, которые относились к местам заключения; таких статей очень немного, а содержание их носит уже известные нам черты Устава о содержащихся под стражею: объем власти тюремной администрации над заключенными в тюрьмы для ссыльных был еще более необъятным, чем по Уставу о содержащихся под стражею.

Заведование каторжными тюрьмами возлагалось на губернатора. Он был для каторжной тюрьмы «царь и бог». Преступления каторжан, совершенные ими при отбытии наказания, влекли продление срока каторжных работ, приковывание к тачке, заключение в одиночную камеру до ста дней, наказание розгами до ста ударов, наложение оков, наказание плетью (до издания закона 2 июня 1903 г.)¹ и другие наказания в том же роде.

¹ Этот же закон отменил бритье половины головы и приковывание к тачке.

перечисленные в законе (см. ст. ст. 233—280). Одиночное заключение выражалось в помещении заключенного в карцер с выдачей горячей пищи лишь через три дня на четвертый. Насколько крепко тюремная администрация держалась за наказание розгами, показывает ст. 280 Устава о ссыльных.

Она исходила из недоверия к врачу при признании им опасным для здоровья продолжения наказания розгами заболевшего арестанта: в этом случае требовался целый ряд проверок заключения врача (ст. 280). Эти наказания применялись также к заключенным в каторжные тюрьмы в различных городах европейской России в годы реакции после революции 1905 года, в том числе и к политическим заключенным. Напоминаем, что орудие телесного наказания до 1903 года была также треххвостная плеть.

Этапным тюрьмам отведено в Уставе особое место. Показателем их состояния служат ст. ст. 76 и 78, требовавшие отпуска соломы в эти тюрьмы соответственно количеству арестантов. Здесь забота об арестанте не шла дальше заботы, проявляемой к скотине.

Описанное нами законоположение о каторге, несмотря на суровость его, не удовлетворяло правительство, и 8 декабря 1909 г. Совет министров поручил министру юстиции выработать проект преобразования каторги. Основные положения этого проекта были опубликованы в «Тюремном вестнике» (июнь 1910 г.)¹.

Несмотря на то, что этот проект был составлен уже в XX веке, его основные положения о дисциплине в каторжной тюрьме остались такими же, какими они были и в предшествующие десятилетия. По-прежнему должны были остаться в силе постановления о кандалах, о наказаниях розгами, о карцерах и т. п. Говоря словами объяснительной записки к проекту, режим каторжной тюрьмы должен бы состоять для осужденного «в возможно тяжелом лишении и строжайшей дисциплине».

Проект разделял заключенных по тяжести режима на три группы. Ограничивалось право каторжан на свидания до одного в три месяца и притом лишь с родителями, детьми и супругом. При наличии таких родных не допускались свидания даже с братьями и сестрами. Переписка же для группы испытуемых ограничивалась отправкой одного письма в месяц.

Правительство ставило своей задачей устроить каторжные тюрьмы в центральной России. Такие тюрьмы под названием «временных» начали открываться с 1907 года. Не хватало мест для размещения каторжан, число которых возросло до 28 тысяч

¹ Этот проект был подробно рассмотрен М. М. Исаевым в статье «Предстоящее преобразование каторги», «Право» 1911 г. № 6 и 7.

в 1910 году вместо 7779 в 1907 году. Таким образом, проект преобразования каторги затрагивал интересы огромной массы заключенных. Каторжный режим, установленный в ряде тюрем России в годы реакции, тяжело отразился на судьбе многих тысяч заключенных, и проект преобразования каторги не улучшил бы этого положения.

Первая мировая война помешала стать законом этому проекту.

§ 4. ЦИРКУЛЯРЫ ГЛАВНОГО ТЮРЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗА ПЕРИОД 1879—1917 ГОДОВ

Как мы видели, Устав о содержащихся под стражею содержал очень мало постановлений, которые определяли бы с достаточной ясностью режим различных мест заключения и условия тюремного быта в них. Многие из статей этого Устава не отвечали потребностям времени. Казалось бы, что при таком положении Главное тюремное управление должно было издавать циркуляры для управления всем тюремным делом империи. Если обратиться к ознакомлению с этими циркулярами, то придется встретиться с огромным числом их. Это число за исследуемый период определяется тысячами. Только за период с 1879 по 1910 гг. они составили содержание двух объемистых томов, изданных Главным тюремным управлением¹. За период 1911—1916 гг. они продолжали печататься в каждом номере журнала «Тюремный вестник».

Ознакомление с содержанием циркуляров за последние 36 лет существования царской тюрьмы выявляет состояние лишь некоторых сторон тюремного дела, судить по ним о всей царской тюрьме нет возможности. Еще менее возможно судить по ним о деле управления местами заключения. Огромное число циркуляров относилось не к условиям тюремного быта, а к канцелярщине: к разнообразным формам всяких ведомостей, отчетов и справок. За этим бумажным хламом лишь очень редко выявлялась неприглядная тюремная действительность. Тюремные язвы скрывались, и о них говорилось очень сдержанно. Тем не менее ознакомление с частью этих циркуляров представляет политический и научный интерес, так как показывает основные черты тюремной политики царизма. Эти основные черты сводились к

¹ См. «Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879—1910 гг.», чч. I и II, изд. Главного тюремного управления, СПб., 1911.

тому же, к чему сводилась вся внутренняя государственная политика царской власти: открывался широкий простор произволу, циркуляры несли внутрь стен тюрьмы всякие стеснения, в борьбе же с тюремным неустройством — переполнением мест заключения, эпидемиями в них и т. п. — циркуляры обычно не шли дальше предписаний, фактически не исполнявшихся, а иногда и просто не исполнимых.

С политической точки зрения интерес представляют те циркуляры, которые касались постановки в тюрьме так называемого религиозно-нравственного воздействия на арестантов, употребления против них оружия, о наказаниях, о санитарии в тюрьме, о режиме арестованных по политическим преступлениям и др.

Вопрос организации труда затрагивался в циркулярах большей частью с точки зрения постановки тех или других видов арестантских работ; причем циркуляры обходили молчанием все то, что касалось охраны этого труда.

Внимание Главного тюремного управления ко всем указанным нами вопросам было далеко не одинаковым на всем протяжении исследуемого периода. Некоторые из этих вопросов постепенно выдвигались на первое место. К их числу относится вопрос о той работе среди заключенных, которая на официальном языке называлась просветительной, а в действительности сводилась к религиозной пропаганде. Из нашего очерка о фактической постановке религиозного воздействия на заключенных (см. главу VII, § 56) видно, как царизм с 70-х годов XIX века еще более твердо, чем раньше, ставил себе задачу усиления роли православного духовенства в тюрьме. Эта роль быстро расширялась. Циркуляры о библиотеках, о чтении книг заключенными сужали в то же время возможность культурного влияния книги. Сами заключенные прекрасно понимали особенности такого подхода к их просвещению. В 1891 году Главное тюремное управление принуждено было издать циркуляр № 11, в котором отметило, что арестанты, получая книги священного писания, вырывают из них листки для курения. Для борьбы с таким употреблением священного писания было предложено вычитать с заключенных из их тюремного заработка стоимость книги. Центральная администрация тюрем придавала «религиозно-нравственным беседам» с арестантами не только воспитательное значение, но даже «целебное» в физическом отношении: предлагалось вести такие беседы с больными чахоткой в виде одного из средств борьбы с чахоткой в тюрьмах (циркуляр 8 июля 1910 г. № 28).

Под особым запретом была периодическая печать: вышедшие в свет номера газет, журналов и т. п. не могли быть выдаваемы заключенным до истечения года со времени выхода соот-

ветствующего номера. Только война с Японией пробила брешь в этом запрете. В 1905 году было разрешено ознакомление с военными новостями по телеграммам правительственных газет. Об этом разрешении вспомнили в 1908 году, когда признали «своевременным» его отменить. Этот циркуляр (16 июня 1908 г. № 52), изданный в эпоху самой разнузданной реакции, носил погромный характер. Он предписывал не допускать в тюрьму книг, вредных в государственном и в религиозном отношении, изымать у заключенных книги вредного и тенденциозного содержания, не допускать обмена между заключенными читаемых ими книг. Несмотря на этот циркуляр, через два года Главное тюремное управление новым предписанием, отметив проникновение в тюремные библиотеки книг совершенно несоответствующего содержания, предложило проверить библиотеки и изъять из них все неподходящие книги (12 июля 1910 г. № 13). Тюремное начальство, конечно, предпочло широко толковать эти расплывчатые понятия — «вредные», «неподходящие», «тенденциозные» книги.

Но, не допуская в тюрьму книг «неподходящих», «вредных» и «тенденциозных», правительство принимало меры к распространению среди заключенных такой литературы, которая была тенденциозна в желательном для него духе. В этом отношении показателен циркуляр (15 января 1913 г. № 3) об ознаменовании в тюрьмах трехсотлетия дома Романовых. Он обязывал пополнить библиотеки литературой о доме Романовых, читать проповеди о постоянных заботах царей относительно заключенных, отслужить панихиды по усопшим царям и службы о здравии царствующего императора. Можно предположить, с каким настроением воспринимали заключенные эти слова о постоянной «заботе» о них. Впрочем, было также предложено улучшить в день этого праздника питание заключенных, дать им лишнее свидание, освободить от дисциплинарных наказаний лиц, заслуживающих их. Эти льготы на один день еще резче подчеркивали тяжесть царской тюрьмы, сложившуюся за трехсотлетнее ее существование при Романовых.

В следующем 1914 году Главное тюремное управление циркуляром (29 ноября № 70) довело до сведения начальников всех тюрем империи слова Николая II, написанные им на докладе об учреждении Александро-Невского братства по борьбе с пьянством: «Да поможет господь бог Александро-Невскому братству в святом деле борьбы с пьянством». Было предложено беспрепятственно пропускать с разрешения губернатора в тюрьмы тех, кто был уполномочен вести «нравственные беседы» о вреде пьянства, и пополнять библиотеки соответствующими брошюрами

после их просмотра. Напоминаем, что торговля вином составляла монополию царского правительства, и оно не было заинтересовано в действительности вести борьбу с пьянством.

Проповеди и брошюры нисколько не помогли этой борьбе с пьянством, корни которого были глубоко заложены во всем социальном строе царской России.

У тюремной администрации, кроме тюремной библиотеки, было в руках еще другое средство воздействия на арестантов — холодное и огнестрельное оружие. Пользование этим средством допускалось в самых широких размерах, особенно в годы реакции после 1905 года. Циркуляр 1907 года (20 ноября № 31), например, приказывал стрелять в окна тюрьмы, если арестанты вступали в разговор, выбрасывали что-либо из окон, портили оконные рамы. Предписывалось употреблять оружие при буйстве, беспорядках, сопротивлении арестантов, и при этом инструкция совсем не определяла, какие именно беспорядки, сопротивления и буйства дают право пускать в ход оружие против арестантов. Стрельбу вверх или холостыми патронами инструкция запрещала.

Общее содержание этой инструкции давало тюремной администрации уверенность в том, что действие оружием будет поставлено скорее в заслугу, чем в вину. Поэтому циркуляр вызвал широкое употребление в тюрьмах оружия. То было время, когда лозунгом царского правительства в борьбе с русским народом было «патронов не жалеть». В периодическую печать того времени проникали сведения о расстрелах заключенных через окна тюрьмы. По этому поводу имели место соответствующие запросы и в Государственной думе, отклонявшиеся ее реакционным большинством. Главное тюремное управление оправдывало тюремную стражу, находя, что «в громадном большинстве случаев» расследование показывало полную правильность действий тюремной администрации.

Это укрепляло уверенность тюремной стражи в полной безнаказанности ее при расправе с арестантами.

Приведенная нами инструкция 1907 года была не первым упоминанием об использовании оружия против арестантов даже в тех случаях, когда для этого не было никаких оснований. За год до этого было приказано не допускать песен и речей при пересылке арестантов и действовать оружием, если не исполнялось требование прекратить песни или речи (1906 г. № 32). Даже за такое неповиновение арестанту грозила смерть на совершенно «законном» основании.

В тесной связи с употреблением оружия стоял вопрос о дисциплинарных наказаниях в местах лишения свободы. Мы уже отмечали, что разбросанные в разных местах статьи о дисциплинарных наказаниях Устава о содержащихся под стражею были дополнены законом 1901 года, который составил особую главу Устава. Очень знаменательно, что начальники тюрем увидели в этом законе стеснение своей власти наказывать арестантов в дисциплинарном порядке. Это стеснение заключалось в требовании Устава получать в некоторых случаях разрешение на применение наказания от губернатора или тюремного инспектора.

Начальники тюрем жаловались, что среди арестантов укореняется убеждение о их ненаказуемости и бессилии начальников мест заключения. Главное тюремное управление поспешило успокоить местную тюремную администрацию и пояснить, что циркуляр не умалил, а увеличил объем применения дисциплинарных наказаний. Так, например, приговоренные к арестантским отделениям, но содержащиеся в тюрьме, могут быть наказаны розгами, что раньше не допускалось, увеличен был срок наказания карцером. Что же касается разрешений губернатора или тюремного инспектора, необходимых для применения некоторых наказаний, то циркуляр (6 декабря 1901 г. № 14) допускал возможность получения его и по телефону. Но важным были не только эти пояснения нового циркуляра, а общий дух его, не оставляющий сомнения в том, что центральная тюремная администрация ни в какой степени не посягала на власть начальника тюрьмы.

Характерно отношение Главного тюремного управления к телесным наказаниям заключенных. Несмотря на существование треххвостной плети и розог, циркуляры Главного тюремного управления обходили этот вопрос молчанием. В предметном указателе к двум томам сборника циркуляров за 1879—1910 гг. слова «розги», «плеть», «телесные наказания» даже не упомянуты.

Из других мер воздействия на арестантов следует отметить введенные под предлогом предупреждения побегов кандалы особой формы под скромным названием «предупредительных связей». Эти «связки» представляли собой особые кольца двух типов для скрепления обеих рук и правой руки с левой ногой (7 апреля 1907 г. № 7). Это изобретение XX века вызвало негодование широкого общественного мнения. Вообще же тюремное ведомство не расставалось с кандалами до последнего дня существования царизма. Ручные и ножные кандалы гремели на каторжанах. Мне пришлось видеть интересную фотографию целой горы этих кандалов, заснятой после свержения царизма во дворе

сибирской тюрьмы. Только в 1881 году (15 сентября № 137) были отменены длинные цепи для прикрепления к ним по 6 арестантов при отправке их пешком из одного места заключения в другое.

Чтобы покончить с циркулярами, относившимися к вопросам о наказаниях в тюрьме, отметим еще два циркуляра. Один из них — 1882 года (№ 9) — относился к вопросу о смертной казни. После отмены ее публичного исполнения было предложено губернаторам самим выбирать тюрьму для исполнения смертной казни, кроме арестных домов и тюрем с подследственными.

Другой циркуляр — 1883 года (31 января № 6) — предписывал прочесть в тюрьмах заключенным сообщение об исполнении казни над тремя арестантами за преступление против тюремной стражи.

Циркуляры, устанавливавшие режим в местах заключения перед революцией 1905 года и после этой революции, в годы реакции, различались по своему содержанию. Из циркуляров, изданных перед революцией, видно, что царизм проявлял колебание в тактике борьбы с политическими заключенными; главное тюремное управление еще не говорило в них языком угрозы и беспощадной расправы, которым оно заговорило в годы реакции. Так, например, циркуляр 1902 года (№ 9) даже отмечал, что чины местного тюремного управления должны входить в нужды арестантов и тем самым обрести их доверие. Наряду с этим рисовалась расшатанность «тюремных устоев» в виде хождения арестантов по корпусам, превращение надзирателей в прислугу заключенных, оставление у заключенных на руках денег, устройство в камерах занавесок, загородок и многое другое. Впрочем, и этот циркуляр рекомендовал прибегать к содействию войск и усилить надзор за политическими арестантами. Но тогда тюремное управление еще не решалось требовать стрелять в заключенных за разговор через окна тюрьмы. Рост числа политических заключенных вызвал в этом циркуляре требование усилить надзор за ними. Царские сатрапы после первой революции еще более ухудшили условия содержания политических заключенных в местах лишения свободы. Практика показала, что политические узники были поставлены в условия более тяжелые, чем уголовные арестанты.

Было издано несколько циркуляров о содержании политических заключенных. Одним из более ранних является циркуляр, изданный 13 июля 1880 г. (№ 240): «Временные правила о содержании и пересылке политически неблагонадежных, предназначенных к ссылке». Эти правила касались главным образом

пересылки арестованных в административном порядке по политическим делам. Согласно «повелению» Александра II 28 июля 1879 г. эти правила разрешали на таких пересыльных, не исключая лиц привилегированного сословия, надевать во время пути наручники в случае обнаружения намерения к побегу или неповиновения. Эти же правила «милостиво» разрешали вопрос и о весе того багажа, который мог брать с собой политический ссыльный — 5 пудов. Но уже в 1889 году вес багажа был уменьшен до тридцати фунтов, а для осужденных в каторжные работы — только до пяти фунтов.

Более подробно условия содержания политических заключенных были определены 29 февраля 1886 г. «Правилами содержания политических арестантов в губернских и уездных замках и пересыльных тюрьмах». Эти правила отделяли политических от уголовных, подследственных и административных от осужденных. К ним чины корпуса жандармов могли входить во всякое время дня и ночи. Предписывалось содержать обвиняемых в государственных преступлениях в одиночных камерах. Эти правила внесли ограничения и в чтение книг политическими арестованными: допускались книги «лишь серьезного и научного содержания», а для приговоренных к каторжным работам правила усиливали дальнейшие ограничения, допуская к таким осужденным лишь книги «духовно-нравственного содержания». Чтение газет и журналов запрещалось. Правила подтверждали, что приговоренные к каторжным работам за государственные преступления содержатся на общих основаниях и подлежат заковыванию в кандалы и бритью половины головы.

Рост революционного движения в 900-е годы привел к появлению политических заключенных в разных тюрьмах империи и выдвинул вопрос о порядке содержания этих заключенных. Ответом на этот вопрос и явились утвержденные 16 апреля 1904 г. министром юстиции «Правила о содержании в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов».

Приближавшийся революционный 1905 год оказал свое влияние на содержание этих «Правил» и на размер власти тюремной администрации в установлении режима для таких заключенных.

С одной стороны, правительство хотело, чтобы его политические враги были поставлены в условия такой дисциплины, которая обеспечила бы всю строгость тюремного режима, а с другой стороны, этому мешало общественное настроение. Этим объясняется наличие некоторых отступлений от намеченного сурового режима.

Полсотни статей, из которых состоят «Правила», характеризуются стремлением поставить политических заключенных в такие же условия, в которых находились уголовные арестанты. Статья 49 этих «Правил» требовала содержания осужденных за государственные преступления по общим правилам. Таким образом, подчеркивалось равенство в положении политического борца и уголовного преступника в тюрьме.

Такое же равенство проводилось в положении следственных и административных заключенных по делам о государственных преступлениях. Однако в виде уступки общественным настроениям политическим заключенным предоставлялась возможность заниматься умственным и физическим трудом. Такое подчеркивание было излишне, так как и уголовные подсудимые не были лишены этого права. В интересах успехов сыска и следствия по политическим делам «Правила» требовали заключения арестованных по политическим делам в одиночные камеры. В случае недостатка тюремных надзирателей для надзора за политическими заключенными была предусмотрена замена их жандармами.

Политическим заключенным из непривилегированных сословий запрещалось питаться за свой счет (ст. 20).

Запрещение применять труд подсудимых и административных политических заключенных в хозяйственных работах должно быть объяснено опасением влияния их на других заключенных.

Статья 25 допускала курение табака только с разрешения губернатора. После этого не приходится удивляться, что журналы и газеты допускались к политическим не ранее года после их выхода. Строго запрещались политическим заключенным выбор старост, устройство общей кассы и т. п.

Революционный 1905 год фактически упразднил эти правила. Но Главное тюремное управление циркуляром 24 июля 1907 г. (№ 17) подтвердило обязательность их исполнения.

Между прочим эти правила предусматривали и случаи, когда содержащиеся в тюрьме по обвинению в политических преступлениях были осуждены за обычные убийства или грабежи. Означенный циркуляр не позволял передачи им пищи в приготовленном виде и продуктов, кроме чая и сахара, на них не распространялось разрешение политическим иметь особую пищу.

Дальнейшим шагом по вопросу о питании политических заключенных был циркуляр, изданный в мае 1908 года; он разъяснял, что «голодовка — дело доброй воли арестанта» и адми-

Рис. 1. Бритье голов и заковка в кандалы в Московской Бутырской тюрьме.

Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве.

Рис. 2. Каторжник, прикованный к тачке.
Фотография хранится в Музее революции СССР
в Москве.

нистрация не несет ответственности за последствия голодовки, хотя бы и окончившейся смертью¹.

Этим распоряжением местная тюремная администрация уполномочивалась не обращать внимания на решение заключенных прибегать в борьбе за свои права к такому средству, как голодовка. Оно всегда являлось одной из самых крайних мер, которыми пользовались узники, чтобы добиться желательных результатов. Указанный циркуляр не достиг цели. История царской тюрьмы знает, какое распространение получили голодовки среди политических заключенных особенно в XX веке.

Правительство, поставив своей задачей уравнивать положение политического заключенного с положением уголовного арестанта, не имело надобности издавать какие-либо циркуляры об условиях содержания обвиняемых в государственных преступлениях или осужденных за такие деяния. Здесь должны были действовать общие правила. Это не мешало правительству направлять своих политических врагов в общие тюрьмы, где был более суровый режим и где этот режим фактически сильнее всего отражался на положении политических. Кроме того, надо помнить, что до свержения царизма существовала политическая тюрьма Петропавловской крепости, а до 1906 года — Шлиссельбургская крепость. Мы ознакомимся с ними далее в соответствующих разделах нашего труда, так же как и с другими особыми тюрьмами, которые существовали в последней четверти XIX века для политических заключенных.

Кроме рассмотренных нами циркуляров о так называемой «культурно-просветительной работе», о дисциплинарных наказаниях и о режиме для политических заключенных, следует еще отметить распоряжения, касающиеся гигиены и санитарии в тюрьмах.

Санитарная часть в местах лишения свободы находилась за все время существования царизма в неудовлетворительном состоянии, которое было связано с переполнением тюрем, плохим их устройством, ненормальным и недостаточным питанием, с отсутствием сколько-нибудь правильной организации медицинской помощи. При таких общих условиях циркуляры Главного тюремного управления могли очень мало содействовать улучшению санитарной части в тюрьмах. Вероятно, этим и объясняется небольшое количество таких циркуляров.

Центральное управление местами лишения свободы сводило свои заботы о поддержании здоровья заключенных к распоряжениям, в значение и возможность осуществления которых

¹ См. «Тюремный вестник» 1908 г., стр. 403.

само мало верило. Примером таких распоряжений явился циркуляр от 2 мая 1880 г.¹ Он обращал внимание губернаторов на практику пересылки из тюрьмы в тюрьму тяжело больных арестантов, которые вследствие этого умирают, и на неотделение заразных больных от здоровых в местах лишения свободы. Казалось бы, что недопустимость такой практики очевидна и не требует циркулярного запрещения. Да и после издания циркуляра положение не изменилось сколько-нибудь значительно, так как при тюрьмах не было ни больниц, ни камер для заразных больных.

Циркуляры Главного тюремного управления, таким образом, были лишены практического значения, а потому и не представляют никакого интереса. Они были своего рода «отпиской» перед общественным мнением. Это особенно ясно видно, например, из циркуляра, изданного 20 апреля 1906 г. В указанном циркуляре отмечалось распространение заболеваний в тюрьмах ввиду переполнения и антигигиенического состояния их, а тюремные начальники и врачи призывались к заботливому и сердечному отношению к арестантам. Вместе с тем предлагалось «приложить все усилия, насколько возможно, к поддержанию надлежащих санитарных и гигиенических условий в местах заключения»².

Лишь революционный 1905 год заставил руководителей тюремного ведомства произносить эти необычные для них слова о сердечном отношении к арестантам. Впрочем, характерна оговорка поддерживать надлежащие санитарные условия в тюрьме лишь насколько это возможно. Сами руководители ведомства не особенно верили в эту возможность.

Когда Главное тюремное управление издавало свои циркуляры по санитарной части, язык утрачивал обычную твердость и решительность и становился слабым и мягким. Вместо энергичных предписаний мы встречаем лишь советы и пожелания. Об этом свидетельствует, например, циркуляр о борьбе с туберкулезом в тюрьмах (8 июля 1910 г.). Он указывал на увеличение за последние два года заболевания чахоткой. В циркуляре выражалось пожелание не отправлять больных заключенных на этапы в холодную погоду при температуре 18 градусов ниже нуля. Рекомендовалось ввиду крайне неудовлетворительного состоя-

¹ См. «Сборник циркуляров, изданных по Главному тюремному управлению в 1879—1910 гг.», ч. I, 1879—1895 гг., изд. Главного тюремного управления, СПб., 1911.

² «Сборник циркуляров, изданных по Главному управлению в 1879—1910 гг.», ч. II, 1896—1910 гг., изд. Главного тюремного управления, СПб., 1911.

ния карцеров помещать в них больных с крайней осторожностью и с разрешения врача. Предлагалось выделять больных в особые камеры, смотря по стадии развития чахотки, устраивать вентиляцию, ставить плевательницы, назначать на работы, не сопряженные с выделением пыли и в соответствии с силами больного. Лишь в отношении наиболее слабых было рекомендовано испрашивать разрешения на снятие с них кандалов на определенное время или до их выздоровления.

Эти пожелания остались лишь на бумаге. Больные работали в пыли, карцеры укорачивали их жизнь, они умирали в кандалах. Тюрьма становилась и для здоровых очагом заболевания чахоткой. Об этом мы узнаем из описания состояния тюрем.

Кроме туберкулеза, бичом тюрьмы был также тиф в разных его формах. Борьба с ним напоминала в основных чертах борьбу с чахоткой: она сводилась к советам санитарного характера, но при переполнении мест лишения свободы эти советы не имели никакого практического значения.

Так, например, циркуляр 26 февраля 1910 г., отмечавший, что тифозная эпидемия не прекращается более двух лет, рекомендовал дезинфекцию, вентиляцию, врачебные осмотры и уничтожение насекомых. Между тем тюрьмы были битком набиты заключенными, и никакие требования гигиены не могли быть соблюдены в должной мере.

Такой же характер носил один из последних циркуляров о распространении в тюрьмах цинги. Что эта болезнь была всегда одной из самых распространенных в местах лишения свободы — общеизвестно. Главное тюремное управление циркуляром 4 июня 1916 г. признало впервые за все время существования царской тюрьмы недостаточность питания заключенных¹. Оно оправдывалось затруднениями в доставке продовольствия арестантам, вызванными войной, и рекомендовало разнообразить пищу, давать больше овощей и выпускать заключенных на свежий воздух. Конечно, было легче дать арестанту свежий воздух, нежели разнообразную пищу, но одного воздуха было мало для уничтожения цинги.

Мы не останавливаемся на циркулярах об организации труда в тюрьмах. Мы уже знаем, что арестантский труд был введен лишь законом 6 января 1886 г. Циркулярное распоряжение об организации арестантских работ касалось большей частью лишь технических вопросов. Даже организация в 1902 году отдела по руководству арестантскими работами не привела к изданию каких-либо принципиально важных руководящих положений.

¹ См. «Тюремный вестник» 1916 г. № 6—7, стр. 574.

Первая мировая война 1914—1917 гг. вызвала издание циркуляров с предложением организации работ на нужды военного времени; таковы циркуляры 18 апреля 1916 г. № 34, 28 мая 1916 г. № 40 и др.¹, но они не имели принципиального значения.

В заключение нашего рассмотрения циркуляров мы особо остановимся на секретных циркулярах Главного тюремного управления. Конечно, они не печатались ни в Сборнике циркуляров, ни в «Тюремном вестнике», поэтому возможность ознакомления с ними представилась лишь при изучении архивных дел.

Содержание секретных циркуляров было разнообразно, но следует признать, что Главное тюремное управление было очень осторожно при составлении этих циркуляров. Оно избегало даже в период наибольшего развития реакции давать письменные доказательства установления им в тюрьмах режима полного беззакония и безграничного произвола. Очевидно, у него имелись другие средства, кроме циркуляров, для установления такого режима. В частности, такими средствами были награждения тюремных работников, отличившихся своей жестокостью.

Секретные циркуляры касались в отдельных случаях общей внутренней политики царизма. Например, циркуляр 18 февраля 1906 г. № 3 напоминал чинам тюремной администрации о сохранении верности присяге и о неразглашении сведений, которые они узнавали по службе.

Тюремное ведомство находилось в ожидании протестов политических заключенных по случаю издания 11 ноября 1904 г. Правил о порядке содержания в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов. 11 января 1905 г. Главное тюремное управление издало секретный циркуляр № 1. В названном секретном циркуляре оно предлагало тюремной администрации отступать от этих Правил в соответствии с местными условиями. Напомним, что в 1905 году Главному тюремному управлению приходилось считаться с возможностью волнений политических заключенных².

В более позднее время (1912 г.), когда после разгула реакции усилилась борьба заключенных против тюремного режима, секретный циркуляр (5 декабря № 44)³ указывал на участившиеся случаи отобрания заключенными револьверов у тюрем-

¹ ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, дело № 2396-а, Сборник циркуляров за 1916 год.

² ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, дело № 2391-а, Сборник циркуляров за 1905 год.

³ ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, Сборник циркуляров за 1912 год.

ной стражи. Поэтому было предложено носить револьверы спереди, у пряжки пояса, и не снабжать револьверами надзирателей, находившихся вместе с арестантами.

За два месяца до свержения царизма Главное тюремное управление в секретном циркуляре (4 января 1917 г. № 4) обращало внимание на усиление в тюрьме антимилитаристской пропаганды. Это приписывалось баптистам, которые, по словам циркуляра, распространяли вредную литературу под видом книг священного писания. Было предложено принять строгие меры против этого.

Наряду с вопросами политического характера секретные циркуляры касались даже таких вопросов быта, как курение. В тот самый 1905 год, когда заключенные фактически устранили в отдельных тюрьмах некоторые стеснения, Главное тюремное управление (24 августа 1905 г. № 13) предложило разрешать курение арестантам хорошего поведения.

Приведенные нами в виде примера секретные циркуляры Главного тюремного управления подтверждают правильность высказанного нами выше предположения, что Главное тюремное управление предпочитало не раскрывать в этих циркулярах установленного им режима произвола. Характерно, что нам не попалось секретных циркуляров о процветавших наказаниях розгами. Широкое их распространение заставляет предполагать, что здесь в той или другой форме было воздействие сверху.

Давая общую оценку циркулярным распоряжениям Главного тюремного управления, следует отметить, что они не поколебали основ Устава о содержащихся под стражею издания 1832 года и по-прежнему шли по пути развития произвола тюремной администрации, проводя политику защиты интересов царизма и буржуазии. Эту политику проводила и общая тюремная инструкция 1915 года, заслуживающая нашего особого рассмотрения.

§ 5. ОБЩАЯ ТЮРЕМНАЯ ИНСТРУКЦИЯ 28 ДЕКАБРЯ 1915 ГОДА

Общая тюремная инструкция явилась, можно сказать, последним словом царизма в области тюремного законодательства. Она была утверждена 28 декабря 1915 г. министром юстиции Хвостовым, стяжавшим себе славу полным пренебрежением к юстиции.

Утверждению инструкции в 1915 году предшествовало ее применение на практике в виде опыта с 1 марта 1912 г.

В инструкции одновременно имеются и очень громкие призывы к гуманности, и полное поправление всякой человечности.

Впрочем, в некоторых случаях, когда инструкция призывала чинов тюремной администрации не нарушать правил человеколюбия, она спешила предупредить, чтобы они отнюдь не допускали «бездействия и нерадения» в деле поддержания тюремной дисциплины. Именно так была формулирована ст. 4, требовавшая от чинов тюремной администрации «верности присяге его императорскому величеству, не страшиться опасностей, не допускать корыстных или личных побуждений, нарушения правил чести и человеколюбия, отнюдь не проявлять бездействия и нерадения, не превышать предоставленной власти».

Итак, на первом месте стояли требования быть верным присяге и не страшиться опасности. На практике это означало проявить смелость над безоружными людьми, закованными в кандалы, стрелять в них, например, даже при их подходе к окну. На последнем месте в цитированной нами статье стояло требование не «превышать пределов власти». Для правительства бездействие власти было опаснее, чем превышение власти.

Упоминание о человеколюбивом отношении к заключенным звучало лицемерно в условиях существования царской тюрьмы, где были сохранены наказания розгами и темным карцером.

Неизвестно, как инструкция примиряла требования человеколюбия с розгами, но она рекомендовала при разрешении вопроса о телесном наказании принимать во внимание «степень виновности, умственного развития и нравственной чувствительности» арестанта. Но нравственной чувствительности больше всего недоставало самому законодателю: розги просуществовали до последнего дня царизма.

Эта инструкция, выработанная на практике самого разнузданного поправления человеческого достоинства и ничем не ограниченного произвола тюремной стражи, говорила о человеколюбии несколько раз. Так, например, ст. 87 предписывала: «С арестантами чины тюремной стражи обходятся человеколюбиво, спокойно и справедливо, строго требуя от них соблюдения установленного порядка, употребление бранных слов ни при каких условиях недопустимо». Эти слова о спокойном и справедливом отношении к заключенным, о запрещении тюремной администрации употреблять «бранные слова» были насмешкой над тюремной действительностью.

В тюрьме, как мы увидим из описания состояния мест заключения в царской России XX века, не приходилось искать «спокойствия». Тюремная администрация, начиная от стражи и кончая начальниками тюрем, часто не употребляла других слов,

кроме бранных. Какой бы то ни было «законный порядок» не мог быть установлен в местах заключения в силу самого государственного строя и общего режима в стране. Он в корне пересекся произволом тюремной администрации. Это подтверждает текст самой инструкции. Так, например, ст. 133 дала, казалось бы, исчерпывающий перечень документов, необходимых для принятия заключенных в места лишения свободы. Но следующая статья разрешала прием заключенных и без этих документов при условии истребования их по истечении суток и сообщения об этом товарищу прокурора. Однако инструкция не предусматривала возможности отказа принять заключенного без надлежащих документов.

В полном соответствии с ролью православной церкви в царской России инструкция отводила в тюрьмах большую роль православному духовенству. Тюремный священник являлся членом тюремного совещания при начальнике тюрьмы по вопросам внутреннего распорядка. Духовные же лица других вероисповеданий могли быть приглашаемы на такие совещания, если на последних касались вопросов религии единоверцев этих духовников. Православный священник был вместе с тем преподавателем закона божьего в тюремной школе. Он вместе с учителем должен был руководить тюремной библиотекой. Ему одному было предоставлено право проповедей. В заботе об укреплении православия инструкция предписывала общие молитвы заключенных утром, вечером, перед обедом и ужином. Из воспоминаний заключенных мы узнаем, что требования этой обрядности и посещения церкви приводили к новым стеснениям арестантов и таким нелепостям, как принуждение иноверцев посещать церковь.

Специальная глава инструкции (VII) говорит о духовно-нравственном и просветительном воздействии на арестантов. Само собой разумеется, что было обращено большое внимание на недопущение в тюрьму ничего, что казалось правительству политически подозрительным. Поэтому инструкция оставила в силе известное нам предписание выдавать периодические издания заключенным лишь по истечении одного года после их выхода в свет. Статья 246 инструкции запрещала в устраиваемых для арестантов чтениях и беседах «касаться событий текущей политической и общественной жизни». Не надо забывать, что это запрещение касалось вопросов политической и общественной жизни делалось в стране, где в то время уже был так называемый «конституционный» строй. Книжки, хотя бы и прошедшие через цензуру, могли поступать в тюремную библиотеку лишь с разрешения тюремного инспектора.

Культурно-просветительная самодеятельность заключенных не допускалась, и ст. 246 разрешала лишь духовные песнопения, всякое же другое пение подходило под ст. 171, которая запрещала его наряду с недопущением «игр, криков, ссор и брани».

Статья 173 инструкции провозглашала: «арестантам ни в коем случае и ни для каких целей не разрешается иметь своих старост и уполномоченных». Тюремная администрация предпочитала иметь дело с каждым заключенным в отдельности. Всякая организованность заключенных представлялась тюремному режиму опасной для спокойствия тюрьмы и тюремного начальства. Нелепость запрета существования старост и какого бы то ни было представительства от арестантов была очевидна; тюремное население даже в одиночной тюрьме, а тем более в общей, было коллективом с одинаковыми нуждами и запросами. Но подача, например, общих заявлений и жалоб не допускалась. Инструкция предоставляла право такой жалобы лишь каждому в отдельности. Для этого заключенные снабжались особыми номерами, которые они могли опускать в кружки или ящики и ждать своего вызова в контору. Им приходилось ждать очень долго, и практика показала, что от таких жалоб арестантам не приходилось ждать для себя ничего хорошего.

Инструкция обходила молчанием такие важные вопросы, как охрану здоровья заключенных при их труде, и в то же время изобиловала целым рядом мелких предписаний вроде требования умываться и причесываться утром, мыть руки перед обедом, раздеваться на ночь, ставить обувь на полу, в ногах, у койки и пр. (ст. ст. 158, 159, 165).

Тот старый дух, который характеризовал все тюремное законодательство царской России, особенно выявился в постановлениях о дисциплинарных наказаниях в местах лишения свободы. Не была ограничена область применения телесных наказаний. Ни в коем случае нельзя считать рекомендацию инструкции принимать во внимание при наказании розгами степень нравственной чувствительности заключенного попыткой ограничить их применение. Показательно и зловеще звучит распространение порки даже на содержащихся в больницах.

Хотя закон 23 мая 1901 г. отменил наложение оков в виде дисциплинарного наказания, инструкция знает применение их на практике под предлогом общественной безопасности. Инспектор Главного тюремного управления Лучинский вполне оправдывал это соображением целесообразности. Он предлагал «удовлетвориться сознанием, что действующая система так или иначе

отвечает требованиям текущей жизни»¹. Такие взгляды руководителей ведомства должны были подбадривающе действовать на чинов тюремной администрации при дисциплинарной расправе с арестантами.

Настоящим пропагандистом наказания темным карцером был этот же Лучинский, который укреплял эту дисциплинарную меру на практике. Он с жаром провозглашал: «Тьма делает человека более чувствительным к свету; невольная бездеятельность возбуждает в нем жажду жизни, движения, работы; тишина заставляя его глубоко вдуматься в свое «я», в окружающие его условия, в свое прошлое и настоящее и подумать о будущем...»². Автор убеждал читателей правительственного органа «Тюремный вестник», что темный карцер даст наказанному новые силы «нести свой крест». Надо удивляться наглости этой жестокой проповеди под флагом возрождения человека к новой жизни в тех карцерах, где заключенные заболевали туберкулезом, ревматизмом и преждевременно умирали³. Об этом мы узнаем из последующего описания состояния тюрем.

Тюремная инструкция 1915 года с ее разделом о дисциплинарных наказаниях очень недалеко ушла от инструкции 1831 года, о которой мы писали во втором томе нашей работы. Но новая инструкция пошла еще дальше в установлении такого тюремного режима, который сближал тюрьму с военной казармой эпохи царизма. Отсюда вытекало требование обучать заключенных военному строю (ст. 166) и превращение прогулки в военную маршировку; заключенные должны были ходить ровным шагом на расстоянии 10 или 5 шагов друг от друга, смотря по тому, содержались ли они в общих или одиночных камерах.

Общая тюремная инструкция уделяла много места таким мелочам распорядка в тюрьмах, которые совсем не заслуживали внимания, и в то же время обходила молчанием вопросы большой принципиальной важности. В виде примера можно указать на главу о тюремной гигиене. Вместо установления правил

¹ «Тюремный вестник» 1913 г. № 9—10, стр. 1203. Цитировано по статье А. Макашова «Новая общая тюремная инструкция», помещенной в «Юридическом вестнике», 1916, кн. XV (III).

² Там же.

³ Цитированный нами Лучинский издал для руководства тюремной стражи «Памятку тюремного надзирателя» (изд. 2-е, 1915 г.). Он составил ее применительно к общей тюремной инструкции, сопроводив ссылками на циркуляры и разъяснения Главного тюремного управления. Эта книжка в 127 страниц должна была воспитывать тюремную стражу в том направлении, в каком была составлена общая тюремная инструкция 9 декабря 1915 г. Официозный автор «Памятки» видел в инструкции 1915 года лишь одни достоинства.

о кубатуре воздуха в помещениях, занятых арестантами, о смене белья и т. п. инструкция предписывает, сколько раз мыть полы, не лить на них чрезмерно воду, сухо их протирать, сколько раз стирать пыль и пр. Очень важным постановлением в этой главе было требование о том, чтобы температура в карцерах была 13—15°. В действительности же, как мы увидим из нашего знакомства с фактическим состоянием тюрем, температура в карцерах спускалась ниже нуля. Это было известно Главному тюремному управлению, и его забота о надлежащем содержании карцеров не шла дальше приведенной статьи инструкции.

Такой важный вопрос, как вопрос о питании в тюрьме, разрешался на бумаге выдачей заключенным горячей пищи два раза в сутки с тем, чтобы их пища не отличалась в значительной степени от пищи местного простонародья. Эти слова в «значительной степени» открывали для тюремной администрации возможность ограничивать пищу заключенных тем более, что «местное простонародие» питалось неодинаково. Питание заключенных не ставилось в зависимость от тяжести труда.

Труд в тюрьме являлся обязательным лишь для определенных групп тюремного населения, а именно — для осужденных на каторжные работы, в исправительно-арестантское отделение, а из приговоренных в тюрьму — для осужденных за кражу, присвоение или растрату (ст. 217). Работы разделялись на доходные, хозяйственные и внешние, но на последние не допускались заключенные по обвинению в государственном преступлении, и это отягчало положение последних в тюрьме.

Общая тюремная инструкция не внесла в дело управления тюрьмой ничего нового. Узаконялась прежняя практика попрания человеческого достоинства и личности заключенного. И это последнее слово царизма в деле тюремного управления явилось лишь эхом предшествующего тюремного законодательства.

§ 6. УСТАВ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Реформы 60-х годов ни в какой степени не отразились на широком объеме применения лишения свободы без суда органами полиции и жандармерии. С точки зрения характеристики внесудебной расправы представляет большой интерес ознакомление с так называемым Уставом о предупреждении и пресечении преступлений, переизданием которого последовало в 1876 году.

Рассмотрение отдельных глав и статей Устава о предупреждении и пресечении преступлений показывает нам направление

внутренней политики самодержавия. Здесь правительство до мельчайших подробностей регламентирует жизнь и поведение подданных Российской империи. Этот Устав раскрывал широкое поле полицейскому произволу и суживал до крайних пределов свободу действия каждого отдельного человека. Многие из статей были очень давнего происхождения, но они продолжали оставаться в Уставе потому, что были тесно связаны со всем политическим укладом России того времени. Если лишение свободы в виде предупредительного полицейского ареста в открытой форме только упоминается этим Уставом, то в действительности оно было возможно по громадному большинству его статей.

Для наших дней многие статьи Устава кажутся смешными, нелепыми и прямо дикими. Не будем забывать, однако, что не до смеха было тем, кто становился жертвой применения к нему Устава о предупреждении и пресечении преступлений.

Приведенное нами название Устава как будто подчеркивало его цель предупредить и пресечь преступления. Но напрасно мы стали бы искать в очень многих статьях Устава хотя бы самого слабого намека на готовящиеся преступления, которые надо предупредить, или на начавшиеся уже преступные деяния, которые надо пресечь.

Первый раздел Устава носит название «О предупреждении и пресечении преступлений против веры». На первое место были выдвинуты в Уставе статьи в защиту православия. По количеству статей (ст. ст. 1—109) этот раздел занимает одну треть всего Устава. В его пяти главах даны бесчисленные предписания и запреты. Об их характере можно судить по нескольким примерам, которые мы приведем.

Статья 1 Устава требовала «входить в храм божий с благоговением, без усилия». Эти слова «без усилия» выдают с головой составителей закона об ограждении интересов православной церкви, несмотря на их стремление прикрыть то насилие, которое всегда применялось в делах веры господствовавшим вероисповеданием.

Различные статьи Устава предписывали: как входить в церковь, как держать себя там, когда прикладываться «к чудотворным местам и иконам», когда и сколько раз исповедоваться и причащаться, с какого возраста приводить детей на исповедь и пр. и пр. Некоторые подробности православного религиозного культа привлекали к себе особое внимание законодателя. К числу их, например, относятся указания, как следует проводить праздничные дни. В качестве образца приведем полностью содержание ст. 25 (23 по изданию 1890 года) Устава: «Воскресные дни

и торжественные и гражданские: а) посвящаются отдохновению от трудов и вместе с тем набожному благоговению, б) посему в дни сии, воздерживаясь от беспутной жизни, более нежели в другие, надлежит праздновать с благоговением и чистотою сочетать, в) и ходить в церковь к слушанию службы божией, а особливо к литургии». В полном противоречии с этими благими советами — воздерживаться в праздничные дни от беспутной жизни — находились все бытовые и социальные условия существования широких народных масс. Полное отсутствие культурных развлечений, усталость от тяжелой трудовой жизни, широко распахнутые двери кабаков, пивных и т. п. превращали праздничные дни в дни уродливого беспробудного пьянства. Правительство же не шло дальше советов ходить в церковь божию, а «особливо к литургии».

Целая глава (III) первого раздела давала ряд предписаний и запретов в целях предупреждения отступлений от православия. Неудивительно внимание законодателя к этому вопросу, с которым он тесно связывал свою внутреннюю политику. Те статьи этой главы, которые относились к обращенным в православие иноверцам, были для последних особенно тягостными, подвергая их опасности оказаться в местах лишения свободы. Администрации и православному духовенству были даны широкие полномочия по наблюдению за «новообращенными». Такой же характер носили статьи о предупреждении ереси и раскола. Эти статьи ставили последователей раскола в абсолютно бесправное положение.

Второй раздел Устава был посвящен предупреждению и пресечению преступлений против общественного порядка и учреждений правительства. Он носил чисто политический характер. Здесь были проведены ограничения права собраний, свободы печати, свободы союзов и пр. Рассматриваемый Устав был тесно связан по этим разделам с Уложением о наказаниях и с суровой репрессией последнего.

В непосредственном соседстве с разделом о предупреждении преступлений против общественного порядка и учреждений правительства оказался раздел, в который попали статьи о нищенстве, мотовстве, о роскоши, о пьянстве, о развратной жизни и многие другие. Формулировка некоторых из этих статей очень решительна. Так, например, ст. 185 провозглашала: «Запрещается всем и каждому пьянство». Статья 191 объявляла: «Строго запрещается нищенствовать или бродить в городах, селениях, на ярмарках, больших торговых дорогах для испрашивания подаяния». Неизвестно, для какой цели устанавливались эти запреты при повсеместном распространении пьянства и при массовом распространении нищенства. Оба эти явления были так

привычны для русского глаза, что на них не обращалось никакого внимания и меньше всего внимания обращала сама полиция. При желании она могла бы заполнить пьяными и нищими все места лишения свободы в империи.

Чисто классовый подход проявил законодатель, когда говорил о порочном поведении. В особых подразделах (IV глава III раздела) он говорил о предупреждении и пресечении порочного поведения крестьян, мещан, иноверцев, лиц, лишенных духовного звания, уволенных за развратное поведение чиновников и др. Меры предупреждения доходили здесь до высылки и ссылки.

Два последних раздела Устава говорили о предупреждении и пресечении преступлений против личной безопасности и против имущества. На практике эти два раздела имели наибольшее применение и давали полиции большой простор для действий, в частности в отношении задержанных.

Устав о предупреждении и пресечении преступлений наполняет своим содержанием инструкцию или «памятку» для полиции. Лишение свободы в нем как мера пресечения редко упоминалось, в действительности оно могло быть применено и применялось в огромном большинстве случаев.

Переизданный в 1890 году Устав о предупреждении и пресечении преступлений сохранил в полной неприкосновенности все основные положения, которые имели место в издании 1876 года. Но еще в 1881 году он был пополнен изданием в качестве приложения к нему «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия», а в 1882 году — «Положения о полицейском надзоре». Оба эти узаконения были предназначены для борьбы с революционным движением и предоставляли администрации чрезвычайные полномочия по применению лишения свободы. В местностях, объявленных на положении усиленной или чрезвычайной охраны, руководителям местной администрации были предоставлены особые права: они могли за нарушение изданных ими обязательных постановлений назначать лишение свободы вплоть до заключения в тюрьму или крепость на срок до трех месяцев. Но лишение свободы применялось фактически на сроки даже значительно более года в качестве предварительной меры.

Только в период революции 1905 года последовала отмена некоторых статей Устава о предупреждении и пресечении преступлений. Так, законом 17 апреля 1905 г. была отменена значительная часть статей о вероисповедании, а по законам 1904 — 1906 гг. отменены некоторые статьи раздела «О незаконных и тайных обществах». Были отменены статьи о предупреждении

развратного поведения мещан, придворнослужителей, неслужащих чиновников. Но право ссылки без суда сельских обывателей было оставлено за сельскими обществами. Издание Устава 1890 года продолжало содержать прежний запрет: «Запрещается всем и каждому пьянство» (ст. 153), но в 1900 году этот «запрет» был снят, и новая редакция статьи лишь уполномочивала полицию арестовывать впредь до вытрезвления.

Частичные изменения рассматриваемого Устава почти не коснулись двух последних его разделов о предупреждении преступлений против личности и против собственности. До последнего дня царизма Устав предписывал: «всем и каждому вменяется в обязанность жить в незазорной любви, в мире и согласии, друг другу по достоинству воздавать почтение, послушным быть, кому надлежит по установленному порядку, и стараться предупреждать недоразумения, ссоры, споры и прения, кои могут довести до огорчения и обид» (ст. 225).

Так определял закон условия современной жизни подданных Российской империи, где государственный строй весь был основан на поправии человеческого достоинства, на эксплуатации, на бесправии. Полиция получала право «предупреждать и пресекать» все то, что она находила угрожающим этим условиям. Положение об усиленной охране и о чрезвычайной охране развязывало руки полиции и жандармам, и они становились полными хозяевами над личной свободой человека. Предписания о запрете драк и брани звучали настоящей насмешкой там, где в полицейских участках и в жандармских управлениях избияния заключенных были самым обычным и распространенным явлением.

Статьи раздела о предупреждении преступлений против собственности содержали предписания о предупреждении воровства, ростовщичества, азартных игр и т. п., но все это, ни в какой мере не предупреждая и не пресекая имущественных преступлений, давало агентам полиции новые возможности для произвола, насилия и взяточничества. В конечном итоге Устав о предупреждении и пресечении преступлений раскрывал широкие возможности для совершения преступлений агентами низшей и высшей администрации. В числе этих преступлений не последнее место занимали незаконные аресты. С этой точки зрения Устав о предупреждении и пресечении преступлений увеличил роль внесудебного лишения свободы¹.

¹ См. «Свод законов Российской империи, т. XIV, изд. 1890, 1906, 1908, 1909 и 1910 гг. и следующих годов.

См. неофициальное издание И. Д. Мордухай-Болтовского «Свод законов», кн. V, т. XIII—XVI.

§ 7. ПРИМЕНЕНИЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

За последние полвека существования царизма лишение свободы в разнообразных его видах занимало первое место среди мер уголовной репрессии. Для характеристики этой меры мы приведем итоги некоторых наших исчислений.

Действовавшими уголовными кодексами за весь период 1870—1917 гг. были Уложение о наказаниях, Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и Воинский устав о наказаниях, а за последние 13 лет также некоторые главы Уголовного уложения 22 марта 1903 г.

Мы выделили в каждом из названных кодексов статьи, которые предписывали в своих санкциях тот или другой вид лишения свободы как единственную карательную меру или наряду с другими наказаниями. На каждую статью без санкции лишения свободы пришлось следующее количество статей, предписывавших тот или другой вид лишения свободы: по Уложению о наказаниях — 2 статьи, по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, — 11 статей, по Воинскому уставу о наказаниях — 8 статей и по Уголовному уложению — 14 статей.

Итак, лишение свободы преобладало во всех названных кодексах над прочими наказаниями. Ленин отметил, что русские законы щедрты на каторгу¹.

Лишение свободы применялось за разнообразные преступления. Различие видов лишения свободы, начиная от кратковременного ареста и кончая пожизненной каторгой, давало возможность превращать в арестантов нарушителей маловажных запретов и тяжких преступников.

Трудно представить себе широту размаха законодателя в угрозе тюрьмой. Тюрьма была оружием в борьбе с религиозными, политическими и общеуголовными преступлениями.

Ленин, характеризуя борьбу царизма с религиозными преступлениями и называя прошлое позорным и проклятым, говорил, что «...церковь была в крепостной зависимости от государства, а русские граждане были в крепостной зависимости у государственной церкви, ...существовали и применялись средневековые, инквизиторские законы..., преследовавшие за веру или за неверие, насилувавшие совесть человека, связывавшие казенные местечки и казенные доходы с раздачей той или иной государственно-церковной сивухи»².

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 227.

² В. И. Ленин, Соч., т. 10, стр. 66—67.

В борьбе с религиозными преступлениями уголовное законодательство использовало все виды лишения свободы. Объем этих преступлений был чрезвычайно обширен. Царь земной брал под свою охрану царя небесного и грозил каторжными работами за богохульство. Недозволенная религиозная пропаганда, принадлежность к другим, непризнанным вероисповеданиям, совершение обрядов этих вероисповеданий — все это в течение всего XIX века и в начале XX века составляло тяжкие нарушения интересов господствовавшей церкви и влекло за собой суровые виды лишения свободы. Здесь на помощь тюрьме гражданского ведомства приходила монастырская тюрьма.

При сравнении репрессий за религиозные преступления по Уложению о наказаниях и по Уголовному уложению 1903 года в последнем отмечается смягчение наказаний, но лишение свободы во всех его видах остается на первом месте в борьбе с преступлениями против веры. Среди наказаний по различным статьям второй главы Уголовного уложения о нарушении ограждающих веру постановлений (ст. ст. 73—98) указаны, кроме редких случаев денежных штрафов, заключения под арест, в тюрьму, в исправительный дом, в крепость, каторжные работы и ссылка на поселение. Если число статей, предусматривающих наказание за религиозные преступления, несколько сократилось по закону от 14 марта 1906 г., то тюрьма во всех ее видах продолжала стоять на страже господствовавшего вероисповедания.

За богохуление и оскорбление святыни христианского вероисповедания грозила каторга на срок до 15 лет. Широта объема этих понятий охватывала самые разнообразные действия. Средством совершения этих преступлений могло быть и слово (ст. 73).

Тюремное заключение грозило за многие религиозные преступления, как, например, «за поношение установлений или обрядов церкви православной или вообще христианства» (ст. 74), за принуждение к совершению обряда, запрещенного вероисповеданием (ст. 80), за обращение в нехристианскую веру христианина лицом нехристианского вероисповедания (ст. 86), за воспрепятствование принять православную веру (ст. 95) и др.

Исправительный дом назначался за совращение христианина в нехристианскую веру и за некоторые другие случаи.

В ряде случаев Уголовное уложение назначало в виде наказания за религиозные преступления заключение в крепость и в том числе за некоторые виды совращения православного в другую нехристианскую веру (ст. 83), за совершение родителями или опекуном нехристианских обрядов над их малолетними детьми-христианами (ст. 89) и др.

Щедро назначалось заключение под арест за разные виды преступлений против веры. Насколько различно было отношение законов к защите интересов христианского и нехристианского исповеданий, видно из следующего примера: там, где в ограждение христианства назначались каторжные работы (ст. 73), нехристианское исповедание ограждалось арестом (ст. 76). При этом закон устанавливал для возможности применения ареста ряд различных ограничительных условий. Арестом каралось погребение христианина без христианских обрядов. Почти все статьи главы о религиозных преступлениях проводили различие между охраной интересов христианских и нехристианских исповеданий. Это различие проводилось в самой откровенной форме. При таких условиях не оставалось и намека на свободу исповеданий.

Для нас эта глава Уголовного уложения особенно интересна широким применением различных видов лишения свободы. Религиозный пропагандист и верующий человек, убеждения которого не отвечали интересам господствовавшей церкви, могли попасть за тюремные стены наряду с уголовными преступниками.

Еще более широко применялось лишение свободы в борьбе с государственными преступлениями. По Уложению о наказаниях тяжчайшие виды лишения свободы наряду со смертной казнью были самыми распространенными средствами уголовной репрессии для политических врагов царизма. Введение в действие 7 июня 1904 г. статей Уголовного уложения 1903 года о государственных преступлениях оставило по-прежнему за каторгой главенствующую роль. По нашему подсчету в тридцати трех статьях III—IV—V глав Уголовного уложения наказание каторгой назначается в двенадцати статьях, ссылка на поселение предписывается в восьми статьях, исправительный дом — в девяти статьях, тюрьма — в шести, крепость — в девяти и арест — в пяти статьях. Таким образом, каторжные работы были по этому кодексу типичным наказанием, распространенным средством в борьбе с революционным движением. Если смертная казнь была упомянута только в шести статьях Уголовного уложения, то широко применявшееся предание обвиняемых военному суду давало возможность расправы с революционерами при помощи палача за самые разнообразные государственные преступления.

Приведенные нами цифры выявили роль различных видов лишения свободы в борьбе с революционным движением. Следует иметь в виду всю безмерную широту понятия государственных преступлений. Уголовный закон Российской империи попирает элементарные права свободы собраний, печати и живого

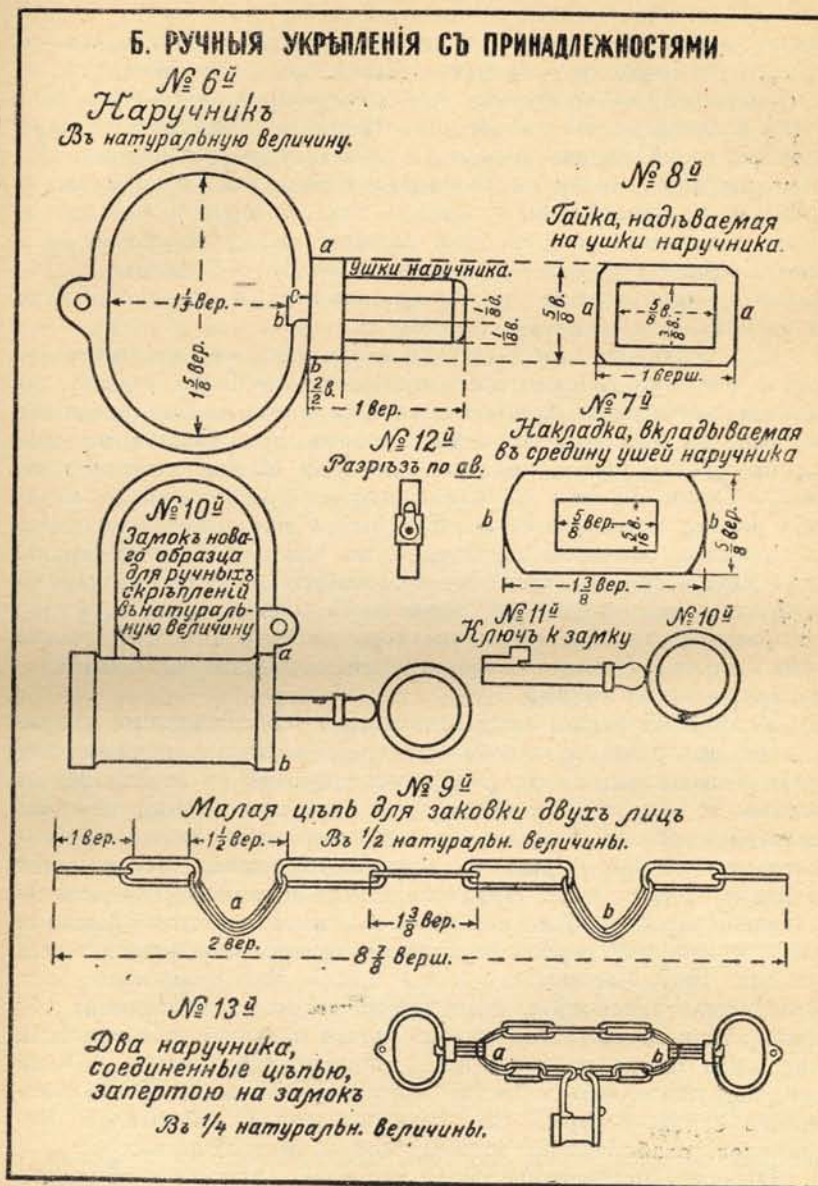
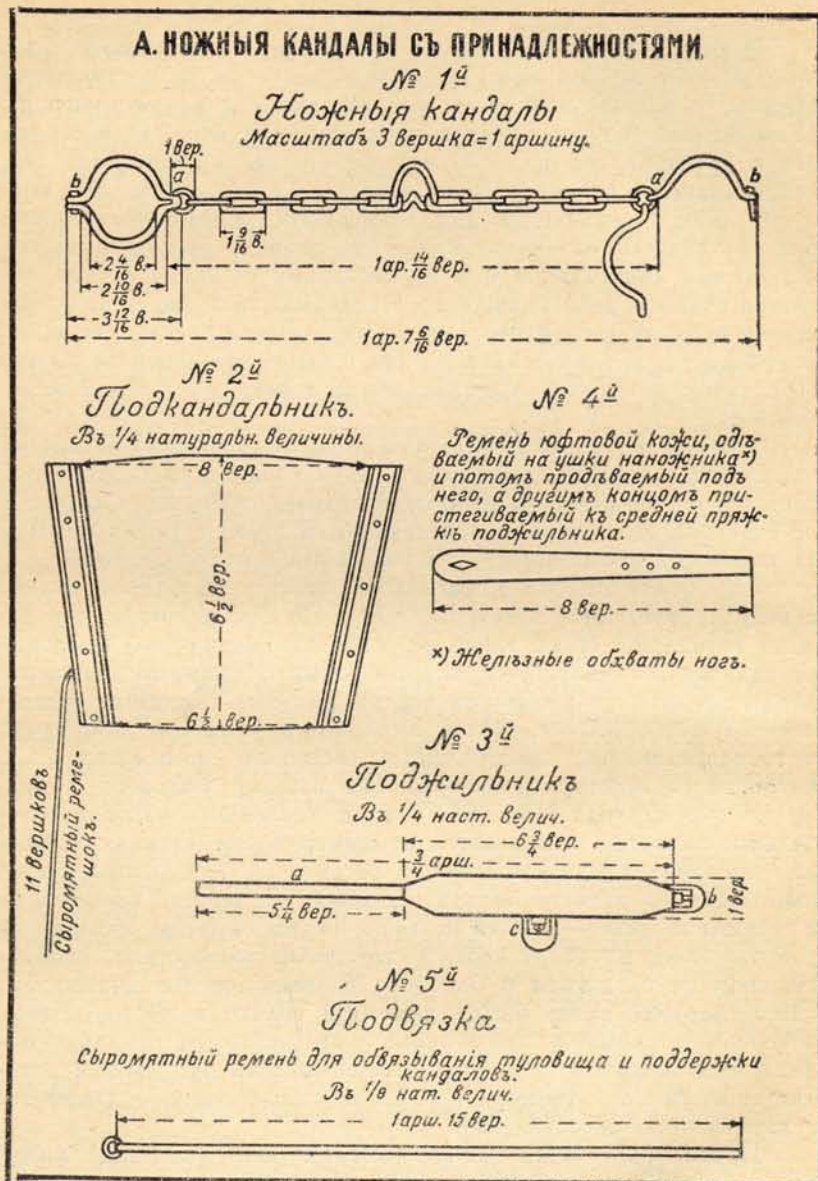

Рис. 4. Ручные скрепы

Из Сборника циркулярных распоряжений и инструкцій по тюремной части, изданныхъ Министерствомъ внутреннихъ делъ съ 1859 по 1879 гг., изд. Главнаго тюремнаго управленія, СПб., 1880 г.

Из Сборника циркулярных распоряжений и инструкцій по тюремной части, изданныхъ Министерствомъ внутреннихъ делъ съ 1859 по 1879 гг., изд. Главнаго тюремнаго управленія, СПб., 1880 г.

слова, грозил суровыми наказаниями всем тем, кто пытался нарушить установленные запреты. Характерно, что даже участие в неразрешенном профсоюзе при отягчающих обстоятельствах могло влечь за собой тюрьму или крепость. Участие в революционных организациях влекло за собой каторжные работы. Царизм защищал интересы господствующего класса и карал за пропаганду, направленную против этих интересов. Он специально оговаривал возбуждение вражды между классами населения, между сословиями, между рабочими и хозяевами. Для борцов за дело рабочего класса царизм открывал широкий путь на каторгу, поселение и в тюрьму.

Под исключительной охраной находилась частная собственность, особенно собственность привилегированного класса: наказание значительно повышалось, если кража была совершена слугами, работниками или подмастерьями, проживавшими у тех, чье имущество было украдено (ст. 1649 Уложения о наказаниях). Таким образом, принадлежность к трудящимся увеличивала размер ответственности. Как бы ни была ничтожна сумма украденного, спасения от тюрьмы не было, даже если кража была совершена по крайности и неимению никаких средств к пропитанию и работе: виновный подлежал заключению в тюрьму на срок не ниже полутора месяцев (ст. 171 Устава о наказаниях). Похищение церковного имущества являлось квалифицированной кражей.

Уголовный закон, защищая частную собственность, например, от воровства, разнообразил сроки и виды лишения свободы в зависимости от различных условий и переходил от тюрьмы к исправительным арестантским отделениям и к каторжным работам. Время и способ совершения кражи, особенности похищенных предметов, рецидив оказывали свое влияние на размеры репрессии. При совершении кражи со взломом не в первый раз наказание повышалось, смотря по тому, была ли такая кража совершена во второй, третий, четвертый, пятый раз (ст. 1647 Уложения о наказаниях). Это показывает, как дороги были законодателю интересы частного собственника. Он защищал их со всем вниманием, считая частную собственность священной и неприкосновенной. Тюрьмы заполнялись больше всего нарушителями запретов того политического и экономического строя, который сам создавал воров, грабителей, мошенников, разбойников, ростовщиков и растратчиков.

Широкое применение имели все виды лишения свободы за преступления против личности. Классовое неравенство сказывалось на наказаниях за преступления против жизни. Сроки каторги увеличивались до бессрочной каторги, если подчиненный

убивал начальника, рабочий — своего хозяина или членов его семьи (ст. 1451 Уложения о наказаниях).

Для характеристики объема применения различных видов лишения свободы за преступления против личности можно привести следующие цифры. В Уложении о наказаниях в главе «О смертоубийстве» наказание каторжными работами указано в шестнадцати статьях, тюрьмой — в шести статьях, исправительно-арестантскими отделениями — в трех статьях, арестом — в двух статьях.

В главе «О нанесении увечья, ран и других повреждений здоровью» каторжные работы назначены в шести статьях, тюрьма — также в шести, исправительно-арестантские отделения — в двенадцати статьях и арест — в двух статьях.

В главе об «Оскорблении чести» в разделе «О преступлениях против чести и целомудрия женщин» наказание каторгой указано в пяти статьях, тюрьмой — в трех статьях, исправительно-арестантскими отделениями — в одной статье и арестом — также в одной статье.

Уголовный закон охранял интересы личности против преступных посягательств в некоторых случаях менее суровыми наказаниями, чем за нарушение прав собственности. Так, например, кража лошади влекла за собой исправительно-арестантские отделения на срок от четырех до шести лет с лишением всех особенных лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ, а при рецидиве — каторжные работы от четырех до восьми лет (ст. 1654¹ Уложения о наказаниях). За похищение же незамужней женщины с целью обольстить или повредить ее чести тот же кодекс грозил лишь тюремным заключением на срок от четырех до восьми месяцев (ст. 1530).

Для выяснения отношения законодателя к лишению свободы по различным уголовным кодексам царской России мы составили приведенную ниже таблицу. В эту таблицу включены кодексы, действовавшие в исследуемый период, в том числе Уголовное уложение, утвержденное 22 марта 1903 г.

ВИДЫ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ И ИХ СРОКИ ПО ГЛАВНЕЙШИМ КОДЕКСАМ

Кодекс	Виды лишения свободы	Сроки
Уложение о наказаниях	1) Ссылка в каторжные работы с лишением всех прав состояния	От 4 до 20 лет и без срока (7 степеней)

Кодекс	Виды лишения свободы	Сроки
Уложение о наказаниях	2) Исправительные арестантские отделения с лишением всех особенных прав и преимуществ	От 1 года до 6 лет (7 степеней)
	3) Заключение в тюрьме с лишением всех особенных прав и преимуществ	От 2 мес. до 2 лет (4 степени)
	4) Тюрьма с лишением некоторых прав и преимуществ	От 8 мес. до 2 лет (2 степени)
	5) Тюрьма без лишения и без ограничения прав	От 2 мес. до 1 года 4 мес. (3 степени)
	6) Крепость с лишением некоторых особенных прав и преимуществ	От 1 года 4 мес. до 4 лет (2 степени)
	7) Крепость без ограничения прав и преимуществ	От 4 недель до 1 года 4 мес. (3 степени)
	8) Арест	От 1 дня до 3 мес. (4 степени)
	Уголовное уложение 1903 года	1) Каторга с лишением прав состояния
2) Исправительный дом с лишением прав состояния		От 1 года 6 мес. до 6 лет
3) Крепость с лишением прав состояния и без него		От 2 недель до 6 лет
4) Тюрьма		От 2 недель до 1 года
5) Арест		От 1 дня до 6 мес.
Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями	1) Тюрьма	Не свыше 1 года 6 мес.
	2) Арест	Не свыше 3 месяцев
Воинский устав о наказаниях	1) Ссылка на каторжные работы с лишением всех прав состояния	От 4 до 20 лет и без срока
	2) Заключение в крепости вместо смертной казни и каторги	От 10 до 20 лет

Кодекс	Виды лишения свободы	Сроки
Воинский устав о наказаниях	3) Заточение в крепости без лишения прав состояния	От 2 мес. до 4 лет
	4) Исправительные арестантские отделения	От 1 года до 6 лет
	5) Заключение в тюрьму гражданского ведомства	От 2 мес. до 2 лет
	6) Отдача в дисциплинарные части	От 1 года до 2 лет
	7) Одиочное заключение в военной тюрьме	От 1 мес. до 4 мес.
	8) Гауптвахта	От 1 мес. до 6 мес.

Для полноты картины применения лишения свободы по уголовному законодательству следует иметь в виду широкое применение его по Уставу уголовного судопроизводства в качестве меры пресечения способов уклонения от следствия и суда. Оно могло быть применено к обвиняемым в преступлениях, за которые закон угрожал наказанием не ниже заключения с лишением некоторых особенных прав и преимуществ. Так как в очень большом числе статей уголовных кодексов, как мы уже видели, были предусмотрены более суровые виды лишения свободы, то круг возможного применения предварительного содержания под стражей был очень широким. Этот круг еще больше расширялся в тех случаях, когда личность обвиняемого не могла быть удостоверена или когда он не имел определенных занятий и места жительства. В таких случаях предварительное содержание под стражей могло быть применено независимо от тяжести грозившего наказания.

Предварительное содержание под стражей более широко применялось к обвиняемым из неимущих классов, так как непредставление залога или поручительства влекло за собой взятие под стражу (ст. 428 Устава уголовного судопроизводства).

Кроме следователя, предварительное взятие под стражу могло быть применяемо также полицией при возбуждении дознания (ст. ст. 256—257). При этом закон не обращал никакого внимания на тяжесть совершенного преступления. Он допускал арест подозреваемого при наличии оснований для

предположения, что именно он совершил преступление. Эти основания были разнообразны, и свобода российского гражданина зависела от усмотрения чинов полиции и жандармерии.

Царизм пошел еще дальше в своей борьбе с революционным движением, когда включил (14 декабря 1905 г.) в Устав уголовного судопроизводства новую статью 420¹. На основании этой статьи разрешалось офицерам отдельного корпуса жандармов арестовывать на железных дорогах заподозренных в государственных преступлениях или нарушениях правильности работы телеграфа и железных дорог. Впрочем, и ранее чинам жандармерии были предоставлены фактически неограниченные полномочия в борьбе с революционным движением и, в частности, право ареста. Им не приходилось опасаться ответственности за превышение пределов предоставленной власти. Мы уже знаем, что такие исключительные законы, как положение об усиленной охране, о военном положении и пр., отменяли и те немногие условия, которые ограждали подданных Российской империи от произвола представителей власти и от опасности попасть в места лишения свободы. Законы об исключительных положениях расширяли объем применения лишения свободы не только в качестве «предварительного задержания», но и как меру репрессии. Ленин охарактеризовал рост репрессии в период после первой революции «ошеломляюще быстрым». Он добавлял: «Продолжайте в том же роде, господа Романовы, Треповы, Игнатьевы и Столыпины! Чем усерднее вы будете идти по этому пути, тем скорее вы исчерпаете до конца свои последние резервы»¹. Ленин указывал, что от такого положения революция только выиграет.

Пророческие слова Ленина оправдались. Революция смела царизм и положила конец истории существования царской тюрьмы.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 11, стр. 159.

Глава вторая

СУДЕБНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ БОРЬБА ЦАРИЗМА С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ (1870—1900 ГОДОВ)

§ 8. ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНОЙ БОРЬБЫ ЦАРИЗМА С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ

В ДВУХ предшествующих томах «Истории царской тюрьмы», в тех главах, которые были посвящены истории политических тюрем Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, мы ставили своей задачей ознакомить читателей не только с условиями заточения узников в этих тюрьмах, но и с делами, за которые царизм заточил их в свои казематы. Так прошли перед нами жертвы судебной расправы и самой черной неправды царского правосудия: Радищев, Новиков, декабристы, петрашевцы, писатели — революционные демократы и др. Рост революционного движения за последние 25—30 лет истекшего столетия сопровождался увеличением числа судебных политических процессов, с одной стороны, а с другой — ростом внесудебной административной расправы.

В 70-е и 80-е годы XIX века в судах прошло значительное число политических процессов. Число привлеченных по этим делам к судебной ответственности было очень велико. Вместо суда присяжных заседателей судом по делам о государственных

преступлениях было особое присутствие правительствующего Сената. С конца 70-х годов политические дела стали передаваться также на рассмотрение военных судов в целях еще более усиленной и ускоренной репрессии.

Большинство дел о государственных преступлениях было рассмотрено особым присутствием Сената. В этом суде дела рассматривались или при закрытых дверях, в условиях полного отсутствия гласности, или в условиях ограниченной гласности, когда судебный зал заполнялся лишь публикой по особым билетам. Правительство принимало все меры, чтобы скамья политических подсудимых не стала трибуной революционной пропаганды. Однако это ему не всегда удавалось.

Ознакомление с судебными процессами представляет для нас двойной интерес. Во-первых, мы знакомимся с этапами революционной борьбы и с участниками этой борьбы, во-вторых, ознакомление с этими процессами показывает нам, какова была классовая юстиция царизма, лицемерно прикрытая лозунгом «правда и милость да царствует в судах». Правительство предпочитало не давать в печать никаких сведений о политических процессах или давать их неполно и искаженно. Поэтому мы при написании данного очерка использовали как воспоминания бывших участников этих процессов, так и материалы архивов, остававшихся секретными до Октябрьской революции.

Прежде чем знакомиться с различными судебными политическими процессами, мы приведем характеристику тех судебных деятелей, которым царское правительство доверяло рассмотрение дел о государственных преступлениях. Эта характеристика имеет для нас тем большее значение, что она исходит от А. Ф. Кони, который лично и близко знал характеризующихся им служителей правосудия.

А. Ф. Кони нарисовал портреты членов суда, сословных представителей, прокуроров и представителей в особом присутствии Сената по делам о государственных преступлениях. Они не искали в разбираемых политических процессах истины. В погоне за служебной карьерой, за чинами и орденами они были готовы жестоко расправиться с обвиняемыми без достаточных оснований, без доказательств виновности. Приведем отзывы Кони о некоторых из этих судей.

Один из них, сенатор Хвостов, участвовавший в процессе 50-ти, откровенно говорил, что в отношении многих подсудимых нет доказательств виновности, но осудить их необходимо. Этот сенатор считал себя обязанным вынести приговор, угодный правительству.

Другой сенатор, председательствовавший по процессу 193-х, отправляясь на очередное заседание после бессонной ночи, проведенной на балу, не стеснялся в частном разговоре поносить обвиняемых бранными словами, показывая тем самым полное отсутствие судейского беспристрастия.

Очень знаменательно прямое указание Кони на то, что членами особого присутствия по политическим делам назначались наиболее преданные правительству сенаторы и сословные представители. Таков, например, был в качестве сословного представителя одесский городской голова Новосельский. В мундире со звездой он громко говорил о своей готовности «искоренять и карать».

Камергер Зыбин явился сам к министру юстиции и предложил свою помощь правительству и готовность «служить отечеству в составе особого присутствия по политическим делам». Его услугами воспользовались.

В этом же направлении действовали прокуроры. Кони в виде примера указывает на Евреинова, прокурора Одесской судебной палаты.

Особой запиской Евреинов просит дать ему в помощь для борьбы с революционным движением четырех тайных агентов, из которых одного для сыска среди учащейся молодежи, другого среди евреев и т. д. Кони добавил, что он не дал ходу этой бумаге, щадя достоинство прокурорского надзора. Но министр юстиции был иных взглядов и ничем не брезговал. В 1871 году министр собрал у себя сановников на совещание для обсуждения вопроса о борьбе с пропагандой. Директор департамента министерства юстиции Адамов говорил на этом совещании, что с пропагандистами надо бороться всеми средствами, и добавлял: «Я откровенно скажу, я их ненавижу и рукоплещу всем мерам строгости против них. Эти люди — наши, мои личные враги. Они хотят отнять у нас, что нажито нашим трудом... Я нахожу, что особое присутствие недостаточно еще строго к ним относится»¹. Кони иронически добавил, что этот сановник, получивший средства путем выгодной женитьбы, очевидно, понимал «труд» в очень широком смысле.

Ценны указания А. Ф. Кони на то, что столичная бюрократия и аристократия были в то время сторонниками применения к революционерам телесных наказаний. Фриш, обер-прокурор Сената, составил в 1875 году записку об особых политических тюрьмах с предложением наказывать политических заключенных за дисциплинарные проступки розгами до 100 ударов.

¹ А. Ф. Кони, Воспоминания о деле Веры Засулич, 1933, стр. 28.

Министр юстиции переправил в этой записке 100 ударов на шестьдесят и зачеркнул слова «мужского пола», т. е. предполагал сечь также и женщин. В конце 1876 года князь Оболенский показывал Кони свой проект о наказании политических преступников вместо уголовных наказаний розгами без различия пола. Такой же проект, предусматривающий сечение политических розгами, составил председатель Петербургского суда Лопухин, несведущий и безнравственный «хищник последней формации», по словам Кони.

К этому же времени относится собственноручная запись министра юстиции Палена: «Необходимо исходатайствовать закон, на основании которого училищному начальству предоставляется право подвергать телесному наказанию всякого студента или ученика, занимающегося пропагандой». Таковы были взгляды блюстителя юстиции в Российской империи.

При таких взглядах бюрократии и аристократии на политических пропагандистов становится понятным жестокость царского правосудия в борьбе с борцами революции. Эти бюрократы и аристократы хотели унизить своих политических врагов позором телесных наказаний.

Кони с негодованием вспоминает, как князь Оболенский, вернувшийся из зала суда по процессу 50-ти, рассказывал о поведении на этом суде обвиняемых женщин. Со злобой говорил этот князь, как политическая обвиняемая на процессе «рисуетя и красуетя», и выражал желание «разложить ее да всыпать ей сто штук горячих».

Приведенные мною выше характеристики сенаторов, членов особого присутствия Сената, прокуроров по делам о государственных преступлениях, как я уже сказал, были сделаны А. Ф. Кони, который занимал и ответственные должности по судебному ведомству. Он не может быть заподозрен в пристрастном отношении к этим судьям; поэтому его отзывы приобретают особое значение для выяснения роли суда в судебно-политических процессах.

Такая оценка членов суда совпадает с отзывами подсудимых-революционеров об их судьях. Различие здесь не в содержании отзывов, а лишь во внешней их форме. Так, например, революционер Мышкин сравнил судей с проституткой с той разницей, что проститутки торговали своим телом ради куска хлеба, а сенаторы своей совестью ради чинов. Кони не называл сенаторов проститутками, но говорил об их продажности ради карьеры.

Царское правительство видело в лице сенаторов — членов особого присутствия по делам о государственных преступле-

ниях — послушных лакеев правосудия, готовых писать приговоры под диктовку правительства. Эти аристократы и бюрократы были сами заинтересованы в исходе судебных политических процессов и охотно посылали обвиняемых на каторгу и в тюрьмы.

Развитие реакции привело к дальнейшему ограничению гарантий правильной организации суда (например, закон 19 мая 1871 г. о дознаниях жандармов по политическим делам), к устранению публичного рассмотрения дел, к стеснению обвиняемого в защите и пр. Смелое поведение обвиняемых на суде, их попытки превратить скамью подсудимых в трибуну революционной пропаганды встретили решительный отпор царизма. Правительство наряду с судебным рассмотрением дел начало еще шире использовать административную расправу со своими политическими врагами, но оно не остановилось и на этом и с конца 70-х годов начало обращаться к передаче дел военным судам.

§ 9. ПРОЦЕСС НЕЧАЕВЦЕВ И НЕЧАЕВА

Наиболее ранними политическими процессами 70-х годов были два судебных дела, из которых первое известно под именем «процесса нечаевцев», а второе — под именем «дело Сергея Нечаева». Первое из названных нами дел было одним из очень немногих, рассмотренных особым присутствием судебной палаты до передачи подобных дел на рассмотрение особого присутствия Сената. Правительство, несмотря на все его доверие к судебной палате, предпочло опереться в борьбе с участниками революционного движения на сенаторов.

Процесс нечаевцев, проходивший в Петербурге в 1871 году, был по количеству участников первым крупным процессом после дела петрашевцев. На скамью подсудимых было посажено 84 человека. Этот процесс был крупным и по характеру обвинения, предъявленного к подсудимым. Им вменялось в вину участие в сообществе, поставившем своей целью ниспровержение государственного строя. Кроме того, им предъявлялось обвинение в заочном оскорблении царя и в противоправительственной пропаганде.

Пятерым из обвиняемых было предъявлено обвинение в совершении убийства студента Иванова. Инициатором этого убийства из политических целей являлся, по обвинительному акту, учитель приходского училища Сергей Нечаев, которому к тому времени удалось уехать в Швейцарию и о котором поэтому дело было выделено.

Обвиняемые по процессу были в большинстве своем студентами высших учебных заведений Петербурга и Москвы. Нечаев ставил своей целью создать революционную организацию «Народной расправы». В основу деятельности этой организации были положены анархические идеи Бакунина. Она ставила своей задачей разрушение общественного строя. Согласно обвинительному акту в печатном органе «Народной расправы» указывалось: «Созидать — не наше дело, а других, за нами следующих. Мы хотим народной мужицкой революции».

Обвиняемые были разбиты на 11 групп с предъявлением каждой из них особого обвинительного акта.

Суду не удалось установить попыток вызвать восстание. Что же касается распространения противоправительственных изданий, то было выявлено распространение лишь одной прокламации. Деятельность организации сводилась в основном к собраниям кружков учащейся молодежи для обсуждения программы действий. Судьи были полны классовой ненависти к подсудимым. В отчетах газеты «Правительственный вестник» о судебных заседаниях были приведены выдержки из «Народной расправы» о необходимости «истребления» различных представителей власти и капиталистов. Эти предложения также не были осуществлены. Тем не менее судебная палата вынесла суровый приговор подсудимым — вплоть до каторжных работ на срок до 15 лет¹. К каторжным работам были приговорены: Успенский, Кузнецов, Прыжов и Николаев. Местом отбывания каторжных работ была избрана Кара. Многие из подсудимых по этому делу содержались до суда в казематах Екатерининской и Невской куртин Петропавловской крепости.

В процессе нечаевцев постоянно упоминалось имя отсутствовавшего Сергея Нечаева. Царское правительство употребило все усилия для получения из Швейцарии проживавшего там Нечаева. Швейцарское правительство угодливо согласилось на выдачу Нечаева, поставив, впрочем, условие, чтобы он был судим не как политический, а как уголовный преступник за убийство студента Иванова. Царизм принял это условие, заранее решив не выполнять его. Это ясно видно уже из того факта, что доставленный из-за границы Нечаев был прямо заключен в политическую тюрьму Трубецкого бастиона. Весь дальнейший ход процесса представляет одну из самых возмутительных страниц царского правосудия.

¹ См. «Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник материалов, извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений», под ред. Б. Базилювского (В. Богучарского), т. I, 1825—1875 гг., СПб., 1906, стр. 159—227.

В двух предшествующих томах «Истории царской тюрьмы» нам не раз приходилось отмечать приемы царского правосудия в его борьбе с политическими противниками. Екатерина II расправилась при помощи верховного суда над Пугачевым. Она продиктовала приговор над Радищевым и Новиковым. Николай I не постеснялся соединить в своем лице по процессам декабристов и петрашевцев обязанности сыщика, тюремщика, судьи и палача. Александр II в деле Чернышевского не остановился перед настоящим подлогом документов для осуждения без подлинных доказательств виновности. Этот же государь пошел проторенной дорогой самого беззастенчивого нарушения закона в процессе Сергея Нечаева.

Царь судил Нечаева для видимости как уголовного преступника судом присяжных за убийство студента Иванова, а в действительности решил расправиться с ним, как с самым опасным политическим врагом. Нечаев прекрасно осознал это с самого начала своего дела. В конце декабря 1872 года он был перевезен из Петропавловской крепости в Москву для суда.

Можно предположить, что был составлен такой список присяжных заседателей, который обеспечивал обвинительный вердикт. Во всяком случае в число двенадцати избранных присяжных попали пять купцов, два чиновника, один цеховой, один почетный гражданин и один крестьянин¹. Такой состав присяжных был для правительства вполне надежным, надо помнить, что из крестьян в списки присяжных попадали обычно вполне верноподданные, наиболее состоятельные представители этого сословия.

С самого начала процесса Нечаев занял позицию непримиримого человека, не идущего ни на какие компромиссы и уступки. Он отрицал право царизма судить его. Он отказывался принять обвинительный акт и на предложение избрать защитника заявил, что отказывается от защитника и не будет сам защищаться. Он также не принял повестки о судебном заседании, заявив о неподсудности его как эмигранта русскому суду. Подробности судебного заседания изложены историком Щеголевым по найденному им архивному делу, в котором помещены жандармские донесения.

Председательствовал на суде тот самый Дрейер, который в награду за благоприятный для правительства исход этого процесса был вскоре переведен в Сенат и председательствовал там

¹ См. «Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник материалов, извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений», под ред. Б. Базилювского (В. Богучарского), т. I, 1825—1875 гг., СПб., 1906, стр. 230.

в особом присутствии по делам о государственных преступлениях. Дрейер не один раз приказывал выводить обвиняемого из зала суда, но Нечаев продолжал относиться с полным пренебрежением ко всей процедуре этого акта расправы над ним: он сидел на скамье подсудимых спиной к судьям и в самой резкой форме заявлял о непризнании им суда и правительства. Так как судебный зал был заполнен «подобранной публикой», то она шумно проявляла свое отрицательное отношение к подсудимому. При первом же удалении Нечаева из судебного зала он был избит жандармами. Он об этом громко крикнул председателю, когда тот лицемерно говорил присяжным о милости и правде в суде. Нечаев был приговорен к 20 годам каторжных работ. Он имел полное право назвать весь процесс над ним «Шемякиным судом».

После суда Нечаев написал начальнику III отделения протест против избития его жандармами. Это большое письмо представляет выдающийся интерес. Оно исполнено достоинства, и его автор перешел от частного случая жандармских побоев к оценке всего политического строя в России и к изложению своих взглядов на дальнейшее политическое развитие России, заявив, что Россия находится накануне политического переворота. Он допускал возможность успехов предшествующей борьбы правительства с революционерами, пока их выступления были единичными. «Но,— продолжал Нечаев,— теперь дело обстоит иначе: в России уже образовались стремления, присущие целому обществу,— стремления гораздо более определенные, более настоятельные и потому более возможные для осуществления. Подобные стремления составляют неизбежную принадлежность известной степени общественного развития».

«Правительство уничтожить политические идеи, пустившие корни в обществе, не в силах». Нечаев далее говорил о необходимости «положить конец дикому самоуправству и зверским мерам в администрации». Он заканчивал свое письмо следующими словами: «Всякое бесцельное варварство вредно, нелепо, бессмысленно»¹.

Таким образом, этот избитый в здании суда и пристрастно осужденный революционер сам стал судьей политического строя России и пророком его грядущей гибели.

Нечаев не подал кассационной жалобы, и приговор вошел в законную силу. По правилам Устава уголовного судопроизвод-

¹ П. Е. Щеголев, Алексеевский равелин, М., 1922, стр. 199, 200, 202. См. также статью Щеголева «Нечаев в Алексеевском равелине», «Красный архив», 1923 г., т. IV, стр. 222—272; 1924 г., т. V, стр. 172—212.

ства (ст. 963), надлежало выставить осужденного у позорного столба. Администрация опасалась, что Нечаев во время провоза его на позорной колеснице будет обращаться к народу. Возникло предложение испросить разрешение царя на отмену в данном случае публичного выставления осужденного на городской площади. В конце концов было решено, не отменяя в данном случае действия ст. 963, провести эту процедуру с возможно меньшей публичностью. Ночью Нечаев был перевезен из места своего заключения в Серпуховский полицейский участок, находившийся на расстоянии всего 15 минут езды от Конной площади, где он должен был быть выставлен у позорного столба. Требовавшаяся законом публикация о гражданской казни была сделана в самый день ее совершения. Три барабанщика должны были заглушать возможные возгласы осужденного.

Обряд так называемой публичной гражданской или торговой казни был выполнен 25 января 1873 г. Щеголев опубликовал секретное донесение об этой казни, адресованное московскому генерал-губернатору. При посадке Нечаева на позорную колесницу он, по словам официального донесения, очень бодро вошел в нее и «с таким же нахальством, как на суде, осматривался кругом». Когда палач привязывал его руки ремнями, он закричал, обращаясь к присутствующим: «Когда вас повезут на гильотину, то и вас будут привязывать ремнями. Я иду в Сибирь и твердо уверен, что миллионы людей сочувствуют мне. Долой царя! Долой деспотизм! Да здравствует свобода! Меня, политического преступника, сделали простым убийцей! Позор новому русскому суду, это не суд, а шулерство!». Дальнейшие слова были заглушены барабанным боем. На Конной площади Нечаев кричал, что здесь скоро будет гильотина для казни тех, кто привез его сюда. У позорного столба он, по словам донесения генерал-губернатору, изо всех сил кричал: «Долой царя! Да здравствует свобода! Да здравствует вольный русский народ!».

После этого обряда Нечаев в четырехместной карете был возвращен окружным путем в Сушевский полицейский участок, где содержался до суда, и отсюда секретно был доставлен в вагон поезда. Этот поезд направлялся к месту каторги, но, как было заранее решено, вагон был отцеплен в пути и доставлен в Царское село, откуда Нечаев был препровожден в Петропавловскую крепость. Такова была воля царя.

Октябрьская революция дала возможность узнать эту волю царя, представляющую настоящее преступление. На официальном донесении ему об исполнении обряда торговой казни над Нечаевым царь сделал следующую на редкость пространную

резолюцию: «После этого мы имели полное право передать его вновь уголовному суду, как политического преступника, но полагаю, что пользы от этого было бы мало и возбудило бы только страсти, и потому осторожнее заключить его навсегда в крепость»¹. Слово «навсегда» царь подчеркнул.

Приведенная нами резолюция была явным преступным беззаконием. Царь согласно закону не имел права изменять приговор суда в сторону его ухудшения. Он же заменил каторжные работы, назначенные на 20 лет, вечным заключением Нечаева в крепости, в Алексеевском рavelине. О его пребывании здесь мы узнаем из очерка о Петропавловской крепости.

§ 10. ПРОЦЕСС ДОЛГУШИНЦЕВ

В июле 1874 года особое присутствие Сената рассматривало один из первых процессов пропагандистов-народников. Это был процесс, вошедший в историю революционного движения под именем «процесса долгушинцев».

Дело слушалось при открытых дверях, и в печати были даны стенографические отчеты о нем². Число привлеченных к судебной ответственности было невелико — всего 12 человек. Почти все обвиняемые были представителями интеллигенции и в том числе 7 человек дворянского происхождения. Такой состав обвиняемых был показательным и типичным для пропагандистов начала 70-х годов. Среди этих пропагандистов было особенно много учащейся молодежи.

Деятельность Долгушина, главного обвиняемого, началась еще в 1872 году в Петербурге. Первые указания на революционную деятельность Долгушина нам попались уже в архивном деле 1873 года. На жандармском дознании некто Василий Тихомиров 25 сентября 1873 г. показывал: «Долгушин был человек способный, развитый, и по отношению к народному делу признававший пропаганду в среде народа полезным и рациональным средством для улучшения его быта и условий его жизни. В принципе Долгушин признавал изменение порядка общественного и государственного необходимым и пропаганду считал одним из приготовительных средств»³. Собиравшаяся на квартире

¹ П. Е. Щеголев, Алексеевский рavelин, М., 1929, стр. 209.

² См. «Государственные преступления в России в XIX веке. Сборник материалов, извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений», под ред. Б. Базиловского (В. Богучарского), т. I, 1825—1876 гг., СПб., 1906, стр. 254—318.

³ ЦГИА в Москве, 1873, ОППС, № 22. «Дознание по делу о распространении воззваний противоправительственного содержания».

у Долгушина учащаяся молодежь горячо обсуждала волновавшие ее тогда вопросы о политическом положении в России, о правах и обязанностях человека. Деятельность этого политического кружка сводилась преимущественно к политическому самовоспитанию. Несколько позднее, когда некоторые члены кружка переехали в Москву, было принято решение повести пропаганду за пределами этого кружка и пойти «в народ».

Мы имеем возможность воспроизвести здесь показание и самого Долгушина, пересланное московскими жандармами 31 января 1874 г. в III отделение. Долгушин, говоря о своем кружке, между прочим, показывал о намерении членов кружка просить какого-нибудь известного писателя составить книгу о народе и самим отправиться в народ для изучения его экономического быта. Привлеченный по этому делу Плотников сознался в намерении членов кружка вести в народе пропаганду революционных идей¹. В целях пропаганды были составлены прокламации: «К интеллигенции», «К русскому народу», «Как должно жить по закону правды и природы». Они были отпечатаны в подпольной типографии и предназначены для распространения в разных слоях общества. Прокламация, предназначенная для распространения среди интеллигенции, имела своей задачей призвать интеллигенцию идти в народ в целях пропаганды. В противоположность воззванию Нечаева она была составлена в сдержанных выражениях, со ссылкой на сочинения Прудона, хотя и заканчивалась призывом к оружию. Она должна была подготавливать в среде интеллигентов кадры пропагандистов для того, чтобы они пошли в народ и подготовили его к восстанию.

Две остальные прокламации были предназначены для распространения среди крестьян и среди рабочих. Они были составлены простым языком и указывали на тяжелое положение крестьянства, на безземелье его, на высокие налоги, на неравенство сословий перед законом. Прокламации призывали крестьянство к восстаниям. Текстом из священного писания подкреплялись отдельные места этих печатных воззваний, в которых давалась характеристика деятельности помещиков и чиновников, являющихся врагами всего народа.

Участники этого одного из первых судебных процессов о пропаганде в народе были преисполнены веры в необходимость такого служения народу, а вместе с тем и преисполнены готовности самопожертвования. Показателем такого настроения

¹ ЦГИА в Москве, III отделение собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, 1873, № 414, т. 3. «О производстве дознания о распространении молодыми людьми печатных воззваний революционного характера», л. 127. оборот.

«долгушинцев» является найденное нами в архивном деле обширное письмо одного из главных обвиняемых Дмоховского к матери. Это письмо никогда не было прочитано адресатом, так как жандармы признали его не подлежащим пропуску и похоронили его в секретном делопроизводстве. Я воспроизвожу из этого горячего послания лишь несколько строк, которые были лозунгом пропагандистов начала 70-х годов. Дмоховский успокаивал свою мать словами о счастье страданий за победу дорогого дела: «Страдание и смерть отдельных личностей в борьбе за осуществление более истинного и справедливого вполне окупаются, так как служат основанием для подготовки и укрепления других для той же борьбы»¹.

Отмечу здесь, кстати, что настроение «долгушинцев», запертых в петербургскую тюрьму (Дом предварительного заключения), не было подавлено условиями долгого заточения. Тюремная администрация сообщила прокурору 21 марта 1875 г., что на стенах камеры, где содержались Долгушин, Дмоховский и Гамов, были обнаружены возмутительного пасквильного содержания стихи на русском, французском и латинском языках².

Прокламации среди крестьянства были распространены в очень небольшом количестве, и обвинительный акт не без скрытого удовольствия подчеркивал оценку крестьянами этих прокламаций как годных лишь для курева. Отмечалась в обвинительном акте и готовность крестьян задержать распространителей прокламаций.

Судебное заседание прошло без особых инцидентов. Обвиняемые частично отрицали правильность предъявленных к ним обвинений. В числе защитников были выдающиеся петербургские адвокаты: Спасович, Утин, Куперник и др.

Несмотря на то, что распространенные прокламации не вызвали никаких волнений ни среди крестьян, ни среди рабочих, главным обвиняемым был вынесен суровый приговор: Долгушин и Дмоховский были приговорены к каторжным работам в крепости на 10 лет каждый, Папин и Плотников — к каторжным работам на заводах на 5 лет, Гамов — к каторжным работам в крепости на 8 лет. Васильев был осужден на 2 года 8 месяцев каторжных работ на заводе; ему было разрешено обратиться с просьбой к царю о замене этого наказания двумя го-

¹ ЦГИА в Москве, III отделение собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, 1873, № 414, т. 3. «О производстве дознания, о распространении молодыми людьми печатных воззваний революционного характера», л. 132.

² Тот же архив, то же дело, т. 4, л. 10.

дами рабочего дома. Прочим осужденным был назначен арест на краткие сроки.

Приговоренные к каторжным работам были первыми узниками вновь открытых политических централов около Харькова. Достойное, исполненное мужества поведение обвиняемых на суде возмутило Александра II, который на донесениях ему о судебных заседаниях охарактеризовал такое поведение пропагандистов как «упорство».

Дело долгушинцев не закончилось вынесением обвинительного приговора. Через десять месяцев после вынесения приговора — 5 и 6 мая 1875 г. — были произведены обряды публичной казни, т. е. выставление осужденных у позорного столба.

По неизвестной причине для производства этой церемонии осужденные были разделены на две группы. К первой группе были отнесены Долгушин, Дмоховский и Гамов. Жандармерия доносила, что 5 мая 1875 г. приговор над Долгушиным, Дмоховским и Гамовым в 8 часов утра на новой торговой Конной площади был приведен в исполнение. Во время следования позорных колесниц и на площади «публики присутствовало весьма мало, все прошло тихо и спокойно; студентов и вообще молодежи присутствовало очень мало, они держали себя чинно и прилично»¹. Это официальное донесение отмечало и такие подробности, что Дмоховский во все время следования позорной колесницы улыбался, а Гамов отвернулся от креста, предложенного священником на эшафоте.

Во время совершения этого обряда — 6 мая — над Плотниковым он громко кричал: «Долой царя, долой бояр, князей, долой аристократов! Мы все равны, да здравствует свобода!»². Бой барабанов не мог заглушить этих революционных возгласов. Присутствовавшая при этом молодежь ответила на возгласы Плотникова криками: «Браво, молодец, не то еще будет!» и, когда увозили осужденных, бросилась за кортежем. Тринадцать человек из числа демонстрантов было арестовано.

На донесении об этом аресте царь сделал надпись: «Надеюсь, что арестованные не останутся без должного взыскания». Царь никогда не забывал напомнить о наказании.

За революционные возгласы при исполнении гражданской казни над Плотниковым министр внутренних дел считал необходимым подвергнуть Плотникова телесному наказанию. Он

¹ ЦГИА в Москве, 1873, III отделение собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, № 414, т. 4, л. 19, оборот.

² См. подробно об этом в журнале «Каторга и ссылка» 1926 г. № 23 статью Беккера «Демонстрация долгушинцев на Конной площади», стр. 66—77.

и обратился с этим предложением к министру юстиции, который, однако, находил такое наказание не соответствующим закону. Министр юстиции полагал, что Плотников в момент его революционных возгласов еще не был лишен всех прав состояния, а потому не подлежит телесному наказанию. Это редкое в летописях министерства юстиции возражение против плетей вызывалось, вероятно, желанием не раздувать общественного негодования.

Что касается 13 человек, арестованных за то, что бежали за каретой с осужденными, то министр юстиции предлагал передать их дело на рассмотрение мирового судьи. Опасаясь, что мировой судья под давлением публики может оправдать обвиняемых, III отделение собственной е. и. в. канцелярии без суда, административно выслало четырех арестованных, а остальных задержанных подвергло аресту. Шеф жандармов Мезенцов был инициатором этой внесудебной расправы. В архивном деле имеется его докладная записка с выражением недовольства легкой расправой с арестованными. Он писал: «Великодушие к революции немислимо. Поменьше ученых, а побольше людей, воспитанных настолько, чтобы не быть ни пьяницами, ни ворами, а хотя бы и ремесленниками, с избытком зарабатывающими свой хлеб»¹.

Слова шефа жандармов Мезенцова: «Великодушие к революции немислимо» — были лозунгом царского правительства и в том числе министерства юстиции; если министр юстиции отказался применить плети к Плотникову, то подведомственный ему судебный орган осудил долгушинцев за пропаганду к тягчайшему наказанию. Никакого великодушия здесь, конечно, не было.

Описанный нами инцидент на эшафоте при исполнении обряда гражданской казни по процессу долгушинцев имел еще одно последствие, о котором нам удалось узнать из секретного архивного дела. С очевидностью обнаружилось, что посрамление политических заключенных превратилось в посрамление самого императора. Эшафот становился средством агитации. Такая агитация была тем более опасной, что исходила уже от осужденного революционера и встречала сочувствие в толпе, присутствовавшей при исполнении наказания. Поэтому III отделение выступило с проектом отмены этого обряда гражданской казни. Оно полагало, что этот обряд во всех отношениях более вреден, нежели полезен.

¹ Беккер, Демонстрация долгушинцев на Конной площади, «Каторга и ссылка» 1926 г. № 23, стр. 72.

III отделение предлагало, если не совсем отменить этот обряд, то совершать его на тюремном дворе в присутствии чинов судебного ведомства и представителей от городского и земского управления. Однако предложение III отделения не получило дальнейшего движения¹. Только через два года циркуляр от 25 февраля 1877 г. № 23 «департамента полиции исполнительной» предложил губернаторам не совершать над политическими осужденными обряда гражданской казни. Таким образом, циркуляр отменил статью Устава уголовного судопроизводства. Надо предполагать, что случаи агитации с эшафота повторялись и после процесса долгушинцев и вынудили III отделение к этой мере².

По свидетельству А. Ф. Кони, в процессе долгушинцев был применен новый порядок: дело было передано в суд после полицейского дознания без проведения предварительного следствия. Министр юстиции Пален провел этот новый порядок, говоря по адресу политических обвиняемых: «Нечего давать этим негодьям гарантии двух инстанций». Министр добавлял, что члены судебных палат, которые вели следствие не по политическим делам, надоели ему и он не хочет больше с ними иметь дело³. Так министр юстиции сам разрушал юстицию, ставя на место судебных органов полицейских и жандармов.

§ 11. ДЕМОНСТРАЦИЯ НА ПЛОЩАДИ КАЗАНСКОГО СОБОРА

Среди политических судебных процессов 70-х годов особое место принадлежит делу о демонстрации 6 декабря 1876 г. на площади Казанского собора. Это была первая в России политическая демонстрация, во время которой было развернуто красное знамя. Впечатление, произведенное ею в столице, было очень велико, хотя число ее участников было незначительно, и она была проведена без большой предварительной подготовки. Демонстрация эта вошла в историю революционного движения не только как первый открытый вызов царскому правительству, но и как повлекшая за собой самую серьезную расправу суда над демонстрантами. Суд был послушным исполнителем воли

¹ Беккер, Демонстрация долгушинцев на Конной площади, «Каторга и ссылка» 1926 г. № 23, стр. 75—77.

² ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, опись I, 1879, I делопроизводство, дело № 128. Циркуляры о политических арестантах.

³ См. А. Ф. Кони, Воспоминания о деле Веры Засулич, 1933.

правления, приговорив демонстрантов как нарушителей порядка к каторжным работам.

Демонстранты, состоявшие большей частью из учащейся молодежи, после окончания церковной службы в Казанском соборе, где они хотели отслужить панихиду по революционерам, окружили выступившего с речью оратора. Этим оратором был Г. В. Плеханов. Он говорил о политических борцах за счастье русского народа, которых царское правительство ссылает на каторгу и шлет туда лучших русских людей, таких как Чернышевский, Долгушин, Нечаев.

В архивном деле о дознании по делу демонстрации на Казанской площади мы нашли перехваченную жандармами листовку с подробной передачей речи оратора перед демонстрантами. Эта листовка, помещенная в зарубежном революционном журнале Лаврова «Вперед», воспроизводила описание демонстрации с.-петербургским корреспондентом. По сообщению корреспондента, оратор указывал на значение Чернышевского для русской революции. В частности, корреспондент приводил слова оратора: «Не свободен тот народ, которому за дорогую цену дали пески и болота, не годные помещику; не свободен тот народ, который за эти болота отдает и царю и барину больше, чем сам зарабатывает...»¹. Он вспоминал борцов за народное дело — Разина и Пугачева. В листовке отмечались зверства полиции при аресте демонстрантов на Соборной площади и в полицейских участках, куда они были доставлены.

По словам обвинительного акта, речь вызвала у толпы аплодисменты и крики «браво». Демонстранты подняли на руки и подбрасывали вверх парня, державшего в руках красный флаг с надписью на нем «Земля и воля». Из среды демонстрантов выдвинулась молодая женщина с призывом: «Вперед, за мной!». Толпа направилась за ней, но явившиеся полицейские остановили толпу. Согласно правительственному сообщению было арестовано 32 человека, среди них 11 женщин. Суду особого присутствия Сената был предан 21 человек.

¹ ЦГИА в Москве. Особое присутствие правительствующего Сената, 1876, опись I, № 171. «Приложение к дознанию о преступных беспорядках, бывших в декабре 1876 года на площади Казанского собора». Из протокола обыска, произведенного у Плеханова, видно, что полиция уже в первые два дня после 6 декабря знала о его руководящем участии в демонстрации. В акте обыска записано, что бывший юнкер 2-го военного Константиновского училища Г. В. Плеханов и жена его 6 января 1876 г. скрылись из комнаты, которую они занимали и что в этой комнате «остатков кумача и белых шелковых тесемок не найдено» (из этой тесьмы была нашита надпись на флаге) (л. 2—3).

По повелению царя от 17 декабря 1876 г. все обвиняемые были преданы суду особого присутствия правительствующего Сената по материалам жандармского дознания без предварительного следствия. Повеление не было своевременно сообщено обвиняемым, а потому они не имели возможности в узаконенный срок просить о вызове свидетелей. Напрасно их защитники, среди которых были и лучшие столичные адвокаты, просили Сенат о восстановлении сроков для вызова свидетелей. Им было в этом отказано. Один из обвиняемых (Бочаров) в своем заявлении Сенату указывал на ряд искажений фактов и даже просил Сенат довести до сведения министра юстиции «о явно небрежных и недобросовестных действиях товарища прокурора по составлению обвинительного акта»¹.

Во время судебного заседания защитники подсудимых² указывали на недопустимый прием составления обвинительного акта, в котором имелись ссылки на акты дознания с искажением показаний свидетелей в интересах обвинения. Обвинение строилось в значительной степени на показаниях полицейских, являвшихся заинтересованными в деле лицами; подсудимые обвиняли полицейских в насилии. Сенат признал в демонстрации дерзостное порицание установленными государственными законами образа правления и приговорил обвиняемых к различным наказаниям вплоть до каторжных работ на 15 лет.

Каторжные работы были назначены 5 осужденным. Большинство было приговорено к ссылке на поселение. Среди приговоренных к каторжным работам на 6 лет и 8 месяцев оказалась 16-летняя Шефтель, звавшая толпу идти за ней вперед. Другой подсудимый, также в возрасте 16 лет, Потапов, развернувший красный флаг, был приговорен к ссылке на поселение; к поселению был приговорен и третий несовершеннолетний Тимофеев, но суд ходатайствовал о замене этих наказаний несовершеннолетним другими, а именно: для Шефтель — ссылкой на жительство в Сибирь, для Потапова и Тимофеева — заключением в дальние монастыри (Потапов был отправлен в Соловецкий монастырь). Кассационные жалобы осужденных оставлены без последствий.

Плеханов в своей статье «Русский рабочий в революционном движении», вспоминая демонстрацию на Казанской площади, остановился на приговоре Сената. Он отметил неправильное

¹ ЦГИА в Москве, 1876. Дело особого присутствия правительствующего Сената, 1876, опись I, № 170. «О преступной демонстрации 6 декабря 1876 г. на Казанской площади в С.-Петербурге», листы 176—177.

² См. «Государственные преступления в России», составил Базиловский, т. II, год издания не указан, стр. 1—127.

осуждение к каторжным работам Боголюбова, который не принимал в демонстрации никакого участия. По словам Плеханова, полиция задержала Боголюбова на Морской улице и «вообразила, что он-то и есть их победоносный неприятель»¹. Интересно, что Плеханов объяснил менее суровый приговор Сената над рабочими-демонстрантами сравнительно со студентами сознательной политикой высокого судилища: Сенат хотел показать, что рабочие не были убежденными врагами государственного строя. Насколько ошибался в данном случае Сенат, мы увидим из нашего очерка о монастырских тюрьмах. Оба рабочих, Потапов и Тимофеев, остались верными убеждениям в местах их наказания и подверглись там новым репрессиям.

Так расправился Сенат с участниками первой демонстрации. Приговоренные к каторжным работам были направлены в Новобелгородский централ и на Кару. Мы встретимся с ними в нашем последующем изложении.

§ 12. ПРОЦЕСС 50-ти

В 1877 году особое присутствие Сената рассматривало дело «о противозаконном сообществе и распространении преступных сочинений». Этот процесс известен под названием «процесса 50-ти». Он представляет для нас интерес во многих отношениях: во-первых, он знакомит нас с той стадией революционной борьбы, когда она выливалась только в форму пропаганды. Во-вторых, этот процесс, рассмотренный еще при открытых дверях, дал обвиняемым возможность выступить на суде с речами.

Процесс 50-ти в отличие от процесса долгушинцев выявил распространение противоправительственной пропаганды преимущественно среди фабричных рабочих. Эта пропаганда захватила целый ряд заводов и фабрик. Из приговора Сената видно, что пропаганда велась в Москве на следующих фабриках: Тюляевской, Рошфор, Соколовской, Шиблевской, Лазаревых, а в Иваново-Вознесенске на фабриках Лопатинской и Зубовской. Пропагандистами были интеллигенты обоего пола, поступавшие на фабрики или устанавливавшие связь с рабочими, из среды которых выходили агитаторы.

В числе обвиняемых по этому делу были уже не только интеллигенты, но и рабочие, и среди них Петр Алексеев, выступивший на судебном заседании со своей известной речью. Про-

¹ Г. В. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям), Соч., т. III, изд. 2-е, стр. 153.

паганда велась как путем живого слова, так и путем распространения различных книг и брошюр революционного содержания, как, например, «История французского крестьянина», «Емелька Пугачев», «Парижская Коммуна», «Сказка о четырех братьях», «Хитрая механика». Этот перечень далеко не исчерпывающий. В архивном деле с материалами полицейского дознания по процессу 50-ти мне попался протокол обыска, произведенного жандармами в деревне на родине Петра Алексеева. В избе его отца, в углу, были обнаружены агитационные брошюры: «Мирской учет», «Песенник», «Крестьянские выборы», «Стенька Разин», «Сила солому ломает», «Степные очерки» и др.¹ Некоторые из этих книжек были не в одном экземпляре. Наименование брошюр показывает, что Петр Алексеев, энергичный пропагандист среди рабочих фабрик и заводов, вел противоправительственную агитацию также и среди крестьян.

В числе лиц, преданных суду, оказались представители всех сословий: дворяне, мещане, крестьяне; среди осужденных два первых места Сенат отвел рабочему Петру Алексею и князю Цицианову. Однако значительное число обвиняемых составляли дворяне и дети чиновников и духовенства. Все подсудимые, кроме трех, были осуждены. Сенат признал доказанным образование в Москве в 1875 году противозаконного сообщества для ниспровержения в более или менее отдаленном будущем существующего в государстве правительства и приготовления к бунту.

Особое присутствие Сената разбило осужденных на четыре группы. В первую группу были отнесены 13 осужденных, признанных виновными в организации преступного сообщества. Это были: Зданович, Джабадари, Чикоидзе, Кардашев, Люботович Ольга и Вера, Субботины Евгения и Надежда, Лукашевич, Бардина, Фигнер Лидия, Александрова, Хоржевская. Во вторую группу были отнесены признанные виновными в принадлежности к этому сообществу; среди них Петр Алексеев, Владимир Александров, Анна Топоркова и др. Наиболее многочисленной оказалась третья группа, в которую были отнесены признанные виновными в противоправительственной агитации. Сюда были включены 22 обвиняемых, в том числе и такие, которые были осуждены по первой и по второй группе. Сенат

¹ ЦГИА в Москве, фонд 112. Особое присутствие правительствующего Сената, № 36, т. 15, 1876. Дознание, т. I, «О распространении книг преступного содержания на московских фабриках», л. 116, и оборот.

признал возможным осудить двоих обвиняемых лишь за недонесение о преступном сообществе¹.

Осужденные, большинство которых было в возрасте до 25 лет, были приговорены к каторжным работам, к ссылке и к лишению свободы в различных местах заточения. Сроки каторжных работ достигали 15 лет.

Судебное заседание по этому вопросу ознаменовалось яркими речами подсудимых и, в особенности, рабочего Петра Алексея Бардиной. В. Фигнер, вспоминая выступление Петра Алексея на суде, говорила: «Как хорош он был в своей белой рубашке со смелым жестом поднятой кверху полуобнаженной мускулистой руки. Казалось, в лице его говорил весь пролетариат. Она (речь.— М. Г.), как и речь Бардиной, осужденной по этому процессу, была распространена в огромном количестве экземпляров в народе»².

Речь Петра Алексея дала очень яркую характеристику положения рабочего класса на фабриках и заводах. Он рисовал это положение, начиная с юного ученика на фабрике и кончая превращением его в рабочего, эксплуатируемого капиталистами. Он указывал на заработок в 40 копеек за 17 рабочих часов, на отсутствие здоровых развлечений и хорошей литературы, на недоступность образования для рабочего и т. д. Тяжелому положению рабочего он противопоставлял роскошную жизнь капиталистов. Заканчивая речь заявлением, что рабочему народу не на кого надеяться, кроме как на самого себя, и не от кого ждать помощи, кроме интеллигентной молодежи, он выражал уверенность: «Подымется мускулистая рука миллионов рабочего люда, и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится в прах!»³.

Речь Алексея неоднократно прерывалась председателем суда и закончилась под его крики: «Молчать, молчать!». Однако Алексей громко произнес и последние заключительные слова. Ленин считал эти слова «великим пророчеством», которое исполнится только тогда, когда «...все силы пробуждающегося пролетариата соединим со всеми силами русских революционеров в одну партию, к которой потянется все, что есть в России живого и честного»⁴.

¹ ЦГИА в Москве, фонд 112, 1877. Особое присутствие правительствующего Сената, № 144, ч. 2, опись (по делу 50-ти), листы 404, оборот, и 405.

² В. Н. Фигнер, Шлиссельбургские узники 1884—1905 гг., М., 1920, стр. 55.

³ «Государственные преступления в России», составил Базилевский, т. II, стр. 333.

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. 4, стр. 346.

Вторая речь, произведшая сильное впечатление, принадлежала подсудимой Бардиной. В процессе 50-ти было 16 обвиняемых женщин, и, по словам В. Фигнер, «прекрасный образ их тронул и привлек сердца».

Речь Бардиной дышала глубокой искренностью убеждений, отличалась большой логичностью и заканчивалась обращением к сенаторам: «Преследуйте нас — за вами пока материальная сила, господства, но за нами сила нравственная, сила исторического прогресса, сила идеи, а идеи — увы — на штыки не улавливаются».

Приговоренные к наиболее продолжительному сроку каторжных работ Петр Алексеев, Цицианов, Зданович, Джабадари были направлены в Новобелгородский централ, а затем переведены на Кару. Вообще по этому делу репрессии были очень суровыми. Царская тюрьма всех ее видов — каторжная, исправительно-арестантские отделения, смиренный и рабочий дома, исправительная тюрьма и арестный дом — получила новых узников.

О процессе 50-ти были оставлены очень подробные воспоминания осужденным Джабадари. Он отмечал в этих воспоминаниях особенно значительное участие в образовавшейся политической организации тех женщин, которые вернулись из Швейцарии. При выработке устава этой организации ее члены старались объединить сторонников различных социалистических течений, и поэтому вопросы революционной тактики не были резко поставлены. Джабадари по этому поводу писал: «...Мы стремились отмечать общие стороны нашего идеала и сближать по возможности всех в борьбе с общим врагом. А нашим врагом было все то, что поддерживало политический и экономический гнет, все то многоголовое самодержавие полицейско-чиновнического уклада страны, поддерживаемое капиталом и крупным землевладением, которое давило все и вся вокруг»¹.

Царское правительство предполагало, что рассмотрение процесса 50-ти при открытых дверях возбудит в привилегированных кругах страх перед растущей революцией и сомкнет привилегированный класс теснее вокруг трона². Но правительство ошиблось.

Даже из краткого и сухого протокола заседания особого присутствия Сената видно, что публичное заседание суда

¹ Глинский, Революционный период русской истории (1861—1889), ч. II, стр. 74.

² См. там же, стр. 77.

превратилось в единоборство высшего судилища со сплоченной группой революционной молодежи. В целях ослабления своих противников Сенат попытался разбить их на несколько групп и рассматривать отдельно обвинение каждой из этих групп. Ввиду протеста самих обвиняемых и их защитников Сенату пришлось согласиться с законным требованием подсудимых о допущении их присутствия на заседании независимо от того, против какой группы обвинения подлежало рассмотрению. В протоколе суда я нашел следующую интересную запись: «Первоприсутствующий заявил, прежде чем приступить к производству судебного следствия, что он считает должным напомнить, что ввиду сделанного особым присутствием разрешения присутствовать им при допросе всех по этому делу свидетелей, они должны вести себя не так, как вели до сих пор, и что если они будут затруднять ход заседания неуместными заявлениями и вообще вести себя так, как вели себя до настоящего времени, то он, в силу данной ему власти, будет удалять их из зала заседания»¹. Обвиняемые превратили суд над ними в арену политической борьбы и революционной пропаганды. В этом отношении они вышли победителями, хотя и были осуждены к тяжелым наказаниям.

По словам А. Ф. Кони, в этом процессе, как и в следующих, выдающуюся роль по своей «придирчивости и одностронности» играл сенатор Тизенгаузен. Он раньше слыл «красным». Но этот «красный», в силу красного сенаторского мундира, радикально переменял окраску². Эти слова Кони объясняют беспощадную суровость приговора.

§ 13. ПРОЦЕСС 193-х

В истории политических судебных процессов царской России мы должны уделить должное внимание так называемому процессу 193-х. Он известен также под названием «Большого процесса»³. Царское правительство подводило в этом процессе итоги своей борьбы с революционными народниками-пропагандистами. Этот процесс был «большим» во многих отношениях. Число привлекавшихся к дознанию было, по воспоминаниям современников, огромным. Жандармы производили аресты в

¹ ЦГИА в Москве, фонд 112, 1877. Особое присутствие правительствующего Сената, № 144, ч. 2, опись 1, л. 422, оборот.

² См. А. Ф. Кони. Воспоминания о деле Веры Засулич, 1933.

³ См. А. Якимова, Большой процесс или процесс 193-х (о революционной пропаганде в империи), «Каторга и ссылка» 1927 г. № 8 (37).

большом числе городов и населенных пунктах России. В Петербург были свезены арестованные из 37 губерний. Расследование дела длилось 4 года, т. е. такое продолжительное время, которое было необычным даже в истории политических процессов в России, не отличавшихся быстротой следствия. В предварительном заключении многие пробыли до четырех лет. Судебное рассмотрение продолжалось с 18 октября 1877 г. по 23 января 1878 г., т. е. более трех месяцев. На этом деле жандармы, следователи, чины прокуратуры и судебного ведомства строили свои надежды на продвижение по служебной лестнице. Этим в значительной степени объясняется широкий объем деятельности по делу различных представителей власти. Однако несмотря на все старания, собранные материалы¹ не дали возможности посадить на скамью подсудимых большинство из привлеченных к дознанию и вынести обвиняемым такие приговоры, которые вполне отвечали бы желанию правительства.

Одна из обвиняемых по этому процессу, Якимова, сделала некоторые подсчеты. Часть привлеченных к суду обвинялась в нескольких преступлениях, но основная масса подсудимых обвинялась в принадлежности к политическому обществу, ставившему своей целью ниспровержение в более или менее отдаленном будущем существующего в Российской империи государственного устройства. Таких обвиняемых было 175 человек. Следующее по численности место занимают обвиняемые в распространении противоправительственной агитационной литературы — 117 человек.

Автор воспоминаний о процессе 193-х рассказывает, что работа пропагандистов началась во многих местностях с весны 1874 года. Пропаганда велась также путем распространения противоправительственной литературы. Многие агитаторы работали по деревням. Аресты первых агитаторов начались еще ранее: уже 12 ноября 1873 г. были арестованы в Петербурге за пропаганду среди рабочих — Синегуб и Стаховский. Оба они были включены в число обвиняемых по процессу 193-х.

К осени 1874 года было арестовано значительное число пропагандистов. Как и всегда в таких случаях, администрация держалась своей обычной тактики: лучше арестовать больше, чем меньше. Но попытка создать единое, огромное по числу участников дело по пропаганде в империи не увенчалась успехом. Многие из обвиняемых увидели друг друга впервые лишь на суде, они не входили в какую-нибудь общую организацию

¹ См. обвинительный акт по делу о революционной пропаганде в империи. Приложение к «Московским ведомостям» 1877 г., стр. 1—79.

и не были связаны между собой ничем, кроме общих политических интересов. Искусственное создание большого процесса о пропаганде в империи по делу 193-х не остановило создания новых процессов о пропаганде: некоторые другие агитаторы, арестованные в это же время, были преданы суду по другим процессам, например, по делу «Южнороссийского союза рабочих», по Московскому процессу 50-ти в 1877 году и др.

Царское правительство, предавая суду 193-х обвиняемых, ставило своей задачей возбудить против них общественное мнение тех слоев населения, на поддержку которых оно рассчитывало. Поэтому обширный обвинительный акт не отличается беспристрастностью. Наоборот, он часто носит черты политического памфлета и не один раз подчеркивает, что пропагандисты ставили своей целью разрушить частную собственность, семью, религию и науку. Так, например, обвинительный акт буквально утверждает следующее: «...учение, основанное на теории Бакунина, возводящее невежество и лень на степень идеала и сулящее в виде ближайше осуществимого блага жить на чужой счет, могло, конечно, показаться заманчивым только для самой плохой части учащейся молодежи, и, действительно, большинство завербованных пропагандистами в среде этой молодежи единомышленников представляет из себя людей, занимавшихся чем угодно, только не науками, а потому и крайне легко относится к вопросу о выходе из учебных заведений».

Обвинительный акт начинается, так сказать, с исторической части, в которой он пытается охарактеризовать возникновение и развитие революционной пропаганды в России в начале 70-х годов. Было подчеркнута влияние политической пропаганды на русскую учащуюся молодежь за границей и особенно в Швейцарии. В то время там происходила борьба сторонников анархического учения Бакунина с последователями Лаврова, считавшего необходимым не прямой призыв к немедленной революции, а лишь такую пропаганду, которая разъясняла бы народу его положение и подготовила бы его к революции. Обвинительный акт отмечает, что большинство пошло за Бакуниным, и объясняет это тем, что теория Лаврова требовала от агитаторов известной научной подготовки, а Бакунин отрицал необходимость науки. Нельзя не признать такое утверждение упрощенным.

Обвинительный акт в своей исторической части не стесняется в средствах для обрисовки обвиняемых с худшей стороны. Так, например, без всяких доказательств и без приведения фамилий высказывается утверждение о «готовности многих пропагандистов к совершению всяких преступлений ради при-

обретения денег». Между тем такое обвинение было предъявлено лишь в двух случаях.

В другом месте обвинительный акт также без всяких доказательств говорит, что для обвиняемых «лишение ближнего собственности и уничтожение власти... есть настоящая формула осуществления, если не всеобщего, то их личного блага на земле».

Таким образом, дело пропагандистов характеризовалось как служение обвиняемых чисто личным интересам. Идя по такому пути, обвинительный акт голословно утверждает о сборе пропагандистами денег разными хитростями, которые придумывались для обирания доверчивых и добрых людей, в чем особенно отличались женщины, входившие в состав кружка. Эти выражения обвинительного акта ясно показывают пристрастный подход прокуратуры к процессу. Во всем чувствовалось стремление наделить обвиняемых в государственных преступлениях чертами уголовных преступников из числа воров и мошенников.

Правительство ошиблось в своих расчетах: использовать процесс 193-х в своих интересах и облить обвиняемых грязью ему не удалось. Уже из самого обвинительного акта можно было видеть необоснованность попытки превратить политических обвиняемых в людей, которым дороги лишь их собственные интересы.

Процесс 193-х не разработан в нашей историко-политической литературе, хотя несомненно заслуживал этого. В огромном количестве томов делопроизводства по этому процессу имеется богатый материал для характеристики политических настроений в русском обществе в 1870-е годы. Среди привлеченных оказались многие из тех, имена которых встречались и позднее в других политических процессах, в том числе и в те годы, когда мирная пропаганда заменилась террором.

Среди многочисленных документов процесса 193-х, среди протоколов допроса тех, кто позднее погиб на царской виселице, в Алексеевском рavelине и в Шлиссельбургской крепости, мое внимание было привлечено к нескольким обширным бумагам за подписью Ипполита Мышкина. Он был арестован за попытку освобождения Чернышевского из Сибири и прошел «сквозь огонь и воду» многих царских тюрем: Трубецкого бастиона, каторжных централов близ Харькова, нескольких сибирских тюрем, Карийской каторги, Алексеевского рavelина, Шлиссельбургской крепости, где и сложил свою голову, приговоренный к расстрелу за оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей.

Заявления Мышкина представляют двойной интерес. Во-первых, они дают материал судить о настроениях этого «неугомонного» борца против царизма и всего государственного строя, а во-вторых, они проливают некоторый свет и на условия заточения в Петропавловской крепости.

Результат всех обращений Мышкина к администрации крепости, к обер-прокурору Сената и пр. был всегда отрицательный. Неудачи не смущали Мышкина. Есть основания думать, что на успех он и сам не рассчитывал. Он стремился разоблачать всех сатрапов, в руках которых была его свобода и которых он презирал, называя их на судебном заседании, как говорилось выше, хуже, чем проститутками, торгующими не своим телом, а своей совестью. Так, например, получив отказ от коменданта крепости на переписку с адвокатом и на получение книг для чтения из какой-нибудь частной библиотеки, Мышкин обратился с заявлением к товарищу обер-прокурора Сената. Этому блюстителю правосудия Мышкин спрашивал: «Можно ли человека, считающегося еще невинным и находящегося в самом тяжелом заключении — в одиночном, — подвергать разным стеснениям, не имеющим ничего общего с целями правосудия»¹.

Мышкин раскрывал перед прокурором, как низко расценивается «правосудие», когда подследственные, незнакомые с законом, лишались права искать юридической помощи у адвоката. Совсем иронически звучит заявление Мышкина к прокурору Сената указать ту статью закона, которая определяет размеры письменного заявления заключенного, так как комендант крепости поставил ему на вид, что он, Мышкин, пишет «слишком много, долго, не идущее к делу».

Конечно, осталась без удовлетворения его просьба прислать ему устав Петропавловской крепости.

В тех же разоблачительных целях Мышкин занимался составлением заявления обер-прокурору Сената на тему о том, как извращается в правительственных целях христианское учение: «...Плох тот рай, в который гонят на цепи с жандармами; плохи те пастыри, которые не умеют снискать уважение пасомых... плохи те защитники евангелия, любви, которые грозят неверующим им тюрьмой и Сибирью!»².

Я не буду останавливаться на других заявлениях Мышкина. Их содержание, то сатирическое, то негодующее, находи-

¹ ЦГИА в Москве, 1876. Дело особого присутствия правительствующего Сената, № 662. «Переписка по особому присутствию Сената», листы 48—49.

² Тот же архив, то же дело, л. 65, оборот.

лось в соответствии с настроением не только Мышкина, но и других обвиняемых по тому же процессу. Оно находилось в соответствии и с настроениями передовой части молодежи. Плеханов вспоминал о возбуждении студенчества, о зажигательных речах, прокламациях, протестах, обращенных к министру юстиции¹.

У правительства не было уверенности в успехе обвинения. Поэтому были приняты меры для проведения судебного разбирательства в условиях наименьшей публичности. На этом основании процесс был заслушан в таком зале суда, где не оставалось места для широкой публики. Защитники обвиняемых в самом начале судебного заседания заявили протест против разбора дела в зале таких размеров, которые фактически превращали процесс в негласный. Но не в интересах суда и правительства было придавать широкой гласности тот поединок, который должен был произойти в зале суда между обвиняемыми пропагандистами, с одной стороны, и государственным обвинением — с другой. Боязнь провала, опасение раскрытия недопустимых приемов розыска и следствия привели суд к решению отказать защите в ее требовании перенести рассмотрение дела в другое помещение. Этот отказ суда вызвал заявление обвиняемого Чернявского от имени подсудимых о непризнании ими негласного суда. В ответ на приказание председателя суда вывести Чернявского из зала большинство подсудимых встало с мест с криками о непризнании ими суда и направилось к выходу, но жандармы загородили проход, и заседание суда было закрыто. В следующие дни заседания повторялись такие же бурные сцены протестов обвиняемых и увода их из помещения суда. Надо предполагать, что в целях облегчения борьбы с подсудимыми суд вынес и объявил решение разбить их на 17 групп и рассматривать обвинение каждой группы отдельно от других. Это вызвало новые протесты обвиняемых и отказ являться на суд.

Нередко эта энергичность протестов приводила членов суда в замешательство. Был даже случай, когда сенатор Петерс,

¹ См. Г. В. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям), т. III, изд. 2-е, стр. 164. «Особенно горячилась учащаяся молодежь. В университете, в медико-хирургической академии и в технологическом институте проходили многолюдные сходки. Землепольцы производили там зажигательные речи. Недавно основанная землевольческая типография выпустила большой отчет о процессе и множество воззваний. Был выпущен проект адреса министру юстиции Палену от учащейся молодежи, заключавший в себе резкий протест против жандармской инквизиции».

председательствовавший в особом присутствии Сената, сбежал со всем составом суда из зала, забыв объявить заседание закрытым. Он поручил судебному приставу объявить об этом подсудимым и защите. Конечно, это было нарушением обрядов и форм судопроизводства, и защитники требовали возвращения Петерса в зал судебного заседания. Впрочем, присяжные поверенные не проявили здесь должной твердости и пошли на компромисс, согласившись услышать от Петерса о закрытии заседания не в зале суда, а в совещательной комнате¹.

Трехмесячное заседание суда сопровождалось подобными инцидентами. Петерс оказался не в силах довести судебное следствие до конца и был заменен другим председателем. На стороне подсудимых была их революционная решимость, жажда политической борьбы, готовность самопожертвования. В этом отношении особенно выделялся Ипполит Мышкин. Он выступил с блестящей речью с оценкой царского суда, который он сравнивал с публичным домом. Речи защитников показали неправильность предъявленных обвинений. В результате из 193-х обвиняемых 90 человек были оправданы.

Особое присутствие Сената просило царя о смягчении им мер репрессии в отношении приговоренных к различным наказаниям, не исключая и осужденных к каторжным работам.

Эти ходатайства являются подтверждением необоснованности и раздутости предъявленного обвинения, но шеф жандармов Мезенцов и министр юстиции Пален приняли со своей стороны меры, и ходатайства суда были удовлетворены лишь частично. Однако не обошлось без осуждения нескольких человек к каторжным работам на разные сроки, вплоть до 10 лет. Но даже смягченный приговор был слишком суровой репрессией для тех, кто, полный энтузиазма, пошел в народ для пропаганды. Суровость наказания не устранила осужденных пропагандистов. Им удалось из одиночных камер Трубецкого бастиона послать за границу и напечатать там в революционном журнале «Община» коллективное письмо — «Завещание товарищам по убеждению». Это был горячий призыв продолжать политическую борьбу, «идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той святой цели, из-за которой мы подверглись преследованиям и ради которой готовы страдать до последнего вздоха»².

¹ См. А. Якимова, Большой процесс или процесс 193-х (о революционной пропаганде в империи), «Каторга и ссылка» 1927 г. № 8 (37), стр. 31.

² С. Л. Чудновский, Из дальних лет, «Минувшие годы» 1908 г. № 4, стр. 55—56.

Процесс 193-х имеет большое значение в истории расправы царизма с его политическими врагами. Правительство предполагало одним ударом покончить с пропагандистами на пространных всей империи. Но, несмотря на старания жандармов и чинов судебного ведомства, ему не удалось достичь этой цели. Собранные улики оказались большей частью недостаточными даже с точки зрения самих представителей власти. Тактика бойкота, примененная подсудимыми, их отказы присутствовать на суде еще больше затруднили работу суда.

Из приговоренных по этому процессу к каторжным работам несколько человек были направлены в каторжные центры близ Харькова. Это были Мышкин, Ковалик, Сажин, Виташевский, Рогачев, Муравский. Некоторые из них закончили отбывание каторги на Каре, а с Мышкиным нам придется встретиться в нашем очерке о Шлиссельбургской крепости.

Следует отметить, что значительное число оправданных по этому процессу подверглось административной высылке из столицы, ссылке в различные места России. Таким образом, III отделение совершенно не считалось с судебным приговором и расправлялось с теми, против которых трехмесячное судебное разбирательство, несмотря на все старания, не смогло собрать доказательств виновности¹.

§ 14. ПРОЦЕСС «ЮЖНОРОССИЙСКОГО СОЮЗА РАБОЧИХ» И «СЕВЕРНОГО СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ»

Среди политических судебных процессов 70-х годов мы находим дело о «Южнороссийском союзе рабочих», рассмотренное особым присутствием Сената в мае 1887 года. Особенность этого дела заключается в том, что на скамье подсудимых находились почти исключительно рабочие фабрик, типографий, железнодорожных мастерских и др. Но не только на скамье подсудимых преобладали рабочие: они исчерпывали почти целиком то большое число арестованных по этому делу, которое предполагалось предать суду. В других процессах 70-х годов среди обвиняемых преобладали представители интеллигенции,

¹ По этому процессу наряду с другими были оправданы Желябов и Перовская, привлеченные позднее по процессу 1 марта 1881 г. См. о процессе 193-х речь Спасовича в защиту Щенкина (Спасович, Семь судебных речей по политическим делам, СПб., 1908, стр. 1—19). См. также Б. Базилевский, Государственные преступления в России, т. III, 1906, стр. 1—303, «Завещание осужденных», стр. 303.

особенно учащиеся высших учебных заведений. В этом процессе «Южнороссийского союза рабочих» из 15 обвиняемых было лишь двое интеллигентов.

Из 39 человек, против которых было начато предварительное следствие, интеллигентов было двое, рабочих — 35 человек, кроме того, один служащий и один содержатель пивной.

Процесс «Южнороссийского союза рабочих» занимает среди судебных процессов XIX века особое место не только по классовому составу его участников, но и по характеру революционной деятельности членов этого союза. Надо удивляться, что эта революционная работа долго не находила должной оценки в нашей литературе, а судебный процесс по этому делу почти не привлек к себе внимания. Еще в 1924 году были изданы ценные материалы секретных архивов по этому делу. Они были взяты частью из архива III отделения, частью из архива Одесского жандармского управления¹.

С полной уверенностью можно сказать, что «Южнороссийский союз рабочих», образованный в конце 1874 года или в самом начале 1875 года, явился первой классовой рабочей организацией в России. Основателем этой организации был интеллигент-дворянин Заславский, начавший свою пропагандистскую деятельность в Одессе еще в 1872 году. Он ставил своей задачей создать чисто рабочую организацию и действовал для достижения этой цели исключительно при помощи самих рабочих, из среды которых он воспитывал агитаторов и пропагандистов. Методами его работы были не только пропаганда путем живого слова и распространения агитационной литературы, но также и развитие среди рабочих революционной самостоятельности в виде устройства библиотечек, товарищеских касс и участия в типографии. Все дело велось настолько конспиративно, что в течение трех лет рабочая организация оставалась неизвестной жандармам, пока о ней не донес предатель.

Наибольший интерес для характеристики «Южнороссийского союза рабочих» представляет устав союза. В этом уставе восприняты идеи Коммунистического манифеста, «а отдельные пункты устава союза являются простым пересказом некоторых его положений»².

В первой статье устава провозглашалось: «Рабочие могут достигнуть признания своих прав только посредством насильственного переворота, который уничтожит всякие привилегии и

преимущества и поставит труд основой личного и общественного благополучия».

Союз ставил своей целью «пропаганду идеи освобождения рабочих из-под гнета капитала и привилегированных классов»; другой целью являлась борьба с установившимся экономическим и политическим порядком в России.

Членом союза мог быть только трудящийся. Девизом деятельности союза было: «Один за всех и все за одного».

По уставу на каждого члена союза была возложена обязанность вести пропаганду с целью привлечения новых членов в общество. Союз составлялся из кружков, из которых каждый имел своего представителя в союзе. Собрания депутатов происходили еженедельно.

Ко времени выработки устава члены общества, кроме Одессы, были также и в Ростове-на-Дону, а вскоре были посланы делегаты в разные южные города для организации там отделений союза. Донос прервал развитие союза и привел к многочисленным арестам среди его членов, число которых жандармы определяли цифрой 300.

Начальник жандармского управления в Одессе обращал внимание III отделения на особую опасность раскрытой революционной организации ввиду ее рабочего состава.

В ЦГИА в Москве по фонду особого присутствия правительствующего Сената находится все производство по делу этой рабочей организации. Из обвинительного акта видно, что суду Сената были преданы следующие 15 обвиняемых: Заславский Е.—дворянин, 30 лет, Сквери М.—итальянский подданный, 20 лет, Рыбицкий Я.—неизвестного звания, 25 лет, Кравченко Ф.—мещанин, 23 лет, Луценко С.—мещанин, 37 лет, Силенко П.—мещанин, Мрачковский В.—20 лет, Наумов С.—27 лет, Короленко М.—19 лет, Ляховский М.—сын священника, 28 лет, Тараненко Г.—унтер-офицер, 36 лет, Курганский М.—мещанин, 25 лет, Наддачин Н.—мещанин, 24 лет, Волощук К.—мещанин, 35 лет, Соколов Ф.—унтер-офицер, 36 лет.

Эти обвиняемые — рабочие заводов, фабрик типографий и железной дороги — являлись в основном выходцами из крестьян и мещан. К этому времени в России за протекшие 10—15 лет после отмены крепостного права быстро развивался капитализм, шла пролетаризация крестьянства и росло обнищание городских ремесленников, превращавшихся в фабрично-заводских рабочих.

Обвиняемые были наиболее передовыми рабочими из общей массы промышленного пролетариата. Жандармским дознанием было установлено пребывание среди одесских рабочих приехавшего из Петербурга рабочего-слесаря Обнорского, с которым мы

¹ Центрархив, Южнорусские рабочие союзы, под ред. Максакова и др., 1924.

² Там же, стр. 62.

встретимся в нашем очерке о процессе «Северного союза русских рабочих». Это был рабочий-революционер, явившийся представителем тех передовых фабрично-заводских рабочих, которым их пролетарское положение подсказывало, что истинный путь к победе над царизмом и буржуазией указан не программой народничества, а учением Маркса — Энгельса, идеями I Интернационала.

Можно смело сказать, что эти рабочие, привлеченные к суду, и их товарищи по делу «Южнороссийского союза рабочих», а затем и «Северного союза русских рабочих», не привлеченные к суду, были первыми в России учениками Маркса и Энгельса из числа рабочих. Маркс и Энгельс учили пролетариат сознавать свои силы, сознавать свои классовые интересы и объединяться для решительной борьбы с буржуазией.

Вышеназванные обвиняемые были отобраны жандармерией из большого числа рабочих, принимавших участие в организации. В расчеты правительства не входило выявить перед русской общественностью истинные размеры этой рабочей организации.

Объединенные рабочие кружки просуществовали такое продолжительное время, которое редко выпадало на долю тайных революционных организаций, обычно очень скоро становившихся известными полиции. Предателем явился железнодорожный машинист Толстонос, подло втершийся в доверие активных членов рабочего союза и доставивший жандармерии вещественное доказательство в виде нелегальной литературы. Он получил ее от членов союза, выразив желание распространять ее по линии железной дороги. Так, он получил экземпляры газет «Работник», «Вперед», брошюры «Французская революция 1848 г.», «История французского крестьянина», «Емелька Пугачев».

Из обвинительного акта видно, что составлению устава «Южнороссийского союза рабочих» предшествовали проекты выработки уставов «ссудно-сберегательной кассы» и устава «братской кассы одесских рабочих», в которых говорилось о необходимости борьбы рабочих с привилегированными классами. Такое проектирование завершилось составлением Заславским проекта устава «Южнороссийского союза рабочих». Он выработывался на собраниях рабочих за городом при активном их обсуждении статей устава. Я уже привел выше статьи устава глубочайшего интереса, выясняющие идейную связь этого устава с Коммунистическим манифестом. Шестой пункт устава требовал от каждого члена готовности на всякую жертву, какая окажется необходимой для спасения союза, а пятый пункт объявлял изменником союза всякого, кто проговорится о существовании союза и не исполнит в точности обязанностей члена этого союза.

В обвинительном акте выяснялась деятельность союза и приводились показания обвиняемых. Заславский не признал себя виновным и отказался давать какие-либо объяснения. Из акта видно, что на собраниях рабочих читалась нелегальная литература, а Заславский произносил речи о тяжелом положении рабочих и крестьян. Показателем того впечатления, которое производила на рабочих эта пропаганда, служат приведенные в обвинительном акте объяснения обвиняемого Короленко. Он объяснял свое вступление в союз надеждой, что исполнится цель союза, что будет гораздо лучше, что никто ничего своего иметь не будет, что все будет общее.

При ознакомлении с историей возникновения союза обвинитель отмечал, что еще в 1872—1874 гг. Заславский принимал участие в чтении лекций для рабочих, где говорил об эксплуатации рабочих фабрикантами и о покровительстве правительства этим эксплуататорам. Студенты преподавали членам общества арифметику, русский язык.

Обвинение было подведено против Заславского и еще восьмерых обвиняемых по ч. 2 ст. 250 Уложения о наказаниях за составление противоправительственного общества с целью ниспровержения существовавшего строя. Кроме того, эти же девять обвиняемых и пятеро других обвинялись по ст. 251 Уложения о наказаниях за противоправительственную пропаганду. К одному обвиняемому было предъявлено обвинение в хранении противоправительственной литературы¹.

Как указано выше, суду было предано 15 человек. Правительство не опубликовало по этому процессу отчета, но в названном нами сборнике материалов опубликована очень подробная запись о ходе судебного разбирательства, сделанная, как предполагают, кем-то из осужденных по этому делу. Этому отчету было предпослано в рукописи особое приложение, в котором говорилось, что судебное разбирательство показало «русское бесправие, поправие всякой справедливости и даже собственных варварских законов». Действительно, рассмотрение дела было произведено, несмотря на протесты защиты, в отсутствие свидетеля-доносчика. Его показания, записанные на дознании и следствии и сделанные с глазу на глаз перед жандармами и следователем, не могли быть, таким образом, проверены допросом его на суде. Автор отчета о процессе отметил допрос поодиночке пятерых обвиняемых, дававших на следствии «откровенные показания». Этим

¹ ЦГИА в Москве, фонд особого присутствия правительствующего Сената, № 112, дело № 190, 1877. «О дворянине Евгении Осипове Заславском».

допросом суд надеялся получить подтверждение сделанных показаний и на заседании особого присутствия Сената. Но эти ожидания не оправдались.

Сенат приговорил к каторжным работам: Заславского на 10 лет, Кравченко и Рыбицкого на 5 лет; остальные были приговорены к другим видам лишения свободы. Рыбицкий и Кравченко отбывали каторжные работы в Новоборисоглебском центре, а Рыбицкий — также и на Каре.

Заславский умер до отправки его в Сибирь. Вина за его преждевременную смерть падает на царский суд. Еще в Одессе после заключения его в тюрьму во время предварительного следствия он обнаружил признаки психического заболевания. Тюремный врач донес местному прокурору об этом заболевании, категорически подтвердив, что не может быть и речи о какой-либо симуляции. Он подчеркивал в своем рапорте об отсутствии в тюремной больнице всяких средств лечения заболевшего, требуя перевода его в больницу для душевнобольных, где возможно приостановить развитие болезни. Жена Заславского подала об этом просьбу тому же прокурору. Однако на это не было обращено внимания. Так как дело было назначено к разбору в Петербурге, то обвиняемые были перевезены туда и размещены по тюрьмам. По определению суда, Заславский был помещен в психиатрическую больницу на испытание. Старший врач этой больницы высказался, что «весьма сомнительно расстройство умственных способностей Заславского»¹. Сенат также подверг сомнению заболевание Заславского и, как было указано, приговорил его к каторжным работам. Заболевание продолжало развиваться. По ходатайству жены Заславского проведение приговора в исполнение было приостановлено, и больной был помещен снова в ту же больницу, старший врач которой оказал своим врачебным заключением содействие Сенату для осуждения больного. Вскоре последовало «высочайшее» повеление сослать Заславского вместо каторжных работ на поселение в Томскую губернию. Царь не хотел освободить от Сибири даже заболевшего этого крупного пропагандиста и создателя «Южно-российского союза рабочих». Однако преждевременная смерть Заславского в Петербургском тюремном замке помешала привести приговор в исполнение. Он умер 13 июня 1878 г.

Так закончился процесс «Южно-российского союза рабочих». Жандармы не ошиблись, когда подчеркивали особую опасность

¹ ЦГИА в Москве, 1876. Дело Одесской судебной палаты № 188. «Дополнительная переписка о преступном сообществе в г. Одессе среди рабочих», листы 24, 38, 39, оборот.

этого дела, в котором выступила на борьбу с правительством новая грозная сила, могильщик капитализма — рабочий класс.

Через 3 года после приговора особого присутствия Сената по делу «Южно-российского союза рабочих» военно-окружной суд в Петербурге отправил в каторжные работы на 10 лет рабочего Виктора Обнорского. В истории русского революционного движения имя Обнорского связано с созданием в России рабочей организации, на программу которой наложило свой отпечаток знакомство Обнорского за время пребывания за границей с деятельностью марксистских социал-демократических партий и I Интернационала, руководимого Марксом. Хотя судебная расправа над этим выдающимся представителем рабочего класса и совершилась в 1880 году, но революционная работа осужденного началась значительно ранее. Она была учтена военно-окружным судом, который отметил, что Обнорский еще в начале 1870-х годов «был первостепенным деятелем в кружке «Чайковцев» из класса рабочих»¹. Когда было начато жандармское дознание по задуманному правительством грандиозному делу о расправе с неугодными ему элементами и было начато собирание материалов по уже известному нам процессу 193-х, в числе привлеченных оказался и Виктор Обнорский. Он был посетителем тех лекций, которые читались членами кружка Чайковского, и в том числе Петром Кропоткиным. Последний читал лекции об Интернационале. В архивном деле мы нашли протокол допроса Кропоткина. Он признал чтение им лекций рабочим об Интернациональном обществе, но не признал себя виновным «в распространении среди рабочих идей Интернационального общества рабочих, в возбуждении рабочих к восстанию против правительства с целью ниспровержения порядка и в распространении книг революционного содержания»².

Когда начались в Петербурге аресты среди агитаторов и рабочих, Обнорскому удалось скрыться. Я нашел его имя в специальном деле о розыске 47 скрывшихся обвиняемых по процессу 193-х³. Он скрылся за границу. В не опубликованном до настоящего времени в печати показании Обнорского на его допросе 23 августа 1879 г. имеются не лишние сведения о

¹ ЦГИА в Москве, фонд 545 Петербургского военно-окружного суда, 1880, № 300, т. III, св. 167. «О мещанах: Викторе Обнорском, Петре Петерсоне и крестьянине Якове Смирнове».

² ЦГИА в Москве. Особое присутствие правительствующего Сената, 1874, № 209, опись 1. «О Грибоедове, Сердюкове, Кропоткине и др.» л. 1210.

³ ЦГИА в Москве, 1873. Особое присутствие правительствующего Сената, № 348, опись 1. «Об обвиняемых, скрывшихся и неразысканных».

странствиях этого человека, полного сил и энергии в стремлении стать участником борьбы за рабочее дело. Не имея никаких средств, он осуществил выезд за границу, поступив смазчиком на пароход, совершавший заграничные рейсы. На этом пароходе он побывал в портах Константинополя, Мессины, Лиссабона, Гавра, Лондона. Отрицая свидания с кем-либо из эмигрантов, он признал свой переезд из Лондона в Париж и оттуда в Женеву. Здесь он обосновался. Не зная иностранных языков, он находился в тяжелом материальном положении. При помощи одного из эмигрантов он поступил рабочим на один из заводов в Женеве. Постепенно разрастались его знакомства с русскими эмигрантами. Он назвал среди них Кропоткина, Клеменца, Драгоманова, Черкезова. Первые двое были некоторое время узниками Петропавловской крепости, куда был заключен и сам Обнорский. Свое возвращение в 1877 году он объяснил тоской по родине. Впрочем, он еще раз ездил за границу, а именно на всемирную выставку в Париже в 1878 году. Он не признавал себя виновным в поездке в то же время в Лондон для закупки там типографского станка для подпольной типографии. Так как тайная политическая полиция имела в своих руках печатные экземпляры устава образовавшегося в Женеве общества помощи русским политическим эмигрантам и среди учредителей этого общества стояла фамилия и Обнорского, то он не мог отрицать своего участия в этом обществе и пояснил, что подыскивал работу для нуждающихся¹.

Такова была деятельность Обнорского, выявленная следственными судебными властями. Она только отчасти раскрывала действительную роль этого рабочего в истории борьбы рабочего класса. Эта деятельность характеризовалась теми же чертами, которые были отмечены нами в деле «Южнороссийского союза рабочих». Создававшаяся Обнорским и его товарищами, в том числе Степаном Халтуриним, организация «Северного союза русских рабочих» носила пролетарский характер.

Участник революционных событий 1870-х годов Г. В. Плеханов писал: «Северный союз русских рабочих» естественным образом возник из того ядра петербургской рабочей организации, которая, как я говорил выше, составила из «старых», испытанных революционеров-рабочих. Плеханов подмечает большое различие в отношении к политической борьбе интеллигентов-революционеров и рабочих: «Как бы там ни было, будущий историк

¹ ЦГВИА в Москве, фонд 545 Петербургского военно-окружного суда, 1880, № 300, т. I, св. 167. «Дознание по обвинению мещанина Виктора Обнорского в преступлениях, предусмотренных ст. ст. 318 и 975 Уложения о наказаниях», листы 54-а и 55, оборот.

революционного движения в России должен будет отметить тот факт, что в семидесятых годах требование политической свободы явилось в рабочей программе раньше, чем в программах революционной интеллигенции»¹.

Автор специального исследования «Северного союза русских рабочих» привел прокламацию этого союза, из которой можно видеть, что его учредительное собрание произошло 23—30 декабря 1878 г.

Программа и организация «Северного союза русских рабочих» носила в значительной степени черты сходства с программой и организацией «Южнороссийского союза рабочих». Северный союз объявлял в своей программе:

- «1) Ниспровержение существующего политического и экономического строя государства, как строя крайне несправедливого.
- 2) Учреждение свободной народной федерации общин, основанных на полной политической равноправности и с полным внутренним самоуправлением на началах русского обычного права.
- 3) Уничтожение поземельной собственности и замену ее общинным землевладением.
- 4) Правильную ассоциационную организацию труда, представляющую в руки рабочих-производителей продукты и орудия производства».

Девизом общества являлись следующие золотые слова, за претворение которых в действительность шли на борьбу пролетарии: «На нас, рабочих, лежит великое дело — дело освобождения себя и своих братьев, на нас лежит обязанность обновления мира, утопающего в роскоши и истощающего наши силы — и мы должны дать его».

В программу «Северного союза» были включены, между прочим, и следующие требования: «Свобода слова, печати, право собраний и сходок; уничтожение сыскной полиции и дел по политическим преступлениям; уничтожение сословных прав и преимуществ; уменьшение количества постоянных войск или полная замена их народным вооружением; ограничение числа рабочих часов и запрещение детского труда» и др.².

Эта программа союза явно революционного содержания не была представлена военно-окружному суду, рассматривавшему дело по обвинению Обнорского. Впрочем, осталась неизвестной та роль Обнорского, которую он играл лично в составлении этой программы. Но не может быть никакого сомнения, что, как было

¹ Г. В. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям), Соч., т. III, изд. 2-е, стр. 182, 186.

² «Былое» 1906 г. № 1. «Северный союз русских рабочих» (страница из истории рабочего движения в России), стр. 180.

сказано выше, практическая деятельность этого рабочего вытекала из такой программы.

Дело «Северного союза русских рабочих» вписало имя Обнорского в список узников Трубецкого бастиона Петропавловской крепости.

11 июня 1880 г. военно-окружной суд в Петербурге, рассмотрев дело по обвинению Виктора Обнорского, Петра Петерсона и Якова Смирнова, признал Обнорского виновным в том, что он: 1) вступил в сообщество в 1872 году с целью ниспровержения в более или менее отдаленном будущем государственного строя и состоял там до ареста в 1879 году; был одним из главных деятелей и привлекал в это сообщество путем устной пропаганды лиц рабочего сословия, 2) распространял сочинения для возбуждения к бунту, 3) проживал по подложному паспорту. Петерсон и Смирнов были признаны виновными лишь в недонесении о деятельности Обнорского. Как было сказано выше, военный суд приговорил рабочего-пропагандиста к каторжным работам на 10 лет. Петерсон был осужден на три месяца ареста, а Смирнов на один месяц. Просьбы осужденных, поданные на имя начальника верховной распорядительной комиссии, были оставлены без последствий.

В целях суровой расправы с Обнорским состоялось предание гражданских лиц за противоправительственную пропаганду военному суду по приказу главного начальника верховной распорядительной комиссии на основании «высочайшего» повеления 27 апреля 1879 г. Из протокола судебного заседания видно, что рассмотрение дела происходило далеко не спокойно. В протоколе дословно записано, что председатель предложил Обнорскому дать объяснение, «не вдаваясь в теории». Очевидно, военный суд опасался выступления Обнорского с программной речью и заранее предупреждал его, что не допустит этого. Однако в том же протоколе имеется другая запись о том, что Обнорский во время его речи был остановлен председателем суда на том основании, что речь Обнорского «опровергает его сознание». Такое отношение военного суда к обвиняемому вытекало из тяжести предъявленного ему обвинения. В обвинительном акте было подчеркнуто, что Обнорский был одним из первых посетителей образованного студентами кружка для чтения лекций рабочим и одним из первых заведующих библиотекой тайного кружка. Насколько жандармерия придавала большое значение деятельности Обнорского, видно из факта ареста его на улице (29 января 1879 г.). До суда он содержался сначала в Доме предварительного заключения, а затем в Петропавловской крепости, откуда 4 июля 1880 г. после вынесения приговора снова был возвращен в Дом предваритель-

ного заключения. Каторжные работы отбывал на Каре. Он дожил до счастья быть свидетелем победы пролетариата: умер 16 апреля 1919 г.¹

Здесь уместно вспомнить слова Плеханова из его статьи, в которой он выявлял роль русского рабочего в революционном движении:

«Пролетариат — самая могучая из создаваемых ею новых общественных сил. Пролетариат — это тот динамит, с помощью которого история взорвет русское самодержавие»².

§ 15. ПРОЦЕСС ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ

Мы познакомились с содержанием тех судебных процессов пропагандистов 70-х годов, которые дали узников политическим тюрьмам царизма.

В 1878 году возник процесс по обвинению Веры Засулич в покушении на жизнь петербургского градоначальника генерал-адъютанта Трепова.

Процесс Веры Засулич занимает выдающееся место в истории судебных процессов по тому огромному общественному вниманию, которое он к себе привлек. Имя обвиняемой мы встречаем среди узников не только Дома предварительного заключения в Петербурге, но и Петропавловской крепости, в которой она содержалась в самом начале 70-х годов по обвинению в политической пропаганде. От политической пропаганды она обратилась к террору после того, как по приказу генерал-адъютанта Трепова был наказан розгами студент Боголюбов, содержавшийся в Доме предварительного заключения. При посещении этой тюрьмы градоначальник застал политических заключенных, и в том числе Боголюбова, на тюремном дворе, где они совершали свою обычную прогулку. Боголюбов был осужден к каторжным работам по делу демонстрации перед Казанским собором, но приговор еще не был обращен к исполнению. Градоначальник ударом кулака сбил фуражку с головы Боголюбова и приказал заключить его в карцер. Эти действия Трепова вызвали взрыв негодования

¹ В «Литературной газете» 3 августа 1950 г. было помещено сообщение Саввы Кожевникова «Новое о В. П. Обнорском». Краевед А. Полосухин собрал, по словам автора, сообщения, ценный материал о жизни Обнорского в Сибири. Дату смерти Обнорского мы взяли из этого сообщения. Она расходится с датой (1920 г.), указанной в библиографическом словаре «Деятели революционного движения в России», т. II, вып. 3, 1931, столбцы 1061—1063.

² Г. В. Плеханов, Русский рабочий в революционном движении (по личным воспоминаниям), Соч., т. III, изд. 2-е, стр. 205.

среди заключенных и привели к бурному протесту, когда Боголюбов в тот же день был подвергнут наказанию розгами. Это распоряжение Трепова было сделано с ведома министра юстиции. Негодование охватило широкие круги русской общественности. Выразительницей этого негодования и явилась Вера Засулич. Она выстрелом из револьвера ранила Трепова на приеме у него. Засулич рассказала в своих воспоминаниях, что после выстрела она была сброшена на пол ударами и в числе избивавших ее находился бывший начальник Дома предварительного заключения, назначенный к этому времени на службу к Трепову¹.

Поступок Веры Засулич вызвал чувство нравственного удовлетворения в кругах русской общественности и чувство озлобления в кругах высшей бюрократии².

Засулич была предана суду присяжных заседателей. Правительство надеялось, что присяжные осудят обвиняемую и тем самым реабилитируют Трепова.

Председательствующий по этому процессу А. Ф. Кони рассказал в своих воспоминаниях о том давлении, которое пытался оказать на него, как на председателя суда, министр юстиции. Воспоминания Кони вскрывают перед нами картину самого циничного обращения министра юстиции с тем, что называлось высоким именем — «правосудие». Министр не остановился даже перед уговором председателя суда создать при рассмотрении дела процессуальные нарушения в целях возможности кассации приговора в случае оправдания подсудимой.

А. Ф. Кони остался в процессе Веры Засулич на высоте положения. История русской общественности знает, что он предоставил обвиняемой и защите возможность выяснить все обстоятельства дела и гнусность позорного распоряжения градоначальника Трепова. Вера Засулич была оправдана. Оправдательный вердикт вызвал бурю восторга в зале суда, полным сочувствия передовой русской общественности, и озлобление реакционных слоев столицы. Вере Засулич удалось скрыться за границу. Для Кони наступило время преследований, он был вынужден перейти на ряд лет к деятельности, далекой от его специальности криминалиста. Эти преследования правительством председателя суда получают особое значение для характеристики царского правосудия тем более, что о них подробно рассказывает сам А. Ф. Кони³.

¹ См. В. И. Засулич, Воспоминания, «Былое» 1919 г. № 14, стр. 89.

² См. В. Г. Короленко, История моего современника, т. II, изд. «Academia», стр. 325 и сл.

³ См. А. Ф. Кони, Воспоминания о деле Веры Засулич, 1933.

Преследование А. Ф. Кони, как председательствующего по делу Веры Засулич, закончилось вынужденным переходом его в гражданский департамент судебной палаты. Он был привлечен к ответственности в дисциплинарном порядке по определению Сената. Это было результатом хлопот наиболее реакционной части сенаторов.

Указание на это мы нашли в архивном деле III отделения по делу о покушении Веры Засулич. В означенном деле указано, что сенатор Ковалевский предлагал уголовному кассационному департаменту Сената утвердить оправдательный приговор по делу Веры Засулич. Сенатор Дрейер назвал такое предложение «не только пристрастным, но и противозаконным» и потребовал предания Кони суду. К этому предложению присоединился сенатор Арсеньев. Тогда Ковалевский напомнил, что сам Арсеньев подвергался дисциплинарному взысканию за угрозу во время его службы в Московском окружном суде наказать розгами подсудимую.

Следует напомнить, что инициатором возбуждения вопроса о предании Кони суду был тот самый Дрейер, который снискал себе известность своим поведением по процессу Нечаева и по ряду политических процессов в особом присутствии Сената по делам о государственных преступлениях¹.

Архивное дело, из которого приведены эти сведения о заседании Сената, содержит в себе ряд других интересных сведений, оставшихся неизвестными до настоящего времени. Они показывают, какое огромное впечатление в России произвело покушение Веры Засулич. В деле имеется значительное количество анонимных писем, доставленных в III отделение и самому царю, от которого они были пересланы также в III отделение. В большинстве писем их анонимные авторы шлют проклятье не только Трепову, но и шефу жандармов Мезенцову, министру юстиции Палену, сенатору Петерсу, председательствовавшему по процессу 193-х. Но были письма и другого содержания. В них выражалось негодование по случаю оправдания Веры Засулич. Автор одного из таких писем, также не назвавший своей фамилии, заявил, что он был в числе двенадцати присяжных заседателей по процессу Веры Засулич. Едва ли это соответствовало действительности. Ему не было надобности скрывать свою фамилию в письме, адресованном III отделению, в котором он обвинял публику, заполнившую зал судебного заседания, в том, что под ее давлением, из боязни новых убийств в самом здании суда, присяжные

¹ ЦГИА в Москве, дело III отделения собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, № 68, ч. I. «О дворянке Вере Засулич, покушившейся на жизнь генерал-адъютанта Трепова» (на 225 листах).

вынесли свой оправдательный вердикт. У него нет другого названия для сторонников Веры Засулич, как «негодяи». Он торжественно объявлял покушение Веры Засулич делом рук политических эмигрантов¹. В заключение он находил, что полиция проявляет недопустимую слабость в борьбе с революционным движением.

Негодование реакционеров оправданием Веры Засулич достигало такой степени, что они в своих анонимных письмах обвиняли не только Кони, но и требовали виселицы для такого реакционера, как министр юстиции граф Пален².

Мы не будем приводить всех доказательств того огромного впечатления, которое произвели в различных пунктах России покушение Веры Засулич и оправдательный приговор суда по III отделению из разных пунктов России. Здесь ясно сказалось все различие политических течений того времени.

Отмена оправдательного приговора, удовлетворявшая реакционные круги русского общества, произошла тогда, когда Вера Засулич уже была в Швейцарии. Царь решил не требовать от швейцарского правительства выдачи обвиняемой и приказал ограничиться ее вызовом в суд. Конечно, нового рассмотрения дела Веры Засулич не произошло. Также несомненно, что не в интересах правительства было сосредоточивать общественное внимание на этом факте борьбы царизма с революционным движением в России.

Оправдание присяжными заседателями Веры Засулич показало правительству, что на присяжных заседателей царизм в таких делах не может рассчитывать с полной уверенностью. В результате этого правительство сделало для себя вывод и стало передавать такие дела более надежным судьям-чиновникам — в первую очередь военным судам. Здесь оно не ошиблось, и приговоры военных судов его вполне удовлетворяли.

§ 16. СТАТИСТИКА III ОТДЕЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПРОПАГАНДИСТОВ

Вера Засулич начинала свою революционную деятельность как пропагандистка, но применение телесных наказаний к студенту Боголюбову по приказанию генерал-адъютанта Трепова привело ее к покушению на жизнь Трепова. Это покушение еще

¹ ЦГИА в Москве, дело III отделения собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, № 68, ч. I. «О дворянке Вере Засулич, покушившейся на жизнь генерал-адъютанта Трепова», листы 102—103.

² Тот же архив, то же дело, листы 79—80.

не было актом сознательной перемены всей революционной тактики в России и переходом от пропаганды к террору. Однако процесс Веры Засулич стоит на грани двух периодов революционного движения — пропагандистского и террористического. Поэтому здесь уместно привести некоторые цифры, найденные в архиве III отделения, по вопросу о борьбе с революционерами-пропагандистами.

Меркулов, чиновник III отделения, собрал и обработал статистические сведения о пропагандистах за период 1872—1877 гг. Неизвестно, какие судебные процессы вошли в таблицу Меркулова. Во всяком случае самый большой процесс — 193-х, — законченный рассмотрением суда в январе 1878 года, не вошел в подсчеты названного статистика III отделения. Неизвестно также, откуда были извлечены Меркуловым приведенные им цифры, поэтому на них нельзя смотреть как на исчерпывающие. Однако они представляют для нас интерес, поскольку говорят о широком объеме внесудебной расправы с пропагандистами.

За указанный период было привлечено к дознанию по политическим делам 1611 человек, из которых 85% было мужчин и 15% женщин. Из этого количества дел было предположено направить в суд дела о 525 лицах, но было предано суду лишь 140 человек, из которых 100 человек были осуждены, 6 оправданы и о 34 лицах дела были прекращены. Автор не указал, какова была судьба остальных 385 лиц этой группы. Вероятно, с ними расправились без помощи судебных органов. Таким же образом расправились с 529 привлеченными к дознанию, отправив их в ссылку или отдав под надзор полиции. Относительно 557 человек дело было прекращено.

Приведенные цифры характеризуют расправу царизма с привлеченными к дознанию по политическим делам. III отделение отметило также некоторые сведения о возрасте и сословии этих лиц. Среди 1054 человек 612 оказалось моложе 25 лет, из них несовершеннолетних — 20%. Более половины (53%) были учащиеся. По сословию на первом месте были дворяне — 26%, на втором — лица духовного происхождения — 19% и крестьяне — 13%.

Доклад III отделения отметил большое участие в пропаганде учащихся, вернувшихся из Швейцарии¹. Таким образом, молодежь выполнила свое обещание служить делу революции, которое дала перед своим возвращением из Цюриха в Россию.

¹ См. Сидоров, Статистические сведения о пропагандистах 70-х годов в обработке III отделения, «Каторга и ссылка» 1938 г. № 1, стр. 25—26. См. характеристику революционеров-пропагандистов и террористов у С. Степяка — «Подпольная Россия», СПб., 1906.

§ 17. СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ О ТЕРРОРИСТАХ

С конца 70-х годов в революционной тактике произошло большое изменение. Царизм в борьбе с пропагандистами прибегал к помощи шпионов, выдававших пропагандистов агентам III отделения. В целях самозащиты имели место попытки убийства этих шпионов. Но такие акты были случайными эпизодами в истории революционного движения.

Суровая репрессия, которая обрушивалась на участников революционного движения, заставляла их все чаще поднимать вопрос о перемене тактики борьбы с царизмом. В 1876 году народники-пропагандисты образуют общество «Земля и воля», а в 1879 году, с 17 по 21 июня, они проводят совещание в Липецке, где было положено начало новой партии «Народная воля». Вслед за этим совещанием с 21 по 24 июня в Воронеже происходил съезд народников.

Основным вопросом, обсуждавшимся на Воронежском съезде, был вопрос об индивидуальном терроре. Мнения разделились. Одни продолжали оставаться на прежней платформе и были сторонниками революционной пропаганды среди крестьян, рабочих и интеллигенции. Другие выдвинули индивидуальный террор как метод политической борьбы.

Известно, что вопрос об индивидуальном терроре с особой силой встал в начале 900-х годов с образования партии социалистов-революционеров. Ленин много раз обращался в своих статьях к оценке этого средства борьбы и постоянно резко высказывался против тактики террора. Он указывал, что индивидуальный террор всецело осужден опытом истории¹. Проповедь индивидуального террора приносит самый серьезный вред, «... разрушая неразрывную связь социалистической работы с массой революционного класса»².

Критикуя террор, Ленин противопоставлял ему революционную подготовку масс, указывая, что террор дезорганизует ряды революционеров, отвлекает лучшие силы от организационной и агитационной работы. Эту мысль, что террор лишает революционеров лучших сил, Ленин повторяет не один раз. То, что говорил Ленин об индивидуальном терроре социалистов-революционеров, относится также и к тактике народовольцев.

На Воронежском съезде было решено усилить борьбу с царизмом и обратиться к актам террора в случаях казней революционеров и ответить на них также покушением на жизнь царя.

¹ См. В. И. Ленин, Соч., т. 6, стр. 151—153.

² Там же, стр. 154.

Казни были совершены в 1879 году над несколькими революционерами. Так, например, были казнены за убийство шпионов и вооруженное сопротивление при аресте 18 июля 1879 г. в Киеве Бильчанский, Горский, Гобст и Федоров; в Одессе 10 августа за революционную деятельность — Дмитрий Лизогуб, Чубаров, Давиденко и др.¹.

В то время как пропагандисты объединились в партию «Черного передела», террористы «Народной воли» совершают ряд посягательств, направленных на жизнь Александра II.

Этим покушениям на жизнь царя предшествовали убийство шефа жандармов Мезенцова, харьковского генерал-губернатора князя Кропоткина и ряд террористических актов против предателей-шпионов. 2 апреля 1879 г. Соловьев совершил покушение на жизнь Александра II, но царь остался невредим. Соловьев был приговорен к смерти и казнен. После этого был организован ряд других покушений. Правительство повело усиленную борьбу с партией «Народная воля». Был проведен ряд судебных процессов, которые дали заключенных в Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости, в тюрьму на Каре и в другие тюрьмы. Имена многих осужденных по этим процессам вошли в историю царской тюрьмы. Мы остановимся на более крупных из этих процессов.

§ 18. ПРОЦЕСС О ПОКУШЕНИИ НА ЖИЗНЬ ЛОРИС-МЕЛИКОВА

Одним из первых процессов, рассмотренных в Петербурге военно-окружным судом с небывалой быстротой, было дело о покушении на жизнь генерал-адъютанта графа Лорис-Меликова, поставленного во главе верховной распорядительной комиссии, учрежденной для борьбы с революционным движением. Покушение было совершено 20 февраля 1880 г. Молодецким, который стрелял в Лорис-Меликова, но пуля, пробив сюртук, не ранила генерала.

Арестованный на месте покушения, Молоцкий объяснил на допросе, что стрелял в Лорис-Меликова, так как считал образование верховной комиссии вредной для развития социализма.

После допроса Молоцкий был заключен того же 20 февраля в нижний каземат Екатерининской куртины, а на следующий день приговорен военно-окружным судом к смертной казни и 22 февраля публично казнен на Семеновском плацу².

¹ См. «Народная воля» перед царским судом, М., 1930, стр. 19.

² ЦГИА в Москве, дело III отделения собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, № 234, 1889—1881 гг., на 135 листах. «О покушении на жизнь генерал-адъютанта графа Лорис-Меликова».

§ 19. ПРОЦЕСС 16-ти ТЕРРОРИСТОВ

С 25 по 30 октября 1880 г. здание судебных установлений в Петербурге имело совсем необычный вид. Оно было окружено усиленной военной охраной, и в одном из залов его происходило заседание военно-окружного суда. На скамью подсудимых было посажено 16 лиц, обвиняемых в различных государственных преступлениях, в том числе в террористических актах, направленных против Александра II. В истории судебных политических процессов это был первый процесс большой объединенной группы террористов.

Перед царским правительством встала страшная для него партия «Народная воля», образовавшаяся за 16 месяцев до описываемого нами судебного заседания. Прошел всего лишь один год со времени опубликования этой партией первого номера журнала «Народная воля». Этот первый номер был развернутым знаменем с призывом к беспощадной борьбе против царя и ближайших его соратников.

Царским правительством были захвачены участники покушений на жизнь Александра II посредством взрыва на железной дороге под Москвой, под Александровском и в Зимнем дворце. С безумной смелостью и удивительной организованностью террористы проникли со взрывчатыми веществами в самое логовище российского самодержца. Однако он остался невредим.

Кроме покушения на жизнь Александра II, подсудимым были предъявлены различные обвинения, в том числе и в убийстве харьковского генерал-губернатора Кропоткина за жестокий режим, установленный в Новобелгородском и Борисоглебском каторжных центрах, в вооруженных сопротивлениях при аресте; подсудимым были предъявлены также обвинения в организации типографии, в участии в Липецком съезде революционеров, в участии в сообществе для ниспровержения установленного государственного и общественного строя и т. д. Над всеми этими обвинениями, однако, огненным столбом стоял динамитный взрыв в столовой Зимнего дворца.

Жандармы торжествовали свою победу не только потому, что захватили в свои руки многих участников революционного сообщества, но и потому, что нашли среди арестованных предателей. Их оказалось несколько. Один из них — Гольденберг, участник убийства генерал-губернатора князя Кропоткина, наивно доверился лживым уверениям и обещаниям прокурора, руководившего следствием. Гольденберг надеялся, что своими откровенными показаниями сохранит жизнь товарищей. Когда прокурор

выведал от него все, что ему было необходимо, и нагло над ним насмеялся, Гольденберг покончил жизнь самоубийством: мучимый совестью, он повесился на полотенце в своей одиночной камере. Однако его показания сыграли огромную роль не только в процессе 16-ти, но и в других процессах террористов.

Если Гольденберг сам осудил себя на смерть, не прожив и нескольких месяцев после своих показаний, не дожидаясь встречи с товарищами на суде, то иная участь была у другого предателя, Окладского¹.

Осужденный к смертной казни, спасая свою жизнь, он перешел на службу в политический сыск. Жандармы узнали готовую на все подлости личность Окладского и сохранили ему жизнь.

В архивном деле имеется сообщение в III отделение, что Окладский так обрадовался своему помилованию, что на предложение перейти из Трубецкого бастиона в Екатерининскую куртину бросился бежать туда в одних носках, забыв свои башмаки². В продолжение десятков лет, вплоть до свержения царизма, он продавал жизнь и свободу революционеров. Его разоблачила Октябрьская революция, и советский суд присудил его к длительному лишению свободы.

Жандармам удалось приобрести предателя также и в лице Дриго, осужденного на 15 лет каторги, которая была заменена за его «услуги» ссылкой на поселение. Архивное дело содержит позорные страницы обращений Дриго к жандармам с мольбой спасти его и доказать, что он не преступник, а слуга, помогавший жандармам. Так, например, он писал: «Умоляю Вас выступить в защиту меня и моей полезности». Он отрицает наличие у него революционных убеждений: «У меня не было революционных убеждений», — пишет он.

Я привел эти сведения о предательстве участников процесса с определенной целью показать, что жандармы и следственные власти употребляли всякие средства для получения «откровенных показаний» от обвиняемых и осужденных. Я нашел на это прямые указания в уже цитированном мною архивном деле. Уже после приговора к казни начальник С.-Петербургского жандармского управления посетил приговоренных к казни со специальной

¹ См. Ф. Кон, Окладский как предатель и его поведение на суде, «Каторга и ссылка» 1925 г. № 2 (15).

² ЦГИА в Москве, III отделение собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, 1880, № 705, на 270 листах. «О предании военному суду в С.-Петербурге 16 человек, обвиняемых во взрыве в Зимнем дворце, на Московско-Курской ж. д., в убийстве князя Кропоткина и в других преступлениях», ч. II.

целью выведать от них какие-либо добавочные сведения о терроре. В своем донесении этот жандармский генерал заявляет, что осужденный Квятковский назвал ему как главных революционеров Тихомирова, Желябова, Морозова и Колодкевича. По словам же Ширияева, будто им сказанным при свидании с жандармом, мысль о взрыве дворца принадлежала Халтурину. Пресняков не назвал никаких фамилий¹.

По процессу 16-ти были привлечены к ответственности: Квятковский, Ширияев, Зунделевич, Цукерман, Иванова, Грязнова, Евгения Фигнер, Окладский, Кобылянский, Тихонов, Пресняков, Мартыновский, Зубковский, Булич, Дриго, Бух.

Среди названных революционеров наиболее выдающаяся роль принадлежит Ширияеву. Сын крестьянина, студент ветеринарного института, он жил два года за границей, где работал на фабрике, обладал большими организаторскими способностями. Ширияев был осужден за приготовление динамита, за участие в покушении на взрыв царского поезда и за участие в Липецком съезде.

На судебном заседании он говорил, что красный террор является лишь ответом на белый террор. Он горячо говорил о заветной цели революционеров — торжестве правды, мира и свободы.

Из шестнадцати обвиняемых были приговорены к смертной казни Квятковский, Ширияев, Тихонов, Окладский и Пресняков. Лорис-Меликов представил царю проект помилования этих пятерых, приговоренных к смерти, но царь отказался даровать жизнь Квятковскому и Преснякову.

Остальным смертная казнь была заменена бессрочной каторгой. Вместо ссылки на каторгу Ширияев был заключен в Алексеевский равелин, где умер в августе 1881 года. Предатель Окладский был совсем освобожден от наказания. Часть осужденных была отправлена в каторжные работы на Кару. Сюда, между прочим, был отправлен осужденный за участие в убийстве харьковского губернатора князя Кропоткина народоволец Кобылянский, переведенный позднее в Шлиссельбургскую крепость, где он и умер.

Квятковский и Пресняков после приговора были переведены из тюрьмы Трубецкого бастиона в одиночные камеры нижнего этажа Екатерининской куртины, и каждому осужденному в камеру было поставлено по два жандарма. В архивном деле мы нашли сведения, не появлявшиеся в печати, о казни Квятков-

¹ ЦГИА в Москве, III отделение собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, 1880, № 705, ч. II.

ского и Преснякова. Она была совершена в 8 часов утра 4 ноября 1880 г. «на бастионе левого полуконтргарда Иоанновского равелина»¹.

В деле даны сведения о расходах по совершению казни. Устройство и разборка эшафота стоили 205 р. 30 к. Погребение вызвало расход в 44 р. 90 к. Палачу Фролову, который в отчете о расходах назван «запленных дел мастером», было выплачено за его «работу» и по возмещению расходов по поездке 81 руб.

Какие-то мелкие расходы (вероятно, веревка, саваны) определялись в сумме 19 руб., а весь расход по совершению казни — в 350 р. 20 к.

Сообщая с точностью до копейки сведения о расходах на казнь двоих осужденных, архивное дело умалчивает, как совершилась эта казнь. Во всяком случае, она была произведена в таком месте, которое давало возможность администрации обойтись без лишних свидетелей. Хотя в то время публичное исполнение казни было предписано законом, правительство предпочитало совершить последний акт своей расправы в условиях почти полной тайны.

§ 20. ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ 1 МАРТА 1881 ГОДА

Через полгода после рассмотрения Сенатом процесса 16-ти, который дал узников нескольким политическим тюрьмам, 26—29 марта 1881 г. особым присутствием Сената было рассмотрено дело об убийстве Александра II. Этот выдающийся по своему значению политический процесс закончился приговором к смертной казни всех шести обвиняемых, из которых пятеро, а именно: Желябов, Перовская, Кибальчич, Михайлов, Рысаков были повешены. Шестая осужденная — Гельфман — умерла в в тюремной больнице.

Таким образом, осужденные по делу 1 марта входят в историю царской тюрьмы лишь постольку, поскольку они находились до приведения приговора в исполнение в тюрьме III отделения, Трубецком бастионе Петропавловской крепости и в Доме предварительного заключения.

¹ ЦГИА в Москве, III отделение собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, 1880, № 705, на 207 листах. «О предании военному суду в С.-Петербурге 16 человек, обвиняемых во взрыве в Зимнем дворце, на Московско-Курской ж. д., в убийстве князя Кропоткина и в других преступлениях», ч. I, л. 1.

Процесс первоапрельцев происходил при открытых дверях. Конечно, в зал судебного заседания допускалась лишь избранная публика. Отчеты о процессе публиковались в печати, и несомненно, что цензурные стеснения не могли не сказаться на этих отчетах. Тем не менее эти неполные отчеты позволяли выявить картину того единоборства, которое происходило между обреченными на смерть и вершителями царского правосудия. Подсудимые показали удивительную стойкость, силу воли и веру в свое дело.

Подсудимые прекрасно сознавали, что будет представлять собою суд, в состав которого входили шесть сенаторов, два титулованных представителя дворянства, городской голова и волостной старшина. Желябов, протестуя против такого суда, указывал, что судьей между революционной партией и правительством должен быть всенародный суд или, по крайней мере, суд присяжных заседателей, т. е. избранных представителей от общества. Едва ли приходится сомневаться, что Желябов своим протестом хотел подчеркнуть свой взгляд на суд особого присутствия Сената как на расправу с ними пристрастных и заинтересованных в исходе процесса царских чиновников.

Действительно, сенатор Фукс, председатель особого присутствия, оправдал возлагавшиеся на него правительством надежды: он много раз прерывал защитников и обвиняемых, не давая им возможности говорить о том, что он считал не относящимся к делу. Считал же он не относящимися к делу попытки подсудимых показать те политические условия, которые привели их к образованию революционной партии и к развитию индивидуального террора. Так, например, рабочему Михайлову он не позволил касаться тяжелых условий положения рабочего класса.

Желябов был вполне прав, говоря, что защита была стеснена, между тем как прокурор пять часов извращал обстоятельства дела.

Государственный обвинитель Муравьев, имея перед собой аудиторию из военных и гражданских сановников, заполнил свою речь пышными заверениями, что вместе с ним обвиняет подсудимых вся Россия. Он говорил, что страна проклинает этих подсудимых и он боится, что не найдет достаточных слов, чтобы потребовать должного возмездия за это величайшее злодеяние, когда-либо совершенное на русской земле. Предстоящий приговор к смертной казни он считал выражением величайшей справедливости. Он выражал уверенность, что кровавые замыслы разобьются о «верную русскую грудь».

Все подсудимые, кроме Рысакова, давшего «откровенные показания», вели себя на предварительном и судебном следствии смело и гордо. На вопрос председателя Желябову, чем он занимался, тот ответил: «служил делу освобождения народа». Появившиеся в печати отчеты о процессе показывают стремление подсудимых опровергнуть обвинение их прокурором в жестокости. На эту тему говорили Перовская и Желябов. Последний напоминал: «Если вы, господа судьи, взглянете в отчеты о политических процессах, эту открытую книгу бытия, то вы увидите, что русские народовольцы не всегда действовали метательными снарядами, что в нашей деятельности была юность, розовая, мечтательная, и если она прошла, то не мы тому виной»¹.

Подсудимые облегчили задачу обвинителя. Они сами говорили каждый о своем участии в тех действиях, которые были перечислены в обвинительном акте. Они ни в какой степени не заботились о смягчении своей участи. На первом месте у них были не личные интересы, а общее дело². Очень характерно заявление Кибальчича. Его беспокоила мысль не о предстоящей смерти, а о судьбе его проекта воздухоплавательного аппарата, и он заявил суду о передаче им этого проекта защитнику. Известно, что этот проект отмечен как крупное явление в истории русского воздухоплавания.

Кровожадные требования государственного обвинителя были удовлетворены полностью особым присутствием Сената. Все подсудимые, в том числе несовершеннолетний Рысаков, не достигший 19 лет, были приговорены к смерти. Защита указывала на недопущение законом смертной казни для несовершеннолетних. Суд не согласился с этим. Все обвиняемые были признаны виновными в принадлежности к тайному сообществу русской социал-революционной партии, имевшей целью ниспровержение государственного и общественного строя в Российской империи путем насильственного переворота и в посягательствах на жизнь государя и других лиц.

Желябов, Кибальчич, Перовская, Михайлов и Рысаков были повешены на Семеновском плацу, а Гельфман, как беременной, казнь была отсрочена, а затем заменена каторжными работами, но она умерла вскоре после родов в тюремной больнице.

¹ Глинский, Революционный период русской истории, 1913, т. II, стр. 525.

² «Процесс 1 марта 1881 г.», тип Монтвида, 1906. Здесь приведены речи подсудимых, прокурора, защитников, сведения о ходе процесса и пр.

Эта казнь 3 апреля 1881 г. была последней публично исполненной казнью в Петербурге. Известно, что осужденные к казни находились в Доме предварительного заключения. Здесь для отправки на казнь они были посажены на две «позорные колесницы». Это были телеги с устроенными на них скамьями на высоте двух сажень от земли. К этим скамьям и были прикреплены ремнями осужденные, на груди которых были повешены черные доски с крупной надписью на них «цареубийца». Руки были связаны за спиной веревками. Вера Фигнер сообщает: руки Перовской были так туго скручены веревкой, что она, когда ее связывали, сказала: «Мне больно, отпустите немного». «После будет еще больней», — буркнул грубо жандармский офицер. Этим жандармским офицером был Яковлев, который впоследствии стал комендантом Шлиссельбургской крепости¹.

Вслед за позорными колесницами ехали две кареты с пятью священниками в траурных ризах и с крестами в руках. Конные жандармы окружали процессию, которая медленно продвигалась по улицам города к месту казни. Эшафот представлял собою помост в два аршина высоты с тремя позорными столбами и виселицей в виде буквы «П». Палач был в красной рубахе².

Часть осужденных отказалась от напутствия священников. На эшафоте они все поцеловались, за исключением Перовской, которая отвернулась от Рысакова как от предателя; на всех осужденных были надеты саваны.

По словам очевидца, Михайлов дважды срывался с веревки. При первом падении он сам поднялся и при помощи палача встал на скамейку под виселицу. Он сорвался и вторично и окончательно был повешен лишь в третий раз³.

После революции 1917 года в бумагах Плеве, известного сподвижника Александра III, было найдено очень обширное письмо, написанное Кибальчицем 2 апреля 1881 г., накануне казни. Автор этого письма с поразительным спокойствием и удивительной силой воли писал царю, что террор прекратится, если царь даст свободу слова, отменит смертную казнь и дарует амнистию политическим осужденным. Кибальчич говорил о вынужденности террора и ошибочно предполагал возможность воздействовать словами убеждения на политику царизма.

¹ См. В. Н. Фигнер, Софья Перовская, «Былое» 1918 г. № 10—11, стр. 10.

² См. М. Н. Гернет, Смертная казнь, М., 1913, стр. 114—116.

³ Б. К., Несколько слов о казни цареубийц 3 апреля 1881 г., «Былое» 1919 г. № 15; см. подробности казни в журнале «Былое» 1918 г. № 10—11, стр. 136.

Александр III сделал на этом письме надпись такого содержания: «Нового ничего нет. Фантазия большого воображения и видна во всем фальшивая точка зрения, на которой стоят эти социалисты, жалкие сыны отечества»¹.

Конечно, от Александра III другого отзыва на письмо Кибальчича, в котором выражено его стремление служить родине, не приходилось ждать. Он твердо встал на путь физического истребления политических противников царизма, уничтожая их на виселицах и в тюрьмах.

§ 21. ПРОЦЕСС 20-ти НАРОДОВОЛЬЦЕВ В 1882 ГОДУ

Процесс 20-ти народovolьцев 1882 года должен быть отмечен в истории царской тюрьмы как такой, который дал наибольшее число заключенных в Алексеевский рavelин, откуда оставшиеся в живых были в 1884 году переведены в Шлиссельбургскую крепость.

Как мы увидим в последующих главах, эти узники в 80-х годах XIX века в обеих крепостях подвергались такому режиму, который был самым жестоким за всю историю царской тюрьмы.

Процесс 20-ти народovolьцев рассматривался особым присутствием Сената с 9 по 15 февраля 1882 г. Сведения об этом процессе сохранялись в полной тайне, и лишь в 1906 году был впервые напечатан в журнале «Былое» обвинительный акт и сокращенный отчет о процессе по этому делу. Как и по делу 1 марта, обвинителем выступал Муравьев, еще не заработавший себе поста министра юстиции.

Обширный обвинительный акт объединил по этому делу подсудимых, поставив им в вину несколько разнообразных политических преступлений, и в том числе ряд террористических актов, начиная с 1879 года. Среди этих террористических актов, между прочим, были перечислены 8 актов, направленных на жизнь Александра II. Обвинение в этих посягательствах было предъявлено Фроленко, Колодкевичу, Татьяне Лебедевой, Тетерке, Златопольскому, Якимовой, Исаеву, Баранникову, Арончику, Морозову, Суханову, Тригони, Емельянову и др. Кроме того, Баранникову и Михайлову было предъявлено обвинение за участие в убийстве шефа жандармов Мезенцова. Мезенцов был заколот кинжалом лицом, оставшимся не разысканным царским правительством. Этим лицом был скрывшийся

¹ «Н. И. Кибальчич и император Александр III», «Былое», сентябрь 1917 г. № 3, стр. 33—39.

вскоре за границу Степняк-Кравчинский. При этом покушении другой неизвестный, задержанный позднее и оказавшийся Баранниковым, выстрелил в сопровождавшего Мезенцова подполковника Макарова. Оба участника террористического акта скрылись в экипаже, кучером которого был Адриан Михайлов.

В числе обвинений было указано похищение через десятисаженный подкоп из Харьковского губернского казначейства более полутора миллионов рублей (обвиняемая Терентьева) и покушение на кражу из Кишиневского губернского казначейства (обвиняемые Фроленко, Меркулов и др.).

Особое внимание среди подсудимых привлек к себе Клеточников, который в целях более успешной борьбы с царизмом состоял на службе сначала в III отделении, а потом в департаменте государственной полиции. На судебном заседании он ярко охарактеризовал внесудебную расправу и приемы борьбы с арестованными в III отделении. Председатель не дал возможности Клеточникову довести его речь до конца.

Обвинительный акт отмечал издание членами революционной организации обширной литературы в виде журналов «Народная воля», «Листок народной воли» и пр. Подсудимым было предъявлено обвинение за участие в «тайном сообществе», именуемом себя «русской социал-революционной партией», для ниспровержения государственного и общественного строя в империи путем посягательства на жизнь государя и должностных лиц и в вооруженных сопротивлениях властям.

Председательствовал в процессе Дрейер, достигший сенаторского звания после процесса Нечаева (1871 г.), в котором он показал себя настоящим лакеем царского правосудия. В процессе 20-ти народовольцев он, не считаясь с требованиями закона, не давал подсудимым возможности высказываться и был при этом не только резок, но и груб.

Один из подсудимых, Меркулов, оказался предателем. Остальные подсудимые держали себя мужественно, они говорили, что террор явился результатом политических условий самодержавия. Об этом заседании особого присутствия Сената появились сведения очень краткого содержания лишь в революционной заграничной печати.

Из подсудимых десять человек были приговорены к смертной казни, из которых казнен был Суханов, а девяти человекам смертная казнь была заменена бессрочными каторжными работами. Пятеро были приговорены к бессрочным каторжным работам и пятеро к каторжным работам на 20 лет. Двум осужденным сроки каторжных работ были сокращены.

Предатель Меркулов, приговоренный к бессрочной каторге, был освобожден от наказания и принят на службу в департамент государственной полиции.

Осужденные Михайлов, Колодкевич, Исаев, Фроленко, Терка, Клеточников, Морозов, Баранников, Арончик, Ланганс и Тригоны вместо каторжных работ были заключены в Алексеевский рavelин. Емельянов, Лебедева, Якимова, Златопольский, Люстиг и Фриденсон были сосланы на Кару.

При выборе места заключения правительство руководствовалось оценкой опасности того или другого из осужденных и направило в Шлиссельбургскую крепость тех, кого признало своими наиболее опасными врагами. Среди них оказались приговоренный на 20 лет каторги Тригоны и без срока — Морозов, Баранников, Арончик и Ланганс.

Все попавшие в Алексеевский рavelин и в Шлиссельбургскую крепость, кроме Морозова, Тригоны и Фроленко, умерли в названных тюрьмах¹.

Царь заменил Суханову повешение расстрелом в виде акта «монаршей милости». Суханов для казни был вывезен из Трубецкого бастиона в Кронштадт и здесь расстрелян. Приговоренные к смерти, но помилованные царем умирали не от руки палача, а от режима в крепости и на каторге².

После революции 1917 года были найдены архивные документы, из которых видно, что жандармы взволновались, узнав о том, что мать расстрелянного Суханова установила крест на его могиле и украсила могилу цветами, и приняли меры для устранения всего этого. Но из архивных документов не видно, какие именно меры были приняты³.

Судебный процесс 20-ти вошел в историю царского правосудия как один из многих процессов, в которых царское «правосудие» производило свою расправу с участниками революционного движения в условиях полного отсутствия гласности.

§ 22. ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ГЕНЕРАЛА СТРЕЛЬНИКОВА И ДРУГИЕ ПРОЦЕССЫ В 1882 ГОДУ

Кроме процесса 20-ти, в том же 1882 году было еще три процесса. Первый из них — об убийстве генерала Стрельникова, прославившегося своими приемами расследования политических

¹ См. «Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г.», «Былое» 1906 г. № 1, стр. 233—308, см. также стр. 86.

² См. о судьбе осужденных по процессу 20-ти и о самом процессе «Процесс 20-ти народовольцев в 1882 г.», Ростов-на-Дону, 1906.

³ См. «Архивные документы. Казнь Суханова», «Былое» 1918 г. № 10—11.

дел, был рассмотрен военным судом в Одессе, и уже через четыре дня после убийства Стрельникова была совершена казнь обоих осужденных по этому процессу, а именно: Халтурина и Желвакова. Первый из них был организатором взрыва в Зимнем дворце, но по этому делу не судился. Оба осужденных содержались до казни в Одессе. О коротком пребывании их в заточении ничего не известно.

Второй процесс того же года, рассмотренный военно-окружным судом в сентябре в Петербурге, об убийстве шпиона Прейма закончился по конфирмации для двоих осужденных (Нагорного и Евсеева) приговором к бессрочной каторге вместо смертной казни, а для других двоих — к 20 и 4 годам каторги. Осужденные отбывали наказание на Каре.

По третьему процессу о попытке освобождения из Саратовской тюрьмы политического заключенного Новицкого осужденный Поливанов вместо казни был заключен в Алексеевский рavelин, а Новицкий сослан на Кару. Позднее Поливанов был переведен в Шлиссельбургскую крепость.

§ 23. СТРЕЛЬНИКОВСКИЙ ПРОЦЕСС 23-х В ОДЕССЕ В 1883 ГОДУ

Военно-окружной суд в Одессе с 26 марта по 3 апреля 1883 г. рассмотрел дело по обвинению 23-х человек в государственном преступлении. Производство по этому процессу было начато еще прокурором военно-окружного суда Стрельниковым, убитым во время производства расследования. На скамью подсудимых были посажены обвиняемые, не являвшиеся в большей своей части революционерами, лишь меньшая часть их действительно была революционерами. Организатором этой группы был Тригони. Значительное число участников этой организации было выдано предателем Меркуловым в 1881 году. Генерал Стрельников, широко использовавший при допросах запугивание и другие меры насилия, употребил все старания создать большой процесс. Впоследствии во время суда свидетели показывали, что Стрельников не только заключал их в тюрьму, но и грозил виселицей и каторгой, добиваясь показаний, не соответствовавших действительности. Стрельников превратил в одиночные камеры один из этажей Одесской казармы и держал здесь арестованных, не считаясь с законом.

Привлеченным по делу было предъявлено обвинение в принадлежности к социально-революционной партии, в пропаганде, в подготовке к террористическим актам и пр. Среди обвиняе-

мых были: Дрей, Дзвонкевич, Моисей Попов, Майер, Фаина Морейнис, Евгения Степанова и др.

Подробное описание судебного заседания опубликовал один из осужденных по этому процессу, приговоренный к каторжным работам¹. Он воспроизвел целый ряд случаев, когда свидетели обвинения отказывались от своих прежних показаний, заявляя, что эти показания были вынуждены угрозами генерала Стрельникова. Этот же участник процесса подробно описал поведение государственного обвинителя Прохорова. В разговоре с обвиняемыми во время перерыва заседания этот прокурор возмущался беззаконием Стрельникова, а в своей обвинительной речи восхвалял его, требуя смертной казни для всех обвиняемых. Несмотря на явную недобросовестность всего предварительного следствия, военный суд вынес самый суровый приговор, который остался суровым даже и после смягчения его по конфирмации. Смертный приговор по этому делу не был приведен в исполнение, но каторжные работы на долгие сроки были назначены многим из осужденных.

Воспоминания об этом процессе оставил и другой приговоренный к каторжным работам, Дрей, напечатавший свою статью уже после победы Октябрьской революции. Этот автор, как и другой, цитированный нами, описывал, какую форму беззастенчивой расправы принял этот акт «правосудия»².

§ 24. ПРОЦЕСС 17-ти В 1883 ГОДУ

Четвертым очень крупным судебным народовольческим процессом явилось дело 17-ти, рассмотренное 28—30 апреля 1883 г. особым присутствием Сената в Петербурге³. Царскому правительству в его борьбе с партией «Народная воля» удалось арестовать по этому процессу до того времени не разысканных пять членов центрального исполнительного комитета первого призыва партии «Народная воля» (Ю. Богдановича, М. Грачевского, С. Златопольского, Анну Корба, П. Теллалова) и

¹ См. П. Надин, Стрельниковский процесс 1883 года в Одессе (отрывки из воспоминаний государственного преступника), «Былое» 1906 г. № 4, стр. 84—103. Очевидно, автор скрыл свою настоящую фамилию под псевдонимом, так как среди осужденных не было Надина.

² См. М. И. Дрей, Стрельниковский процесс (процесс 23-х в Одессе в 1883 году), «Народная воля» перед царским судом, М., 1931, стр. 9—17.

³ См. «Народная воля» перед царским судом, 1930, вып. I, статья Прибылева «Процесс 17-ти», стр. 123—141.

шестого — незадолго перед тем кооптированного (Я. Стефановича). Таким образом, удар наносился руководству партии.

Привлеченные к суду не были новичками на революционном пути. У некоторых из них революционный стаж начался еще в первой половине 70-х годов. Из 17 подсудимых 16 человек были арестованы под чужими фамилиями. Они не раз бывали перед тем в руках жандармов и умело вели себя на дознании и следствии. Этот процесс объединил обвиняемых в различных государственных преступлениях.

Обширный обвинительный акт состоял из шести разделов, в которых были выставлены обвинения против отдельных групп обвиняемых. Центральное место занимали разделы с обвинением подсудимых в покушениях на жизнь Александра II. Эти покушения были в 1879 году под Александровском, в 1880 году под Москвой и 1 марта 1881 г. в Петербурге. В качестве обвиняемых были привлечены Теллалов, Златопольский, Грачевский, Богданович, Ивановская и др. Богданович обвинялся в устройстве подкупа из сырной лавки на Садовую улицу для взрыва там мины. Грачевский принимал участие в изготовлении взрывчатых снарядов.

Кроме обвинения в царубийстве, обвинительный акт предъявлял обвинение в организации восстания в Чигиринском уезде посредством распространения среди крестьян подложного царского указа. Такое обвинение было предъявлено к Стефановичу. Он совместно с Дейчем, Бохановским и другими распространял среди крестьян «Золотую грамоту», но счастливо избежал суда, рассматривавшего это дело в 1879 году. Большинство революционеров относилось отрицательно к способам действия Стефановича и его товарищей, считая использование имени царя для целей революции не отвечающим революционной этике.

Обвинительный акт предъявлял также обвинение в покушении на кражу из Кишиневского казначейства к подсудимой Лисовской.

Обвиняемые держали себя на суде мужественно и указывали в своих речах, что внутренняя политика царизма привела их к террористическим актам, что при наличии свободных законодательных учреждений из избранников народа не было бы актов террора. Теллалов говорил в своем последнем слове, что в груди революционера живет горячая любовь к народу и при других условиях «ярые террористы превратятся в мирных учителей и просветителей народа».

Ответом на эти призывы подсудимых был смертный приговор шести обвиняемым, а именно: Богдановичу, Буцевичу,

Грачевскому, Теллалову, Клименко, Златопольскому. Были приговорены к каторжным работам от четырех лет и до пожизненных: Стефанович, Смирницкая, Калужный, Ивановская, Лисовская, А. Корба, А. В. Прибылев и Р. Л. Прибылева¹. К ссылке на поселение осуждены Борейшо, Гринберг и Юшкова. Царизм держал смертников как бы заложниками до совершения коронации, после которой казнь была заменена вечной каторгой. Стефанович, как мы увидим дальше, писал для департамента полиции историю революционного движения, и вечная каторга была ему заменена восьмилетней.

Все приговоренные к казни умерли в тяжелых условиях заключения в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Часть каторжан попала на Кару.

§ 25. ПРОЦЕСС 14-ти В 1884 ГОДУ

Одним из тех судебных процессов, которые нанесли тяжкие удары партии «Народная воля», было дело, известное под именем процесса 14-ти. Военно-окружной суд рассматривал это дело в сентябре 1884 года. На скамье подсудимых очутились те, чьи имена вписаны в историю Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей и сибирской каторги. В истории революционного движения это дело известно также под названием процесса о военной организации партии «Народная воля»². Участники этой организации были преданы правительству агентом, провокатором Дегаевым, состоявшим на службе у Судейкина, одного из чинов центрального политического сыска в России. Суду были преданы 6 офицеров, в том числе подполковник М. Ю. Ашенбреннер, поручик артиллерии Н. М. Рогачев, штабс-капитан артиллерии Н. Д. Похитонов, лейтенант флота барон А. П. Штромберг, поручик Тиханович, мичман И. П. Ювачев; остальные восемь человек были: В. Н. Фигнер, Л. А. Волкенштейн, Л. В. Чемоданова, Спандони, Суровцев, А. И. Немоловский, В. Г. Иванов, В. И. Чуйко.

Перечисленным подсудимым было предъявлено обвинение в различных государственных преступлениях. В. Н. Фигнер,

¹ См. речь Спасовича в защиту супругов Прибылевых, Спасович, Семь судебных речей по политическим делам, СПб., 1908, стр. 72.

² Раскрытие пропаганды в армии вызвало большую тревогу в правительстве. См. письмо военного министра к начальнику военно-судного управления, «Красный архив», 1934, т. 63 (№ 2). Сообщение М. Ахуна и Д. Зиневича, стр. 133—135.

которой было отведено первое место на скамье подсудимых, обвинялась в совершении террористических актов¹. Другая женщина, Л. А. Волкенштейн, привлекалась за участие в убийстве харьковского губернатора Кропоткина. Другим привлеченным по делу были предъявлены обвинения в организации тайных типографий, в принадлежности к партии «Народная воля». Таким образом, это был процесс террористов и пропагандистов. Царское правительство видело в обвиняемых своих тем более опасных врагов, что пропаганда захватила офицеров, и притом старшего командного состава.

При рассмотрении дела в Сенате выяснилось, что предатель Дегаев, не вызванный в суд, давал во время дознания показания, которые не были предъявлены Фигнер и другим привлеченным по делу. Председательствующий в суде, отвечая на заявление Фигнер об этих показаниях Дегаева, лживо утверждал, что суду ничего об этом не известно. Органы жандармерии и суд предпочли обойтись в судебном заседании без показаний шпиона, оказавшего правительству огромную услугу. Было ясно, что показания этого провокатора и предателя были учтены судом, который вынес всем подсудимым обвинительный приговор.

Смертный приговор был вынесен подсудимым Фигнер, Ашенбреннеру, Рогачеву, Похитонову, Штромбергу, Тихоновичу, Ювачеву, Волкенштейн.

Штромберг и Рогачев были казнены. Смертная казнь была заменена для Фигнер, Ашенбреннера, Похитонова и Тихоновича бессрочной каторгой, а Ювачеву и Волкенштейн наказание смертью заменено каторжными работами на 15 лет. Немоловскому бессрочные каторжные работы заменили срочными на 20 лет. Иванов был приговорен к каторге без срока, Чуйко — к каторге на 20 лет, Суровцев и Спандони — на 15 лет и Чемоданова — на 4 года (по конфирмации она была сослана в Сибирь на поселение)².

Большинство этих осужденных было направлено в Шлиссельбургскую крепость. Они испытали на себе жестокий режим этой крепости, которым она прославилась особенно в первые годы после открытия в ней в августе 1884 года новой тюрьмы.

¹ Показание В. Фигнер на дознании. См. «Былое» 1917 г. № 2—3—4, «Из автобиографии Веры Фигнер».

² См. «Народовольцы», сб. III, М., 1931, изд. Политкаторжан. См. Спасович, Семь судебных речей по политическим делам. Речь в защиту Чемодановой, СПб., 1908, стр. 94—107.

§ 26. ПРОЦЕСС 12-ти В КИЕВЕ В 1884 ГОДУ

В том же 1884 году, когда в Петербурге был рассмотрен процесс 14-ти народовольцев, жандармский генерал Новицкий подготовил процесс 12-ти, рассмотренный 1—9 ноября 1884 г. в Киевском военно-окружном суде. Названный генерал в погоне за служебной карьерой арестовал несколько десятков человек, пытаясь создать крупный процесс по обвинению в принадлежности к партии «Народная воля». С частью арестованных расправились без суда, суду было предано лишь 12 человек по обвинению в принадлежности к революционной организации в создании тайной типографии, а некоторые в вооруженном сопротивлении при аресте. Председательствовал в этом процессе, по словам участника процесса, бывший петрашевец Кузьмин, который вынес по этому делу сравнительно мягкий приговор, несмотря на требование прокурором смертной казни для всех подсудимых. За этот мягкий приговор Кузьмин был отстранен от занимаемой должности. Из двенадцати подсудимых трое были оправданы, четверо приговорены к каторжным работам на срок от 4 до 20 лет, трое сосланы на поселение, а двое — на житье в Сибирь. К каторжным работам были приговорены: Панкратов на 20 лет, Шебалин и Мартынов на 12 лет, Караулов на 4 года. Все они были заключены в Шлиссельбургскую крепость и наряду с другими узниками испытали наиболее тяжелый режим заключения. Мартынов после заключения в Шлиссельбургской крепости был переведен на поселение в Якутск, где и окончил жизнь самоубийством. Шебалин напечатал в 1929 году свои воспоминания об этом процессе, использованные нами¹.

Интересна судьба Панкратова. В 1889 году Панкратов после Шлиссельбургской крепости был переведен на поселение в Вилюйск, откуда бежал в 1904 году и принял участие в Московском восстании в 1905 году. После этого он был вновь сослан в Якутскую область.

§ 27. ПРОЛЕТАРИАТЦЫ В 1885—1886 ГОДАХ

Кроме народовольческих процессов, на 80-е годы пришелся крупный процесс другой революционной партии — «Пролетариат», рассмотренный военно-окружным судом в Варшаве в

¹ См. «Народовольцы 80-х и 90-х годов», статья Шебалина, «Киевский процесс 12-ти народовольцев в 1884 году», М., 1923.

ноябре 1885 года. На скамье подсудимых было около трех десятков человек. Партия применяла террористические акты. Шесть из совершенных актов, и в том числе убийство шпионов, перечислены в обвинительном акте.

Партия «Пролетариат» ставила своей главной задачей революционную агитацию среди рабочих.

Феликс Кон, оставивший воспоминания об этом процессе, отмечал широкое использование прокуратурой показаний провокаторов и шпионов¹. Дело рассматривалось при закрытых дверях. Обвиняли четыре военных прокурора. Соблюдения «судейского беспристрастия» не было и в помине. Варшавский генерал-губернатор Гурко следил за ходом следствия. В результате было вынесено шесть смертных приговоров и более двадцати человек были приговорены к каторжным работам на разные сроки. Над четырьмя осужденными смертный приговор был приведен в исполнение. Двое осужденных к смертной казни (Янович и Варынский) были заключены в Шлиссельбургскую крепость, пятеро, и в том числе Ф. Кон, сосланы на Кару.

Часть осужденных пошла на каторгу через Новобелгородскую центральную каторжную тюрьму, закрытую в 1880 году для приема политических заключенных, но давшую в 1886 году «приют» осужденным членам партии «Пролетариат».

§ 28. ПРОЦЕСС 21-го В ПЕТЕРБУРГЕ

В 1887 г., с 26 мая по 5 июня, военно-окружной суд Петербурга при закрытых дверях рассматривал дело, по которому на скамью подсудимых был привлечен 21 обвиняемый. Этот процесс известен в истории революционного движения под именем «Лопатинского», так как центральной фигурой этого выдающегося процесса был Герман Лопатин. Дознание и следствие по этому делу продолжалось более трех лет, а общее число привлеченных к дознанию доходило до 300 человек, часть которых была подвергнута различным наказаниям в административном порядке.

Во время лопатинского процесса на скамье подсудимых оказались как сторонники борьбы с самодержавием путем пропаганды, так и сторонники террора. Обвинительный акт перечислял такие действия, как изготовление и хранение разрывных снарядов, убийства по политическим мотивам, ограбление

¹ См. Ф. Кон, За 50 лет, т. I.

почты для добывания средств на дело революции, пропаганда, устройство тайных типографий, участие в партии «Народная воля».

В этом судебном процессе, кроме фамилий подсудимых, часто упоминались еще две фамилии. Это был Судейкин и Дегаев. Я уже называл их при характеристике процесса военной организации партии «Народная воля».

В истории политических процессов не один раз раскрывалось, что царизм в борьбе с революционным движением широко использовал провокацию и шпионаж. В процессе 21-го ярко выявилась роль провокации. Во время этого процесса выявилась личность Судейкина.

Судейкин был одним из руководителей тайного сыска по делам о государственных преступлениях. Ему удалось привлечь к провокации и шпионажу Дегаева после ареста его в декабре 1882 года. Дегаев, будучи одним из наиболее осведомленных о деятельности партии «Народная воля», стал предателем этой партии. Летом 1883 года Дегаев признался членам партии в своем предательстве. Тогда ему было предъявлено условие уничтожить Судейкина. Дегаев совершил этот акт при содействии Стародворского и Конашевича, обвинявшихся по процессу 21-го. Исключенный из партии, но сохранивший свою жизнь Дегаев бежал за границу и не был привлечен в качестве обвиняемого. На судебном заседании выяснилось, что служитель и защитник самодержавия Судейкин решил построить свою карьеру на раскрытии политических убийств, им же самим организованных. Он наметил совершение убийства министра внутренних дел Толстого при помощи провокации Дегаева и, раскрыв убийц, должен был выйти в отставку, а в это время должно было быть совершено такое же провокационное убийство великого князя Владимира Александровича. Судейкин был уверен, что его попросят вернуться к политическому сыску и он достигнет поста министра внутренних дел. Смерть помешала исполнению этих его замыслов.

Таков был один из тех, кто был поставщиком на виселицу, в Петропавловскую и Шлиссельбургскую крепости, на каторгу и ссылку революционеров 80-х годов.

В процессе 21-го первое место среди обвиняемых было отведено Герману Лопатину. Ему в то время был уже 41 год. У него было большое революционное прошлое и не прекращавшаяся руководящая деятельность в борьбе с царизмом. Не раз он подвергался аресту. В 1866 году он был арестован по делу о покушении Каракозова на Александра II, но вскоре был освобожден. В 1870 году он организовал побег Лаврова за границу

из Вологодской ссылки. Был арестован за попытку организовать побег Чернышевского из ссылки. Лопатин принимал участие в Интернационале, был близок к Марксу и Энгельсу. По процессу 21-го он обвинялся в хранении динамита и в организации террористических актов. На судебном заседании он произнес речь, подчеркнув в ней расправу царизма с обвиняемыми в условиях полного отсутствия гласности, при которой скамья подсудимых не могла стать трибуной для социалистической пропаганды.

Подсудимые вели себя на процессе мужественно, но двое из них — Гейер и Елько — предали товарищей¹.

Из числа подсудимых были приговорены к смертной казни: Лопатин, Салова, Сухомлин, С. А. Иванов, Якубович, Стародворский, Конашевич, Добрускина, Антонов, Вольнов, Кузин, Ливадин, Попов Макар, Елько и Гейер. Смертная казнь была заменена каторжными работами, и пятеро осужденных — Лопатин, С. А. Иванов, Петр Антонов, Стародворский, Конашевич — были заключены в Шлиссельбургскую крепость. Сухомлин, Якубович, Салова и Добрускина были отправлены на разные сроки в каторжные работы на Кару; Вольнов и Кузин — на Сахалин; Попов и Ливадин сосланы на поселение в Якутскую область. Предателям Елько и Гейеру царское правительство не только даровало жизнь, но приняло их на государственную службу. Трое подсудимых были оправданы, из трех остальных осужденных были приговорены: один — на поселение, другой — на житье в Западную Сибирь, а третий — к тюремному заключению².

Процесс 21-го дал своих представителей в наиболее суровые места лишения свободы. Заключенные и ссыльные этого процесса в большинстве не дожили до Великой Октябрьской революции. Лишь на долю некоторых из них выпало счастье увидеть победу революции, в их числе оказался и Герман Лопатин.

§ 29. ПРОЦЕСС 1 МАРТА 1887 ГОДА

1 марта 1887 г., ровно через шесть лет после того, как бомба исполнительного комитета партии «Народная воля» лишила жизни Александра II, были задержаны несколько человек на

¹ См. «Народная воля» перед царским судом, вып. II, М., 1931. «Народовольцы», сб. III, изд. Политкаторжан, М., 1931. Статья Добрускина - Михайлова «Лопатинский процесс», стр. 202—212.

² См. Спасович, Семь судебных речей по политическим делам, СПб., 1908. Речь в защиту Якубовича, стр. 206—208.

Невском проспекте в Петербурге и в том числе трое с метательными снарядами, предназначенными для лишения жизни Александра III.

Несмотря на то, что предшествующие судебные процессы нанесли партии «Народная воля» тяжелый урон, вырвав из ее рядов большинство активных членов, мысль о терроре как средстве революционной борьбы продолжала существовать. Впрочем, мысль о терроре уже не господствовала так, как это было в конце 70-х и начале 80-х годов. Это, между прочим, видно из письма Андреюшкина, участника террористической организации, которое было перехвачено жандармами и привело к раскрытию заговора перед самым его осуществлением. В этом письме Андреюшкин отметил свое несогласие с социал-демократами и видел в терроре надежное средство борьбы. Андреюшкин писал своему товарищу, студенту в Харькове: «У нас возможен самый беспощадный террор, и я твердо верю, что он будет, и даже в непродолжительном времени»¹.

Цитированное нами письмо было помечено 20 января 1887 г. Жандармы до этого времени ничего не знали о готовившемся покушении на жизнь Александра III. Установленный надзор привел к обнаружению заговора, и 1 марта 1887 г. трое студентов, Осипанов, Андреюшкин и Генералов, были схвачены со взрывчатыми снарядами на Невском проспекте. «Откровенное показание» одновременно с ними арестованных сигнальщиков (Канчера и Горкуна) дало жандармам возможность быстро выявить участников террористической организации и руководящую роль в ней студентов Александра Ульянова и Шевырева. Всего было арестовано в первые же дни марта 25 человек, а позднее еще 49 человек. Суду было предано 15 человек, а в отношении остальных дела были разрешены в административном порядке.

Архивное дело департамента полиции, оставшееся до сих пор неиспользованным в литературе, раскрывает интересные подробности полицейского сыска и судебного разрешения всего этого дела.

Немедленно после ареста 1 марта студентов с метательными снарядами Петербургское жандармское управление разослало об этом телеграммы в жандармские управления наиболее крупных городов империи с целью принятия различных мер предупреждения. Когда выяснилось, что активный участник

¹ ЦГИА в Москве, дело департамента полиции, IV делопроизводство, № 47, т. I, 1887, л. 30. «О замысле на жизнь священной особы государя императора, обнаруженном 1 марта 1887 г.»

покушения студент Шевырев еще ранее выбыл в Симферополь, начальнику жандармского управления этого города была послана из Петербурга телеграмма с приказом: «Необходимо перевернуть весь город вверх дном и все местности, где может находиться Шевырев, и арестовать его»¹. Лишь 7 марта Шевырева удалось арестовать в Ялте. За эту неделю жандармский произвол, поощряемый департаментом полиции, не знал никаких пределов.

Огромная «работа» шла в самом департаменте полиции в Петербурге. Для целей сыска явилась надобность раскрыть фамилию участника террористической организации, о котором было известно, что он имеет отчество «Сергеевич». Для облегчения такого розыска департамент полиции выписал из своих делопроизводств фамилии и имена всех тех лиц, которые имели это отчество. В результате получился огромный список на 16 страницах с указанием, по какому делу каждый из внесенных в этот список привлекался. Другой список, более краткий, содержал сведения о звании «Сергеевичей», привлекавшихся к ответственности по разным политическим делам.

При собирании материалов жандармы не останавливались ни перед какими трудностями и не стеснялись никаких средств. В результате этого ими и были получены подробные показания сигнальщиков Канчера и Горкуна. Эта услуга их была оценена судом и самим царем, который на представленном ему приговоре к смертной казни 15 человек с ходатайством о смягчении наказания для некоторых осужденных сделал надпись: «Совершенно правильно, я полагаю, что Канчеру и Горкуну можно было бы еще уменьшить наказание за их откровенные показания и раскаяние»².

Секретное архивное дело частично раскрывает нам, как жандармы получали откровенные показания. Так, например, директор департамента полиции цинично сообщал о допросе малолетнего Коли, брата Ананьиной, привлеченной по этому делу. Этот «свидетель» дал свое показание после того, как директор департамента «пострадал» его³. В этом донесении не указано, чем и как запугивали допрашиваемого. Во всяком случае цель была достигнута.

Этот же директор департамента доносил о вызове им осужденного к смертной казни Шевырева, подавшего прошение о по-

¹ ЦГИА в Москве, дело департамента полиции, IV делопроизводство, № 47, т. I, 1887, л. 93.

² Тот же архив, то же дело, л. 18.

³ Тот же архив, то же дело, л. 21.

милованию. Начальник политического сыска добавлял: «постараюсь узнать от Шевырева все возможное»¹. Он поступил так же и с другими приговоренными к смерти, подавшими просьбу о помиловании. По словам донесения, допрос Лукашевича, также подавшего просьбу о помиловании, не дал ничего нового. Что же касается Шевырева, то его со всеми предосторожностями повезли для указания квартиры, о которой он дал показания. Можно с уверенностью сказать, что жандармы обещали в данном случае помилование. Однако Шевырев был повешен.

Архивное дело раскрывает нам закулисную сторону судебного процесса. Уже в самом начале жандармского дознания возник вопрос, рассматривать ли дело в военном суде или в особом присутствии Сената. При этом указывалось, что смертный приговор обеспечен как в том, так и другом суде, но председателем особого присутствия Сената был опытный сенатор Дрейер, и это гарантировало более строгое разрешение дела. «Высочайшее» повеление передало рассмотрение дела в особое присутствие Сената. При этом актам жандармского дознания была придана сила актов предварительного следствия. Вместе с тем особому присутствию Сената было предоставлено право сократить срок кассационного обжалования по своему усмотрению «без существенного стеснения судебной защиты». Но эти последние слова в очень слабой степени прикрывали очевидное желание правительства поскорее покончить с обвиняемыми. Особое присутствие прекрасно это поняло и вместо узаконенного двухнедельного срока для кассационного обжалования дало всего два дня.

Процесс 1 марта 1887 г. проходил при закрытых дверях. В зал суда было разрешено допустить лишь министров, их товарищей, членов государственного совета, сенаторов и особо перечисленных лиц из высшей бюрократии. В этом отношении судебный процесс по делу 1 марта 1887 г. далеко оставил за собой судебный процесс по делу 1 марта 1881 г., на котором во время судебного разбирательства присутствовали представители печати и велись стенографические записи.

Самые близкие родные подсудимых не были допущены не только в судебный зал, но и на свидание с ними. Так, например, на прошение матери Ульянова допустить ее к свиданию с сыном была наложена такая резолюция: «Если госпожа Ульянова будет справляться, объявить, что свидания не разрешены»².

¹ ЦГИА в Москве, дело департамента полиции, IV делопроизводство, № 47, т. I, 1887, ч. 2, л. 19.

² Тот же архив, то же дело, ч. 2, л. 221.

Характерно, что вместо ответа на прошение Ульяновой директор департамента полиции распорядился отвечать лишь в случае нового ее обращения.

Следует также отметить судьбу прошения Ульяновой о смягчении участи ее сына Александра Ильича Ульянова и дочери Анны Ильиничны Ульяновой. Мать просила товарища министра внутренних дел направить ее просьбу царю. Однако Оржевский переправил эту просьбу вместо царя в особое присутствие Сената, куда поступило дело.

Министр внутренних дел получал о каждом заседании суда доклад от департамента полиции. Министр юстиции представлял письменные доклады царю о каждом заседании. Доклады департамента полиции подтверждают, что сенатор Дрейер вполне оправдал возложенные на него надежды. Он, например, не давал Ульянову возможности говорить о его отношении к террору. В докладе отмечены попытки Ульянова защищать подсудимого Новорусского путем допроса эксперта: он пытался доказать, что Новорусский не мог догадываться об изготовлении в его квартире взрывчатого вещества. С видимым удовольствием сообщалось министру внутренних дел, «что речи защитников были кратки и весьма приличны». Эта жандармская похвала не делает чести защитникам, но вместе с тем характеризует условия, в которые была поставлена защита.

Конечно, эти жандармские доклады не выявляли поведения председателя особого присутствия Сената. Уже после свержения царизма осужденный по этому процессу Лукашевич напечатал свои воспоминания о деле 1 марта 1887 г.¹ Он указывал, что сенатор Дрейер не раз прерывал речь Ульянова, не позволяя подсудимым обмениваться рукопожатиями и пр. Лукашевич вспоминал, как из тюрьмы Трубецкого бастиона его возили по ночам на допросы, и здесь прокурор Котляревский говорил допрашиваемому о применении при допросах пыток в виде вздергивания на дыбу, вытягивания жил и т. п.

Приведенные нами слова Лукашевича об угрозах прокурора Котляревского пытками находят свое подтверждение в признании директора департамента полиции, отмеченном нами выше, о применении угроз при допросе брата подсудимой Лидии Ананьиной. Таким образом, следует считать вполне установленным недопустимые приемы при допросе обвиняемых и свидетелей.

¹ См. Лукашевич, Воспоминания о деле 1 марта 1887 г., «Былое» 1917 г. № 2, август, стр. 115—132.

Из нескольких десятков привлеченных к ответственности по делу 1 марта 1887 г. было предано суду 15 человек: Ульянов Александр, Осипанов, Андреюшкин, Генералов, Шевырев, Лукашевич, Новорусский, Ананьина, Пилсудский Бронислав, Пашковский, Шмидова, Канчер, Горкун, Волохов и Сердюкова. Из этих обвиняемых 12 человек были студентами. Все подсудимые были приговорены к смертной казни, но особое присутствие Сената ходатайствовало для восьми подсудимых о замене смертной казни другими наказаниями. Александр III утвердил смертный приговор для пятерых осужденных, а именно: для Ульянова, Шевырева, Генералова, Осипанова и Андреюшкина. Лукашевич и Новорусский были пожизненно заточены в Шлиссельбургскую крепость и пробыли в ней по 18 лет каждый, пока революция 1905 года не освободила их. Ананьина была сослана на Кару на 20 лет, Пилсудский по конфирмации был отправлен на 15 лет на Сахалин. Четверо осужденных вместо смертной казни приговорены на 10 лет каторжных работ. Шмидова сослана в Сибирь на поселение, а Сердюкова, признанная виновной в недоносительстве, заключена на 2 года в тюрьму.

До приведения приговора в исполнение часть подсудимых содержалась в Трубецком бастионе, а часть в Доме предварительного заключения. Смертная казнь через повешение была приведена в исполнение в Шлиссельбургской крепости. Официальные сведения о ней мы воспроизведем в главе, посвященной истории названной крепости. Здесь же отметим, что использованное нами архивное дело содержит три документа об этой казни. Вследствие отсутствия палача в Петербурге и нахождения его в Варшаве уже 25 апреля шифрованная телеграмма предложила варшавскому обер-полицеймейстеру прислать палача по первому требованию, и 30 апреля последовало требование: «Вышлите немедленно палача». Через четыре дня из Трубецкого бастиона были вывезены в Шлиссельбург пятеро приговоренных к казни и двое к пожизненному заключению. Казнь была совершена 8 мая.

Исполнение смертного приговора и заключение в каторжные тюрьмы осужденных не было завершением обширного делопродизводства по процессу 1 марта 1887 г., административная расправа со многими арестованными продолжалась, а началась она даже ранее судебной расправы. Уже 8 апреля состоялось «высочайшее» повеление сослать в Восточную Сибирь на 5 лет Анну Ульянову.

Вслед за тем последовали другие административные репрессии. Царизм выходил победителем и на этот раз в борьбе с партией «Народная воля».

§ 30. ПРОЦЕСС ОРЖИХА, СИГИДЫ И ДРУГИХ В 1887 ГОДУ

Одним из последних крупных народовольческих процессов было дело Оржиха, Сигиды и других, рассмотренное особым присутствием Сената. По этому процессу осужденные попали: Оржих в Шлиссельбургскую крепость, Надежда Сигида и некоторые другие на Кару. Этот процесс был одним из крупных в истории революции по числу обвиняемых и по характеру предъявленных обвинений. Имя же Надежды Сигиды вошло в историю царской тюрьмы и связано с тем величайшим насилием, которое было применено на Каре к этой политической узнице, подвергнутой телесному наказанию и покончившей самоубийством одновременно с некоторыми другими заключенными. Мы изложим это событие в нашем очерке о Карийской тюрьме (см. § 49).

Суду было предано восемь обвиняемых: Оржих, Петровский, Александр Чернов, Аким Сигида, Надежда Сигида, Тринитатская, Федорова¹. Процесс рассматривался в декабре 1887 года, но вследствие болезни Оржиха дело о нем было выделено и рассмотрено лишь в ноябре 1888 года.

По обвинительному акту в вину подсудимым ставились: хранение взрывчатых снарядов, организация тайной революционной типографии, печатание и хранение революционных изданий, принадлежность к партии «Народная воля». Все эти действия совершались обвиняемыми в Ростове-на-Дону, в Таганроге, в Харькове и Екатеринославе. Так протекала революционная деятельность на юге России. При аресте Оржиха, который был активным членом партии, он сделал попытку вооруженного сопротивления². При обыске у него были найдены нелегальные издания, поддельные бланки и печати присутственных мест, революционная переписка и пр. У Надежды Сигиды были обнаружены печатные издания и рукописи революционного содержания, ручная типография и пр.

Дело рассматривалось при закрытых дверях. Краткое сообщение о приговоре было напечатано в «Правительственном вестнике» 19/31 января 1888 г. № 14. Все семь подсудимых были

¹ См. М. И. Дрей, О деле Оржиха, Сигиды и др. (по архивным материалам воспоминаний участников дела), сб. «Народная воля» перед царским судом», вып. II, М., 1931 г. стр. 70—83.

² См. воспоминания Оржиха о его революционной работе в статье «В рядах «Народной воли», сб. «Народовольцы», вып. II, М., 1931, стр. 75—172

приговорены к повешению, которое по конфирмации было заменено каторжными работами: двоим без срока, а остальным на срок от 8 до 18 лет. Надежда Сигида была сослана на 8 лет.

Через год после осуждения семи названных подсудимых, в ноябре 1888 года, Оржих был приговорен к смертной казни, которая была заменена бессрочными каторжными работами. Оржих был заключен в Шлиссельбургскую крепость. Он вышел из тюрьмы этой крепости и дожил до революции 1917 года.

§ 31. ПРОЦЕСС СОФЬИ ГИНЗБУРГ В 1890 ГОДУ

Последним народовольческим процессом было дело Софьи Гинзбург и другие, рассмотренное особым присутствием Сената в сентябре 1890 года.

Партия «Народной воли» фактически уже не существовала. Ее члены, оставшиеся на свободе, были разрознены и не участвовали в революционной борьбе, как это было в первой половине 80-х годов. Попытки возрождения террористической деятельности в духе программы партии «Народная воля» были сделаны вне России политическими эмигрантами в Цюрихе и Париже. Эти эмигранты были членами партий «Народная воля» и «Пролетариат». Они образовали в 1888 году в Швейцарии так называемый «Союзный террористический кружок», наиболее деятельным членом которого стала Софья Гинзбург. В программу деятельности были включены террористические акты, в том числе против Александра III. Софья Гинзбург приехала в Россию для выяснения политических настроений и установления связей, а также подготовки террористических актов.

Получив еще за границей чужой паспорт, она сначала поехала в Харьков, где у нее были родные и знакомые, сочувствовавшие программе партии «Народная воля». Установив с ними связь, она переехала в Петербург и здесь занялась организационной работой. Впрочем, дело не дошло до подготовки террористических актов. Случайная оплошность прервала работу Гинзбург: в кошельке, позабытом ею в магазине и переданном из магазина в полицию, была обнаружена небольшая записка с объяснением народу значения царевубийства. Гинзбург успела уехать из Петербурга на юг, но там была арестована и доставлена в Петербург, в Петропавловскую крепость. Еще раньше были арестованы ее родные и знакомые и обнаружена ее секретная переписка с членами террористического кружка в Цюрихе. Положение Гинзбург было осложнено тем, что в Цюрихе при производстве опытов с взрывчатыми снарядами был убит

народоволец Дембо и ранен пролетариатец Дембовский; при обыске в квартире Дембо были найдены записи, уличавшие Гинзбург.

В Петропавловскую крепость, кроме Гинзбург, были заключены некоторые другие из арестованных, в том числе: Душевский, два брата Стояновских, три брата Фрейфельдт, Орочко и др.

Им было предъявлено обвинение в принадлежности к революционному сообществу, поставившему своей задачей царубийство и ниспровержение государственного и общественного строя. По рассказам участников этого процесса, председатель и прокурор суда вели себя по отношению к Гинзбург очень предвзято.

Приговором особого присутствия Гинзбург, один из братьев Стояновских, один из братьев Фрейфельдт и Орочко были приговорены к смертной казни, которая была заменена каторжными работами: Гинзбург — без срока, Фрейфельдту — на 10 лет, Стояновскому — на 4 года, а Орочко — ссылкой на поселение. Душевский был подвергнут трехмесячному аресту на гауптвахте. Софья Гинзбург была заключена в Шлиссельбургскую крепость, архивные документы которой познакомят нас позднее с тяжелой судьбой этой узницы.

Процесс Гинзбург был не только последним народофильским процессом, но и последним крупным судебным рассмотрением дела по обвинению в политических преступлениях в XIX веке. Правительство предпочитало в 90-е годы вести борьбу с революционным движением в России без суда и без огласки. К этому времени относится и изменение формы революционного движения. Начало развиваться рабочее движение. Наиболее распространенным средством борьбы с этим движением явились: ссылка, высылка, тюрьма и предварительное заключение борцов за рабочее дело в многочисленных провинциальных и столичных тюрьмах и в том числе в петербургском Доме предварительного заключения, узником которого в числе других борцов за пролетарскую революцию оказался великий гений человечества Владимир Ильич Ленин.

§ 32. ИТОГИ ПРОЦЕССОВ О ТЕРРОРИСТАХ 1880—1890 ГОДОВ

Приведенные нами судебные процессы 1880—1890 гг. имели своим предметом рассмотрение дел преимущественно о членах партии «Народная воля». В отличие от процессов 70-х годов в этих процессах предъявлялись подсудимым обвинения не только в пропаганде, но обычно и в совершении террористиче-

ских актов. Наряду с особым присутствием Сената такие дела были рассмотрены в заседаниях военно-окружного суда. Если в 70-е годы еще имело место гласное рассмотрение дел о политических преступлениях, то в 80-е годы оно было лишь в очень редких случаях. Такой негласный порядок рассмотрения дел лишил подсудимых возможности использовать скамью подсудимых для политической пропаганды. То стеснение подсудимых и защиты со стороны суда, которое появилось при публичном рассмотрении дел, теперь, при закрытых дверях, стало совершенно обычным.

Суд являлся покорным исполнителем воли правительства и писал свои приговоры под его диктовку. Это сказалось и на репрессии по народофильским судебным процессам.

В русской литературе была сделана попытка статистической обработки 17 народофильских процессов 1880—1890 гг.¹ Автор этой попытки Никитина определила, что число осужденных равно 154. В отличие от политических процессов 70-х годов, когда число обвиняемых было весьма значительным и достигло 193-х в одном процессе, в процессах 80-х годов наибольшее число обвиняемых по отдельным процессам не превышало 23 человек. Смертные приговоры были вынесены 74 лицам, а казнены 17 человек, в каторжные работы направлены 106 человек. Несколько десятков человек перебывало в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях, на Кару и на Нерчинскую каторгу было направлено 52 человека и в том числе 13 женщин, на Сахалин было сослано 8 человек. К пожизненным каторжным работам были приговорены 43 человека, из них 21 женщина. Таким образом, репрессия за 80—90-е годы по народофильским процессам была очень жестокой.

Названным нами автором были подведены итоги также и в другом направлении, а именно о сословном происхождении осужденных народофильцев. На первом месте за этот период революции по численности оказались дворяне (38,3%), на следующем месте — мещане. Рабочие и крестьяне были среди осужденных в очень незначительном числе. По профессии к числу рабочих принадлежало 16,9% осужденных. Первое же место принадлежало студентам и студенткам (38,3%). Сравнительно с 70-ми годами в 80—90-е годы произошло увеличение участия рабочих в революционном движении. Следует иметь в виду, что разработка сведений об осужденных 154 народофильцах показательна для нас лишь для ознакомления с составом этих осужденных. В действительности же число привлекавшихся к дознаниям по

¹ См. Никитина, Народофильские процессы в цифрах, сб. «Народная воля» перед царским судом», вып. II, М., 1931, стр. 126 и сл.

политическим делам за интересующее нас десятилетие превышало 4000 человек (по сведениям департамента государственной полиции, найденным Никитиной). О классовой принадлежности этих четырех тысяч сведений не имеется. Большинство из них провело разные сроки в местах лишения свободы и подверглось репрессии в административном порядке, без суда.

Часть осужденных по наиболее важным процессам пропагандистов и террористов была направлена в специальные политические тюрьмы, начиная с Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей, и их пребывание в этих тюрьмах знакомит нас с историей политической тюрьмы за последние 25 лет XIX века.

За рассмотренный нами двадцатилетний период, когда царизм вел судебную расправу с революционным движением, она все более и более приобретала черты, приближавшие ее к административной. Суды были послушными исполнителями воли правительства. Это были частью военно-окружные суды, а большей частью вершителем судьбы обвиняемых являлось особое присутствие правительствующего Сената.

Мы видели из предшествующего изложения о применении жандармами при дознании к арестованным незаконных средств принуждения для получения желательных показаний. На судебных заседаниях стеснение защиты было самым распространенным явлением. Показания провокаторов и предателей ложились в основу приговора. Правительство не стеснялось, как это было в процессе 1 марта 1887 г., незаконно устанавливать самые краткие сроки обжалования.

Оправданные подсудимые наказывались в административном порядке. Наказание, назначенное судом, в некоторых случаях увеличивалось по усмотрению царя, как это было в процессе Нечаева.

Судебно-политические процессы еще раз показали ярко выраженный классовый характер юстиции царизма.

§ 33. АДМИНИСТРАТИВНАЯ БОРЬБА ЦАРИЗМА С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В 90-е ГОДЫ

В расправе царизма с революционным движением дело Софьи Гинзбург, как мы уже сказали выше, было последним крупным судебным процессом последней четверти XIX века. Начиная с 90-х годов, царизм предпочитал в течение более десятка лет вверять защиту своего существования против посягательства на него исключительно административным органам. Следует помнить, что рассмотрение дел о государственных пре-

ступлениях в судебном порядке, начиная с 70-х годов, очень приблизилось к административной расправе: судебных следователей (закон 18 мая 1871 г.) при производстве предварительного следствия заменили жандармы, дознание заменило предварительное следствие, закрытие дверей суда и полная тайна судебного разбирательства приблизили судебные органы к административным¹.

Сближение судебной и административной расправ вскоре после введения судебной реформы не останавливало и административной борьбы царизма с революционным движением. Такая борьба всегда широко применялась и раньше, и позднее (например, по делу декабристов, петрашевцев, при польском восстании, по процессам нечаевцев, пропагандистов 70-х годов и террористов 80-х годов).

Особенно широко применялись различные административные наказания при подавлении национальных движений в различных частях России. Так было, например, при восстаниях и народных волнениях в Коканде в 1875—1876 гг., в Чечне и Дагестане — в 1877—1878 гг., в Фергане — в 1885 году, в Армении — в 1886 году, в Башкирии — в 1874 и 1879 гг., в Ташкенте — 1892 году. При усмирении восстаний разрушались селения, уничтожалось население, широко применялось наказание тюрьмой и ссылкой. Административный произвол, обрушивался на участников национального движения в Польше, Белоруссии, Грузии, Украине и других местах Российской империи.

Поистине царская Россия была тюрьмой народов. К борцам против национального гнета царизм особенно широко применял тюрьму и ссылку.

На расширение административной расправы оказало влияние изменение характера революционного движения: на смену народничеству шло развивающееся рабочее движение.

Ленин придавал большое значение 90-м годам в истории русской социал-демократии. Это был, по его словам, тот второй период, который он называл периодом детства и отрочества, охватившим 1894—1898 гг. и наступившим вслед за периодом «утробного развития» (приблизительно 1884—1894 гг.). Первый период — когда социал-демократия существовала без рабочего движения и число ее сторонников исчислялось единицами. Продолжительность второго периода определяется Лениным в три-четыре года. Социал-демократия появляется как общественное

¹ См. В. Богучарский, Третье отделение о себе самом, «Вестник Европы» 1917 г. № 3, где дан обзор деятельности III отделения до 1866 года.

движение, как политическая партия, возникшая на основе подъема народных масс.

Но рабочий класс в лице лучших своих представителей начал пробуждаться уже в 70-е годы.

Отдельные рабочие принимали участие в политической борьбе в качестве народников-пропагандистов, но в те же 70-е годы начинается массовая борьба рабочих с капиталистами за улучшение своего положения.

Царизм широко применял к рабочим — участникам этой борьбы — внесудебную расправу. Так, например, мы уже видели, что по делу «Южнороссийского союза рабочих» (1877 г.) было предано суду из нескольких сот рабочих только 15 человек, а с остальными правительство расправилось без суда. Когда в 1878 году в Петербурге образовался во главе с рабочими Халтуриним и Обнорским «Северный союз русских рабочих», администрация произвела разгром этого союза, не обращаясь к суду. С 1881 по 1886 гг. было более 48 стачек с 80 тысячами бастовавших рабочих, в которых жандармерия и полиция приходили на помощь капиталистам, широко применяя тюрьму и высылку. Особенно показательна в этом отношении стачка рабочих в январе 1885 года в Орехово-Зуеве. За участие в этой стачке было предано суду 50 человек, а в административном порядке было арестовано и выслано более 600 рабочих. Эта так называемая Морозовская стачка имеет большое значение в истории рабочего движения, в истории борьбы с ним царизма, а также и в истории царской тюрьмы. Организатор Морозовской стачки рабочий Петр Моисеенко, бывший член «Северного союза русских рабочих», был уже ранее сослан в Сибирь за участие в рабочем движении в Петербурге.

Вернувшись из ссылки, он вместе с другим рабочим, Василием Волковым повел среди рабочих агитацию за объявление стачки. Эта агитация имела большой успех и сплотила рабочих фабрики, положение которых было очень тяжелым. При рабочем дне в 12—14 часов заработной платы не хватало на поддержание голодного существования. Фабрикант штрафами под разными предлогами сокращал заработок рабочих до 50%. В особенности большие штрафы накладывались при браковке изготовленных изделий. Это было настоящим ограблением рабочих.

За участие в уличных беспорядках и в стачке, имевшей целью заставить фабриканта улучшить материальное положение фабричных рабочих, судебное преследование было возбуждено против 17 рабочих. Окружной суд в г. Владимире без участия присяжных заседателей приговорил всех обвиняемых к аресту на разные сроки. Кроме этих 17 человек, 33 рабочих были пре-

даны суду с участием присяжных заседателей по обвинению в различных преступлениях, а именно: в нападении на военный караул, разрушении фабричных зданий, похищении имущества. На суде выяснилась такая жестокая эксплуатация рабочих на фабрике, что демократический состав присяжных заседателей оправдал всех обвиняемых. Это не остановило административной расправы над оправданными, и двое организаторов (Моисеенко и Волков) были сосланы в северные губернии, где Волков вскоре умер¹.

Новая форма революционного движения в виде стачек получает быстрое и широкое распространение. Царизм со страхом наблюдает рост этого нового и опасного врага.

В борьбе с рабочим движением царизм предпочитал и в 90-е годы, не обращаясь к судебным органам, вести централизованную административную расправу. Даже негласное судебное рассмотрение дел о пропаганде среди рабочих в тех многочисленных пунктах империи, где она обнаруживалась, было для правительства крайне нежелательно, так как заставляло опасаться привлечения общественного внимания к новой форме массовой революционной деятельности.

Такую тактику царизма в борьбе с рабочим движением В. И. Ленин отметил в прокламации, написанной им во время пребывания в тюрьме в 1896 году. Он писал, как мы уже указывали ранее, что «...правительство пуше огня боится огласки фабричных порядков и происшествий... оно даже перестало разбирать дела о стачках в обыкновенных судах...»².

В указанный нами период 90-х годов административная расправа, вытеснив судебный произвол, стала главным средством в борьбе с революционным движением.

К такому же выводу приводит ознакомление с очень интересными и не использованными в литературе материалами, к которым нам открыла доступ Октябрьская революция. Мы имеем в виду «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям». Эти «обзоры» в виде объемистых томов раскрывают исключительную роль внесудебной расправы с революционным движением в 90-е годы и показывают из года в год рост рабочего движения, которое привело к свержению царизма и к победе пролетариата.

В истории царской тюрьмы эти «обзоры» не могут быть обойдены молчанием, так как тюрьма применялась почти по

¹ Институт истории партии при МК ВКП(б), Морозовская стачка, «Московский рабочий», 1935.

² В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 105.

каждому дознанию о том или другом государственном преступлении. Она применялась в качестве предварительного заключения и в качестве административной меры репрессии.

Названные «обзоры» давали сведения лишь о важнейших дознаниях, а тюрьма применялась, конечно, и в случаях менее важных. «Обзоры» представляют интерес и тем, что говорят о быстром росте рабочего движения¹.

Укажем, что в «обзоре» за 1892 год отмечено лишь одно дело о семи обвиняемых, рассмотренное в судебном порядке, в то время как в административном порядке были разрешены дела о 325 лицах. В 1893 году рассмотрено в судебном порядке только 5 дел о 8 лицах, а в административном — 73 дела о 301 обвиняемом. В «обзоре» за 1895, 1896, 1897, 1898 гг. все дела о государственных преступлениях разрешены в административном порядке. Число важнейших дознаний о государственных преступлениях, а также количество административно осужденных по таким дознаниям из года в год возрастает. Так, например, в 1893 году возникло 144 дела о 510 лицах. В 1895 году возбуждено 230 дел о 663 лицах. Кроме того, по ст. ст. 246 и 248 Уложения о наказаниях о заочных оскорблениях царя и членов его фамилии возникло 907 дел о 909 лицах.

В «обзоре» за 1897 год помещен алфавит, в котором поименовано до 800 человек, привлекавшихся к ответственности.

Следует напомнить, что сведения, приведенные в «обзорах» относятся лишь к важнейшим дознаниям и, таким образом, не носят исчерпывающего характера. Но тем не менее они очень показательны для характеристики революционного движения и борьбы с ним.

Из этих отчетов мы видим, как быстро росло рабочее движение в 90-х годах и как различные виды административной расправы получили самое широкое применение. Так, например, хотя «обзор» за 1893 год ставит на первом месте пропагандистскую деятельность главным образом интеллигентов, в частности студентов, однако он отмечает, что пропаганда велась среди рабочих, которые оказались «способными сами вести пропаганду»

¹ В ЦГИА в Москве имеется уникальный экземпляр рукописи С. С. Таищева, Социально-революционное движение в России, т. I, 1894—1896 гг. Автор обработал названные в тексте «обзоры», использованные нами в подлинниках. За 1890 год эти «обзоры» говорят преимущественно о борьбе с рабочим движением и лишь редко уделяют внимание борьбе с национальным движением. Так, например, в «обзоре» за 1895 год уделено внимание «национально-литовской агитации», стр. 175—182, и «армянскому движению», стр. 183—214. Однако эти материалы не позволяют выявить роль тюрьмы, несомненно, широко применявшейся в то время.

по программе социал-демократов¹. Этот «обзор» не без тревоги отмечал связи, установленные между рабочими различных крупных городов (Петербурга, Варшавы, Харькова, Тулы, Москвы). При обысках у отдельных лиц было найдено до 100 экземпляров нелегальной литературы. Названный отчет добавлял, что обыски и аресты не остановили пропаганды среди рабочих.

В Петербурге по делу о пропаганде среди рабочих было привлечено 35 человек. Среди распространявшейся литературы значительное место принадлежит еще не марксистской литературе (обвинительный акт по делу Софьи Гинзбург упоминает литографированные издания очерка Кеннана о политических ссыльных, письма Цебриковой, листки «Свободное слово», Исторические письма Миртова (Лаврова) и др.).

Около трети административно осужденных были приговорены к тюремному заключению с последующей ссылкой или высылкой, а шестая часть к аресту.

В «обзоре» за 1895 год даны сведения о характере революционной деятельности и список лиц, привлеченных к административной ответственности. Распределение привлеченных по видам преступлений не отличается ясностью.

На первом месте по количеству стоят обвиняемые в хранении и распространении нелегальной литературы (134 дела о 182 лицах). На втором месте обвиняемые в преступном сообществе (12 дел о 165 лицах). Третье место занимают привлеченные за пропаганду среди рабочих (9 дел о 154 лицах) и т. д. Конечно, обвиняемые в распространении нелегальной литературы распространяли ее и среди рабочих. Во всяком случае выделение в особую группу пропагандистов среди рабочих показывает, что администрация уже придавала большое значение такой пропаганде.

Важнейшим дознанием в 1895 году было дело Распутина, Акимовой и других (законченное в 1896 году), осужденных в административном порядке к ссылке в Сибирь за подготовку террористического акта против Николая II. Трое из осужденных были направлены в Петропавловскую крепость.

Большое внимание «обзор» уделяет борьбе с рабочим движением. Между прочим, особо отмечено раскрытие в Москве «Московского рабочего союза» во главе с врачом Мицкевичем.

Список лиц, подвергнутых административной репрессии, включает несколько сот фамилий, а тюрьме и высылке принадлежит среди этих мер выдающееся место.

¹ См. «Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1892—1893 гг.».

«Обзор» за 1895 год не включил в общие итоги и выделил особо дознания о 50 армянах, обвиняемых за участие в армянском национальном движении, и о 275 духоборах. Эти последние рассматривались как люди опасные для господствовавшего вероисповедания и для всего государственного строя. Однако повторяю, что в 1895 году борьба с рабочим движением заняла особое внимание администрации.

В «обзоре» за 1896 год еще больше внимания обращено на рост рабочего движения.

В свободном «обзоре» важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях в 1895—1896 гг., уже не один раз упомянута новая, открытая жандармами революционная организация среди рабочих. В «обзоре» названо много арестованных, имена которых вошли в историю русского рабочего движения. В числе арестованных был и тот, чье имя известно всему человечеству,— Владимир Ильич Ульянов.

Жандармы в своем обширном «обзоре» отметили, что члены новой организации, являясь социал-демократами, создали «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». После тщательной слежки в ночь на 9 декабря 1895 г. (по старому стилю) был произведен арест многих интеллигентов и рабочих. Особое значение жандармы придавали аресту главнейших участников новой организации. Так были арестованы: Владимир Ильич Ульянов, Глеб Кржижановский, Запорожец, Ванеев, Лепешинский, Малченко, Старков, студенты Шата и Никитин, прапорщик запаса Ергин, Антушевский и др. У арестованных была найдена обширная литература «преступного содержания», в частности, в «обзоре» отмечено нахождение у В. И. Ульянова и Анатолия Ванеева воззвания к рабочим фабрики Кенига и Путиловского завода, статьи, относящиеся к стачкам в механической мастерской обуви в Иваново-Вознесенске, Ярославле, на фабриках Торнтонна, Кенига, Лаферма и т. п. Кроме того, у Анатолия Ванеева оказалось собрание рукописей, предназначенных для первого номера предполагавшейся к изданию подпольной газеты «Рабочее дело», написанных Ульяновым и Запорожцем¹. «Обзор» указал, что организаторами преступного сообщества явились: Ульянов, Запорожец, Старков, Кржижановский, Ванеев, Лепешинский.

Аресты, произведенные в 1895 году в Петербурге, не остановили деятельности новой организации. Ее не остановили и аресты, произведенные в январе 1896 года. Общее число аресто-

¹ См. «Обзор важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях за 1895—1896 гг.», стр. 103.

ванных возрастало. Среди арестованных жандармы отметили учительницу Варгинской воскресной школы Надежду Константиновну Крупскую, библиотекаршу при читальне «Невского общества устройства народных развлечений» Анну Чечурину, студента Шестопалова и др. Нам известно, что арестованные по этому делу были размещены не только в Доме предварительного заключения, но и в Трубецком бастионе Петропавловской крепости.

«Обзор» дознаний за 1897 год почти все свое внимание уделил описанию дознаний по делам о рабочем движении и, в частности, молодой организации, созданной Владимиром Ильичем Лениным,— «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса». В частности, отчет отметил арест в марте 1897 года ряда лиц, у которых были найдены различные типографские принадлежности и нелегальные рукописи «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Составители отчета дали сведения о стачках рабочих, привели содержание воззваний, распространявшихся среди рабочих, и сведения об арестах по различным крупным промышленным городам. Общеалфавитный список лиц за 1897 год, упомянутых в ведомости о дознаниях, содержит в себе более полутора тысяч имен.

«Обзор» за 1898 год особенно отметил деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» и арест рабочих и интеллигентов. Названный «Союз» имел, по словам «обзора», свои отделения в Киеве, Одессе, Екатеринославе, Елизаветграде и других городах, издавал «Рабочую газету». Администрация, собрав сведения об участниках этого рабочего движения, произвела 11 марта 1898 г., в связи с I съездом РСДРП в г. Минске, в различных городах многочисленные аресты и заполнила места лишения свободы этими арестованными. Так, например, в Екатеринославе было арестовано 26 человек, в Одессе — 34, в Киеве — 105 и т. д.

В «обзоре» отмечено, что операция 11 марта 1898 г. дала в руки администрации богатую «добычу» не только в виде большого числа арестованных, но также и большое количество социал-демократической литературы и в том числе «Манифест Коммунистической партии», другие сочинения Маркса и Энгельса, воззвание «Екатеринославского союза борьбы за освобождение рабочего класса» и пр.

Аресты 11 марта 1898 г. привели, в свою очередь, к новым арестам в разных городах, в том числе и в Москве. Московское губернское жандармское управление выделило из числа арестованных 35 человек для привлечения к ответственности за участие в Московском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса».

Жандармерия усилила свою сыскную деятельность. Так, в апреле 1898 года она выявила опубликование манифеста Российской социал-демократической рабочей партии.

«Обзор» за 1898 год сохраняет полное молчание о видах административной расправы, примененной по жандармским дознаниям о государственных преступлениях¹. Конечно, тюрьма получала здесь самое широкое применение. Жандармерия держалась того правила, что лишение свободы при дознании должно иметь самое широкое применение. Нередко, как это видно из отчетов за предшествующие годы, тюремное заключение применялось и как мера репрессии перед высылкой и ссылкой.

«Обзоры» за указанные нами годы подробно выясняют слежку за отдельными лицами до их ареста и отобрачную нелегальную литературу. Следует отметить, что в середине 90-х годов социал-демократическая литература вытеснила другую нелегальную литературу. В наши задачи не входит подробно останавливаться на этом вопросе, и мы ограничимся уже приведенными сведениями. Однако отметим находку жандармерией интересного руководства — «как вести себя революционеру на свободе и при следствии». «Обзор» не сообщил подробно содержания этого руководства, но, между прочим, отметил советы революционерам, как вести себя в тюрьме, и предупреждение их о приемах жандармов «подсаживать» в камеры политических арестованных «переодетых шпииков».

«Обзор» важнейших дознаний за 1899 год содержит сведения и о дознаниях, начатых также в 1898 году. Больше, чем в каком-либо другом «обзоре», здесь даны сведения об арестованных за участие в рабочем движении и, в частности, отмечено распространение агитационной литературы в Петербурге, напечатанной в Белостоке, где обнаружена типография, выпустившая первый номер «Рабочего знамени» и более 1500 брошюр и воззваний для распространения среди рабочих. «Обзор» подчеркнул, что преступная агитация среди рабочих, кроме столиц, велась также и во всех крупных центрах. Не один раз отмечалась активная деятельность «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» в различных городах России. Списки привлеченных к дознаниям по обвинению в государственных преступ-

¹ Примером того, как производилась расправа в административном порядке, служит следующий факт: директор департамента полиции Дурново подписал постановление о заключении в тюрьму за оскорбление его величества по ошибке вместо 30 суток на 30 лет. Лишь через год эта ошибка выяснилась. См. статью «Департамент полиции 1892—1908 гг.» (из воспоминания чиновника), «Былое» 1917 г. № 5—6 (27—28), стр. 17 и сл.

лениях за эти последние годы XIX века заполнены огромным числом рабочих.

Историк царской тюрьмы должен отметить, что в 90-х годах в различные места лишения свободы начали поступать рабочие, арестованные за попытки празднования 1 мая.

Главное архивное управление опубликовало в 1939 году очень ценный сборник документов о праздновании 1 мая в России¹. Как известно, этот пролетарский праздник был установлен Международным социалистическим конгрессом, собравшимся в Париже в 1889 году.

Наиболее ранние сведения о праздновании 1 мая в России относятся к 1891 году. Полиция просмотрела тогда эту новую форму борьбы рабочего класса, но в 1892 году могла похвастаться некоторым успехом в борьбе с празднованием 1 мая рабочими в Петербурге.

В 1893—1894 гг. аресты рабочих помешали празднованию 1 мая в Петербурге. Не было маевки и в других городах, кроме Казани, Нижнего-Новгорода и Киева. В 1896 году празднование 1 мая распространяется по ряду больших городов и промышленных центров. Это вызвало циркуляр департамента полиции (5 апреля 1897 г. № 3425), требовавший от чинов полиции принятия мер против празднования 1 мая, ареста агитаторов, предания их суду или применения административной высылки.

Как раз в этом же 1897 году в целях борьбы с празднованием 1 мая были произведены аресты в Москве, и среди арестованных был Воровский, которого прокурор назвал главным организатором борьбы московских рабочих.

Цитированный нами сборник документов не сообщает сведений о числе арестованных в связи с празднованием пролетарского праздника. Поскольку празднование 1 мая распространялось и выливалось в форму стачек и перешло из оврагов, лесных полян и других укромных мест за городом на улицу, есть все основания предполагать, что число арестованных возрастало. Впрочем, празднование 1 мая сильнее распространилось лишь в XX веке, когда оно стало выливаться в бурные политические демонстрации, когда правительством пускалась в ход военная сила, а число арестованных исчислялось сотнями.

Итак, эта глава работы познакомила нас с теми судебными политическими процессами за последнюю четверть XIX века, которые дали узников в различные тюрьмы. Мы дополнили этот

¹ Главное архивное управление МВД. Центральный архив революции, «Первое мая в царской России (1890—1916 гг.)», Сборник документов, ОГИЗ, 1939.

очерк о судебной расправе с революционным движением материалом о внесудебной расправе царизма за последнее десятилетие XIX века. Так как, начиная с 90-х годов, революционное движение приняло массовый характер и захватило значительное число городов, то местом заключения арестованных в административном порядке стали тюрьмы в этих городах, предназначенные для осужденных за уголовные преступления. Правительство задалось целью поставить своих политических врагов в такие же тяжелые условия, в которых находились осужденные за общеуголовные преступления, и даже создать для них еще более суровый режим.

Однако ссылка, тюрьма и все виды административной расправы оказались бессильными остановить рост рабочего движения. Это вынужден был признать и Татищев, автор названного нами выше секретного исследования социально-революционного движения в России. Он привел из различных листовок указания на массовые аресты среди рабочих и на бессилие этих арестов помешать росту рабочего движения.

Устанавливалось общение русских рабочих с пролетариатом за границей. Русские рабочие в адресе французским рабочим в 1895 году по случаю 25-летия Парижской Коммуны писали: «Пусть же в приснопамятный день 18 марта, в 25-летнюю годовщину дня, дорогого для социалистов всех стран, далекий голос России, задыхающейся под ярмом деспотизма, России пролетарской, донесется до пролетариата Франции. Пусть знает французский рабочий, что за затворами царской тюрьмы бьется в тисках свободолюбивая мысль русского пролетариата»¹.

¹ ЦГИА в Москве. С. С. Татищев. Социально-революционное движение в России, т. I, 1894—1896 гг., стр. 357.

Глава третья

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ (1871—1900 ГОДЫ)

§ 34. ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

ИСТОРИЯ Петропавловской крепости после 1870 года охватывает историю существования Трубецкого бастиона (1871—1917 гг.) и Алексеевского рavelина (1871—1884 гг.). Прежде чем тюрьма Трубецкого бастиона, строительство которой было начато 19 июня 1870 г., стала принимать политических заключенных, их размещали в Невской и Екатерининской куртине.

Из архивных материалов мы знаем, что в Екатерининской куртине на 1 февраля 1870 г. содержалось 46 политических заключенных, среди них много студентов. Кропоткин в своих воспоминаниях указывал на заключение в Екатерининскую куртину арестованных по процессу Нечаева¹. На 1 февраля 1871 г. число политических заключенных в Екатерининской и Невской куртинах составляло 33 человека, в том числе 23 студента различных высших учебных заведений. В архивном деле перечислены фамилии заключенных, среди них: кандидат прав Петр Ткачев, поручик Топорков, Вера Засулич, купеческий сын Проккопенко, 6 студентов Московского университета, 5 студентов Медико-хирургической академии, 6 студентов и вольнослушателей

¹ См. П. Кропоткин, В русских и французских тюрьмах, СПб., 1906, стр. 63 и сл.

Петровской земледельческой академии и т. д. К 1 октября 1871 г. число заключенных снизилось до 15 человек.

Число заключенных в названных нами куртинах за 1872 год не превышало четырех, притом не за государственные преступления, а за участие в поединках. Это заставляет нас предполагать, что тюрьма Трубецкого бастиона уже была открыта в 1872 году, и мнение Крпоткина об ее открытии лишь в 1873 году является ошибочным. В архивном деле нам попалось указание, что в отдельном номере Трубецкого бастиона был заключен 19 октября 1872 г. Нечаев. Это подтверждает наше предположение, что в тюрьму Трубецкого бастиона прием заключенных начался уже в 1872 году.

В архивных материалах нам не удалось установить, в каком месяце 1872 года начался прием в эту тюрьму. Однако было найдено дело о приеме в комендантское ведомство С.-Петербургской крепости «вновь отстроенного в Трубецком бастионе здания для политических арестантов»¹. Первая бумага в этом деле — от 3 сентября 1871 г. с приложением описи «вновь отстроенного здания в бастионе Трубецкого для одиночного заключения». Следующая бумага от 20 ноября 1871 г. содержит описание квартиры начальника этой тюрьмы (квартира помещалась во втором этаже тюрьмы, состояла из нескольких комнат, как-то: прихожей, коридора, кухни, кабинета, залы-гостиной, спальни, хорошо обставленных мебелью из орехового дерева). 7 января 1872 г. предписано принять вновь отстроенное здание тюрьмы, а 21 января произведена опись всей тюрьмы, квартиры смотрителя, флигеля со службами. На основании данной описи и дается ниже описание этой тюрьмы.

Тюрьма представляла собой пятиугольное двухэтажное каменное здание со стенами, идущими параллельно стенам Трубецкого бастиона. В каждом из этажей было по 36 одиночных камер. Кроме этих одиночных камер, во втором этаже находились комнаты для свидания заключенных с родными и для производства допросов, а также квартира смотрителя тюрьмы. Каждая камера была снабжена массивной дверью с форточкой для подачи через нее пищи в камеру, а над форточкой — щель с заслонкой для наблюдения за арестованным. Окна камеры выходили на тюремные стены; рама состояла из мелких стекол. Солнечные лучи не могли проникнуть сюда. В оконной раме имелся вентилятор. Стены камеры в целях устранения перестукивания были обиты войлоком и сеткой. Пол был асфальтовый. Для вызова надзира-

¹ ЦГИА в Ленинграде, дело СПб. крепости, 1871—1872 гг., № 294, на 27 листах.

теля была кнопка воздушного звонка. Обстановка одиночной камеры состояла из деревянного стола, табуретки, железной кровати с матрацем и постельным бельем, умывальника и параша. Освещение производилось керосиновой лампой. Таким образом, устройство камер Трубецкого бастиона было обычного типа, если не считать обивки стен войлоком и оклейки их обоями в первые годы.

Наиболее подробным из самых ранних описаний тюрьмы Трубецкого бастиона является описание, сделанное Синегубом, заключенным сюда в декабре 1873 года¹ в камеру № 54 во втором этаже. Он назвал ее большой: шагов десять по диагонали и поперек в пять-шесть шагов. Камера была такая высокая, что, даже встав на стол, можно было достать руками лишь до подоконника. Синегуб вспоминает, что солнечные лучи попадали в камеру лишь вечером, при заходе солнца, и только на подоконник. Таким образом, в камере было почти темно. Асфальтовый пол, выкрашенный желтой краской, был уже истерт ногами предшественника Синегуба. Керосиновая лампа горела в камере всю ночь, а глазок в двери камеры оставался на ночь открытым для наблюдения за заключенным. На летнее время внутренняя рама выставлялась. На дворике перед тюрьмой была баня и клумбы. Во время пребывания в камере узники носили казенное белье и халат, а на свидания и на прогулки их водили в собственном платье. Первое время автор воспоминаний при свидании с женой сидел с ней рядом на диване. При поцелуях удавалось через рот передавать записки. Позднее свидания допускались лишь при условии, что заключенный и явившийся сядут друг против друга за столом, и поцелуи были запрещены. Во время пребывания Синегуба в Трубецком бастионе режим тюрьмы еще не был таким суровым, каким он стал позднее.

Первое пребывание Синегуба в Трубецком бастионе продолжалось два года (с 6 декабря 1873 г. по 12 декабря 1875 г.).

Ближайшим по времени к использованному нами мемуарам Синегуба является описание Трубецкого бастиона за 1874—1876 гг., сделанное Крпоткиным. Описание камеры Крпоткиным совпадает с тем, которое было сделано Синегубом. Крпоткин также отмечает темноту в камере, хотя окно не было покрашено, и он мог наблюдать через него крепостную стену с будкой часового на ней.

В описании Крпоткина тюремный режим в Трубецком бастионе требовал от заключенного полного молчания, но проводился не строго, и Крпоткин, несмотря на запрещение, мог петь

¹ См. Синегуб, Записки чайковца, М.—Л., 1929.

в своей одиночке, пока это ему не надоедало. Далеко не сразу он получил возможность продолжать свои научные работы. Для этого потребовались хлопоты Географического общества и разрешение Александра II. В этой тюрьме Кропоткин закончил два тома своего географического исследования, из которых первый том был издан вскоре, а второй после побега Кропоткина остался в архиве III отделения до 1895 года, когда Русское географическое общество получило его и переслало автору в Лондон.

Кропоткин отмечал в своих воспоминаниях страшную сырость в своей камере, обои были всегда такие мокрые, что казалось, будто их поливают каждый день водой. Для борьбы с сыростью так натапливали печь, что узнику приходилось испытывать от жары еще большие страдания, чем от сырости. Сырость и высокая температура вредно отражались на его здоровье тем более, что прогулки были очень короткие. Для поддержания здоровья Кропоткин ходил каждый день по камере из угла в угол, делая семь верст, и занимался гимнастикой, используя вместо гири дубовый табурет.

В первые месяцы никакого общения с товарищами у Кропоткина не было, так как из 36 камер одного из этажей всего 6 камер было занято узниками, которые были размещены между пустовавшими камерами. Но позднее у Кропоткина появились соседи с обеих сторон его одиночки. Ему были разрешены свидания с братом и сестрой в присутствии жандармов. Во время прогулок по тюремному двору он несколько раз видел проходивших через этот двор дочь и сына смотрителя бастиона, квартира которого помещалась в здании тюрьмы. В более поздние годы уже не разрешалось проходить через тюремный двор посторонним лицам во время прогулок арестованных.

Совершенно необычным и исключительным в истории Трубецкого бастиона было посещение Кропоткина в камере братом царя — великим князем Николаем Николаевичем, который пытался выяснить, как превратился князь Кропоткин в узника государственной тюрьмы. Но разнообразные подходы этого добровольного «следователя» к заключенному не привели к желаемым результатам, и он, рассерженный, вышел из камеры. После двухлетнего пребывания в Трубецком бастионе Кропоткин весной 1876 года был переведен в Дом предварительного заключения. Два года заключения превратили Кропоткина в совершенно больного человека, у которого не хватало сил подняться на второй этаж тюрьмы. Он погиб бы здесь, если бы не был переведен в военный госпиталь, откуда ему удалось совершить побег за границу.

Рис. 5. Петропавловская крепость. Ворота Трубецкого бастиона.

Фотография хранится в Музее революции РСФСР в Ленинграде.

Рис. 6. Петропавловская крепость. Трубецкой бастион (см. на обороте).

Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве.

Следующее по времени описание Трубецкого бастиона за 1876—1877 гг. составлено Чудновским, который, как и Синегуб, обвинялся по процессу 193-х. В основных чертах режим новой государственной тюрьмы оставался прежним, и автор называл обстановку крепостной тюрьмы «довольно сносной». Еще не было больших строгостей за сношение между собой заключенных путем перестукивания. Дозволялось получать книги с воли при условии, чтобы страницы не были разрезаны. В тюремной библиотеке было много книг по беллетристике и журналов предшествующих годов. В одном из номеров журнала «Дело» Чудновский имел возможность по отмеченным ногтем буквам прочесть описание Нечаевым «скорбного повествования о чрезвычайно суровом заключении в ужасном Алексеевском равелине в ручных кандалах и ножных кандалах». Отсутствие особо строгого тюремного режима в те годы сказывалось, между прочим, и в том, что заключенные узнавали газетные новости из тех обрывков газет, которые выдавались им для использования при отправлении естественных потребностей. Свидания допускались раз в две недели, а прогулки происходили через день по пятнадцати минут.

Отмечая свое удовлетворение питанием в тюрьме, Чудновский жаловался на недостаток света и на сырость в камере. Он содержался в первом этаже. Над его камерой находилась камера Мышкина, обвинявшегося по процессу 193-х и в попытке освобождения Чернышевского. Чудновский перестукивался с Мышкиным. По-видимому, эти перестукивания не вызвали репрессий¹. Перестукиванием занимались и другие заключенные, среди которых в то время было до сорока обвиняемых по процессу 193-х.

Мышкин, кроме перестукивания, сносился с товарищами и письмами. Смотрителю Трубецкого бастиона удалось найти прикрепленный к водосточной трубе мякиш черного хлеба, и в этом мякише оказались записки Мышкина. Он писал их на маленьких клочках бумаги, по-видимому, вырванных из книги. Записки писались очень сокращенно. Другие такие же записки были найдены и в постели Мышкина. Они представляют интерес не с точки зрения тюремного режима, а для изучения политического настроения их автора. Поэтому мы ограничиваемся здесь лишь отметкой самого факта сношения Мышкина с товарищами. Впрочем, записки, которые попались в руки смотрителю тюрьмы,

¹ См. С. Л. Чудновский, Из давних лет, «Минувшие годы» 1908 г. № 4. Его же, Из давних лет. Воспоминания, М., 1934.

конечно, не дошли «по назначению» и были опубликованы лишь после революции¹.

Следующее подробное описание Трубецкого бастиона относится к 1880 году. Оно было сделано народовольцем Н. К. Бухом, осужденным по процессу 16-ти в октябре 1880 года за принадлежность к преступному сообществу, за устройство тайной типографии, за печатание «преступных сочинений» и за вооруженное сопротивление при аресте. Из этого описания видно, что годы, прошедшие со времени открытия тюрьмы, принесли с собой некоторые изменения обстановки тюремной камеры: находившиеся в ней кровать, стол, умывальник, параша были сделаны из железа и прочно прикреплены к стенам и полу. К этому году садик, находившийся внутри пяти стен тюрьмы, состоял из молодых деревьев. Для прогулки заключенных шла узкая панель вдоль всего здания.

Новостью в порядках, отмеченной автором, было фотографирование его. Узника фотографировали в тюремном саду, усадив на стул около бани в середине сада. Очевидно, фотографирование арестованных в Трубецком бастионе в то время только начиналось. Бух, как и его предшественники, отметил хороший подбор книг в библиотеке, в которую поступали книги, принадлежавшие самим заключенным. В библиотеке были такие журналы, как «Отечественные записки», «Знание», «Вестник Европы»². Хорошего мнения о составе библиотеки тюрьмы Трубецкого бастиона была и Вера Фигнер, проведшая здесь время с февраля 1883 года по 12 октября 1884 г.

В конце 70-х годов в Трубецком бастионе произошли перемены в обстановке камер и тюремном режиме. Ограничение свиданий и пользования библиотекой волновали заключенных, среди которых большинство было народовольцев. 3 февраля 1879 г. в бастионе произошло крупное беспорядки по незначительному поводу: отказ в отпуске табака одному из заключенных. Заключенные потребовали улучшения режима и, когда требования не были исполнены, выразили свой протест стуком, битьем в двери, поломкой мебели. Они были связаны и избиты солдатами. Была объявлена голодовка, продолжавшаяся несколько дней. В результате этого требования заключенных были удовлетворены, но лишь частично³.

¹ См. А. А. Кункель, Из переписки И. Н. Мышкина с товарищами по заключению, «Каторга и ссылка», 1930, кн. 5.

² См. Н. К. Бух, В Петропавловской крепости, «Каторга и ссылка», кн. 68.

³ См. А. В. Предтеченский, Летопись Петропавловской крепости, М., 1932.

К концу 1880 года и к первой половине 1881 года относятся воспоминания о Трубецком бастионе Мартыновского, осужденного к 20 годам каторжных работ по процессу 16-ти. Эти воспоминания представляют особый интерес, так как описывают режим в крепости, установленный для осужденных. В то время эта тюрьма служила домом предварительного заключения для обвиняемых в государственных преступлениях. В 1880 году ее использовали для временного содержания в ней осужденных за государственные преступления. По общему правилу, осужденных после 1870 года направляли в Нерчинскую каторгу, а с 1875 до 1880 гг. также в Новобелгородскую и Новоборисоглебскую центральные тюрьмы.

Мартыновский довольно подробно описывает свое пребывание в Петропавловской крепости на каторжном положении в течение более 7 месяцев. Но надо признать, что автору пришлось описывать очень немного. Каторжный режим весь целиком свелся к полной изоляции узника от внешнего мира. При такой изоляции главная тяжесть режима заключалась в отсутствии впечатлений¹.

Мартыновский рассказывает, что переход его на положение осужденного начался с вручением ему инструкции «Правила для лиц, находящихся на каторжном положении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости», определявшей режим заключенного. За нарушение правил поведения инструкция грозила наказанием розгами и даже шпицрутенами, уже отмененными в то время законом.

С содержанием данной инструкции подробно познакомил читателей Прибылева-Корба, бывшая узницей крепости в 1883 году.

Правила устанавливали, что приговоренные к срочным каторжным работам содержатся в Трубецком бастионе четверть назначенного срока, а приговоренные без срока остаются здесь неопределенное время, и срок нахождения их зависит от особого распоряжения.

Один из параграфов определяет, что осужденные содержатся в бастионе на общем каторжном положении. Вместо отобранного собственного белья и платья они получали белье, платье и обувь, введенные для каторжных арестантов. Пища должна была быть обыкновенная, арестантская, покупка питания на собственные средства запрещалась. Курение табака не допускалось. Запрещалось пользование книгами из библиотеки бастиона. По

¹ См. Мартыновский, На каторжном положении, «Каторга и ссылка» 1924 г. № 5 (12), стр. 181.

правилам, постель должна была состоять из войлока вместо матраца и подушки, набитой соломой. Прибылева-Корба, так же как и Мартыновский, особенно подчеркивает угрозу наказания шпицрутенами, плетью и розгами, и при этом было указано число ударов шпицрутенами до 8000, плетью до 100 и розгами до 400 ударов. За дисциплинарные проступки администрация могла назначать плети до 20 ударов, розги до 100 ударов и карцер от 1 до 6 суток на хлебе и воде. Правила сохраняли за арестантами право прогулок и как «милость» допускали обращение к духовнику и за врачебной помощью¹.

Мартыновский отмечал как особенную тяжесть режима запрещение инструкцией свиданий с родными и друзьями, переписки и всяких физических и умственных занятий. Вводилось ежемесячное бритье головы. Что касается заковывания в кандалы, то оно отсрочивалось впредь до соответствующего распоряжения. Осужденный немедленно переодевался в платье каторжанина. У него отбирались матрац и подушка и взамен их давались матрац, набитый соломой, а вместо подушки — мешок с соломой.

Резко изменилось в худшую сторону питание осужденных. Утром выдавали кружку кваса вместо чая и два фунта хлеба плохого качества на весь день. Обед состоял из щей или горохового супа и второго блюда в совершенно недостаточном количестве и мало питательного по качеству. В результате такого питания у заключенных развивалась цинга. На прогулки водили на четверть часа через день или через два. Томило бездействие. Приговор к каторжным работам превращался в приговор к полному физическому и умственному бездействию. За 7 месяцев пребывания здесь автор получил для чтения лишь евангелие и в виде особого снисхождения смотрителя тюрьмы полковника Богородского библию на очень короткое время. У Мартыновского развились апатия, физическая слабость, боязнь сумасшествия.

Общения с соседями почти не было: неизвестный заключенный с одной стороны, осужденный также по процессу 16-ти, вскоре был из бастиона переведен. По-видимому, его неизвестный сосед заболел душевно: у него начался припадок. Когда его

¹ См. А. П. Прибылева-Корба, Каторга и ссылка в Петербурге в 1883 году. Воспоминания о 1870—1880 гг., М., 1926, стр. 21—22. Эти воспоминания Прибылевой-Корба подтверждены найденными нами в ЦГИА в Ленинграде (фонд коменданта управления СПб. крепости, № 867, опись 123, к делам 1901 года) «Правилами для временного содержания в С.-Петербургской крепости политических преступников, осужденных к лишению прав состояния и ссылке в каторжные работы».

выносили из камеры, Мартыновский начал стучать в дверь. За этот стук и ответное обращение к смотрителю тюрьмы на «ты» он был посажен в карцер. Здесь он провел двое суток на хлебе и воде, на третьи сутки получил миску горячих щей, а на четвертые был возвращен в одиночную камеру. Пребывание в темном карцере на холодном полу усилило развитие цинги. Усилилось и тяжелое настроение.

К этому времени относится факт исключительного характера: в камере Мартыновского установили постоянное круглосуточное дежурство жандармов. Один жандарм сменял другого через каждые 3 часа, жандарм сидел на табуретке и не спускал глаз с заключенного, лежал ли последний на кровати или ходил из угла в угол. При этом жандармы ничего не говорили, и даже смена одного другим происходила в полном безмолвии. Узник испытывал, по его словам, настоящую пытку от этого присутствия жандарма, не сводившего с него глаз. Можно предположить, что вновь назначенный смотритель тюрьмы (Лесник) опасался самоубийства заключенного.

В первых числах июня совершенно неожиданно для Мартыновского его вывели из одиночной камеры, обрили полголовы, заковали в ножные кандалы и отвезли на вокзал Николаевской железной дороги. Здесь он был помещен в арестантский вагон вместе с другими осужденными по процессу 16-ти. Нехватало Ширяева, переведенного в Алексеевский рavelин, и Окладского, который стал предателем.

Все участники процесса 16-ти носили на себе следы пребывания в Петропавловской крепости. По словам автора воспоминаний, в ужасном виде был Тихонов: 7 месяцев назад, во время суда, он был молодым и здоровым, а «теперь выглядел настоящим мертвецом» с «совсем почерневшим лицом, иссохшими руками и ногами, покрытыми цинготными пятнами». Он был внесен в вагон на руках.

По состоянию Тихонова можно составить себе представление о том режиме, который был установлен в Трубецком бастионе для узников на каторжном положении. Все осужденные были отправлены на Кару.

Кроме названных нами Буха, Мартыновского и Тихонова, узниками Трубецкого бастиона в это же время были и другие привлеченные по тому же процессу 16-ти. В архивном деле мы встретили фамилии следующих заключенных: Кобылянский, Зубковский, Евгения Фигнер, Зунделевич, Ширяев, Мария Грязнова, Цукерман, Окладский, Пресняков и Дриго.

На время рассмотрения военно-окружным судом процесса 16-ти, с 25 по 31 октября 1880 г., названные нами подсудимые

были переведены из Трубецкого бастиона в Дом предварительного заключения. После объявления приговора они, за исключением некоторых, оставленных в Доме предварительного заключения (Евгении Фигнер, Грязновой, Дриго), были снова возвращены в Трубецкой бастион. Пятеро осужденных к смертной казни, а именно — Ширяев, Тихонов, Окладский, Квятковский и Пресняков, были переведены в нижний этаж Екатерининской куртины. В камеру каждого из них было поставлено по два жандарма для предупреждения самоубийства и для устранения попыток сношения между собой. За время пребывания этих узников здесь их посетил начальник Петербургского жандармского управления с целью допроса. К этому времени Окладский уже стал предателем. Приговоренный к казни Квятковский написал письма своей жене и малолетнему сыну, не отправленные жандармами. В письме к сыну он писал: «Мой милый мальчик, скажу тебе, уважай то, что я уважал и любил. Это тебе мое отцовское завещание»¹. Не было отправлено жандармами и написанное Квятковским после приговора к казни письмо к матери с просьбой не горевать и знать, что он честно провел свою жизнь.

Между тем Окладский занялся систематическим предательством. В архивном деле имеется сообщение коменданта крепости о передаче ему Окладским тайного шифра, при помощи которого сносились между собой политические заключенные.

Некоторые указания на режим в тюрьме Трубецкого бастиона в 1880 году содержатся в записках Кобылянского, обвинявшегося и осужденного по процессу 16-ти, как было уже указано. Комендант крепости препроводил в III отделение записки Кобылянского. Находясь в одиночной камере Трубецкого бастиона, он при помощи металлического прута из вентилятора проделывал дыру в соседнюю камеру и через образовавшееся отверстие просунул туда несколько записок. В них он сообщал план, как завести сношения на прогулках на тюремном дворике, как вести себя на процессе. Вместе с тем он писал, что его часто заключают в карцер². Так как соседняя камера была не занята, то записки попали в руки тюремной администрации. За какие провинности Кобылянского часто заключали в карцер, неизвестно.

¹ ЦГИА в Москве, дело III отделения собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, 1880, № 705, на 207 листах. «О предании военному суду в С.-Петербурге 16 человек, обвиняемых во взрыве в Зимнем дворце, на Московско-Курской ж. д., в убийстве князя Кропоткина и других преступлениях», ч. II.

² Тот же архив, то же дело, листы 36 и 44.

В цитированном нами деле имеются не переданные по назначению письма Анны Долгоруковой к Ширяеву. До приговора он содержался, очевидно, в Трубецком бастионе в условиях особой изоляции, а после приговора десять дней в Екатерининской куртине.

Следующий интересный документ говорит о перемещении Ширяева из этой куртины в Алексеевский рavelин, где он вскоре погиб. Комендант крепости сообщил министерству внутренних дел 10 ноября 1880 г.: «Известный вам ссыльно-каторжный преступник сего числа в 1 час с половиной ночи, при полной тишине и тайне, перемещен по назначению, указанному в отношении вашего превосходительства от 16 ноября за № 8307. Прочие восемь будут перечислены содержанием на условия каторжников со вторника 11-го числа»¹.

Из приведенных воспоминаний Мартыновского мы уже знаем, что после вступления приговора в законную силу заключенные находились в очень тяжелых условиях существования и, в частности, были лишены возможности чтения каких бы то ни было книг, кроме евангелия и библии. Оказывается, что и библия первоначально не давалась осужденным. Только в декабре 1880 года комендант крепости обратился в министерство внутренних дел с заявлением, что протоиерей собора, посещающий каторжан, просит приобрести для них библию, так как выданные заключенным евангелия некоторые из них прочли уже по нескольку раз². Эта просьба была удовлетворена.

Мы должны упомянуть еще одну фамилию заключенного Трубецкого бастиона. 13 апреля 1880 г. в одну из камер этой тюрьмы был заключен Григорий Гольденберг, а через 3 месяца — 15 июля 1880 г. — он повесился в этой камере, употребив для петли полотенце. Перед смертью он имел свидание с привлеченным по процессу 16-ти заключенным Зунделевичем. Дело в том, что Гольденберг дал следственной власти «откровенное показание», Зунделевич раскрыл Гольденбергу глаза на его предательство, совершенное из желания спасти жизнь товарищам. Гольденберг перед самоубийством написал исповедь, обращенную «к друзьям, приятелям, товарищам, знакомым и незнакомым, честным людям всего мира»³. Показания Гольденберга

¹ ЦГИА в Москве, дело III отделения собственной е. и. в. канцелярии, 3 экспедиция, 1880, № 705, ч. I. Этот документ находится в деле между 205 и 206 листами.

² ЦГИА в Ленинграде, фонд управления коменданта крепости, № 512, 1881—1882 гг., на 523 листах. «О зачислении за департаментом государственной полиции».

³ Тот же архив, то же дело, часть I, лист 178.

дали жандармам чрезвычайно важный материал против отдельных членов партии «Народная воля». Самоубийство Гольденберга не могло вытравить написанных им страниц, погубивших многих участников революционного движения 80-х годов. Однако надо признать, что он в известной степени стал жертвой различных подходов жандармов к арестованным, которые разнообразились по своему содержанию и совершались под лозунгом «цель оправдывает средство».

Установленный для каторжников режим в Трубецком бастионе не был применен к Окладскому. В награду за его предательство он содержался на тех льготных условиях, которыми пользовался до обвинительного приговора. Его посещали в тюрьме, очевидно, для допросов жандармский полковник и товарищ прокурора.

Окладский исполнял роль не только предателя, выдав товарищей по одному с ним процессу. Он стал сотрудником департамента государственной полиции. Нам попалось в архивном деле распоряжение департамента полиции поместить в Екатерининской куртине Ольгу Любатович, отведя ей камеру рядом с камерой Окладского. Вместе с тем было предписано не препятствовать сношению названных арестантов между собой¹. Несомненно, что такое распоряжение было вызвано желанием узнать через Окладского сведения от Любатович, нужные для целей сыска. Приказание было исполнено. По-видимому, Окладский сообщил нужные сведения, и после этого Любатович была помещена в Трубецкой бастион.

Отметим здесь, что для помещения Любатович в указанную камеру Екатерининской куртины отсюда была переведена в Трубецкой бастион Оловенникова. Осенью 1881 года эта заключенная, находясь в Трубецком бастионе, проявила признаки психического расстройства и много кричала. По этой причине она была переведена в Екатерининскую куртину, где дважды покушалась на самоубийство. Этой заболевшей женщине пригрозили смиренной рубашкой, но вместе с тем поместили к ней в камеру жену одного из жандармов для предупреждения дальнейших попыток к самоубийству. В связи с надобностью камеры для Любатович Оловенникова была возвращена в Трубецкой бастион².

В это же время в одиночных камерах бастиона содержались узники, привлеченные позднее по процессу 20-ти. Среди узников

¹ См. «Деятели революционного движения в России. Библиографический словарь», т. III, 60-е годы, (вып. II), столбцы 861—865.

² ЦГИА в Ленинграде, фонд управления коменданта СПб. крепости № 512, 1881—1882 гг., на 523 листах. «О зачислении за департаментом государственной полиции», листы 150—151.

бастиона находились: Михайлов, Фриденсон, Баранников, Колодкевич, Златопольский, Тетерка, Клеточников, Тригони, Орлов, Фроленко, Арончик, Исаев, Кузьмин, Суханов, Терентьева, Якимова. Все эти заключенные названы в официальном документе террористами.

25 июля 1881 г. переведены из Дома предварительного заключения в Трубецкой бастион Морозов¹, Емельянов, Люстиг и Ланганс.

Кроме приведенных нами сведений о пребывании привлеченных по процессу 20-ти в Трубецком бастионе, имеются еще и другие материалы о них.

После Октябрьской революции в одном архивном деле был найден запечатанный пакет с письмами Михайлова, Баранникова, Тетерки, Арончика, Тригони и Морозова. Число этих писем достигло сорока пяти. Департамент полиции задерживал их, а писавшие их узники, не зная об этом, продолжали писать своим родным. Само собой разумеется, что заключенные должны были считаться с тюремной цензурой. Поэтому не приходится искать в письмах сведений о тюремном режиме².

Только письма Михайлова составляют исключение. Одно из писем сообщает адресату о счастье свидания в тюрьме и сравнивает это переживание с радостью человека, увидевшего луч солнца после долгого нахождения во тьме. Он пишет, что хотя прожитый в тюрьме год и был проведен в чтении, но кажется ему проведенным во сне. «Среди забытых и безразличного состояния в памяти мелькают только тяжелые видения. Такое состояние не отражается на здоровье, но погружает в сон силы души»³.

В письме к отцу и матери от 18 марта 1882 г. он успокаивает их и просит не преувеличивать тяжести его переживаний, добавляя, что помещение у него хорошее и что он пользуется своей провизией. Успокоительные строки имеются и в письмах других узников к родным.

На время суда обвиняемые по процессу 20-ти были переведены в Дом предварительного заключения, а после приговора снова возвращены в Петропавловскую крепость. Министр внутренних дел предложил царю не отправлять осужденных

¹ Любопытны сведения о Морозове, доходящие до комизма; вслед за ним в Трубецкой бастион был прислан для хранения в цейхгаузе его дождевой зонтик, взятый у него при аресте. Морозов вышел на свободу лишь через 25 лет, не воспользовавшись зонтиком.

² См. «Кладбище писем» (сообщил Б. Н.), «Былое» 1918 г. № 4—5 (10—11), стр. 86—108. См. также «Каторга и ссылака» 1925 г. № 13 (16).

³ «Былое» 1918 г. № 4—5 (10—11), стр. 94.

в Сибирь, а содержать их в крепости до открытия новой тюрьмы в Шлиссельбурге¹. Царь согласился с этим, о чем сделал надпись на докладе министра. К докладу был приложен список осужденных, на котором неизвестно кем были отмечены красным карандашом десять фамилий: Михайлова, Колодкевича, Фроленко, Исаева, Клеточникова, Баранникова, Тригопи, Арончика, Морозова, и Ланганса. Все эти десять осужденных в ночь на 27 марта 1882 г. были совершенно секретно перевезены из Трубецкого бастиона в Алексеевский рavelин. Пятеро из них умерли здесь до перевода в Шлиссельбургскую крепость.

За 80-е годы через Трубецкой бастион прошло большинство обвиняемых по процессам партии «Народная воля». Лишь немногие из этих узников оставили свои воспоминания о пребывании в этой тюрьме, и притом очень краткие. Для некоторых из осужденных народовольцев тюрьма Трубецкого бастиона была лишь переходным этапом в Алексеевский рavelин. Несмотря на то, что для большинства заключенных тюрьма Трубецкого бастиона продолжала оставаться местом предварительного заключения до вступления приговора в законную силу, режим ее для террористов стал более суровым. Раскрытие подготовки взрывов и покушений на царя привело к фактам, небывалым в истории тюрем Петропавловской крепости.

В архиве департамента государственной полиции нами обнаружено интересное дело 1881 года. По случаю предстоящих похорон Александра II был произведен самый тщательный осмотр тюрем Алексеевского рavelина, Трубецкого бастиона и других мест в куртинах и бастионах. Комиссия искала, не сделано ли откуда-нибудь подкопов для взрывов. Так были осмотрены, кроме названных мною Алексеевского рavelина и тюрьмы Трубецкого бастиона, еще Екатерининская куртина с арестантским садом, бастион Екатерины, Васильевская куртина, подвальные этажи в Невской куртине и др. Следов подкопов не было обнаружено². Таким образом, администрация допускала возможность подкопов и взрывов даже со стороны тех, кто уже был заточен в тюрьмы с самым строгим режимом.

В начале 80-х годов, кроме тюрьмы Трубецкого бастиона, местом заключения служила, как мы говорили выше, также

¹ Дело департамента полиции, № 77, 1882. «О приведении в исполнение приговора по делу 20-ти лиц, обвинявшихся в государственных преступлениях». Цитировано по статье «Кладбище писем», «Былое» 1918 г. № 4—5 (10—11).

² ЦГИА в Москве, фонд департамента государственной полиции, дело 1881 г. № 135. «Об осмотре и охранении СПб. крепости».

Екатерининская куртина. В ней окна были в уровень с землей. Камеры были темные и сырые и было много крыс, забравшихся в постели узников. Заключенная Якимова, у которой произошли в такой камере роды, вынуждена была оберегать днем и ночью новорожденного ребенка от крыс¹.

К сожалению, не оставила описания Трубецкого бастиона Вера Фигнер — автор подробного описания Шлиссельбургской крепости, пробывшая в Трубецком бастионе с 15 февраля 1883 г. по 12 октября 1884 г. Она описала только тяжелую картину переодевания ее в арестантское платье, пропитанное потом и непомерно большое; указала, что имела в тюрьме свидание с родными. Фигнер очень хорошо отозвалась о библиотеке Петропавловской крепости², но не описала состава книг в ней. По словам другого заключенного в Трубецком бастионе, Аптекмана, в библиотеке оказался даже «Капитал» Карла Маркса, причем эта книга была в обложке от сочинения Керри «Социальная наука». В это же время в библиотеке был журнал «Отечественные записки»³.

О содержании Веры Фигнер в Трубецком бастионе в 1883—1884 гг. имеются некоторые сведения в архивном деле: департамент полиции предупреждал коменданта Петропавловской крепости, что Фигнер — одна из наиболее важных государственных преступников и «похвально» скоро быть на свободе. Поэтому департамент предписывал принять особо строгие меры наблюдения за Фигнер⁴. Может быть поэтому ей не разрешали заниматься рукоделием в ее одиночной камере, как об этом просила ее мать.

Несмотря на суровый режим в тюрьме Трубецкого бастиона в период борьбы с партиями «Земля и воля» и «Народная воля», правительством предпочитало в особенно важных случаях использовать одиночные камеры в Екатерининской куртине. Так, 3 апреля 1879 г. в полночь сюда был доставлен Александр Соловьев, стрелявший в Александра II на Дворцовой площади. Верховным уголовным судом 25 мая 1879 г. он был признан виновным в покушении на цареубийство и приговорен к смертной казни через повешение. В списках арестантов

¹ См. А. В. Предтеченский, *Летопись Петропавловской крепости*, М., 1932, стр. 94.

² См. В. Н. Фигнер, *В борьбе*, М., 1934.

³ См. Аптекман, *Из воспоминаний земледельца*, «Минувшие годы» 1908 г. № 5—6, стр. 297.

⁴ ЦГИА в Ленинграде, фонд Петропавловской крепости, № 566, 1883, на 585 листах. «О политических арестантах, содержащихся в СПб. крепости», л. 222.

Петропавловской крепости Соловьев состоял до 28 мая 1879 г., когда был казнен.

В том же 1879 году был приведен в исполнение смертный приговор над другим узником Петропавловской крепости — Владимиром Дубровиным. Он обвинялся в принадлежности к революционной организации и вооруженном сопротивлении при аресте. Он был заключен в Трубецкой бастион 22 февраля 1879 г. и по приговору военно-окружного суда был в апреле 1879 года повешен на Иоанновском валу в Петропавловской крепости.

Камерами тюрьмы Трубецкого бастиона администрация воспользовалась по самому крупному политическому процессу 80-х годов, а именно по делу 1 марта 1881 г. В числе арестованных здесь был заключен и главный обвиняемый по этому процессу — Желябов. Сюда же была доставлена 4 марта 1881 г. Геся Гельфман, также приговоренная к смертной казни одновременно с Желябовым и четырьмя другими первоартовыми.

Судьба этой осужденной заставила говорить о себе европейскую печать. Гельфман была арестована в ночь на 3 марта в квартире, где находилась вместе с Саблиным, участником убийства Александра II. Саблин, не желая попасть в руки жандармов, застрелился на глазах Гельфман. Только после этого она открыла дверь жандармам. Доставленная в Трубецкой бастион, она пробывала в нем до 24 марта, когда была переведена в Дом предварительного заключения, отсюда после приговора к казни она подала просьбу о разрешении ей свидания с мужем — Колодкевичем, содержащимся в тюрьме по обвинению в государственных преступлениях. Она хотела посоветоваться с ним, следует ли ей объявить администрации о своей беременности. По закону исполнение казни в случае беременности отсрочивалось на 40 дней после родов. В свидании ей было отказано. Она объявила о том, что беременна на четвертом месяце. Особое присутствие Сената ввиду подтверждения факта беременности отсрочило казнь на 40 дней после родов. Несмотря на беременность, Гельфман была переведена 23 апреля из Дома предварительного заключения снова в тяжелые условия тюрьмы Трубецкого бастиона. Над ней продолжал тяготеть смертный приговор. За границей эта беспощадная жестокость к беременной женщине, пятеро товарищей которой уже были повешены, вызвала протесты в печати Кропоткина, Виктора Гюго, видного французского публициста Рошфора и др. Только 2 июля, промучив осужденную три месяца полной неизвестностью, Александр III заменил ей казнь бессрочной каторгой. Через месяц после этого (5 августа) она была переведена

в одиночную камеру Дома предварительного заключения. В больнице этой тюрьмы она и разрешилась от бремени 12 октября 1881 г. Через три с половиной месяца после родов Гельфман умерла. Та обстановка, при которой происходили роды этой молодой женщины, вызвала ряд недоумений и даже подозрений в умысленной небрежности врача, присутствовавшего при родах. По непонятным причинам таким врачом оказался лейб-акушер Баландин. Это был единственный случай, когда присутствовать при родах в тюрьму приглашался посторонний врач-специалист, акушер, имевший практику при дворце. До настоящего времени в печати не было известно, от кого исходила инициатива приглашения в тюрьму к Гельфман этого лейб-акушера. Но в архиве Главного тюремного управления мы нашли дело о вознаграждении доктора Баландина за помощь¹. Из документов этого дела видно, что инициатива обращения за помощью к Баландину исходила из департамента государственной полиции. Из министерства внутренних дел было доставлено начальнику Главного тюремного управления 150 руб. для доктора и 125 руб. для акушерки. Начальник Главного тюремного управления прибавил от себя 25 руб. и переслал доктору Баландину 300 руб. с указанием, что посылается ему и акушерке по 150 руб. Доктор вернул эти деньги, заявив письменно, что акушерке должно быть выплачено 300 руб. «и это будет самой скромной платой за долгое пребывание с Гесей Гельфман», а сам он от вознаграждения отказывается. Было очевидно недовольство Баландина предложенным вознаграждением. Однако акушерке было выплачено 150 руб., а остальные деньги вернулись в департамент государственной полиции.

О причинах смерти Гельфман был составлен акт, найденный в секретном деле департамента полиции. Смерть последовала от гнойного воспаления брюшины. Тюремный врач Гарфинкель говорил политическим заключенным о разрыве промежности при родах Гельфман и о предложении доктору Баландину наложить швы, но лейб-акушер счел это излишним. Между тем организм роженицы был истощен пребыванием в тюрьме и тяжелым переживанием в связи с приговором. Она кормила грудью своего ребенка до 25 января 1882 г., когда его насильственно отобрали и сдали в воспитательный дом с «высочайшим» повелением не именовать этого ребенка фамилией Гельфман².

¹ ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления № 122, дело производство № 1, дело № 660, 1881.

² См. Р. М. Кантор, Геся Гельфман, М., 1926, стр. 32.

Через шесть дней, 1 февраля, Геся Гельфман умерла. В литературе было высказано обвинение против доктора Баландина в неприятии надлежащих мер при родах Гельфман¹. Во всяком случае эта помилованная, пережив своих пятерых казенных товарищей на восемь месяцев, была умерщвлена всей обстановкой тюремной жизни. Восемь месяцев этой жизни были временем самых тяжелых психических и физических мучений. Даже рождение ребенка вызвало новые издевательства над Гельфман. Присланное неизвестным лицом белье для ребенка было отобрано и заменено другим — жестким и грубым.

Помещенная в воспитательный дом девочка вскоре умерла. Конечно, шесть месяцев утробной жизни в условиях тяжелого тюремного заключения не могли сами по себе не повлиять на жизнеспособность новорожденной.

Если в 1881 году казематы Трубецкого бастиона были заняты привлечеными по делу об убийстве Александра II, то через несколько месяцев, в конце того же года, в эти казематы были заключены 22 жандарма из числа стражи Алексеевского рavelина. Они обвинялись в содействии узнику рavelина Нечаеву в сношениях с революционерами на свободе². Подробнее мы говорим об этом в нашем очерке, посвященном Нечаеву (§ 37), а здесь только отмечаем этот знаменательный факт заключения десятков камер Трубецкого бастиона жандармами, обвиняемыми в государственных преступлениях. Число таких заключенных достигло 42 человек. Переполнение бастиона арестованными жандармами привело (с 23 апреля 1883 г.) к размещению части их по два в каждую камеру. Других случаев такого совместного заключения в Трубецком бастионе не было. Однако режим для них был обычным и, может быть, даже более суровым, если принять во внимание гнев Александра III. Суровый приговор военного суда перевел узников из крепости в дисциплинарные батальоны³.

Приблизительно к этому же времени относятся сношения заключенных Трубецкого бастиона с товарищами на свободе. Письма передавались одним из жандармов, пока предатель Де-

¹ См. Н. С. Тютчев, Революционное движение 70—80-х годов, ч. I, 1925, стр. 131 и др., а также Иохельсон и Р. Кантор, Геся Гельфман. Материалы для биографии и характеристики, 1922, стр. 47.

² ЦГИА в Ленинграде, фонд управления коменданта СПб. крепости по Алексеевскому рavelину, № 219, 1881—1884 гг. «О беспорядках в Алексеевском рavelине», на 561 листе.

³ ЦГИА в Ленинграде, фонд управления коменданта СПб. крепости по Алексеевскому рavelину, № 277, 1882—1883 гг. «О предании военному суду чинов Алексеевского рavelина за допущенные беспорядки».

гаев, член исполнительного комитета партии «Народная воля», не раскрыл эти тайные сношения¹.

Другой случай более продолжительных сношений узников Трубецкого бастиона с волей имел место при содействии сына смотрителя Трубецкого бастиона Богородского. Имея свободный доступ в тюрьму, где помещалась и квартира смотрителя, молодой Богородский выносил и приносил книги, при помощи которых велась переписка. Эти тайные сношения привели к отставке смотрителя Богородского, а сын его был сослан на поселение.

Таким образом, правительству не всегда удавалось установить полную изоляцию от внешнего мира узников даже Алексеевского рavelина и Трубецкого бастиона.

Некоторые сведения о Трубецком бастионе за 1882 год дал народоволец Поливанов. Он был осужден в Саратове за попытку вооруженного освобождения политического заключенного Новицкого, приговоренного к смертной казни, которая была заменена каторгой. Поливанов вместо ссылки в Сибирь был доставлен в Трубецкой бастион и помещен здесь в качестве каторжанина в одну из камер нижнего этажа — № 9. Описание Поливановым его пребывания в этой тюрьме не расходится с приведенными нами воспоминаниями Мартыновского и Прибылевой-Корба. Ему также предъявили инструкцию, в которой были статьи, угрожавшие шпицрутенами, плетью и розгами. Внешний вид камеры он сравнивал с запущенным подвалом, до того сырым, что вода выступала из стен наружу, а с подоконника лилась так обильно, что на полу образовалось, говоря словами узника, целое море. В камере был полумрак, так как близко расположенная крепостная стена не пропускала света, хотя стекла были не матовые.

Узника после обыска переодели в грубое жесткое белье и арестантскую одежду, не по росту сшитую. Утром дали черный хлеб и кружку теплой воды вместо чая. Обед из двух блюд был очень плохого качества, и Поливанов называл его «мерзостью»². Вскоре его перевели во второй этаж, где в камере так же, как и в первом этаже, стояли кровать, стол в виде металлической доски, стульчак с выносным ведром и рукомойник над раковиной. Утром приносили полотенце, мыла не давали, для чтения дали лишь новый завет. Никакой работы не было,

¹ См. Венедиктов, Петропавловская крепость и Сергей Дегаев (к вопросу о сношениях арестованных Трубецкого бастиона с волей), «Каторга и ссылка» 1931 г. № 3 (76).

² См. П. С. Поливанов, Алексеевский рavelин, ред. и примечания П. Е. Щеголева, Л., 1926, стр. 84—110.

по коридору ходили солдаты с ружьями, а в камеру входили очень грубые жандармы. В такой обстановке Поливанов прожил более полумесяца, после чего в половине ноября 1882 года он был переведен в Алексеевский рavelин.

Из воспоминаний Поливанова видно, что библиотека бастиона, о которой хорошо отзывалась Вера Фигнер, не была доступна для осужденных. Очевидно, книги из нее выдавались лишь подследственным. Из архивных дел видно также, что подследственным разрешались свидания и переписка с родными. Не все подследственные пользовались одинаковыми правами на свидание. Все зависело от усмотрения департамента полиции (например, матери Александра Ульянова свидания с сыном не были разрешены). В питании же их произошло значительное ухудшение, когда 11 апреля 1881 г. по «высочайшему» повелению сумма, отпускавшаяся на ежедневное питание, была снижена с 50 коп. до 30 коп.

Что касается камер Трубецкого бастиона, то они не различались для подследственных и для осужденных. Более позднее описание своей камеры (за 80-е годы) оставил Дейч, находившийся в Трубецком бастионе в 1884—1885 гг. Как и его предшественники по заключению, он отмечал отсутствие достаточного света в камере, так как солнце в нее никогда не заглядывало, поэтому стены были влажными от сырости¹.

В период 80-х годов через одиночные камеры Трубецкого бастиона прошло, кроме названных нами народовольцев, много других узников. Одни из этих узников были известны в истории революции и по судебнополитическим процессам, но было немало и таких узников, которые оставались в крепости очень короткое время и не привлекались к судебной ответственности. Среди узников, например, за 1882—1883 гг. мы встретили следующих заключенных: Калюжная, Смирницкая, Коган-Бернштейн, Чикойдзе, Грачевский, Луговский, Романенко, Беспалова, Анна Прибылева, Алексей Фомин, Камарницкий, Липпман, Цицианов, Андреев, Спандони, поручики Шепелев, Егоров и Иванов, Людмила Волкенштейн, французский подданный Лесерен де-Кирвили, Владимир Бубнов, Телье, Каминский, Талапиндов, Штромберг и др.².

Некоторые из этих заключенных переведены в бастион из Дома предварительного заключения, а некоторые из департамента государственной полиции. Многие из привлеченных к

Рис. 7. Петропавловская крепость. Внутренний двор Трубецкого бастиона.

Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве.

¹ См. Л. Г. Дейч, 16 лет в Сибири, изд. 2-е, М., 1924.

² ЦГИА в Ленинграде, фонд Петропавловской крепости, № 577, 1882—1883 гг. «О содержащихся под стражей в СПб. крепости».

Рис. 8. Петропавловская крепость. Коридор тюрьмы Трубецкого бастиона.

Фотография хранится в Музее революции РСФСР в Ленинграде.

дознанию по обвинению в государственных преступлениях находились в Доме предварительного заключения и не пересылались в Петропавловскую крепость.

При пересылке в 80-е годы арестованных из Дома предварительного заключения в Трубецкой бастион не делалось обычно никаких указаний на режим для них, кроме требования содержать присланных в одиночном заключении. Впрочем, в некоторых случаях департамент полиции считал необходимым требовать от коменданта крепости особо строгого надзора за тем или другим арестованным. Так было в отношении Веры Фигнер, как мы указывали выше. Так же было приказано и в отношении Фомина. Омский губернатор в своем письме от 3 марта 1883 г. предупреждал коменданта крепости о предстоящей присылке к нему по распоряжению департамента полиции из Омской тюрьмы «важного арестанта для содержания его в наиболее секретном отделении крепости»¹.

В использованных нами архивных делах за 80-е годы по Трубецкому бастиону содержатся сведения о фамилиях узников, о вызовах на допросы, о разрешении свиданий и прочее, но нет сведений о содержании предъявленных обвинений. В некоторых случаях комендант сообщал о результатах произведенных обысков, о заболеваниях, о покушениях на самоубийство. Так, например, сообщалось, что при обыске у Н. А. Морозова был обнаружен в жилете рубль, у другого заключенного в подошвах ботинок — 20 руб., у третьего — подозрительный порошок. Комендант крепости спешил похвастаться перед департаментом полиции своими находками.

О заболеваниях в бастионе даны очень скудные сведения, явно не соответствующие действительной заболеваемости заключенных.

Из второй половины 80-х годов особое значение в истории тюрьмы Трубецкого бастиона имеет 1887 год. В этом году в связи с раскрытием подготовлявшегося на 1 марта покушения на жизнь Александра III через бастион прошли многие из тех, кто впоследствии был привлечен к ответственности по этому делу.

В то время как число узников в Трубецком бастионе за 1886 год колебалось в отдельные месяцы лишь в пределах от 22 до 33, в 1887 году оно поднялось до 56. В бастионе среди узников 1887 года находились как те, которые были преданы

¹ ЦГИА в Ленинграде, фонд Петропавловской крепости, № 566, с января 1883 г. до 30 июня 1890 г., на 585 листах, ч. 1. «О политических арестантах, содержащихся в СПб. крепости».

суду, так и те, с которыми правительство расправилось без суда, в административном порядке.

Одиноким камерам тюрьмы Трубецкого бастиона содержали в своих стенах Генералова, Александра Ульянова, Осипова, Андреюшкина, Шевырева, Новорусского, Лукашевича и др. На время суда их перевели в Дом предварительного заключения, а после приговора вернули в Трубецкой бастион. Из бастиона 4 апреля 1887 г. названные осужденные были вывезены в Шлиссельбургскую крепость. Как указано выше (§ 29), пятеро были там повешены, а Новорусский и Лукашевич в 1905 году после восемнадцатилетнего заключения вышли на свободу.

Из участников процесса 1 марта 1887 г. свои краткие воспоминания о месячном пребывании в Трубецком бастионе оставил Лукашевич. Он был помещен в камеру нижнего этажа. Вид камеры, довольно грязной, был такой же, какой нам уже известен из воспоминаний узников более ранних годов. На железном столе стояла керосиновая лампа. Разрешалось покупать на свои деньги в определенные дни чай, белый хлеб и некоторые другие продукты. Заключенным выдавали от казны лишь черный хлеб, а вместо чая — кипяток. Перед отправкой в Шлиссельбургскую крепость Лукашевича и Новорусского поместили в одной камере. Они были также помещены в одну каюту при перевозке в крепость. Это было их последнее общение перед страшнейшим одиночным заключением на ряд лет¹.

Из архивного дела известна попытка жандармов получить сведения от приговоренных к смертной казни. Вероятно, для этого их выводили из Трубецкого бастиона в другое помещение. Пребывание привлеченных к ответственности по делу 1 марта 1887 г. в Трубецком бастионе продолжалось всего несколько недель, и об этом не осталось подробных сведений.

За последние 10 лет XIX века тюрьма Трубецкого бастиона содержала в своих одиночных камерах значительно меньше заключенных, чем в предшествующие годы.

В 1890 году в Трубецком бастионе содержались до суда привлеченные по последнему народофильскому процессу, по делу Софьи Гинзбург, которая после ее приговора к казни, замененной бессрочной каторгой, была переведена в Шлиссельбургскую крепость.

В 90-е годы в Трубецком бастионе содержались почти исключительно привлеченные к ответственности в административ-

¹ См. И. Лукашевич, Воспоминания о деле 1 марта 1887 г. «Былое» 1917 г. № 2, стр. 115 и сл.

ном порядке. Заключение в эту тюрьму происходило по распоряжению департамента государственной полиции на время производства дознания. Но известны случаи заключения в эту тюрьму на различные сроки в виде наказания по «высочайшему» повелению. Так, в 1892 году туда был заточен на пять лет по повелению Александра III Ш. Ю. Раппопорт за «принадлежность к террористическому кружку»¹.

Через четыре года после заточения в крепость Раппопорта Александром III, его сын и преемник на престоле Николай заточил в ту же крепость 18 февраля 1896 г. трех человек: крестьянина Ивана Распутина, мещанку Таисию Акимову и крестьянина Михаила Егорова. Несмотря на чрезвычайную серьезность обвинения, предъявленного Распутину, Акимовой и Егорову, а именно, в приготовлении цареубийства, Николай сам выступил в роли вершителя судьбы арестованных. По-видимому, не в интересах правительства было предавать широкой огласке дело о приготовлении покушения на убийство императора, только что вступившего на престол и готовившегося отпраздновать в Москве свое коронавание.

В первых числах мая 1895 года московская жандармерия начала дознание по делу, которому дала название «о террористическом кружке в числе 52 лиц». Из этого числа были заключены под стражу 30 человек, в отношении же 17 человек полиция ограничилась подпиской о невыезде из Москвы. Кроме того, пятеро были задержаны в Крыму и Чернигове².

Из факта оставления 17 человек на свободе и из очень скорого освобождения 12 человек уже можно видеть, что жандармы ошиблись в своих расчетах на крупное дело.

Среди обысканных 4 мая 1895 г. оказалось 32 мужчины и 20 женщин. Из них 13 студентов университета и 19 человек слушателей различных курсов. Таким образом, заподозренными оказались почти исключительно представители учащейся молодежи. Московская жандармерия разбила их по степени виновности на пять групп³. В первую группу наиболее виновных были отнесены: Бахарев — студент-химик, Распутин, окончивший курс в Московском университете, Акимова Таисия, слушательница акушерских курсов, и крестьянин Егоров.

¹ ЦГИА в Ленинграде, дело управления коменданта СПб. крепости, № 789, 1896. «Отчетность о политических арестантах», на 109 листах.

² ЦГИА в Москве, дело департамента полиции, VII делопроизводство, 1895, № 146. «О революционном кружке Бахарева, Распутина, Егорова и др.».

³ ЦГИА в Москве, департамент полиции, IV делопроизводство, 1895, № 1466. «О революционном кружке Бахарева, Распутина, Егорова и др.», л. 24.

На дознании выяснилась активная роль этих четырех лиц, намеревавшихся бросить разрывной снаряд при въезде царя в Москву на коронацию в мае 1895 года. Снаряд, сделанный Бахаревым, оказался при опытах, произведенных за Москвою, слишком слабым. Предполагали раздобыть рецепт для его изготовления от анархистов в Берлине, но не оказалось денег на поездку. Роль метальщицы брала на себя Акимов (показания ее 30 мая, 3 июля, 4 сентября). По словам последней, задуманная террористическая организация распалась и мысль о ней была оставлена. Так как Бахарев очень скоро умер в тюремной больнице, то репрессии подверглись трое остальных активных участников задуманного плана. Из составленной 20 января 1896 г. так называемой ведомости по делу о террористическом кружке видно, что были приговорены в административном порядке к заключению в тюрьме: Распутин — на 5 лет, Акимов и Егоров — на 3 года с последующей высылкой их на 10 лет в отдаленные места Якутской области. Таково было предположение министерства юстиции и департамента полиции о репрессии, утвержденное царем 14 февраля 1896 г. Местом для отбывания тюремного заключения была назначена Петропавловская крепость, куда и поступили 18 апреля 1896 г. названные трое административно-осужденных.

В 1895—1896 гг. Петропавловская крепость снова приняла в свои стены тех, кто был ее узниками десять лет назад. Это были: Людмила Волкенштейн, Манучаров, Суворцев, Янович, Шебалин, Лаговский, освобожденные из Шлиссельбургской крепости и предназначенные к ссылке на Сахалин и в Сибирь.

Их пребывание в Трубецком бастионе было кратковременным.

Небольшое число заключенных, содержащихся в Трубецком бастионе, обратило на себя внимание в 1896 году коменданта этой крепости Эллиса. Он выступил с предложением закрыть государственную тюрьму Трубецкого бастиона, указывая на очень небольшое количество заключенных. Так, в январе 1896 года там было лишь двое заключенных, в мае — пятеро, в ноябре временно поступило пять человек из Шлиссельбургской крепости. Однако с июля 1896 года стали поступать следственные арестанты: студенты, курсистки, наборщики, сельские учителя. Их ежедневное число в бастионе колебалось в пределах 10—20 человек. Эти следственные содержались, по словам докладной записки генерала Эллиса, как осужденные к каторжным работам. При этом генерал добавлял: «Неоднократно высказывалось, что в крепости, где покоятся почившие императоры и члены императорской фамилии, не место тюрьме».

Трубецкой бастион фактически превратился в подследственную тюрьму, т. е. исполнял функции имеющейся в Петербурге специальной тюрьмы — Дома предварительного заключения.

Военный министр согласился с предложением коменданта Петропавловской крепости о закрытии тюрьмы Трубецкого бастиона, но министерство внутренних дел выступило с энергичным возражением. Оно указывало, что в Трубецкой бастион заключаются привлеченные лишь по наиболее важным государственным преступлениям и тяжесть обвинения оправдывает условия содержания в этой тюрьме. Вместе с тем министерство указывало, что возражения о том, что не место тюрьме там, где покоятся умершие императоры, «едва ли основательны, так как тюрьма есть учреждение государственное»¹. В подкрепление этого своего возражения министр подчеркивал, что сам Александр III в 1881 году предполагал устроить здесь военную тюрьму вместо государственной и, таким образом, не видел препятствий для существования тюрьмы в Петропавловской крепости.

Спор, быть или не быть государственной тюрьме близ места погребения российских императоров, был разрешен в пользу сохранения тюрьмы. Она была необходима для борьбы царизма с революционным движением. Жандармерия могла здесь более спокойно производить дело розыска по государственным преступлениям.

Так был решен этот спор в пользу сохранения тюрьмы Трубецкого бастиона, несмотря на то, что число заключенных в 90-х годах XIX века было действительно очень незначительно.

На основании моего ознакомления с ежемесячными докладами коменданта Петропавловской крепости царю я составил следующую таблицу о количестве заключенных в эту крепость за период 1890—1899 гг. на первое число упомянутых в таблице месяцев.

1890 г., февраль — 11.	июль — 13,	декабрь — 18,
1891 г., январь — 22,	июль — 13,	декабрь — 13,
1892 г., январь — 9,	июль — 1,	декабрь — 6,
1893 г., январь — 5,	июль — 8,	декабрь — 9,
1894 г., январь — 7,	июль — 32,	декабрь — 21,
1895 г., январь — 19,	февраль — 10,	июнь — 1
ноябрь — 2,	25 декабря — 1	

¹ Н. Ростов, Попытка упразднить Петропавловскую крепость, «Каторга и ссылка» 1925 г. № 4, стр. 136.

1896 г., январь — 2,	март — 1	июнь — 13,	сентябрь — 19
1897 г., январь — 28,	21 марта — 8,	июнь — 19,	октябрь — 13
1898 г., январь — 7,	апрель — 3,	июль — 11,	октябрь — 20
1899 г., январь — 19,	март — 14,	июль — 20,	сентябрь — 19
декабрь — 7 ¹			

Итак, из таблицы видно, что самое большое число узников бастиона было 32 человека. Если припомнить, что в крепости было 72 камеры, то надо признать, что никакие расходы на содержание тюрьмы Трубецкого бастиона не служили препятствием для сохранения правительством этой государственной тюрьмы во всей ее целостности. При этом не было никакой уверенности в исчезновении всякой надобности в Трубецком бастионе и на будущее время, и действительно наступившая вскоре первая революция 1905 года оправдала эти опасения жандармерии. На арену революционной борьбы выступали представители интересов рабочего класса, для изоляции которых Петропавловская крепость была наиболее надежным местом.

В своей записке комендант крепости Эллис указывал, что в Трубецкой бастион с июня 1896 года начали поступать студенты, курсистки, наборщики и др. Это были борцы рабочего движения. В записке перечислены фамилии 52 заключенных в бастион в период с 1 января 1896 г. до апреля 1897 г.² Из этих 52 фамилий я нашел 39 в «обзоре важнейших дознаний о государственных преступлениях» за 1895—1896 гг., когда департамент полиции повел усиленную борьбу с социал-демократами.

Среди подсудимых заключенных Трубецкого бастиона второй половины 90-х годов первое место по своей численности заняли обвинявшиеся за пропаганду среди петербургских фабричных и заводских рабочих рабочие-стачечники и интеллигент-марксисты.

Некоторые из узников Петропавловской крепости этого периода начали именно здесь нести тяжелую расплату за свое служение делу рабочего класса, которому они остались верны до конца их жизни, а некоторые дожили и до Великой Октябрьской революции. К числу таких узников принадлежал рабочий-металлист А. С. Шаповалов, один из организаторов известной

¹ Приведенные в таблице цифры извлечены мной из архивных дел, хранящихся в ЦГИА в Ленинграде, дела управления коменданта Петербургской крепости. «Срочная отчетность о политических арестантах», опись 123 за 1890—1899 гг. (за каждый год особое дело).

² ЦГИА в Ленинграде, дело управления коменданта СПб. крепости, № 803, 1897. «Переписка о политических арестантах по разным предметам и препровождение их писем», на 317 листах, листы 113—118.

петербургской стачки текстильщиков в 1896 году. Он прошел после Петропавловской крепости еще и через другие царские тюрьмы и в том числе через Часовую башню Бутырской тюрьмы. Шаповалов провел три года в далекой Минусинской ссылке, где познакомился с В. И. Лениным. Вскоре после ссылки за участие в Харьковском вооруженном восстании 1905 года он снова попал в тюрьму, удачно эмигрировал за границу и вел там революционную работу. Вернулся в Россию после свержения царизма. Октябрьская революция дала ему возможность проявить свои недюжинные способности организатора.

В 1926 году Шаповалов опубликовал интересные записки рабочего-революционера «На пути к марксизму». Эти воспоминания представляют интерес для историка царской тюрьмы, так как их автор остановился на своих переживаниях в царских тюрьмах и в том числе в Петропавловской крепости. Его книга имеет тем большее значение, что является по своему объему единственной работой, вскрывающей условия заточения в Трубецком бастионе за 90-е годы. Вместе с тем она имеет особый интерес: ее автором явился рабочий от станка, один из тех многих представителей рабочего класса, которые были в те годы новой сменой узников из числа интеллигентов, составлявших за предшествующую четверть века население Трубецкого бастиона. В лице Шаповалова-автора выступают передовые рабочие, ставшие узниками крепости, которые не оставили в печати никаких описаний своего пребывания в ней.

При сравнении воспоминаний Шаповалова с воспоминаниями его предшественников по заключению в Трубецком бастионе бросается в глаза одна особенность. Эту особенность прежде всего осознали при допросах Шаповалова хозяева Петропавловской крепости, ее тюремщики и жандармы. Перед ними вместо представителей интеллигенции, вместо учащейся молодежи предстал простой рабочий. Вместо студенческой тужурки жандармы видели перед собой засаленную рабочую блузу. Одним словом, вместо прежнего узника, в котором жандармы раньше видели в той или другой степени «барина», теперь стоял настоящий «фабричный» рабочий. В книге Шаповалова мы нашли строки, в которых прекрасно выражено настроение жандарма-следователя, негодующего на появление в крепости нового узника из рабочего класса. Этот жандарм встретился с упорным запирательством Шаповалова, отказывавшегося признать себя виновным и назвать соучастников и осмеливавшегося сказать, что будущая история осудит не его и ему подобных, а самих жандармов. Взбешенный следователь в жандармском мундире кричал: «Такое ничтожество! Полуграмотный

рабочий. Заучивший и повторяющий, как обезьяна, как попугай, чужие слова, и вдруг он осмелился сказать, что история еще рассудит, кто служит родине: мы ли, слуги царя, или он, полуграмотный неуч-забастовщик. Какая наглость! Да кто вы? Студент? Литератор? Ученый? Ведь вы просто полуграмотный рабочий, мужик!»¹.

При допросах этого рабочего, заключенного в крепость, представители прокуратуры и жандармерии распоясались еще шире, чем при допросах обвиняемых из числа интеллигентов. Они были грубее, чем всегда, и еще более щедрый на угрозы, считая, что с обвиняемым рабочим нечего «церемониться», что, исходя из его предполагаемого незнания уголовных законов, его можно запугивать даже угрозой смертной казни. Угрозами долгосрочной и пожизненной каторги и даже виселицею у Шаповалова пытались вынудить признание в участии в подпольной (Лахтинской) типографии.

Допросы Шаповалова производились в одной из камер верхнего этажа Трубецкого бастиона. Он был помещен также в верхнем этаже, где между каждыми двумя занятыми камерами оставалась промежуточная, незанятая.

Описание Шаповаловым камеры и ее обстановки не отличается от уже известных нам описаний его предшественников, но, может быть, он как фабричный рабочий, работавший в общих мастерских, привыкший к шуму заводских машин, особенно тяжело переносил мертвую тишину тюрьмы Трубецкого бастиона и свое одиночное заключение. Он не один раз говорил в своих воспоминаниях об этом. Свой очерк о Петропавловской крепости он и начал с описания мертвой тишины в бастионе. «Если кто-нибудь ухитрился бы в те мрачные времена, когда Россия стонала еще под игом последнего из царей, пробраться незаметно от стражи в коридоры тюрьмы для государственных преступников в Трубецком бастионе, он поразился бы могильной тишиной, царившей там. Так тихо бывает только в гробу. Редко, редко звякнут шпоры жандарма, медленно крадущегося по коридору от двери к двери; случайно забренчат у него ключи; застучат тяжелые засовы отворяемой двери,— и затем опять все погружается в безмолвие могилы»².

Пребывание в крепости начиналось, как и ранее, самым тщательным обыском нового узника. Долголетняя практика этих обысков раздетого догола заключенного, конечно, «усовершен-

¹ А. С. Шаповалов, На пути к марксизму (записки рабочего-революционера), Л., 1926, стр. 127.

² Там же, стр. 105.

ствовалась». Обыскивалось платье, белье, обувь и все тело. К этому времени уже стало применяться в крепости последнее достижение криминалистической «науки» (антропометрия) со всеми ее измерениями тела вдоль и поперек.

Всегда широко развитое вымогательство признания обвиняемого и оговора товарищей твердо вошло в практику политического сыска. Шаповалову за его упорные отказы пойти навстречу жандармским требованиям пришлось перенести немало. К нему не допускали на свидание старуху-мать, запрещали переписку, лишали чтения книг из тюремной библиотеки и посадили в карцер. Описание этого карцера в период 90-х годов в печати оставил лишь один Шаповалов, но далеко не одному ему пришлось испытать на себе это дисциплинарное наказание. Как увидим ниже, его не один раз испытывал товарищ Шаповалова по партии и узник Трубецкого бастиона Николай Бауман.

Шаповалов подробно знакомит своих читателей с состоянием карцера в Трубецком бастионе. Очень трудно сохранить спокойствие при чтении этих страниц книги автора. Если тюрьма Трубецкого бастиона — своего рода выставка зверств царизма, то тюремный карцер — настоящий «гвоздь» этой выставки.

Из книги Шаповалова я воспроизвожу прежде всего следующие строки с описанием первых минут его пребывания в этом месте пытки конца XIX века: «Как только я вошел в карцер и очутился в полной темноте, я испытал настоящий, адский пронизывающий холод, такой, что меня тотчас начало всего трясти от озноба. В этом карцере, очевидно, нетопленном целую зиму, который весь промерз, в пору было сидеть лишь в полушубке, шапке и валенках, а я остался здесь почти голый, в одном нижнем белье и тонком халате»¹.

Попытки согреться хождением по этой камере натолкнулись на непреодолимые препятствия: на пространстве трех шагов по холодному, как лед, асфальтовому полу заключенный ударялся лбом в стену в одном конце и коленями в металлическую кровать, прикованную к полу, в другом конце. Ни лежать, ни сидеть на кровати не было возможности, так как многочисленные железные гайки-заклепки впивались в тело, производя впечатление «настоящего ожога». Нельзя было и прислониться спиной к стене такой же холодной, как и асфальтовый пол.

Эта пытка революционера-рабочего длилась трое суток. Будем помнить, что его переживания были вместе с тем переживаниями всех наказанных в этот карцер. Сила переживаний дала

¹ А. С. Шаповалов, На пути к марксизму (записки рабочего-революционера), Л., 1926, стр. 128.

возможность Шаповалову воскресить их целиком перед своими читателями много лет спустя, после освобождения из крепости. Добавлю, что Шаповалов посетил этот карцер вновь в 1924 году. На этот раз он посещал его в составе экскурсии, осматривавшей Петропавловскую крепость как памятник революционной борьбы лучших сынов русского народа против царизма.

Не дожил до Октябрьской революции товарищ Шаповалов по партии и по заключению в Петропавловскую крепость, арестованный также по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», — Николай Эрнестович Бауман.

Он был убит в первые дни революции 1905 года оголтелым чорносотенцем, слугою реакции, в то время когда шел во главе многотысячной демонстрации с красным знаменем в руках¹. Оценивая всю тяжесть этой утраты для русской революции, В. И. Ленин в некрологе, посвященном Бауману, писал: «Вечная память борцу в рядах российского социал-демократического пролетариата! Вечная память революционеру, павшему в первые дни победоносной революции!»².

За последние восемь лет своей недолгой жизни Бауман перебивал в нескольких царских тюрьмах. Он начал свой тюремный стаж с тюрьмы Трубецкого бастиона. С легкой руки тех, кто заточил его сюда на 22 месяца, он затем побывал в нескольких тюрьмах и в том числе в Киевской тюрьме, где в 1902 году явился организатором знаменитого побега одиннадцати «искровцев».

Бауман был заключен в Петропавловскую крепость 21 марта 1897 г.

В музее революции сохранились четыре письма Баумана, отправленные им из крепости родным на родину, в Казань. В первом из этих писем от 3 апреля 1897 г., сообщая о своем пребывании в крепости, он просил родных не беспокоиться за него и пояснил: «Никакими слезами, никакими сожалениями нельзя помочь в моем настоящем. Личная воля, личные страдания не могут хоть чуточку изменить положения»³.

Впрочем, эти слова нового заключенного Трубецкого бастиона были лишь простыми словами успокоения его родных: через

¹ Убийцей оказался судившийся ранее за кражу Николай Михалин. Московский окружной суд 13 марта 1907 г. приговорил его за убийство Баумана к полутора годам исправительных арестантских отделений, но уже через полгода царь по докладу министра юстиции помиловал этого защитника самодержавия и освободил его от наказания.

² В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 405.

³ Институт истории партии при МК ВКП(б), «Николай Эрнестович Бауман. Сборник статей, воспоминаний и документов», 1937, стр. 117.

пять лет организацией удачного побега из Киевской тюрьмы он доказал, чего можно достичь силою воли, смелостью и решимостью отдельного человека.

В первом письме из Петропавловской крепости Бауман обронил пару слов и о своем времяпрепровождении. В своей одиночной камере он занимался чтением и философствованием: «читаю и философствую».

Через одиннадцать дней после отправки первого письма в своем втором письме от 14 апреля 1897 г. Бауман предупреждал родных, что почтовая переписка с заключенным в крепость идет медленно и что он поджидает вестей из Казани. Эти слова как будто намекают на переживания, связанные с отсутствием известий из родной семьи. Впрочем, узник закончил свое письмо успокоительным сообщением: «С тюремной обстановкой я освоился».

Еще через неделю, 21 апреля, в третьем письме он намекает на свои переживания, связанные с режимом в Петропавловской крепости, сообщая, что начал «войну с одиночеством». Он не знает, как повел бы себя в качестве ветеринарного врача на полях сражения, и при этом явно выражает свое отрицательное отношение к истреблению человека человеком. «Теперь же, ведя войну с тюремным одиночеством, прямо и храбро гляжу на своего не сложного, бесстрастного, но зато действительного неприятеля — на своды тюремной камеры. План кампании выработан, тактика изобретена и проверена, и я выступил на поле сражения, твердо надеясь вести победоносную борьбу»¹.

В этих немногих словах вырисовывается образ Баумана: режим Трубецкого бастиона не только не ломает его, но удваивает его энергию по борьбе с тягостями одиночного заключения, с «тюремными сводами»².

Конечно, Бауман, сообщая, что выработал план и тактику своей борьбы с тюремными сводами Трубецкого бастиона, не говорил, в чем состоял этот план и в чем заключалась его тактика. Однако мы располагаем об этом некоторыми сведениями. Один из товарищей Баумана по заключению в крепость, его земляк и друг В. Сушинский, сообщал в своих воспоминаниях, что, оказавшись на короткое время уборки одиночных камер по соседству с Бауманом, он перестукивался с ним, но не сообщает о теме разговора.

Теперь мы располагаем некоторыми сведениями и о темах разговоров Баумана через каменные стены камер Трубецкого

¹ Институт истории партии при МК ВКП(б), «Николай Эрнестович Бауман. Сборник статей, воспоминаний и документов», 1937, стр. 117.

² Там же, стр. 120.

бастиона. Мы знаем об этом из писем к нам соседки по одиночной камере Николая Эрнестовича — Т. М. Акимовой, проведеншей три года в крепости.

Для историка царской тюрьмы письма Т. М. Акимовой представляют интерес не только потому, что сообщают те или другие штрихи тюремного заключения Баумана, но и потому, что дают вообще черточки крепостного режима в Трубецком бастионе как раз за интересующий нас период второй половины 90-х годов¹.

Камеры Баумана и Акимовой находились во втором этаже тюрьмы. Смотрителями тюрьмы за время пребывания в ней Акимовой (1896—1899 гг.) были Лесник, вскоре умерший, затем Подревский, вскоре оставивший службу, и после него надолго утвердившийся на своей должности Веревкин, худший, по словам Акимовой, из этих трех. Именно ко времени «царствования» Веревкина относятся некоторые воспоминания автора писем ко мне. Акимова вспоминает, как по распоряжению Веревкина в ее и Баумана камеры были прибиты объявления об угрозе различными дисциплинарными наказаниями и в том числе розгами за нарушение тюремных правил, в числе которых был и запрет перестукивания. Вскоре после этого явившийся в камеру Веревкин поинтересовался узнать о впечатлении, произведенном этими правилами. Заключенная отвечала, что авторы правил при их написании с нею не советовались и что она стучать не перестанет. Простучав к Бауману, она узнала от него, что правила украсили стену и его камеры и что он дал Веревкину почти такой же ответ, как и его соседка. Перестукивания велись все время, и темой этих «разговоров» были не только обычные темы, но даже выстукивание стихотворений, и при том в 20 строк и даже больше.

Не раз застигнутые за перестукиванием Бауман и Акимова подвергались дисциплинарным наказаниям: Баумана отправляли в темный карцер, а Акимову лишали права чтения или прогулки. Смотритель тюрьмы «галантно» объяснял, что женщин они в карцер не сажают. Дисциплинарные наказания оказывались бессильными остановить перестукивание. Однажды Бауман был застигнут на месте такого «преступления»: в обеденное время, переместившись с миской к стене, он выстукивал своей соседке.

Кроме перестукивания, происходило общение и через отдушины печки. Для этого приходилось вставать на сделанное сооружение из свернутого в трубку матраца и книг. При одном из

¹ Приношу Т. М. Акимовой благодарность за эти сообщения.

таких разговоров Бауман с грохотом свалился на пол со своего «пьедестала» и снова попал в карцер. Все это кончилось перемещением Баумана подальше от камеры Акимовой. Впрочем, некоторое время и после этого удавалось переписываться записочками, вложенными в корешок книги. Но и этот способ общения не ускользнул от администрации: последовали вновь дисциплинарные взыскания, и от Акимовой были отобраны письменные принадлежности.

Ввиду того что Шаповалов, Бауман и другие заключенные в Петропавловскую крепость во второй половине 90-х годов проводили значительную часть времени в одиночных камерах за чтением книг, было бы интересно выяснить состав тюремной библиотеки. Но я не нашел для этого соответствующего материала за эти годы. Поэтому ограничусь сообщением о том, что оценка Акимовой библиотеки Трубецкого бастиона не расходилась с отзывами о тюремной библиотеке и других заключенных более раннего времени.

Однако подбор книг был заслугой самих заключенных, а не тюремной администрации, которая не тратила ни копейки на покупку книг.

Из письма Акимовой мы знаем, что Бауман имел в своем распоряжении свой экземпляр «Капитала» Маркса.

Нет никакого сомнения, что читательские интересы Шаповалова, Баумана и других заключенных по делу «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» не могли быть удовлетворены библиотекой Трубецкого бастиона, в которую не могла проникнуть политическая литература, даже и прошедшая через горнило царской цензуры.

Интеллигент Бауман и рабочий Шаповалов, заключенные в крепость, явились представителями нарождавшегося в то время нового поколения политических борцов среди интеллигентов и среди рабочих. Они оба были заключены в Петропавловскую крепость уже как марксисты, как члены «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Шаповалов перешел к марксизму от народничества, а Бауман уже студентом проходил в кружках теоретическую подготовку социал-демократа. Но оба они — Шаповалов и Бауман — стали одними из крупных практиков революционной борьбы пролетариата. С самого начала их пребывания в рядах социал-демократии они были верными учениками В. И. Ленина, с которым общались и лично: Шаповалов за время совместного пребывания в Минусинской ссылке, а Бауман вскоре после прибытия Ленина за границу. Эти двое — рабочий и интеллигент — стали представителями авангарда марксистов, рабочих и интеллигентов, не признававших никаких компромиссов,

т. е. социал-демократами — большевиками. Для них были неприемлемы методы политической борьбы народничества и меньшевистское соглашательство. Оба они вошли в Петропавловскую крепость большевиками и по выходе оттуда неуклонно шли избранным революционным путем до самой смерти.

Самым крупным событием в истории Трубецкого бастиона за 90-е годы было самоубийство Марии Ветровой. В 6 часов вечера 8 февраля 1897 г. в камере № 7 второго этажа запылал живой факел: заключенная Ветрова, облив себя керосином из лампы, принесенной в ее камеру, подожгла себя. Она умерла в страшных мучениях лишь на четвертые сутки — 12 февраля.

Ярко горел этот живой факел, но темна история этого самоубийства 26-летней девушки в стенах Петропавловской крепости.

Жандармы приняли все меры к тому, чтобы не пролить никакого света на этот факт «добровольной смерти» там, где тюремная администрация изо дня в день совершала над заключенными акты тяжелого насилия. Несмотря на безусловную смертельность полученных ожогов, Ветрова не была переведена в какую-либо лечебницу и ее оставили умирать в одиночной камере Петропавловской крепости. К ней не были приглашены другие врачи, кроме тюремного и акушерки, в помощи которой она не нуждалась.

Прокуратура и жандармерия не позаботились известить родных об опасном состоянии заключенной. Не было произведено вскрытия трупа умершей, и она была погребена на кладбище так же тайно, как содержалась и умирала в крепости. Казалось бы, прежде всего надо было своевременно принять необходимые меры для раскрытия причин самоубийства и выяснить их путем опроса тех, кто не был непосредственно заинтересован в данном деле. Но это, как и многое другое, также не было сделано.

Результатом всего этого явились различные предположения о поводах самоубийства: одни предполагали психическое заболевание, другие — физическое насилие над заключенной. Во всяком случае правительство ничего не сделало для раскрытия всех обстоятельств самоубийства. Самоубийство было бы предотвращено, если бы была выполнена просьба Ветровой о переводе ее из Трубецкого бастиона в Дом предварительного заключения, где она раньше содержалась.

В архиве департамента полиции имеется дело со сведениями о самоубийстве Ветровой. Материал этого дела был использован Н. Ростовым в его статье, опубликованной в 1926 году.

Мария Ветрова родилась в 1870 году. Она была внебрачной дочерью нотариуса и крестьянки и воспитывалась в сиротском

доме, а затем получила образование в гимназии, по окончании которой работала народной учительницей. В 1894 году она поступила на Высшие женские курсы в Петербурге. Одно время она увлекалась учением Толстого, но позднее занялась революционной работой среди рабочих. Она была арестована в декабре 1896 года по делу тайной типографии в Петербурге и помещена в Дом предварительного заключения. Из этой тюрьмы она по неизвестной причине была переведена 23 января 1897 г. в Трубецкой бастион Петропавловской крепости¹.

Ветрова была помещена в камеру № 3 первого этажа Трубецкого бастиона. Камеры в первом этаже были еще мрачнее, чем во втором. Изоляция здесь была полная, и, по-видимому, в камерах, соседних с камерой Ветровой, не было заключенных.

В архивном деле департамента полиции отмечено посещение Ветровой заведующим арестантским отделением штаб-ротмистром Подревским в первый же день перевода сюда заключенной. Он предложил ей выбрать книги для чтения. Она просила выдать ей журнал «Русское богатство». По официальным документам, Ветрова не проявляла признаков душевного расстройства до 4 февраля. В указанный день дежурный унтер-офицер доложил Подревскому, что заключенная № 3 кажется ему сильно расстроенной и ненормальной. Тюремный врач Зибольд, посетивший вместе с двумя жандармами заключенную 4 февраля, показал, что Ветрова гнала жандармов и кричала, что они подлецы и ей противны и т. д. Она жаловалась врачу на жандармов, что они произносят крайне неприличные слова, и подтверждала обвинения против них, ранее заявленные ею начальнику тюрьмы. Акушерка Шахова подтверждала предположение врача о психической ненормальности заключенной.

В полном противоречии с этими указаниями на психическую ненормальность Ветровой находится донесение коменданта крепости генерала Эллиса директору департамента полиции от 8 февраля. В нем комендант сообщал, что хотя Ветрова и была очень нервна последние три дня, но ее состояние не давало основания предполагать наличие психического расстройства.

С 4 февраля Ветрова была переведена в камеру № 7 во втором этаже, и ей предоставлены прогулки два раза в день по часу. Но, очевидно, душевное состояние ее было тяжелое, она просила о переводе ее в Дом предварительного заключения. В противоречии с утверждением о душевном здоровье заключенной до

¹ См. Н. Ростов, Самоубийство М. Ф. Ветровой и студенческие беспорядки 1897 года, «Каторга и ссылка» 1926 г. № 2 (23), стр. 50—66.

4 февраля находится имеющееся в архивном деле указание на крики Ветровой вскоре после прибытия в крепость. Она кричала по ночам, а иногда и днем. В день покушения на самоубийство она получила разрешение увидеть прокурора, но к ней заходил жандармский полковник. Неизвестно, о чем она хотела сообщить прокурору. Она вернулась с прогулки в исходе 5-го часа вечера. Спустя час в ее комнату внесли зажженную лампу. Через несколько секунд после этого из камеры Ветровой раздались крики. В «глазок» двери жандарм увидел Ветрову на кровати, охваченной пламенем. Она лежала поперек кровати в одной рубашке с ногами, спущенными на пол. На столе стояла пустая лампа с отвернутой горелкой, фитиль которой продолжал гореть. Жандарм начал тушить огонь халатом. Начальник тюрьмы, немедленно прибывший в камеру, нашел Ветрову без сознания, обгоревшей, лежавшей на кровати обнаженной в прежнем положении. Недалеко от двери на полу лежали немного обгоревшие ее собственные юбки и казенные вещи.

Непонятно, почему эти вещи оказались у двери и притом лишь немного обгоревшие, а сама Ветрова лишь в рубашке и чулках на кровати и в этой странной позе. Если она предварительно до облития себя керосином разделась, то ее платье, найденное у двери, не должно было быть обгорелым. Акт произведенного расследования не разъяснил этого вопроса. Вообще произведенное дознание отличалось небрежностью.

Из архивного дела видно, что Ветрова была перенесена из камеры № 7 сначала в камеру № 8, а потом в камеру № 6. Как было сказано выше, к ней входили лишь чины тюремной администрации, тюремный врач, акушерка. По словам автора статьи, в качестве сиделок при больной дежурили жены жандармов. Ветрова просила тюремного врача написать о ней сестре в Черниговскую губернию.

В архивном деле имеются также показания священника, посетившего Ветрову накануне ее смерти. Священник приводит очень подробно объяснения Ветровой о причинах, побудивших ее к самоубийству. По словам этого свидетеля, Ветрова говорила: «...мне было так тяжело здесь, эта мертвая тишина вокруг, эти страшные стены нагоняли на меня тоску и уныние. Я не могла выносить этого, не могла мириться с окружающей обстановкой. А эта мужская прислуга тут же при мне, все это берет, приносит. О, как это ужасно. Мне казалось, стыдно сказать, что я попала в какой-то непотребный дом. Мне слышались все какие-то голоса, какие-то позорные предложения. Я кричала днем, кричала по ночам. Мне казалось, что эти стены не защитят меня. Мое терпение истощилось, и вот я решила покончить с собой».

Это показание подтверждает ее психическое заболевание. Однако неизвестно, насколько точно переданы слова умирающей. В деле не оказалось объяснений Ветровой, подписанных ею. Можно предположить, что этот акт самоубийства заключенной был вызван режимом Петропавловской крепости, которая тяжело переносила наличие в тюрьме мужской стражи в лице жандармов. Она скончалась 12 февраля.

Несмотря на просьбу родных Ветровой, ее могила им не была указана.

Правительство приняло все меры для сохранения в тайне самоубийства Ветровой. Но известие о ее самосожжении распространилось по Петербургу. Учащаяся молодежь распространяла прокламации с приглашением организовать 4 марта демонстративную панихиду в Казанском соборе. На демонстрацию собралось до 5 тысяч человек, и церковь была переполнена студентами высших учебных заведений. Студенты держали три металлических венка. После отказа священника отслужить панихиду студенты, пропев «вечную память», вышли из церкви. Демонстранты, не пропущенные полицией и жандармами на Невский проспект, направились по Казанской улице. Полиция и жандармы сопровождали демонстрацию. Часть демонстрантов в количестве 903 человек была загнана во двор казанской полицейской части. Из составленного полицией списка задержанных видно, что в демонстрации участвовали студенты 14 учебных заведений. Наибольшее число задержанных дали: Петербургский университет (244 студента), Высшие женские курсы (172 слушательницы), Технологический институт (120 студентов). Кроме учащихся были задержаны 74 частных лица. Некоторые из переписанных были исключены из учебных заведений, другие высланы¹.

Охранное отделение установило участие в демонстрации 6 профессоров, в том числе академика Бекетова. Об этом оно довело до сведения министра просвещения, предложив опросить означенных профессоров о причинах их присутствия 4 марта в Казанском соборе.

Самоубийство Ветровой сильно взволновало круги русской общественности, вызвало демонстрации, кроме Петербурга, и в

¹ Цитированная нами статья Н. Ростова дает подробные сведения о демонстрации 4 марта 1897 г. Автор использовал для этого архивное дело № 789, III делопроизводство департамента полиции. Другой автор воспоминаний об этой демонстрации — М. Могилянский сообщил, что переписанные в казанской части студенты были подвергнуты трехдневному аресту. См. «В девяностые годы», «Былое» 1924 г. № 24, стр. 100—101.

других городах¹. Трагическая смерть Ветровой и волнение в Петербурге, вызванное ее смертью, привели к изданию департаментом государственной полиции двух распоряжений по Трубецкому бастиону. Было решено заменить в одиночных камерах керосиновые лампы свечами. Почти одновременно комендант крепости возбудил в департаменте государственной полиции вопрос об учреждении в штате Трубецкого бастиона двух должностей женщин для обслуживания заключенных женского пола, он указывал, что будет назначать на эти должности вполне надежных жен жандармов. Департамент полиции согласился на учреждение лишь одной такой должности².

Несомненно, что одна женщина в штате жандармов не была в состоянии исполнять должным образом свои обязанности. Интересы заключенных в бастионе узниц не могли быть удовлетворены с надлежащей полнотой, и мужчины-жандармы по-прежнему стесняли заключенных женщин.

В истории Трубецкого бастиона С.-Петербургской крепости следует особенно подчеркнуть, что эта тюрьма была, за немногими исключениями, использована царизмом для содержания в ней на время производства дознания, предварительного следствия и до приведения приговора в исполнение. Этим объясняется краткость сроков содержания в Трубецком бастионе³. На основании материалов, собранных Ленинградским музеем революции, мы составили таблицу о продолжительности пребывания в бастионе 2084 заключенных за период 1873—1917 гг.⁴.

СРОКИ ПРЕБЫВАНИЯ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ТРУБЕЦКОМ БАСТИОНЕ В 1873—1917 ГОДЫ

Сроки пребывания	Количество заключенных
До 7 дней	292
От 8 " до 1 мес.	216
От 1 мес. до 3 "	432

¹ О смерти Ветровой и демонстрации по случаю этой смерти см. также у Пругавина «В казематах», СПб., 1909, стр. 328—358.

² ЦГИА в Ленинграде дело управления коменданта СПб. крепости, № 803, 1897. «Переписка о политических арестантах по разным предметам и препровождение их писем», на 317 листах, л. 79.

³ Наиболее подробные сведения о Трубецком бастионе дал Д. Венедиктов-Бизюк в статье «Сухая гильотина», «Каторга и ссылка» 1932 г. № 8—9.

⁴ В указанных материалах А. Т. Шакол дала несколько сот показателей сроков заключения. Мы свели их к 13 группам.

От 3 " до 6 "	414
От 6 " до 1 года	415
От 1 года до 1½ лет	159
От 1½ лет до 2 лет	91
От 2 лет до 2½ лет	28
От 2½ лет до 3 лет	20
От 3 лет до 3½ лет	12
От 3½ лет до 4 лет	3
От 4 лет до 4½ лет	1
От 4½ лет до 5 лет	1

Всего . . . 2084

Из этой таблицы видно, что на первом месте стояли краткие сроки содержания.

От 1 мес. до 3 мес.	432
От 6 мес. до 1 года	415
От 3 мес. до 6 мес.	414
От 1 дня до 7 дней	292

На продолжительные сроки — от полутора лет до двух — был задержан 91 человек. От двух лет до двух с половиной — 28 человек. Не было случаев содержания в Трубецком бастионе более пяти лет.

§ 35. СВЕДЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА

Официальных сведений о состоянии Алексеевского рavelина за последние 15 лет его существования (1870—1884 гг.) нам удалось найти очень мало. По-видимому, за этот период не было произведено в рavelине каких-либо капитальных работ по его ремонту. Тот факт, что в 70-е годы число заключенных колебалось от одного до трех человек за год, не вызывал у администрации желания ремонтировать тюремные помещения. Можно предполагать, что часть зданий отапливалась нерегулярно, и это привело к образованию в камере сырости, о которой писали узники 80-х годов.

В августе 1881 года Александр III решил упразднить Алексеевский рavelин, создав вместо него новую тюрьму на Шлиссельбургском острове. Конечно, такое решение царя о строительстве новой тюрьмы и начатая в том же 1881 году подготовка к этому снимали с очереди вопрос о сколько-нибудь серьезном ремонте Алексеевского рavelина.

Сведения о ремонте Алексеевского рavelина имеются в двух делах крепости. Одно из этих дел сообщает о работах, произведенных по рavelину в июле и августе 1881 года¹, когда в тюрьме содержались всего трое заключенных, но когда, очевидно, уже готовились к приему других. За указанные два месяца были исправлены пришедшие в негодность изразцовые печи и щели в них замазаны глиной.

Стекла в рамах были заменены матовыми, и тюрьма, окруженная высокими крепостными стенами, сделалась еще более мрачной. Обвалившаяся со стен штукатурка была подмазана. Здание снаружи было покрашено. По-видимому, здание находилось в состоянии такого разрушения, что был совершенно необходим хотя бы этот незначительный ремонт.

Некоторые очень краткие сведения о состоянии Алексеевского рavelина имеются в другом архивном деле 1880—1882 гг. — «Опись инвентаря, находящегося в Алексеевском рavelине». Однако эти сведения относятся к характеристике бытовой стороны заключенных.

Из этой описи видно, что в рavelине и в указанные нами годы продолжали сохраняться с давних времен ручные и ножные кандалы и даже шейная цепь. Случаи употребления последней неизвестны.

В 1882 году, очевидно, по инициативе смотрителя Соколова по прозвищу «Ирод», было сделано 16 железных накладок на 16 дверей одиночных камер и приобретено 16 замков для них.

В 1883 году в июне, т. е. за 14 месяцев до закрытия рavelина, было закуплено 14 замков для запираения окон с наружной стороны. Смотритель Соколов чувствовал себя спокойно при этих замках на дверях и оконных рамах².

Эти замки были излишней предосторожностью. Из рavelина за все время его существования никто не убежал. Однако 16 июня 1881 г. произошел факт, возбудивший подозрение коменданта крепости. Комендант донес в министерство внутренних дел о задержании на крыше бастиона Зотова, выходящего к Алексеевскому рavelину, неизвестного человека в военной форме, назвавшегося военным писарем и не давшего удовлетворительных объяснений своего нахождения на крыше бастиона. Арестован-

¹ ЦГИА в Ленинграде, управление коменданта СПб. крепости, № 218, 1881. «О ремонтных работах по дому Алексеевского рavelина», на 19 листах.

² ЦГИА в Москве, опись инвентаря, находящегося в Алексеевском рavelине, 1880—1882 гг., № 754 (№ 12), на 20 листах.

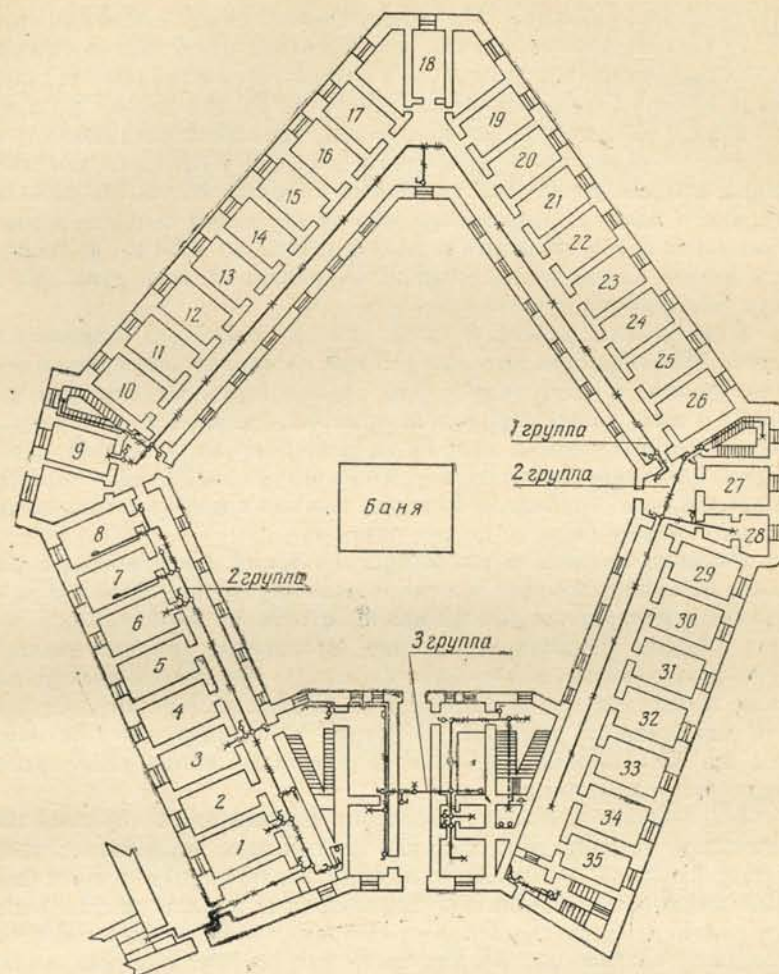

Рис. 10. План второго этажа Трубедкого бастиона. Фотография хранится в Музее революции РСФСР в Ленинграде.

ный был отправлен к градоначальнику, и дальнейшая судьба его неизвестна¹.

Указанные выше 16 накладок на двери тюремных камер и замки на рамы исчерпывают наши сведения о строительстве в

¹ ЦГИА в Москве, дело департамента полиции, № 8, 1881, л. 196.

Алексеевском рavelине. Из приводимых ниже воспоминаний узника Поливанова мы узнаем, что накладки представляли собой металлические полосы шириною в ладонь. Эта тяжелая металлическая полоса накладывалась на дверь от одного косяка до другого и на одном из концов запиралась замком. Накладывание и снятие этой полосы производили большой шум. Если эти массивные полосы укрепляли тюремные запоры, то не укрепляли тюремного здания, разрушавшегося от страшной сырости в нем. Переполнение его узниками в период с 1882 до 1884 гг. не позволяло делать за это время больших исправлений, если даже они и были совершенно необходимы.

Здание Алексеевского рavelина и после его закрытия в августе 1884 года просуществовало еще несколько лет, прежде чем было снесено в 1895 году¹. Это здание было снесено при царизме, и ему, таким образом, не пришлось дожить до революции и быть превращенным, как Трубецкой бастион, в Музей революции. На такое превращение это здание имело еще больше оснований, чем Трубецкой бастион, так как с ним связаны имена многих славных борцов против царизма.

Решение правительства закрыть тюрьму Алексеевского рavelина вызывает вопрос: чем было вызвано это закрытие? В официальных материалах мы не нашли ответа на этот важный вопрос. Можно предположить, что несколько причин оказало здесь свое влияние. Не следует забывать, что Алексеевский рavelин заменялся новой тюрьмой на Шлиссельбургском острове с 40 одиночными камерами и старой с 10 камерами. Рavelин же с его 20 камерами был уже недостаточен ввиду роста революционного движения.

Нахождение в самом Петербурге важнейшей каторжной политической тюрьмы представляло несомненное неудобство: всегда существовала опасность сношения заключенных с посторонними лицами вне тюрьмы и возможности побега из рavelина. Это подтвердилось сношениями Нечаева через жандармов с товарищами на свободе. Может быть именно эта причина имела в данном случае первенствующее значение. Тюрьма же на Шлиссельбургском острове, за несколько десятков верст от столицы, представляла особое удобство по своей изолированности от внешнего мира. Вместе с тем эти десятки верст не затрудняли осуществления над нею постоянного контроля центра.

Едва ли антисанитарные условия старинного здания Алексеевского рavelина, где заключенные почти неизбежно заболе-

¹ См. П. Столпянский, Гробы Петропавловской крепости, «Звезда» 1925 г. № 6 (12).

вали и многие умирали, играли какую-нибудь роль при решении вопроса о закрытии рavelина, так как, несмотря на развитие заболеваний и смертности в 1883 году, правительство продолжало помещать туда политических заключенных и в 1884 году.

Можно было бы сказать, что Алексеевский рavelин не закрывался, а перемещался в Шлиссельбургскую крепость. В новую тюрьму переводили смотрителя Соколова, часть жандармов,

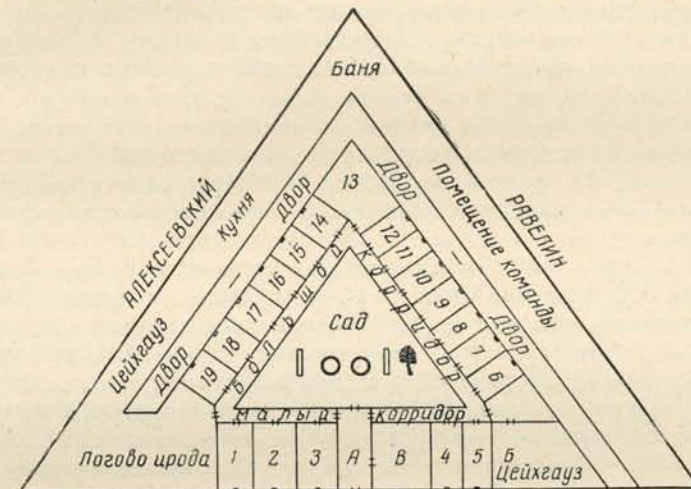

Рис. 11. План Алексеевского рavelина.

Из книги П. С. Поливанова «Алексеевский рavelин», Ленинград, 1926 г.

всех узников. Передавалось новой Шлиссельбургской тюрьме также и имущество Алексеевского рavelина, как об этом свидетельствует специальное архивное дело «О передаче вещей и имущества дома Алексеевского рavelина в Шлиссельбургское жандармское управление»¹.

С одной описью имущества Алексеевского рavelина, как мы указали выше, нам пришлось познакомиться раньше в использованном нами архивном деле за 1880—1882 гг. Состав этого имущества с того времени в основном не изменился. В списке вещей, предназначенных для передачи в Шлиссельбургскую крепость, были перечислены обстановка тюремных камер, арестантская одежда, белье и обувь, кухонная посуда, немногие

¹ ЦГИА в Ленинграде, дело управления коменданта, № 247, 1884. «О передаче вещей и имущества дома Алексеевского рavelина в Шлиссельбургское жандармское управление», на 84 листах.

инструменты, столовая посуда, книги тюремной библиотеки, иконы и пр.

Особо должно быть отмечено наличие в списке вещей, подлежащих передаче в Шлиссельбургскую крепость, уже известных нам из предшествующего изложения, пяти ручных кандалов, восьми ножных кандалов и одной шейной цепи. Непонятно, почему не была уничтожна эта шейная цепь, употребление которой уже давно было отменено законом.

Говоря о состоянии Алексеевского рavelина, нельзя обойти молчанием вопрос о библиотеке рavelина. Этот интересный вопрос разрешился лишь теперь после нахождения нами каталога библиотеки. Один экземпляр такого каталога оказался в архивном деле о дознании относительно сношений Нечаева с революционерами на свободе, другой — в деле о сдаче имущества Алексеевского рavelина в связи с закрытием тюрьмы этого рavelина.

В списках книг библиотеки Алексеевского рavelина перечислено 435 названий книг на русском языке, и притом многие из сочинений того или другого автора представлены полностью во многих томах, а книги религиозного содержания в нескольких экземплярах. Кроме книг на русском языке, в каталоге имеются 175 книг на французском языке, названия которых не приведены. Большое место по числу названий принадлежит книгам религиозного содержания (№ 298—345). Однако религиозная литература не вытеснила литературу научного характера и беллетристику. Книги по различным отраслям знания были представлены в библиотеке сочинениями наиболее крупных русских и иностранных авторов. Довольно полно была подобрана литература беллетристического содержания. Так, например, имелись полные собрания сочинений Байрона, Гете, Шиллера, Диккенса, Шпильгагена, Писемского, Мордовцева, Л. Толстого, Шекспира, Григоровича, Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Островского, Достоевского, Крестовского, Майкова, Потехина, Печерского, Станюковича, Глеба Успенского и других. Имелись сочинения Белинского и Добролюбова. В списке указаны многие книги по истории и в том числе труды: Соловьева, Шлоссера, Вебера, Гервинуса, Дрэпера, Маколея и др. Имелись сочинения по географии, ботанике, физиологии, математике и другим отраслям знания. В библиотеке имелись и выпуски «Курса уголовного права» проф. Таганцева, издания 1867 года. Подбор книг не носил систематического характера, но указывал на высокий уровень интересов читателей.

Значительное число книг было издано в 60-е и 70-е годы. Они поступили в библиотеку большей частью по просьбам Не-

чаева, как это мы увидим ниже из очерка о Нечаеве. Обращает на себя внимание наличие в списке полного комплекта «Вестника Европы» за 1876 год. Библиотека составила частично из книг, принадлежавших самим заключенным, предоставившим их библиотеке при выходе из рavelина, частично же библиотека пополнялась министерством внутренних дел по заявкам заключенных (например, Нечаева и Мирского). За последние четыре года существования Алексеевского рavelина поступление новых книг прекратилось. К сожалению, в архивных делах нет никаких сведений о составе книг на иностранных языках. Следует предположить, что указание на наличие в библиотеке 175 книг лишь на французском языке не отвечает действительности; что, кроме книг на французском языке, должны были быть книги и на других иностранных языках. Наше предположение о нахождении в библиотеке книг на различных иностранных языках подтверждается включением в список словарей англо-русского, немецко-русского и др.¹

Относительно судьбы библиотеки Алексеевского рavelина после его закрытия мы нашли требование департамента государственной полиции представить ему список книг и передать книги начальнику Шлиссельбургского жандармского управления полковнику Покрошинскому². Неизвестно, какие именно книги были в действительности переданы, но известно, что в этой крепости в первые годы после открытия в ней новой тюрьмы (в 1884 г.) администрация предпочитала выдавать заключенным книги лишь религиозного содержания. Так было и в Алексеевском рavelине в последние годы перед его закрытием. Таким образом, состав библиотеки еще не определял объема использования ее узниками. Здесь все зависело от произвола администрации.

В воспоминаниях бывших узников рavelина, в печати, а также и в предшествующих использованных нами архивных делах не встречалось указаний на существование в Алексеевском рavelине подвальных казематов. В указанном выше архивном деле мы прочли: «В одном из подвальных казематов рavelина»³

¹ ЦГИА в Ленинграде, фонд управления коменданта СПб. крепости по Алексеевскому рavelину, № 29, 1881—1884 гг. «О беспорядках в Алексеевском рavelине», на 561 листе. Список книг дан на 14 страницах со стр. 161 по 167 и на обороте.

² ЦГИА в Ленинграде, фонд управления коменданта СПб. крепости по Алексеевскому рavelину, № 247, 1884. «О передаче вещей и имущества дома Алексеевского рavelина в Шлиссельбургское жандармское управление», на 84 листах. См. список книг на листах 18—24.

³ Там же, л. 53.

хранятся старые дела бывшего III отделения. Эти строки с несомненностью доказывают существование в рavelине, кроме камер первого этажа, еще и подвальных казематов. До нас не дошли сведения о заточении в эти казематы. Можно предположить, что казематы были использованы в первые годы существования рavelина, сведения о которых до нас не дошли. Во всяком случае знаменателен сам факт существования таких казематов.

Хранившиеся в одном из этих подвальных казематов 55 тюков дел III отделения были по распоряжению департамента полиции сожжены. Неизвестно, какие именно дела III отделения хранились в подвальном каземате рavelина за семью дверями и семью замками.

Дела рavelина в количестве 231 были сданы 29 сентября 1884 г. в департамент полиции. Этим закончилось существование этой государственной тюрьмы. Но история никогда не забудет страшного Алексеевского рavelина.

§ 36. УЗНИКИ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА

Последний период истории Алексеевского рavelина охватывает 1870—1884 гг. Из двух предшествующих томов нашего исследования известно, что история рavelина записала на своих скрижалях много имен узников этого рavelина. До 1870 года крупнейшие политические процессы дали своих представителей в казематы этого царского застенка: солдаты Семеновского полка, декабристы, петрашевцы, каракозовцы, писатели — революционные демократы сменяли друг друга.

На протяжении трех четвертей XIX века в истории русского революционного движения произошли большие изменения: развился и отжил свое время дворянский период революции, на смену которому пришел период разночинский. Этот период был представлен последними узниками рavelина.

По своей революционной тактике эти узники представляли два крупнейших течения — пропагандистское и террористов. Поскольку те и другие были объединены в тайные политические партии и ставили своей задачей заговорщическую деятельность для ниспровержения самодержавия, они представлялись царскому правительству особенно опасными врагами. Это обстоятельство наложило свою печать на историю рavelина, особенно за последние 5 лет его существования. Никогда за все предшествующее время режим рavelина не был таким, каким он стал

за 5 лет перед закрытием этой государственной тюрьмы в августе 1884 года. Читатель увидит ниже, что это был режим, рассчитанный на умерщвление узников.

Как ни краток период — 15 лет — он должен быть разделен на две части: первая из них охватывает 70-е годы, а вторая — период с 1880 по 1884 гг. В 70-е годы, когда в рavelине число заключенных спускалось до одного и не превышало трех, произошли небывалые до того времени события: заключенный сюда Нечаев успешно вел пропаганду среди тюремных надзирателей, фактически отменив типические особенности тюремного режима, и завязал сношения с членами революционной партии на свободе. Наш последующий очерк о пребывании Нечаева в рavelине и посвящен этим исключительным событиям.

Несмотря на то, что вторая часть исследуемого периода охватывает всего четыре года, она характеризуется жестоким режимом. Мы увидим ниже, что жестокости были проявлены не в бурных схватках тюремной администрации с узниками, а совершенно спокойно, продуманно и изощренно. Эти последние годы существования рavelина заключили его историю.

Обращаясь к узникам Алексеевского рavelина, мы даем их список за исследуемый период. О Бейдемане, стоящем первым в этом списке и пробывшем в рavelине с 1861 по 1881 гг., дан очерк во втором томе. О Нечаеве и Мирском, осужденных — первый в 1873 году, а второй в 1879 году, мы даем особые очерки. Условия пребывания в рavelине всех остальных узников были настолько сходны, что мы отвели этим заключенным 80-х годов один общий очерк.

В списке узников Алексеевского рavelина за 1870—1884 гг. стоят имена 26 заключенных.

В списке заключенных в Алексеевский рavelин в 1882—1884 гг., приложенном к книге Поливанова «Алексеевский рavelин» (изд. 1926 г.), ошибочно помещены трое: Долгушин А. В. переведен с Кары в Петропавловскую крепость в июне 1883 года, а 4 августа 1884 г. переведен в Шлиссельбургскую крепость; Клименко М. Ф., осужденный по процессу 17-ти, переведен в Шлиссельбургскую крепость; Малевский В. Е. переведен из Сибири в Петропавловскую крепость 31 июня 1883 г., а 4 августа — в Шлиссельбургскую крепость.

Из этого списка узников, приложенного к названной книге Поливанова, видно, что 14 заключенных были студентами высших или других учебных заведений. Один был помощником присяжного поверенного, один — лейтенантом флота, один — рабочим, один — служащим департамента государственной полиции. Из общего числа узников 17 были приговорены к смертной

СПИСОК

ЗАКЛЮЧЕННЫХ В АЛЕКСЕЕВСКИЙ РАВЕЛИН В ПЕРИОД
С 1870 ПО 1884 ГОД

Фамилия и имя	Время поступления	Время выбытия
1. Бейдеман Михаил	29/VIII 1861 г.	Переведен в Казанскую психиатрическую лечебницу 4/VII 1881 г.
2. Нечаев Сергей	28/I 1873 г.	Умер 21/XI 1882 г.
3. Мирский Леон	28/XI 1880 г.	Переведен в Трубецкой бастион 26/VI 1883 г.
4. Ширяев Степан	10/XI 1880 г.	Умер 18/III 1881 г.
5. Михайлов Александр	26/III 1882 г.	Умер 18/III 1884 г.
6. Колодкевич Николай	Тогда же	Умер 23/VII 1884 г.
7. Фроленко Михаил	" "	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.
8. Исаев Григорий	" "	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.
9. Клеточников Николай	" "	Умер 9/VII 1883 г.
10. Баранников Александр	" "	Умер 6/VIII 1883 г.
11. Арончик Айзик	" "	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 4/VIII 1884 г.
12. Морозов Николай	" "	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.
13. Ланганс Мартын	" "	Умер 11/IX 1883 г.
14. Тригони Михаил	" "	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.
15. Тетерка Макар	" "	Умер 9/VIII 1883 г.
16. Иванов Игнатий	18/IX 1882 г.	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 12/X 1884 г.
17. Попов Михаил	18/IX 1882 г.	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.
18. Щедрин Николай ¹	" "	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.
19. Поливанов Петр	17/IX 1882 г.	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.

¹ Тригони сообщает, что Щедрин и Геллис Меер, привезенные из Сибири, были оставлены в Трубецком бастионе, но Поливанов определенно указывает, что его соседом по камере в рavelине был Щедрин, с которым он перестукивался. См. Поливанов, Алексеевский рavelин, 1926, стр. 126; Тригони, Алексеевский рavelин, М., 1929, стр. 29.

Продолжение

Фамилия и имя	Время поступления	Время выбытия
20. Геллис Меер ¹	29/IV 1884 г.	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 4/VIII 1884 г.
21. Златопольский Савелий	Тогда же	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.
22. Грачевский Михаил	" "	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.
23. Богданович Юрий	" "	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 4/VIII 1884 г.
24. Буцевич Александр	" "	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.
25. Минаков Егор	29/IV 1884 г.	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 2/VIII 1884 г.
26. Мышкин Ипполит	Тогда же	Переведен в Шлиссельбургскую крепость 4/VIII 1884 г.

казни, а 4 — к бессрочной каторге. Из нашего списка 26 узников Алексеевского рavelина видно, что поступили в рavelин: один — в 1861 году, двое — в 70-е годы (1873 и 1879 гг.), 23 человека — в период с 1880 по 1884 гг. Наибольшие сроки пробыли в рavelине Бейдеман (20 лет) и Нечаев (10 лет). Восемь человек провели в рavelине меньше года (один из них умер), семеро переведены в Шлиссельбургскую крепость. Остальные провели в рavelине от одного до трех лет, из них шестеро умерли здесь, а остальные переведены в Шлиссельбург.

Из узников рavelина, как мы уже отмечали, особенно замечательна судьба Нечаева, умершего в рavelине после десятилетнего в нем пребывания.

§ 37. НЕЧАЕВ

Во втором томе «Истории царской тюрьмы» указывалось, что к началу 70-х годов лишь один Бейдеман был узником Алексеевского рavelина. 28 января 1873 г. в этот же рavelин был заключен новый политический узник, имя которого было широко известно в то время в революционном движении — это был Сергей Нечаев. Для нас дело этого узника представляет

¹ О переводе Геллиса Меера и следующих по списку шести человек из Петербургской крепости в Алексеевский рavelин имеется дело в ЦГИА в Ленинграде, 1884, № 246. «О переводе в Алексеевский рavelин семи ссыльно-каторжных», на 6 листах.

выдающийся интерес не только в истории царской тюрьмы, но и в истории царского «правосудия». Отдельные черты этого правосудия были выявлены нами в первом и втором томах «Истории царской тюрьмы» и во второй главе этого тома. Мы видели грубую, ничем не прикрытую заинтересованность Екатерины II, когда она расправлялась с Радищевым, Новиковым, Кречетовым, княжной Таракановой и другими узниками Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. Мы видели превращение императора Николая I в сыщика, следователя, судью и палача по делу декабристов и петрашевцев. Мы узнали в процессе Чернышевского об использовании подлогов, фабрикации фальшивых документов и вербовке лжесвидетелей. Всегда в этих случаях именем судебного приговора по указу «его величества» прикрывался произвол жестокой расправы самодержавия со своими врагами.

В процессе Нечаева царская власть не постеснялась повторить то, что она проделывала в предшествующих политических процессах: совершить ряд обманов и грубых насилий и заменить состоявшийся суровый судебный приговор еще более жестоким произволом державной воли.

Нечаев, угодливо арестованный швейцарским правительством и выданный русскому правительству¹ как уголовный преступник, был приговорен к 20 годам каторжных работ, но Александр II росчерком пера заменил ссылку в Сибирь заключением в Алексеевский рavelин и вместо 20 лет собственноручно написал «навсегда», подчеркнув это так безнадежно звучащее слово (см. § 9).

Процесс Нечаева был одним из самых крупных в эпоху 70-х годов. Личные качества Нечаева, его железная воля и талант пропагандиста выдвинули его процесс, а затем и его десятилетнее пребывание в Алексеевском рavelине на первое место в истории 70-х годов. В историю Алексеевского рavelина он вписал необычные страницы своим поразительным успехом пропаганды среди жандармов рavelина, он завязал регулярные сношения через жандармов с партией «Народная воля». В стенах рavelина он занимался тем же, за что попал в рavelин. Его сношения с комитетом партии «Народная воля» были исключительным явлением во всей истории этого политического застенка. Но за время пребывания Нечаева в крепости были и другие факты, доказывающие его исключительный характер. Например, ни раньше, ни позднее не было случая такого про-

¹ ЦГИА в Москве, дело III отделения, 3 экспедиция, 1869—1873 гг., № 116, часть V, «О расходах по доставлении Нечаева в С.-Петербург».

должительного заковывания в ножные и ручные кандалы, как это было применено к Нечаеву: он был закован в ручные кандалы более двух лет. Точно так же мы не знаем других случаев, чтобы ставился специальный часовой под окном одиночной камеры рavelина, как это было сделано в отношении Нечаева. Только о нем одном доставлялись шефу жандармов еженедельные доклады вместо обычных месячных ведомостей с фамилиями содержащихся узников. Все это показывает, что пребывание Нечаева в рavelине дало для истории царской тюрьмы немало материала.

Переходя к описанию пребывания Нечаева в Алексеевском рavelине, мы имеем все основания сказать, что условия этого пребывания составили историю самого рavelина за 70-е годы. Хотя в эти же годы там содержался и Бейдеман, но историю рavelина «делал» один Нечаев. Никогда не была так кипуча и разнообразна событиями жизнь рavelина, как при Нечаеве, а между тем в это время почти два десятка камер пустовало. Дошедшие до нас архивные материалы, собранные Щеголевым после Октябрьской революции и опубликованные им в обширной статье, исчерпывающе знакомят нас с этим периодом истории рavelина¹.

Нечаев вошел под своды Алексеевского рavelина 28 января 1873 г. Комендант крепости дал смотрителю специальную инструкцию об условиях содержания нового заключенного в крепости. В ней не только повторялись прежние правила о хранении ключей от камер, о входе сторожей в камеры лишь в присутствии смотрителя, о наблюдении за прочностью замков, решеток и пр., но делались и новые добавочные предписания. Новшеством явилось предписание коменданта ставить на ночь часового к окну с наружной стороны камеры Нечаева. Эта предосторожность была, конечно, излишней, так как в истории рavelина не было ни одного случая побега из этой крепости. Но распоряжение коменданта показывает, какое значение придавалось охране нового узника. В целях самой строгой охраны заключенного инструкция требовала на каждый вывод Нечаева из камеры на прогулку или в баню разрешение коменданта и напоминала смотрителю, чтобы и он сам не выходил из крепости без такового.

Этим не исчерпывались принятые комендантом меры предосторожности и предотвращения побега Нечаева или сношения с ним посторонних лиц. В марте 1873 года были установлены

¹ См. П. Е. Щеголев, Алексеевский рavelин, М., 1929, стр. 188—376, см. также «Нечаев в рavelине», Красный архив, тт. IV, V, VI.

для рavelина четыре новых должности так называемых присяжных унтер-офицеров. Для Петропавловской крепости двенадцать таких должностей были введены еще 23 февраля 1870 г., три года обходились в рavelине без этих «присяжных», но заключение в рavelин Нечаева вызвало у осторожного коменданта и у III отделения решение использовать и этих новых стражников. По своему служебному положению они являлись наблюдателями за часовыми и ответственными перед смотрителем за точное исполнение всех правил рavelина. Вместе с тем они до некоторой степени служили контролем над самим смотрителем. На их обязанности лежало находиться в камере заключенного всякий раз, когда туда входили лица, имеющие на то право. Только по особому распоряжению смотрителя «присяжный» должен был выйти из камеры заключенного при посещении ее другим лицом.

III отделение, охраняя Нечаева в Алексеевском рavelине, пошло еще дальше. В добавление к обычным месячным ведомостям о заключенных в рavelине шеф жандармов приказал, как говорилось выше, доставлять ему каждую неделю сведения о Нечаеве за истекшие 7 дней. Это также было новшеством, так как таких донесений ни о ком ранее не делалось. Их не делалось ни о ком и позднее, вплоть до закрытия рavelина.

К сожалению, Щеголеву удалось найти лишь некоторые из указанных еженедельных донесений. Это тем более обидно, что они дают обильный материал о пребывании Нечаева в рavelине.

Первое из этих донесений охватило время с 2 по 9 февраля. В нем сообщалось, когда заключенный вставал утром и ложился вечером. Сообщалось, что в течение всего дня он читает «Военный сборник» за 1869 год, часто ходит по комнате и редко ложится на кровать. Отмечались даже мелкие подробности, как, например: «В последнее время стал более приветлив, лицом веселее и начал смотреть в глаза, тогда как прежде избегал встреч, отвечал отрывисто, резким тоном, с опущенными глазами и понуренной головой». Очень подробно и собственными словами Нечаева передана в донесении просьба Нечаева, заявленная им на словах смотрителю, о предоставлении ему книг и письменных принадлежностей для научной работы. Он мотивировал это боязнью сойти с ума без всякой работы. Второе донесение за неделю, с 9 по 16 февраля, снова повторяло сведения, когда Нечаев ложился спать и когда вставал. Опять сообщалось о чтении «Военного сборника» уже за 1870 год, о хождении по камере, о хорошем сне и аппетите. Оба эти донесения были доложены царю. Это дает основания предполагать,

что от него самого исходила мысль об этих еженедельных докладах о заключенном. Подтверждением нашего предположения служит тот факт, что донесения пересылались царю даже за границу. Можно удивляться такому интересу Александра II к человеку, запертому им навсегда в стенах рavelина.

Письменные принадлежности и затребованные книги Нечаев получил через месяц. Нужные ему сочинения на русском и иностранном языках закупались для него в книжном магазине. Письменные принадлежности давали возможность Нечаеву делать выписки из прочитанных книг и заниматься литературной работой. Так продолжалось три года. В первых числах февраля 1876 г. у Нечаева были забраны не только принадлежности для письма, но и все то, что он успел написать за три года своего заключения. Такова была воля Александра II. Нечаев был лишен предоставленного ему права чтения за обращение к царю с просьбой о пересмотре его дела. В своем прошении Нечаев настаивал на полной незаконности судебного приговора, на неправильности выдачи его швейцарским правительством, подчеркивал ручательство царя «своим императорским словом» перед швейцарским правительством за правильность и «беспристрастность суда» и напоминал, что тогда же, во время суда, он отказывался признать его правильность и назвал Московский окружной суд «Шемякиным судом». Не забыл Нечаев напомнить царю слова его указа о правде и милости в судах.

Ни содержание обращения узника к царю, ни самый тон его не могли быть приятны тому, по чьему указу был совершен этот «Шемякин суд». Но кара, постигшая автора записки, была чрезмерно жестокой. Душевное равновесие Нечаева было совершенно нарушено. В первую же ночь после отобрания у него бумаг он разразился криками и бранью и выбил из окна своей камеры 12 стекол. За это на него надели смирительную рубашку, привязали к кровати, а затем заковали в ножные и ручные кандалы. В ножных кандалах он оставался три месяца, а ручные были сняты с него через два года.

Отобранные у Нечаева бумаги были изучены в III отделении и по повелению царя сожжены, но с их содержанием нас знакомит до некоторой степени докладная записка об их просмотре, составленная для шефа жандармов и, очевидно, для самого царя. Из нее видно, чем занимался Нечаев в своей одиночной камере. Приходится пожалеть, что это творчество узника не сохранилось. Оно представляло бы особый интерес и для истории Алексеевского рavelина, так как среди уничтоженных произведений был очерк «Впечатление о тюремной жизни (живая могила)». Содержание этого очерка в записке не приведено,

но само его заглавие говорит о многом. Среди других работ автора названы «Письмо из Лондона», «Политические думы», «О задачах современной демократии» и статья «О характере движения молодежи в конце 60-х годов». Среди уничтоженных произведений было значительное число беллетристических, в том числе романы из жизни эмигрантов, из быта студенческих кружков, из времен падения второй империи во Франции и др. Автор докладной записки особо отметил наброски Нечаева: «В царстве буржуазии» — падение Коммуны — и «В бельэтаже и мансарде» — приготовление к действию интернационалки (так в подлиннике.— М. Г.). Наибольшее число бумаг пришлось на записки в связи с прочитанными книгами. Автор докладной записки пытался дать и характеристику личности Нечаева. Характеристика включает в себя большей частью отрицательные черты, но вместе с тем подчеркивает изумительную настойчивость и силу воли Нечаева.

Эти последние качества Нечаев особенно проявил в борьбе за право чтения книг и пользования письменными принадлежностями. III отделение, хотя и предоставляло узнику немецкие и французские книги, но сделало смехотворную попытку снабдить его книгами религиозного содержания. Так, в марте 1878 года III отделение предложило коменданту «незаметным образом» подложить в камеру Нечаева книги духовного содержания. Эта попытка вызвала резкое раздражение Нечаева на целый день. Раздражение возросло еще и потому, что книг для чтения у него почти совсем не было, а присылавшиеся из III отделения не удовлетворяли его ни по количеству, ни по качеству. После одной из таких присылок сильный духом Нечаев был даже доведен до слез, как об этом сообщил смотритель. Он целый день не принимал пищи. Уже несколько лет лишенный бумаги, он прибегнул к оригинальному протесту. В апреле 1880 года на стене своей камеры он написал обращение к Александру II. По словам коменданта, оно было нацарапано чайной ложкой на стене, окрашенной охрой, а по словам «Вестника народной воли», написано кровью. В этом обращении он писал, что III отделение, лишая его новых книг и журналов, обрекает его на безумие, и заканчивал так: «Я уведомляю вас, государь, что III отделение канцелярии вашего величества может лишит меня рассудка только вместе с жизнью, а не иначе».

В то же время Нечаев начал голодовку, продолжавшуюся 5 суток и закончившуюся его победой. Ему было доставлено 10 иностранных книг и каталог французских книг. Он продолжал борьбу и дальше, понимая, что прекращение этой борьбы вызовет задержку в доставке новых книг. Его настоянию буду-

щие узники рavelина были обязаны приобретением для библиотеки рavelина книг на сумму около 700 руб.¹ Но и эта присылка не уменьшила энергии Нечаева в борьбе за чтение книг.

Совсем не достиг успеха Нечаев в борьбе за возвращение ему письменных принадлежностей и бумаг. Запрещение царя осталось в силе. Когда была сделана попытка снабдить узника вместо бумаги грифельной доской, он написал на этой доске свой протест и отправил ее обратно коменданту, а свои записки пытался делать на стене камеры. В августе 1880 года на листе бумаги, выданном ему для составления списка книг для чтения, он написал обращение в департамент государственной полиции с протестом против не удовлетворявшей его доставки книг и запрещения с 1876 года письменных занятий. Он написал, что проводит «скучно мучительные дни хождения из угла в угол по каземату, как зверь в своей клетке», а еще более мучительные ночи «в слушании безумных воплей несчастного соседа, доведенного одиночным заключением до ужасного состояния», и боится, что такая же участь ждет и его. Он не получил письменных принадлежностей из департамента полиции, но сумел получить их от охранявших его часовых. На этом совершенно исключительном факте мы и остановимся.

В самом деле, нет ничего более поразительного, чем превращение часовых строжайшей государственной тюрьмы Алексеевского рavelина в пособников узника при установлении его сношений с внешним миром. Этот факт становится тем более удивительным, что заключенный сносился с исполнительным комитетом партии «Народная воля», что эти сношения продолжались несколько месяцев и велись самым регулярным образом. При этом не один и не двое часовых рavelина сделались пособниками тайной переписки, а значительное число их. Можно сказать, что охрана рavelина оказалась под начальством Нечаева. В задачи истории царской тюрьмы не входит выявление талантов Нечаева как пропагандиста, поэтому скажем только, что он

¹ ЦГИА в Москве, дело департамента полиции, III делопроизводство, № 8, 1881. «По содержанию государственных преступников в СПб. крепости и по другим предметам, к сему относящимся».

В 1881 году в Алексеевский рavelин было переслано много книг, указания на которые не встречаются в мемуарах бывших узников этого рavelина. Например, были посланы сочинения Гете, Писемского, Достоевского, Толстого, Григоровича, Майкова, Байрона, Шиллера, Лермонтова, Потекина, Станюковича, Диккенса, Добролюбова, Шпильгагена, Белинского, Островского, Жуковского, Шлоссера и др. Эти книги вошли в список книг библиотеки Алексеевского рavelина. Вероятно, с 1882 года пользование этими книгами прекратилось.

действовал с упорством, энергией и настойчивостью, применяя разнообразные подходы к каждому человеку.

Напоминаем, что инструкция рavelина запрещала часовым отвечать на какие бы то ни было вопросы заключенных. При таких-то условиях Нечаев заставил часовых не только говорить, но и действовать. Связь Нечаева с часовыми началась с 1877 года. Узник сумел так расположить некоторых из них в свою пользу, что они стали приносить ему купленные на собственные деньги газеты или что-нибудь из пищи. В своих сношениях с часовыми Нечаев проявил себя политическим пропагандистом, каким он и был до ареста. Он говорил о тяжелом положении крестьян и солдат, о предстоящей революции, об отобрании земли от помещиков для раздела ее между крестьянами, о передаче фабрик и заводов рабочим. Сам Нечаев в письме к исполнительному комитету партии «Народная воля» так характеризовал солдат, среди которых вел пропаганду «...в бога они не верят, царя считают извергом и причиной всего зла, ожидают бунта, который истребит все начальство и богачей и установит народное счастье всеобщего равенства и свободу».

Первоначально Нечаев установил сношения с вновь заключенным в рavelине 28 ноября 1879 г. Мирским, стрелявшим в шефа жандармов Дрентельна. Позднее при помощи тех же часовых он установил сношения со Степаном Ширяевым, заключенным в рavelин 10 ноября 1880 г. по процессу 16-ти. От этого последнего он узнал нужные ему адреса, и вскоре из Алексеевского рavelина к революционерам на свободе и от них к узнику в рavelин начала регулярно поступать корреспонденция. Таким образом, через 7 лет после того, как Нечаев был заключен в рavelин, где для его содержания были установлены исключительные меры предосторожности, рушились все преграды, отпали все запреты и фактически началось сношение Нечаева с волей.

Совершенно изменилась жизнь Нечаева в рavelине. Он с захватывающим интересом относился к работе среди солдат и жандармов. Стала интересна и жизнь этих сторожей рavelина. В дежурной комнате они обсуждали политические вопросы, читали прокламации и свежие номера «Народной воли», даже учились шифрованному письму. Они охраняли Нечаева от неприятных неожиданностей, когда тот писал свои записки на волю. Сам узник использовал отдельных жандармов и часовых по-разному. Одним он поручал сношения и внутри и вне рavelина, другим — только сношения внутри рavelина с заключенными Мирским и Ширяевым. Ни один из этих жандармов и часовых не оказался предателем. Гнуснейшую роль предателя выполнил

Мирский, который также был узником рavelина. Он совершил это предательство, выдав тайну готовившегося побега Нечаева.

В своих письмах из рavelина Нечаев касался нескольких тем. Он не только обдумывал планы побега, но и составлял проекты различных способов революционного воздействия на широкие народные массы. Практического значения его проекты не получили не только потому, что они были очень спорны с точки зрения революционной этики партии «Народная воля», но и потому, что исполнительный комитет «Народная воля» был в то время занят подготовкой покушения на жизнь Александра II. Сам Нечаев признавал, что приготовлению к такому покушению должны быть отданы все силы партии и что только после этого может быть начато дело его освобождения из крепости.

Разгром правительством партии «Народная воля» после 1 марта 1881 г. оставил Нечаева в стенах рavelина. Вскоре совершилось предательство Мирского. Можно предположить, что Нечаев был сдержан в своих сношениях с Мирским, который и не был в курсе подробностей сношения Нечаева с волей и не знал точно, как должен был совершиться побег из рavelина. По-видимому, Мирский делал свои сообщения постепенно и начал их с доноса о будто бы возможном нападении на рavelин с реки. Во всяком случае комендант крепости узнал о возможности побега раньше, чем о том, что команда рavelина находится на стороне Нечаева.

Начиная с 16 ноября в течение целого месяца комендант предпринимал меры предосторожности против побега из рavelина, но не подозревал никого из своих подчиненных в каких-либо отступлениях от правил службы.

В половине декабря в рavelине произошло небывалое событие: все жандармы, в числе 5 унтер-офицеров и 29 рядовых, были арестованы и сами оказались узниками Петропавловской крепости. Одновременно была смещена вся остальная команда (не менее 75 человек) и отстранен от должности смотритель рavelина. Постепенно возрастая, число арестованных жандармских унтер-офицеров и рядовых достигло 68¹. Таковы были в цифрах итоги деятельности узника, который по первоначальному плану правительства должен был содержаться в рavelине в исключительно строгих условиях. Когда Александру III была представлена докладная записка по этому делу, он сделал на ней следующую надпись «Более постыдного дела для военной

¹ В использованном нами архивном деле ЦГИА в Ленинграде, фонд управления коменданта СПб. крепости по Алексеевскому рavelину, № 219, 1881—1884 гг. «О беспорядках в Алексеевском рavelине», на 561 листе, указана другая цифра арестованных жандармов, а именно 42.

команды и ее начальства, я думаю, не бывало до сих пор». Такое содержание резолюции показывало степень раздражения и вместе с тем требовало, чтобы виновным не было пощады.

Преданные суду 24 человека были осуждены за несоблюдение особых обязанностей караульной службы, и 19 человек были признаны виновными в государственном преступлении. Приговором военного суда подсудимые были присуждены к различным наказаниям и в том числе в дисциплинарные батальоны. Смотритель рavelина был приговорен к ссылке на житье в Архангельскую губернию, а его помощник Андреев заключен в Екатеринбургскую куртину на восемь месяцев¹.

Хотя все без исключения преступления осужденных были связаны с деятельностью Нечаева, на суд он доставлен не был, фамилия его не была названа, вместо нее постоянно упоминалось «арестант № 5». Камера Нечаева была под номером 5 и была тем местом, откуда исходили и куда сходились все пути сношения с волей и где узник вел энергичную работу.

После обнаружения деятельности Нечаева он 29 декабря 1881 г. был переведен в камеру № 1. Она находилась в так называемом малом коридоре лицевого фасада. Этот коридор был совершенно изолирован от большого коридора. В нем были три камеры, из которых одна — № 2 — была дежурной комнатой жандармов. Таким образом, была исключена возможность сношения с другими заключенными в какой бы то ни было форме. Нечаева перестали выводить даже на прогулки. После рассмотрения в военном суде дела по обвинению жандармских унтер-офицеров и рядовых рavelина (с начала июня) директор департамента полиции Плевел уведомил коменданта, что министр внутренних дел нашел совершенно правильным одеть Нечаева в каторжную одежду, давать ему простую пищу и лишить чтения книг, кроме евангелия и библии.

Правительство нашло «совершенно правильным» ускорить смерть Нечаева. Уже через пять с половиной месяцев оно добилось этого. 21 ноября 1882 г. Нечаев умер. Ночью его тело было тайно вынесено из камеры, где он был заживо погребен, и передано полицейскому приставу для погребения как труп «неизвестного» на кладбище вне крепости.

Царское правительство сделало все возможное, чтобы убить Нечаева. Умерщвление Нечаева администрацией рavelина было вполне сознательным. Это документально подтверждается доне-

¹ ЦГИА в Ленинграде, дело управления коменданта СПб. крепости, № 227, 1882—1883 гг. «О предании военно-окружному суду чинов Алексеевского рavelина».

сением тюремного врача, который лишь за 12 дней до смерти Нечаева нашел необходимым предоставлять ему ежедневную прогулку и для лечения по полбутылке молока. Трудно предположить, чтобы тяжело больной узник мог прогуливаться. Лишение прогулок в течение долгого времени и скудная пища в условиях полной изоляции привели узника к смерти.

О жизни Нечаева после суда над часовыми и перевода его в камеру № 1 в малом коридоре сведений почти нет. Нужно полагать, что заключенный особенно тяжело переносил свою полную изоляцию, так как перед этим его жизнь в рavelине была наполнена и общением с волей, и пропагандой среди часовых, и чтением книг.

Почти 10 лет заточения Нечаева в Алексеевском рavelине вписали, как мы видели, совершенно особую страницу в историю рavelина. Ее особенность заключается в том разрушении жестокого режима, которого узник добился не от высшего начальства крепости, не от министра, не от царя, а от солдат и жандармов рavelина. Удесятеренная жестокость этого режима после осуждения солдат и даже сознательное доведение тюремной администрацией Нечаева до преждевременной смерти не уничтожают этой особенности.

§ 38. МИРСКИЙ

28 ноября 1879 г. в Алексеевский рavelин был заключен Леон Мирский. В то время там находились двое уже известных нам узников: Бейдемман и Нечаев. Мирский был доставлен сюда из Трубецкого бастиона после приговора над ним Петербургского военно-окружного суда к смертной казни за покушение на убийство шефа жандармов Дрентельна. Мирский подскочил на лошади к окну кареты Дрентельна и выстрелил в него, но промахнулся. Ему удалось скрыться, и он был арестован только несколько месяцев спустя. При аресте он оказал вооруженное сопротивление.

Несмотря на двадцатилетний возраст, у него было уже революционное прошлое: за пропаганду и за содействие побегу из Киевской тюрьмы трех политических он был заключен в эту тюрьму, а потом перевезен в Петропавловскую крепость. Отсюда он был освобожден на поруки в январе 1879 года, а через два месяца стрелял в Дрентельна. Приговоренный к смертной казни, он подал просьбу о помиловании, и смертная казнь была ему заменена пожизненной каторгой.

Уже после замены смертной казни каторгой Мирский, находясь в Трубецком бастионе, обратился к коменданту крепости

с просьбой прислать ему православного священника, так как католический ксендз не удовлетворяет его.

К смертной казни он был приговорен еще раз в 1906 году карательной экспедицией генерала Реппенкампа за редактирование верхнеудинской газеты. И на этот раз смертная казнь была заменена для него бессрочной каторгой в Акатуе. Отсюда он был направлен на поселение и умер уже после революции, в 1919 или в 1920 году.

Этот человек, дважды приговоренный к смертной казни, отбывавший каторгу в самых суровых сибирских тюрьмах — на Каре и в Акатуе, оказался предателем Нечаева. За это предательство правительство заплатило ему льготными условиями содержания в Алексеевском рavelине и сокращением срока пребывания там.

Нечаев имел с Мирским сношения через тюремную стражу. По предположению Щеголева, ни Мирский, ни Нечаев не были полностью открыты друг с другом¹. Однако Мирский в общих чертах знал о замыслах Нечаева и сообщил о них коменданту. Щеголев привел исчерпывающие доказательства этого, опубликовав собственноручные письма предателя, найденные им в архивном деле.

Из этих писем видно, что между политическим арестантом и комендантом крепости установились отношения, совершенно необычные для государственной тюрьмы. Обращения Мирского были не официальными заявлениями, а именно частными письмами. В одном из писем содержится указание, что Мирский считал себя вправе рассчитывать на особое внимание к нему тюремной администрации. Когда смотритель рavelина изъял из библиотеки значительную часть книг, Мирский выразил в письме к коменданту удивление: «Неужели после всего случившегося нужно принимать против меня такие предосторожности...». Он напоминал, что в свое время решил «оказать великодушному правительству посильную услугу и сделал в этом отношении все, что только мог». Со своей стороны комендант объяснял министру внутренних дел удовлетворение просьбы Мирского важностью услуги, оказанной последним правительству.

Противно перечитывать некоторые письма предателя с его просьбами. Так, в одном из них он просил коменданта давать ему, как это было ранее, по воскресеньям десерт в виде пары апельсинов, кисти винограда или ягод, а также предоставлять

¹ ЦГИА в Москве, дело III отделения собственной е.и.в. канцелярии, 3 экспедиция, № 146, 1878. «По обвинению в государственном преступлении Леона Мирского». Подробный материал о Мирском дал Щеголев в своей статье о Нечаеве, цитированной выше, сто. 263 и сл.

табак более высокого качества. Очевидно, апельсины и табак он включил в те «тридцать серебрянников», за которые он продал Нечаева. Однако сам он прикрывал свое предательство, конечно, не материальными выгодами, а «искренним своим раскаянием». «Познав бога, я всей измученной душой возлюбил царя. Горькие слезы раскаяния и угрызения совести побудили меня хоть чем-нибудь ознаменовать свое нравственное перерождение».

Есть основания предполагать, что «услуги» Мирского продолжались в рavelине и позднее. Иначе трудно поддается объяснению посещение его в камере министром внутренних дел, а также начальником секретного отделения отдельного корпуса жандармов Судейкиным. В то время здесь уже содержались народовольцы. Можно предполагать, что министр и Судейкин интересовались последними.

26 июня 1883 г. Мирский был переведен из Алексеевского рavelина в Трубецкой бастион, а затем — в Дом предварительного заключения и отправлен на Кару.

Он находился в рavelине на особо льготных условиях. Во всяком случае он пользовался правом чтения журналов и закупки иностранных книг. Перевод из рavelина на Кару был облегчением участи Мирского, но это облегчение было слишком далеко от помилования, на которое он рассчитывал.

Условия пребывания Мирского в рavelине после его предательства носят совершенно исключительный характер: его кормили апельсинами, виноградом и ягодами, когда другие умирали от цинги и голода. Конечно, здесь проявился безграничный произвол, характерный для режима рavelина. Мы не знаем других случаев такого питания узников. И те льготы, которые были предоставлены Мирскому относительно чтения книг и журналов, были также совершенно исключительными.

Такое положение Мирского в тюрьме тем более должно быть отмечено, что 80-е годы были периодом самого жестокого тюремного режима за все время существования рavelина.

§ 39. НАРОВОЛЬЦЫ В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ

За последние 5 лет существования Алексеевского рavelина (1880—1884 гг.) через него прошло 23 узника, бывших большей частью членами партии «Народная воля». Несмотря на такое значительное число узников, они почти совсем не оставили сведений о своем пребывании в рavelине. Это объясняется очень просто: наибольшая часть этих узников погибла в самом рavelине и в Шлиссельбургской крепости, куда они были

переведены из рavelина. В нашем дальнейшем изложении мы используем, во-первых, найденные архивные материалы и, во-вторых, воспоминания бывших узников.

До настоящего времени в печати почти не появлялось сведений из официальных источников о пребывании узников в Алексеевском рavelине за последние 5 лет его существования. Дела, найденные нами в архиве этого рavelина за указанный период и относившиеся к отдельным узникам, очень кратки. Ширяев был первым из народовольцев, заключенным в рavelин. После приговора к смерти он был заключен в каземат нижнего этажа Екатерининской куртины. Он был переведен в Алексеевский рavelин в ночь на 10 ноября 1880 г. с соблюдением строжайшей тайны и помещен в камеру № 13. В списке вещей нового узника дан, между прочим, перечень книг, принадлежащих ему, и в том числе указаны без наименования авторов такие сочинения, как «Воспитание умственное, нравственное и физическое», «Сравнительная статистика России», т. I, «Экономический быт землевладельческого населения в России», «Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах», учебник по немецкому языку, Новый Завет и др.

Из дела не видно, были ли допущены эти книги в одиночную камеру Ширяева. Во всяком случае Ширяеву не были переданы ни письма матери, ни письма и деньги, посланные ему в крепость его другом Анной Долгоруковой. Он был совсем отрезан от общения с внешним миром, но, как нам уже известно, Нечаев установил сношения с Ширяевым через жандармов.

Уже через несколько месяцев после заточения Ширяев заболел туберкулезом. Однако в названном архивном деле о его заболевании указано лишь в том документе, в котором сообщалось в министерство внутренних дел о смерти Ширяева. Смерть Ширяева последовала в 6 часов утра 18 августа 1881 г. «от бурчатого воспаления всего левого легкого». По приказанию департамента государственной полиции труп умершего был с соблюдением полной тайны перенесен жандармами в казематы нижнего этажа Екатерининской куртины и в 12 часов ночи отдан полиции для погребения на одном из городских кладбищ. Таким образом, труп Ширяева оказался в казематах той самой куртины, откуда за 10 месяцев перед тем, после объявления ему отмены смертного приговора, он был переведен в Алексеевский рavelин, где изо дня в день в течение этих месяцев совершалась над ним смертная казнь¹.

¹ ЦГИА в Ленинграде, Алексеевский рavelин, дело «О заключении в Алексеевский рavelин С.-Петербургской крепости лица, значащегося в деле

Следующие по времени архивные материалы об узниках Алексеевского рavelина относятся к 1882 году. В указанном году 26 марта, как всегда, в полночь в пустовавшие камеры рavelина были доставлены один за другим с соблюдением строжайшей тайны 11 узников Трубецкого бастиона. Этими узниками были: Михайлов, Колодкевич, Фроленко, Исаев, Клеточников, Бараников, Арончик, Морозов, Лангас, Тригоны и Тетерка. Перевод заключенных был совершен по высочайшему повелению. Департамент полиции отдал специальное распоряжение об особо строгом содержании Михайлова. Ему была отведена камера, изолированная от других, в малом коридоре, где была камера № 1 — Нечаева. Было запрещено выводить их обоих на прогулку, а остальных выпускать на прогулку по мере возможности поодиночке, но не более чем на полчаса каждого.

Так как после долгого перерыва Алексеевский рavelин 27 марта 1882 г. вновь заполнился значительным числом узников, то департамент полиции предписал новые условия питания узников. Они должны были получать на обед щи или суп с $\frac{1}{4}$ фунта мяса, а в постные дни — гороховый суп. На второе блюдо должна была подаваться гречневая каша. Черного хлеба полагалось два с половиной фунта. На ужин в 7 часов должна была выдаваться та же каша, к обеду и ужину — по кружке квасу.

Из приводимых нами далее воспоминаний заключенных мы узнаем, что эта пища выдавалась в совершенно недостаточном количестве и плохо приготовленная, а в хлебе находили червей. Однообразие питания и недостаточность его привели очень скоро к развитию цинги, к заболеванию туберкулезом и к возрастающей смертности.

Выдающимся событием этого 1882 года в рavelине было разрешение свидания Тригоны с матерью. Оно произошло в Екатерининской куртине через решетку, в присутствии администрации, под усиленным ее наблюдением. Было предписано сообщить в департамент полиции, о чем говорили мать и сын на свидании и как оно прошло. Комендант специальным рапортом дал требуемые сведения, указав, что разговор касался исключительно семейных и хозяйственных дел¹.

Другим выдающимся событием было поступление в рavelин в этом же 1882 году нескольких новых узников. Так, 18 сентября

под № 12», 1881, архивный № 212, по описи департамента полиции № 155, на 34 листах.

¹ ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, опись I делопроизводства, дело № 826, 1882. «По секретной переписке начальника Главного тюремного управления».

были приняты в рavelин доставленные с Карийской каторги Иванов, Попов и Щедрин.

Совершенно исключительный факт обнаружился в отношении Щедрина. На Каре он был прикован к тачке, и она была вместе с ним отправлена в Петербург. В пути по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Щедрин был освобожден от тачки, которая одновременно с ним была доставлена в Алексеевский рavelин.

Вследствие поломки тачки Щедрин находился некоторое время в своей одиночной камере без нее. Но после исправления он был вновь к ней прикован. Только 5 октября 1882 г. Щедрин был освобожден от тачки¹.

Алексеевский рavelин был заполнен к концу сентября 1882 года. В шестнадцати камерах содержались узники, две были заняты жандармами, в двух были склады хозяйственных принадлежностей. Смотритель Соколов не смог поэтому немедленно выполнить приказание о помещении в рavelин Поливанова, осужденного в Саратове за попытку освободить политического заключенного².

Поливанов был временно помещен в Трубецком бастионе в изолированной камере. Соколов же спешил приготовить для него камеру в рavelине, и 17 ноября Поливанов стал узником рavelина.

В 1883 году смотритель Соколов с полным спокойствием и равнодушием сообщил о трагических событиях в рavelине. Один за другим умирают заключенные: 13 июля 1883 г. — Клеточников, 6 августа 1883 г. — Баранников, 9 августа 1883 г. — Тетерка, 11 сентября 1883 г. — Ланганс, 18 марта 1884 г. — Михайлов. О смерти каждого заводилось особое дело. В этих делах нет никаких сведений о ходе болезни: администрация интересовала не болезнь заключенного, а лишь смерть его. В донесениях сообщалось о дне и часе смерти, о причине ее. Причина смерти почти всегда была одна и та же — туберкулез.

Мы уже знаем, что Ширяев умер в 1881 году от туберкулеза легких. У Клеточникова смерть последовала от «бугорчатого страдания кишечного канала»³, у Баранникова — от скоротечной

¹ ЦГИА в Ленинграде, фонд управления коменданта СПб. крепости, № 515, 1882, на 25 листах. «О заключении в крепости пяти человек ссыльно-каторжных государственных преступников».

² Тот же архив, тот же фонд, № 288, 1882—1884 гг. «Об арестантах, содержащихся в Алексеевском рavelине», на 69 листах.

³ ЦГИА в Ленинграде, фонд управления коменданта СПб. крепости, № 237, 1883. «О смерти арестанта Николая Клеточникова», на 17 листах.

легочной чахотки¹, у Тетерки — от изнурительной лихорадки², у Ланганса — от «бугорчатой легочной чахотки»³ и у Михайлова — от «острого катарального воспаления легких»⁴. Каждое дело заканчивается сообщением одного и того же содержания. Так, например, в деле Михайлова сообщалось, что труп его перенесен в пустой каземат нижнего этажа Екатерининской куртины под замок «с постановкой у дверей ружейного часового». Даже труп узника Алексеевского рavelина переносился в одиночную камеру, запирался на замок и охранялся вооруженным часовым.

Тайно ночью приводили заключенного в Алексеевский рavelин, тайно ночью выносили из рavelина труп умершего и ночью же, в полной тайне, хоронили этот труп на кладбище так, чтобы никто не знал могилы революционера.

Собственное платье заключенного и другие вещи, кроме денег, часов, креста и очков, сжигались, а перечисленные вещи и деньги пересылались в департамент полиции. Родные и близкие умершего заключенного о смерти его не извещались.

Только теперь, после Октябрьской революции, представилась возможность установить время и причины смерти узников Алексеевского рavelина.

В том же 1883 году, когда одиночные камеры Алексеевского рavelина освобождались вследствие смерти заключенных, освободилась еще одна камера в результате тяжелого душевного заболевания заключенного Иванова. Он был переведен в Трубецкой бастион 5 сентября 1883 г. и позднее перевезен в Казанскую психиатрическую лечебницу.

Освободившиеся в Алексеевском рavelине одиночные камеры долго не пустовали. По высочайшему повелению 29 апреля 1884 г. сюда перевели 7 осужденных из Трубецкого бастиона: Меера Геллиса, Савелия Златопольского, Михаила Грачевского, Юрия Богдановича, Александра Буцевича, Егора Минакова и Иполита Мышкина. Перевод ссыльно-каторжных политических революционеров в «тюрьму смерти» был мотивирован переполнением Трубецкого бастиона подследственными политическими. В действительности был произведен отбор тех приговоренных к каторжным работам политических узников, которых царизм

¹ ЦГИА в Ленинграде, фонд управления коменданта СПб. крепости, № 236, 1883. «Дело о смерти арестанта Александра Баранникова».

² Тот же архив, тот же фонд, дело № 237, 1883. «О смерти Макара Тетерки».

³ Тот же архив, тот же фонд, дело № 238, 1883. «О смерти арестанта Алексеевского рavelина Мартына Ланганса».

⁴ Тот же архив, тот же фонд, дело «О смерти арестанта Алексеевского рavelина Александра Михайлова».

считал наиболее опасными своими врагами и для которых заключение в Алексеевский рavelин должно было быть замаскированной смертной казнью.

Таковы архивные материалы об узниках Алексеевского рavelина в самые последние годы перед его закрытием. Материалы не полны, но мы считали необходимым привести их, поскольку они оставались не использованными в литературе. Характерно, что личные дела узников не раскрывают особенностей пребывания в рavelине того или другого заключенного. Однообразный тюремный режим не давал материалов для записей в личные дела заключенных. Мы увидим ниже, что воспоминания бывших узников Алексеевского рavelина свелись в значительной степени к описаниям болезней и смертей в рavelине.

Хотя Алексеевский рavelин и позаботился своим убийственным режимом замкнуть уста тем, кто мог бы рассказать о нем, но это ему не вполне удалось, и до нас дошло описание режима рavelина за 1882—1884 гг., сделанное Фроленко, Поливановым и Тригоном.

Материальные и моральные условия этого режима в 80-е годы были самыми тяжелыми за все время существования Алексеевского рavelина. Они могли привести лишь к преждевременной смерти или тяжелому заболеванию. Жизнь и здоровье заключенных ежедневно подтачивались сыростью каземата.

По описанию Фроленко, сырость сказывалась на всем. Она успевала покрыть налетом пол камеры за ночь, когда по нему не ходил заключенный. Краска на полу, у стен, где она еще сохранилась, легко размазывалась от этой сырости. Соль в солонке превращалась в соляной раствор. Прогнили матрацы, набитые волосом. Можно предположить, что в 70-х годах, когда в Алексеевском рavelине было занято заключенными лишь от одной до трех камер, остальные не отапливались или отапливались мало. Поэтому ужасная сырость, свойственная и раньше Алексеевскому рavelину, развелась теперь до невероятных размеров. В камере Поливанова плесень коркой покрывала тюремные стены так, что они казались окрашенными черной краской от пола на два аршина в высоту. При такой сырости в камере не было к тому же достаточного количества света и свежего воздуха. Окно было тщательно закрашено белой краской, а вместо форточки в верхней части рамы была вставлена узкая жестяная труба с густым ситечком на внешнем конце, затянутым паутиной. К этому следует добавить, что некоторых узников только через 5 или 6 месяцев после заточения в рavelин стали выводить на 15-минутные прогулки. Лишь позднее время прогулок было увеличено до 45 минут.

Питание заключенных было недостаточным, а хлеб оказывался с примесью куколя и даже с червями. Но первый день пребывания в рavelине Фроленко и 9 других заключенных, поступивших сюда ночью 26 марта 1882 г., составил исключение, рассчитанный как будто на то, чтобы заставить узников потом сильнее почувствовать тягость тюремного режима. Фроленко вспоминал, что в первый день утром ему был подан чай с булкой и черный хлеб. На обед подали большие порции шей с мясом и жаркого и, как помнилось Фроленко, даже сладкое блюдо. При этом были поданы салфетки и серебряная ложка. Вечером был подан чай, потом ужин. Это было в субботу накануне пасхи. Узники предполагали, что еще лучше будет их питание в воскресенье. Они ошиблись. Утром вместо чая оказалась вода с куском ржаного хлеба и маленькой творожной пасочкой. За обедом подали щи, а вместо жаркого — жидкую кашу. Деревянная ложка заменила серебряную, салфетка исчезла. Трудно подыскать какие-нибудь объяснения этой резкой перемене питания, кроме указанного нами желания администрации заставить узников пережить горькое чувство издевательства над ними. Такое предположение тем более вероятно, что в этот же день заключенные были переодеты в одежду каторжников¹.

Тригон, поступивший в Алексеевский рavelин одновременно с Фроленко, нарисовал совершенно такую же картину перемены тюремного режима за первые сутки пребывания заключенных в тюрьме. Он также испытал разницу питания в субботу и воскресенье и издевательство переодевания его из одежды, выданной в субботу, в другое платье ровно через сутки. Он вспоминал, как был приятно удивлен, получив «белье, прекрасное, из тонкого холста, черный новый, удобный халат, а обувь — полуботинки, даже щегольские». На следующий день, как раз в пасхальное воскресенье, все это было отобрано и заменено, как и у Фроленко, бельем из дерюги, грубым арестантским платьем и старыми котами². Не надо думать, что такое изменение питания и одежды на вторые сутки заключения в рavelин было связано с вступлением приговора в силу. Он вступил в силу много ранее, еще во время пребывания заключенных в Трубецком бастионе. Таким образом, никаких оправданий изменению питания и одежды с формальной стороны подыскать нельзя.

Этот же узник познакомил нас с внешним видом тюремной камеры в Алексеевском рavelине в 1882 году. Ее стены были

¹ См. М. Ф. Фроленко, Милость (из воспоминаний об Алексеевском рavelине), М., 1928.

² См. М. Н. Тригорин, Алексеевский рavelин, М., 1929.

окрашены в желтую краску. Оконная рама была обычного размера, как в жилых зданиях, но стекла в раме были матовые. Вся обстановка камеры состояла из дубовых стола и стула, деревянной кровати с матрацем, простыней, одеялом и подушкой и выносного стульчака. Вода для умывания приносилась утром, а впоследствии были поставлены металлические умывальники. Обстановка дополнялась керосиновой лампой.

Мы не будем воспроизводить уже известное нам описание внешнего вида Алексеевского рavelина, но отметим несколько указаний автора о садике перед рavelином. Нам кажется, что не следует упускать и мелких штрихов бытовой стороны Алексеевского рavelина, сведения о котором сохранялись в тайне, чего бы они ни касались. В этом садике заключенные появлялись на короткие минуты и не каждый день. Заключенные черпали здесь хоть немного сил для поддержания разрушавшегося здоровья.

Поливанов дал очень подробное описание этого садика летом и зимой. Недаром заключенные называли его уменьшительным именем «садик». Он представлял собой небольшой треугольник, растительность его состояла из четырех яблонь, десяти высоких, но не толстых берез, одной липы, одной маленькой елочки и кустов бузины, сирени, малины, смородины. В садике было две клумбы с чугунной скамейкой у каждой из них. Узникам эта растительность представлялась пышной и богатой. Зимой для прогулки была очищена от снега узкая прямая дорожка, по которой и прохаживался взад и вперед заключенный. Впрочем, разрешалось садиться и на скамейку. Позднее, с наступлением теплой погоды, у этой скамейки насыпалась куча песка, и заключенным разрешалось пересыпать ее с места на место, но запрещалось посыпать им дорожки из опасения, что заключенные установят между собой общение путем использования каких-либо фигур из песка по дорожкам.

Никакой физической труд в Алексеевском рavelине не допускался. Запрещение физического труда находилось в полном соответствии со всем режимом Алексеевского рavelина. Трудно описать этот режим, потому что он был слишком однообразен и бессодержателен. Отличительную особенность его и составляла бессодержательность. Царское правительство позаботилось, чтобы жизнь в одиночной камере рavelина была полностью изолирована от всяких внешних впечатлений. В первую очередь режим был направлен на то, чтобы не дать заключенным пищи для какой-нибудь умственной работы, а вместе с тем и не дать им возможности заниматься каким бы то ни было физическим трудом, хотя они и были приговорены к каторжным работам.

Однообразие составляло характерную черту режима большинства тюрем исследуемого периода. Но в Алексеевском рavelине однообразие было проведено с удивительной, небывалой полнотой. Каждый день тюремного пребывания являлся точной копией других таких же дней. Жизнь каждого заключенного в рavelине повторяла с поразительной точностью существование всех остальных узников его. Мы знаем, что это требовалось от каждой тюрьмы, но ни в какой другой русской тюрьме не удалось провести подобный режим в такой степени, как в Алексеевском рavelине. Он обязан этим зрителю Соколову, с именем которого связана не только история Алексеевского рavelина последних лет его существования, но также и история новой тюрьмы в Шлиссельбургской крепости.

Историк царской тюрьмы не может обойти молчанием деятельность этого тюремщика. Мы не знаем ни одного другого тюремщика, «слава» которого могла бы сравниться со «славой» Соколова, или «ирода», как его прозвали заключенные. Он стяжал себе «славу» своей деятельностью в обеих названных нами тюрьмах — в Алексеевском рavelине и в новой тюрьме Шлиссельбургской крепости, куда он перешел в августе 1884 года. Поэтому, характеризуя Соколова, нам приходится в этом очерке об Алексеевском рavelине основываться на результатах его деятельности и в Шлиссельбургской крепости.

Имя Соколова стало известно широким кругам лишь много лет спустя, после прекращения его служебной карьеры; тайна, окутывавшая Алексеевский рavelин и Шлиссельбургскую крепость, сохраняла в секрете имя Соколова. Когда явилась возможность появления в печати воспоминаний бывших узников государственных тюрем, каждый автор уделит внимание и этому бездушному палачу. Его роль в создании тюремного режима Алексеевского рavelина и Шлиссельбурга была исключительно велика.

Матвей Соколов родился в мещанской семье в 1834 году. Образование у него низшее, он кончил школу кантонистов¹. Рано начал военную службу рядовым и уже на семнадцатом году служил в полку. Он принимал участие в усмирении польского восстания и был награжден орденом. Вскоре после этого Соколов переходит в жандармерию. Очевидно, на этом новом поприще он оказался вполне на своем месте. Мы не знаем совершенных им «подвигов», но они, несомненно, были, так как об этом

¹ ЦГИА в Ленинграде, дело управления коменданта СПб. крепости, № 226, 1882—1883 гг. «О назначении отдельного корпуса жандармов штабс-капитана Соколова смотрителем Алексеевского рavelина С.-Петербургской крепости», на 35 листах.

говорит перевод Соколова «по высочайшему повелению» в 1866 году на службу в III отделение для исполнения особых поручений с зачислением в жандармский дивизион.

В 1880 году этот бывший кантонист уже имел чин штабс-капитана. После раскрытия действий Нечаева Соколов был назначен в Алексеевский рavelин водворить «порядок» и в мае 1882 года¹ был утвержден в должности смотрителя этого рavelина. Так началась карьера этого тюремщика, и его характеристику нам дали сами узники. Стоит на ней остановиться.

Как мы уже знаем, Соколов был совсем необразованный человек. Его служба в армии, а затем в жандармерии несколько не подняла уровня того образования, с которым он вышел 16 лет отроду из школы кантонистов. Такая служба лишь выработала из него служаку, готового без всяких рассуждений исполнять приказание своего начальства. Главной чертой его характера и были исполнительность и готовность всегда с точностью сделать все, что ему прикажет сделать начальство. Такое слепое повиновение было девизом его жизни. Это было его философией. По словам В. Фигнер, Соколов говорил: «Если прикажут говорить заключенному «ваше сиятельство» — буду говорить «ваше сиятельство»; если прикажут задушить — задушу».

Добавим, что никто не приказывал ему говорить с заключенными почтительно, так же как ему не отдавались и прямые, откровенные приказания душить узников. Но у этого необразованного жандарма было достаточно природной смекалки, чтобы догадаться, что он поставлен на роль душителя в тюрьме. Е. Е. Колосов отметил способность Соколова находить у каждого заключенного наиболее чувствительные, болезненные места. Тогда он начинал методически играть на них, доставляя своей жертве настоящие мучения. Колосов называет такую наблюдательность Соколова тонкой, находящейся в полном противоречии с его примитивной грубостью.

Узники оценивали Соколова как жестокого палача, служившего царю не за страх, а за совесть. В самом деле, он не пропускал мимо своих рук ни одного дела, так или иначе касавшегося тюрьмы. Он проводил в ней дни и ночи. Например, в новую тюрьму Шлиссельбургской крепости он аккуратно являлся в промежуток между девятью часами вечера и шестью часами утра четыре раза. Он сам ловил заключенных на перестукивании.

Волкенштейн вспоминала, как Соколов совершенно неожиданно для заключенных поймал их на перестукивании в пасхаль-

¹ См. П. Е. Щеголев, Алексеевский рavelин, М., 1929; Е. Е. Колосов, Государева тюрьма — Шлиссельбург, П., 1924, стр. 61—65.

ное утро на рассвете, когда его совсем не ждали. По словам Фигнер, этот тюремщик любил свое ремесло и был настоящей сторожевой собакой, дербером, подобным трехголовому псу у ворот Тартара.

Для установления убийственного режима в Алексеевском рavelине и в Шлиссельбургской крепости Соколов располагал хорошо подобранными жандармами. Они были достойны своего начальника. Казалось бы, что Соколов должен был вполне доверять им. Но он никому из них ни в какой степени не доверял. Это было основным правилом его управления тюрьмой. Поэтому он не допускал в камеру к узникам без себя ни жандармов, ни докторов. Например, в Алексеевском рavelине он присутствовал при утренней уборке каждой камеры. Он неустанно, с напряженным вниманием следил за жандармами и узниками при раздаче последним пищи три раза в сутки. Он сам приходил с жандармами за заключенным, чтобы вести его на прогулку, и на прогулке каждый заключенный и стражники находились под бдительным наблюдением Соколова. Сам же он отводил заключенного после прогулки обратно в камеру. При его участии жандармы отводили или уволакивали провинившегося из камеры в карцер. Он был, так сказать, непререкаемым ассистентом тюремного врача при посещении больных узников и старался возможно реже допускать такие посещения. Наконец, под его же наблюдением труп умершего выносили из тюрьмы. На все это у него хватало сил и времени. Это был человек с воловьими нервами. Он спокойно наблюдал, как на его глазах один за другим сходили с ума и умирали люди в своих одиночках. Его натура находилась как бы в соответствии с тем железом и камнем, из которого была сооружена государственная тюрьма.

В своей деятельности начальник тюрьмы Соколов руководствовался очень простым правилом: проводить принцип одиночного заключения для каждого узника без всякого послабления. Для этого он ни перед чем не останавливался и не щадил ни других, ни самого себя. При этом он не боялся, что превышает предоставленные ему права, но и не стеснялся исполнять обязанности, непосредственно на нем не лежавшие. В Алексеевском рavelине, например, он допускал врача к заключенному лишь убедившись, что заключенный заболел. Он собственноручно запирал и отпирал двери тюремных камер.

В 1887 году Соколов был уволен в отставку после самоубийства Грачевского, о котором мы расскажем позднее, в параграфе о режиме Шлиссельбургской крепости.

Новорусский, после освобождения его в 1905 году из крепости, разыскал в Петербурге Соколова, пытаясь собрать у него

сведения о бывших узниках крепости. Но старый тюремщик остался верным себе и не поведал тайн крепости, охранять которые поставил его Александр III.

Когда перечитываешь воспоминания о пребывании в Алексеевском рavelине в период 80-х годов, то видишь, что ни Соколов, ни его надзиратели не дрались, не ругались, а со стороны заключенных не было общих протестов или бурных выступлений кого-нибудь из них в отдельности. Соколов не избивал, а убивал введенным им режимом. Воспоминания Поливанова, Фроленко и Тригоны сводятся к описаниям, как болели и умирали узники в Алексеевском рavelине. Собственно же о режиме авторы воспоминаний могли лишь сказать, что они были лишены света, воздуха, всякого общения, книг, кроме религиозных, физической работы, свиданий и переписки с родными. Другими словами, они были лишены всего необходимого для продолжения жизни. Для сохранения такой жизни у некоторых из них не хватало сил, уже истощенных предшествующими годами борьбы.

К сожалению, в архиве Алексеевского рavelина почти не сохранилось за этот период (1880—1884 гг.) дел, которые бы проливали свет на режим в рavelине. Из имеющихся воспоминаний более полными являются воспоминания, составленные Поливановым после его перевода в Шлиссельбургскую крепость и позднее опубликованные им. Однако, оценивая степень полноты этих воспоминаний, следует помнить, что жизнь узников рavelина была очень однообразна и их внимание останавливалось на таких явлениях, которые кажутся мало важными. Мы не упустим их, так как они помогают нам уяснить особенности тюремного режима Алексеевского рavelина.

Поливанов был помещен в камеру № 5. Рядом с ним, в камере № 4, был помещен на два месяца раньше Щедрин (18 сентября 1882 г.). Щедрин был приговорен к повешению в 1881 году по делу «Южнороссийского союза рабочих» в Киеве и вместо смертной казни отправлен в Сибирь. Во время пребывания в Иркутском остроге за нанесение удара по лицу чиновнику министерства внутренних дел он был снова приговорен к смертной казни, замененной приковыванием к тачке. Щедрин был отправлен на Кару, откуда после неудачного побега 8 карийцев был заключен в Петропавловскую крепость.

Поливанов находился в полной изоляции от внешнего мира до тех пор, пока между ним и Щедриным не установились сношения путем перестукивания. В своих воспоминаниях он описал жестокого Соколова, его помощника Яковлева, столь же бездушного и грубого тюремного врача Вильямса. Несмотря на опухоль руки у Поливанова, тюремный врач отказал ему в по-

мощи. Миссия этого врача отнюдь не заключалась в оказании серьезной помощи заболевшим узникам. Он не принимал мер к улучшению санитарных условий рavelина.

Поливанов еще до своего общения с Щедриным догадался, что он попал в Алексеевский рavelин. Он убедился в правильности своего предположения, когда на простыне увидел клеймо «А. Р. 1864 г.», а на миске — «А. Р. 1819 г.».

Обеденная посуда не выносилась из камеры, и узники сами должны были мыть ее холодной водой, потому посуда не могла находиться в надлежащей чистоте. В находившуюся в камере металлическую кружку Поливанов отжимал воду из тряпки с подоконника. Он вел ежедневно подсчет собранной таким образом воды, которую сливал в раковину ракумойника. Кроме этого «занятия», было еще лишь одно: подметание пола шваброй. Можно себе представить волнение узника, когда он услышал призывный стук в стену из соседней камеры. Началось перестукивание с Щедриным.

Поливанов считал, что перестукивание в рavelине проходило удачнее, чем в Трубецком бастионе и в Шлиссельбургской крепости. Жандармам, которые были не в мягкой обуви, с трудом удавалось неслышно подкрасться к «глазку» тюремной камеры и поймать заключенного за перестукиванием. Еще более трудно это было сделать Соколову, который носил сапоги со скрипом и шпоры. За перестукиванием оба соседа проводили целые часы и вели споры о революционной тактике. Поливанов узнал от Щедрина о судьбе многих товарищей и о тех ударах, которые были нанесены революционному движению. Общения с другой соседней камерой у Поливанова не могло быть, так как она была занята цейхгаузом.

От Поливанова мы узнали о подробностях прогулок узников. Все время два надзирателя безостановочно ходили по одной из сторон тюремного садика — один навстречу другому, не упуская из поля зрения находившегося в садике заключенного. Соколов постоянно, через особое окошечко в стене, проверял, не совершаются ли какие-нибудь нарушения при прогулке. На прогулки Поливанова водили лишь через день.

Во время прогулок в камере производился обыск и осмотр. В один из таких осмотров Соколов обнаружил отпечаток уха на покрытой плесенью стене: узник прижимался ухом к стене, чтобы лучше слышать стук товарища. Соколов перевел Поливанова в камеру № 3, соседнюю с камерой № 2, где помещались жандармы.

Здесь Поливанов провел восемь месяцев в совершенном одиночестве, иногда по целым месяцам не произнося ни слова. Для

чтения ему была дана еще во время его пребывания в камере № 5 библия. Очень редко ему удавалось, встав на подоконник, глядеть в форточку через дырочки, пробитые в железном листе для притока воздуха, что было единственным развлечением. Перестукиваться было не с кем. Такое одиночество привело узника к душевному заболеванию, от которого он, впрочем, через некоторое время излечился. Однако это заболевание приводило его дважды к неудавшимся попыткам самоубийства.

Кроме душевного заболевания, началось и другое. Плохое питание привело к тяжелой форме цинги. В это время уже несколько заключенных были больны этой болезнью. В период 1881—1884 гг. из 24 узников Алексеевского рavelина умерло 7 человек.

Поливанов, Фроленко и Тригонн сообщают, что заболевание цингой было общим уделом узников.

Широкое развитие цинги угрожало оставить рavelин без заключенных вследствие их вымирания. Было несколько улучшено питание и увеличено время для прогулок.

Несмотря на все меры Соколова помешать заключенным общаться между собой, некоторым узникам удавалось сноситься друг с другом. Поливанов после перевода его в камеру № 15 (это была третья камера, занимаемая им в рavelине) установил сношения с товарищами путем отметки букв в книге из тюремной библиотеки. За это время Мышкину удалось переписываться с некоторыми товарищами посредством записок. Узники писали коротенькие записки на оторванных из полей книги ленточках. Вместо карандаша пользовались обугленной спичкой. Такие записочки удачно прикреплялись к ручке лопаты, оставшейся в садике, где совершались прогулки узников. Получение такой записки было огромным событием в жизни узника Алексеевского рavelина.

Заключенные не встречались друг с другом ни в коридорах, ни на прогулках.

Таковы сведения об Алексеевском рavelине за последние годы его существования до начала августа 1884 года. Авторам воспоминаний больше не о чем было писать. Сама краткость этих жутких воспоминаний говорит о превращении заточения в этом рavelине в мучительную смертную казнь.

В то время как узники Алексеевского рavelина проводили в этой тюрьме страшные годы, новый император строил для них на Шлиссельбургском острове новую тюрьму. Она должна была быть таким же местом медленной казни, каким был Алексеевский рavelин. Мы узнаем об этом в главе о Шлиссельбургской крепости. Указанные нами авторы воспоминаний об Алексеев-

ском рavelине и особенно Поливанов писали, как их перевозили из одной тюрьмы в другую. Их заковывали в ножные кандалы, а руки сцепляли короткой цепью. Поочередно их выводили из рavelина и доставляли на баржу, в устроенные в ней одиночные чуланы. Пароход речной полиции доставил эту баржу с узниками к Шлиссельбургскому острову. Шестнадцать человек из Алексеевского рavelина и шестеро из Трубецкого бастиона 2 и 4 августа 1884 г. были переправлены таким образом в новую тюрьму.

Однако Алексеевский рavelин настолько оправдал возлагавшиеся на него царизмом надежды, что новая тюрьма на Шлиссельбургском острове имела его своим прообразом. Смотрителем в ней оставался «ирод» Соколов. В историю тюрьмы вписывались новые страницы.

Глава четвертая

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ

§ 40. СТРОИТЕЛЬСТВО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

В О ВТОРОМ томе «Истории царской тюрьмы» нам пришлось говорить о закрытии тюрьмы Шлиссельбургской крепости в 1870 году. Но царизм не мог обходиться долго без своей твердыни. Прошел десяток лет после закрытия этой тюрьмы, и в августе 1881 года новый российский самодержец Александр III решил вновь создать на Шлиссельбургском острове крепкое и надежное место для заточения своих наиболее опасных политических врагов.

Период с половины 80-х годов до 1906 года в истории государственной тюрьмы Шлиссельбургской крепости освещен с наибольшей подробностью. Имеется литература об этой тюрьме за указанный период в виде отдельных книг и статей в журналах. Архивные материалы за эти же годы частично использованы в книге Е. Е. Колосова, встретившей самую положительную оценку бывших шлиссельбургских узников.

О строительстве новой тюрьмы на Шлиссельбургском острове сохранилось в архиве департамента полиции специальное дело. Оно представляет тем больший интерес, что не было использовано до настоящего времени в печати. Из него мы узнаем, что ввиду «предуказанного государем упразднения госу-

дарственной тюрьмы в Петропавловской крепости и об устройстве таковой в Шлиссельбурге» жандармский генерал Оржевский обследовал крепость на острове Шлиссельбурге. Он представил отчет о своей командировке с приложением двух планов, из которых один знакомил с состоянием старой секретной тюрьмы, а другой — с состоянием всей крепости. Мы воспроизведем здесь оба плана и, таким образом, получим полное представление о Шлиссельбургской крепости в 1881 году.

В своей записке Оржевский дает очерк истории крепости с древних времен¹. Из этого исторического очерка для нас представляют интерес лишь сведения о переименовании Петром I башен в крепости, а именно, он назвал: Портбашню у входных ворот «Государевой», Фохтбашню — «Княжеской» в честь княгини Меншиковой, Шварцбашню — «Королевской», Кирхбашню — «Угловой» (позднее Головина), Коноселицбашню — «Светличной», Крутбашню — «Мельничной», Комсбашню — «Колокольной».

При посещении крепости в августе 1881 года товарищем министра внутренних дел Оржевским здесь находились дисциплинарный батальон и катерная матросская команда. Общее число заключенных нижних чинов достигало 411 человек. Прежняя секретная тюрьма была в то время приспособлена для 14 камер, в которые заключали провинившихся солдат из дисциплинарного батальона. Дворик при тюрьме, который служил для прогулок узников, оставался при посещении Оржевского «без назначения». Помещение, где, по словам Оржевского, содержался Иоанн Антонович, было в то время занято под мастерскую.

Давая общую характеристику Шлиссельбургской крепости, Оржевский называл ее «совершенно обособленным убежищем, где здание скрыто за высокими массивными стенами».

При разрешении вопроса об устройстве тюрьмы «самого строгого одиночного заключения» было составлено три проекта.

По первому проекту было предложено перестроить старую государственную тюрьму для содержания в ней десяти человек. В камерах должны были быть сводчатые потолки, асфальтовые полы, железные двойные двери, двойные стены. Стоимость перестройки исчислялась в 14 000 рублей.

По второму проекту предлагалось перестроить одноэтажное здание старой тюрьмы в двухэтажное, рассчитанное на 20 одиночных камер. Расходы были исчислены в 30 000 рублей.

¹ ЦГИА в Москве, фонд Шлиссельбургской крепости, № 76, 1882, на 128 листах. См. также А. Т. Шаколов, Шлиссельбург. В этой брошюре даны исторические сведения и планы крепости за разные годы.

Оба эти проекта не были приняты, и был одобрен третий проект. По этому проекту старая тюрьма перестраивалась на 10 одиночных камер и возводилось новое двухэтажное здание на 40 заключенных. Расходы по устройству этих тюрем и различных служебных зданий были определены в 150 000 рублей.

Решение устроить на острове государственную тюрьму привело к закрытию в 1881 году тюрьмы дисциплинарного батальона¹. Проект и сметы были утверждены военным советом. Строительство поручено инженеру-строителю генерал-майору Войницкому, а постройка производилась подрядчиками-купцами.

Уже в ноябре 1882 года Войницкий сообщил об окончании перестройки старой тюрьмы на десять узников и здания для размещения жандармов. Но последовал ответ, что перевод заключенных из Петропавловской крепости будет произведен лишь по окончании всего тюремного строительства и не ранее сентября 1883 года.

Было воздвигнуто три здания вне внутренней ограды. Одно — для смотрителя и его помощника, а также для канцелярии, другое — для кордегардии и кухни для заключенных и служителей, а третье — для проживания жандармов.

Войницкий 2 сентября 1883 г. сообщил в департамент полиции об окончании постройки тюрьмы и всех служебных зданий при ней. Через полтора месяца особая комиссия принимала постройку, признав ее «вполне удовлетворительной». По предложению Покрошинского, первого начальника Шлиссельбургского жандармского управления, было решено устроить между первым и вторым этажами в новой тюрьме металлическую сетку, чтобы помешать заключенным броситься со второго этажа или сбросить кого-либо из чинов администрации. По его же предложению обычные стекла в рамках галерей новой тюрьмы были заменены матовыми.

В протоколе приема записано пожелание комиссии об устройстве двора для прогулок и возбужден вопрос о том, не следует ли уничтожить форточки в камерах, поскольку в тюрьме устроена «искусственная вентиляция». В целях охраны от побегов предложено устроить решетки «на слуховых окнах» в крыше тюрьмы.

Из приемочного акта новой постройки ясно видно, что комиссия направляла все свое внимание на меры строгой изоляции узников и предупреждения побегов из тюрьмы.

¹ С августа 1870 года сюда переведена Выборгская военно-исправительная рота, замененная в 1879 году «дисциплинарным батальоном». См. Д. Г. Венедиктов-Бизюк, По казематам Шлиссельбургской крепости, 1931.

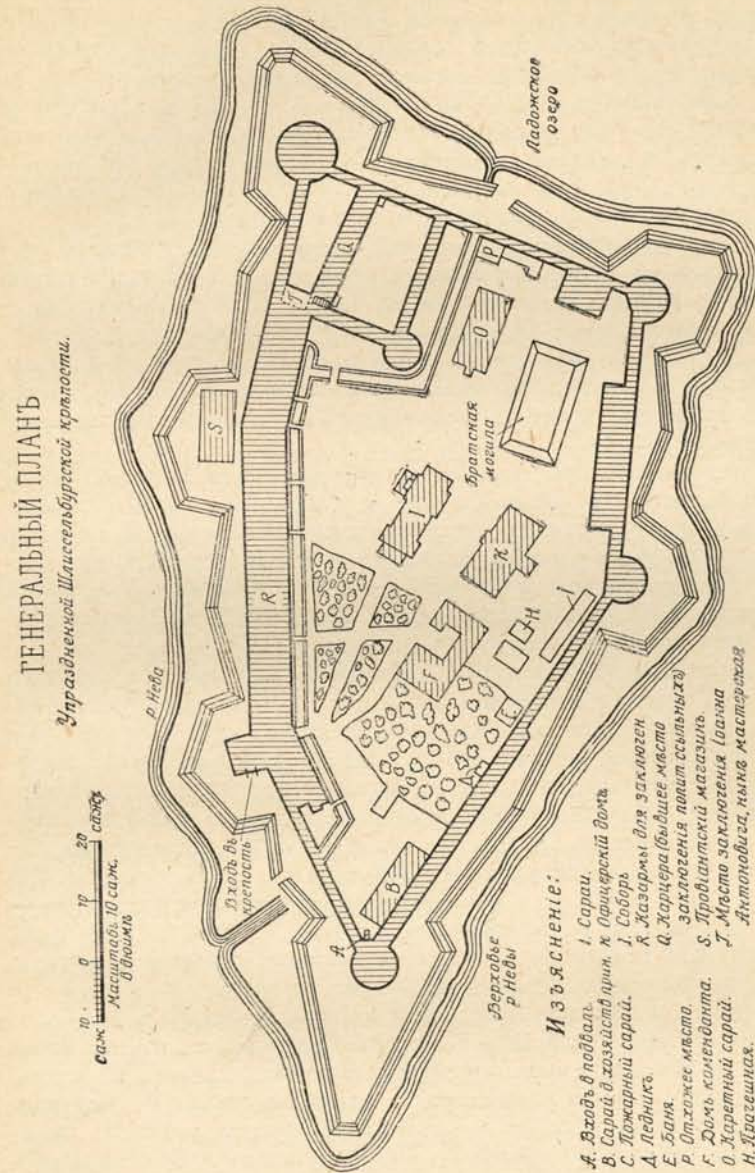

Рис. 12. План Шлиссельбургской крепости, 1881 г.
Из дела ЦГИА в Москве, фонд Шлиссельбургской крепости, № 76, 1882 г.

Юридическое оформление управления новой тюрьмой состоялось приказом по военному ведомству от 22 марта 1884 г. «Об управлении и военной охране Шлиссельбургской тюрьмы». Высочайше утвержденное мнение государственного совета об этом было направлено 11 мая 1884 г. Сенатом для опубликования. По этому законодательному акту управление тюрьмой находилось в ведении министра внутренних дел, по званию шефа жандармов, и на острове было утверждено Шлиссельбургское жандармское управление с пешей командой.

При ознакомлении с историей этого законодательного акта выяснилась не лишняя интереса подробность. В основе приказа по военному ведомству от 22 марта 1884 г. лежало высочайше утвержденное 14 февраля 1884 г. мнение государственного совета. При обсуждении проекта об устройстве управления тюрьмой в Шлиссельбургской крепости было высказано возражение в государственном совете против наименования тюрьмы «государственной».

Указывалось, что термин «государственная тюрьма» неизвестен нашему законодательству и было бы совсем нежелательно вводить в законе регламентацию политической тюрьмы. Другими словами, признавалось желательным оставить для действия администрации и ее усмотрения безграничный простор. Эта черта была самой характерной для всякой тюрьмы царизма, а для политической в особенности.

Александр III прекрасно учитывал, чем должна явиться проектированная им тюрьма. Она должна была быть местом замаскированной смертной казни и притом в тяжелой форме. Он добился этого. На основе опыта предшествующих лет он написал после ареста Александра Ульянова и других по делу 1 марта 1887 г.: «Желательно не придавать слишком большого значения этим арестам. По-моему, лучше было бы, узнавши от них все, что только возможно, не предавать их суду, а просто без всякого шума отправить в Шлиссельбургскую крепость. Это — самое сильное и неприятное наказание»¹. Впрочем, по делу 1 марта 1887 г. Александр III широко использовал и смертную казнь, и заточение в государственную тюрьму.

Приказом по отдельному корпусу жандармов № 47 от 1 мая 1884 г. в штат тюрьмы Шлиссельбургской крепости были включены по жандармскому управлению 47 человек. И, кроме того, в штат пешей жандармской команды вошли 98 человек. Назначенные на службу в Шлиссельбургскую крепость жандармы во главе с полковником Покрошинским прибыли в кре-

¹ «Музей революции», вып. I, 1923, стр. 56—57.

пость 11 июля 1884 г., а 2 и 4 августа сюда были доставлены первые заключенные из Алексеевского рavelина и Трубецкого бастиона в количестве 21 человека.

Для подбора жандармов состоялось нечто вроде конкурса. Из Петербурга были запрошены жандармские управления очень многих городов о кандидатах на службу в новой тюрьме. Предлагался повышенный оклад, но вместе с тем предъявлялись и значительно повышенные требования для занятия жандармских должностей. Кандидатов было предложено немало, и отбор был произведен из унтер-офицеров жандармских управлений обеих столиц и других городов (Вильно, Ковно, Гродно, Могилева, Одессы, Твери).

Переведенный в Шлиссельбургскую крепость смотритель Алексеевского рavelина, уже известный нам Соколов-«ирод», взял с собою оттуда четырех испытанных им жандармов. Своего рода «конкурс» был произведен и среди политических заключенных, из числа которых правительство хотело направить в новую тюрьму самых важных и опасных.

Так составились в тюрьме эти два мира. Один из них образовали послушные исполнители царской воли — жандармы, а другой — восставшие против этой воли люди, отдавшие себя целиком революционной борьбе.

Как было уже указано выше, тюремных зданий в Шлиссельбургской крепости было два. Одним из них являлось здание, с историей которого мы знакомы из двух предшествующих томов нашей работы. Это была так называемая старая тюрьма, постройка вековой давности. Она заключала в себе 10 отдельных камер. В 1884 году их нумерация была иная, нежели до 1870 года. Были и другие небольшие изменения, не менявшие, однако, основной архитектуры этого здания-памятника. Так, например, на восточную сторону ранее выходило три камеры, расположенные рядом под номерами 8, 9, 10. В камере № 9 помещался караул. При народовольцах же, с 1884 года, были оставлены лишь две камеры под номерами 1 и 10. Между ними стало свободное незанятое пространство.

Не останавливаясь на подробностях размещения камер, укажем на план тюрьмы, сделанный Новорусским. На этом плане на месте позднее устроенной кухни до 1870 года помещались жандармы. Размеры камер были неодинаковы, и одни из них в санитарном отношении были несколько лучше других, хотя также не удовлетворяли самым скромным требованиям гигиены.

Новорусский дал описание одиночной камеры в старой тюрьме. Размер ее по диагонали был шагов десять. Большое

окно начиналось на высоте роста человека и заканчивалось под сводчатым потолком; стекла были матовые, поэтому камера была сумрачной. Железная кровать днем откидывалась к стене на шарнирах. Железная печь топилась из коридора. Вместо стола к стене была приделана небольшая доска. Клозет был в углу камеры. Для умывания была раковина с проведенной водой. Пол асфальтовый, неокрашенный, шероховатый и постоянно грязный.

Такой общий вид камеры позволил автору сравнить ее со склепом. Но на стене этого склепа висела «инструкция» с правилами поведения заключенных и с угрозами наказания розгами и смертной казнью; эти правила напоминали, что в склепе находится не мертвец, а живой человек, способный действовать, нарушать правила тюремного распорядка со всеми последствиями этого.

Назначение здания старой тюрьмы с 1884 года изменилось. Оно уже не служило местом постоянного заточения узников, а было предназначено для временного пребывания в нем. Сюда помещали на разные сроки — один месяц или несколько долее — заключенных, вновь присланных в крепость. Сюда же переводили из новой тюрьмы для дисциплинарных наказаний на карцерное положение¹. Здесь находились привезенные в Шлиссельбургскую крепость для казни до исполнения над ними приговора. Старая тюрьма иногда служила последним местом пребывания для умиравших узников, которых переводили сюда перед смертью из новой тюрьмы. Наконец, сюда переводили буйных душевнобольных узников.

Из сказанного видно, что старая тюрьма была тяжким местом заточения. Эта тяжесть еще более увеличилась от того состояния, в котором находилась старая тюрьма.

Крепостной доктор так описывал старую тюрьму в 1890 году: «Здание старой тюрьмы одноэтажное, с трех сторон почти вплотную окружено стенами 4-саженной высоты, одна только сторона, обращенная на восток, несколько свободная и отстоит от стены сажен на десять. Вследствие такой обстановки воздух как на дворе, так и в самом здании тюрьмы застаивается и слабо вентилируется, и прямым следствием является неизбежная сырость, тем более, что уровень полов в тюрьме немного превышает уровень двора. Лучи солнца освещают только по утрам коридор и две боковые камеры (остальные же всегда

¹ ЦГИА в Москве, дело департамента полиции, V делопроизводство, № 5213, лит. «Г», часть 2, на 437 листах. Отчеты и переписка о санитарном состоянии Шлиссельбургской тюрьмы, л. 3.

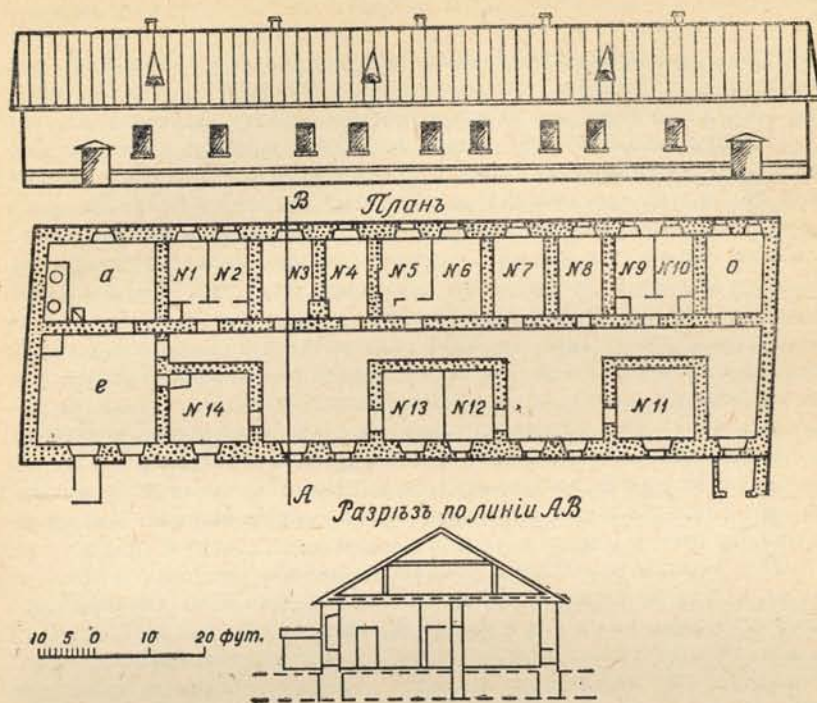

Рис. 13. Шлиссельбургская крепость в 1881 г. План старой тюрьмы для политических заключенных. Из дела ЦГИА в Москве.

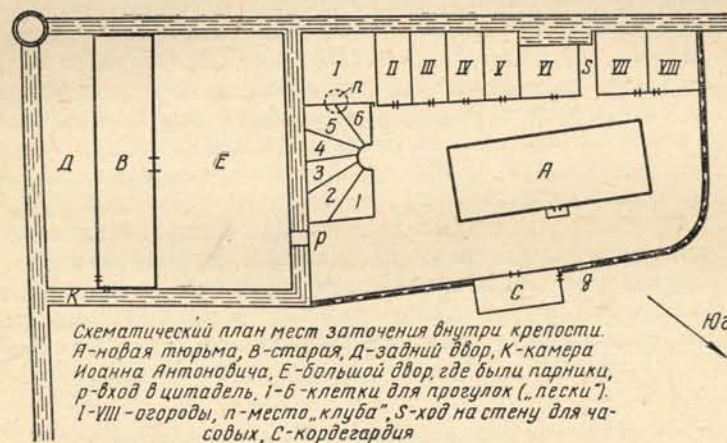

Рис. 14. План Шлиссельбургской крепости в 1905 г. Из книги М. В. Новорусского «Записки шлиссельбуржца».

лишены солнечного освещения), что составляет громадный недостаток в гигиеническом отношении, так как благодаря близости стен лучи солнца освещают только крышу тюрьмы».

Нужно полагать, что тюремный врач подбирал для характеристики состояния тюрьмы такие выражения, которые не резали бы ухо его начальства, и, несмотря на это, получалась картина самого отвратительного состояния тюрьмы. Забытые требования санитарии должны были ускорить наступление здесь смерти узников и развитие их душевных болезней. То и другое и происходило в действительности.

К времени перевода в 1884 году в Шлиссельбургскую крепость заключенных здесь был произведен ремонт в разных частях крепости вплоть до тюремных стен и башен. Назначение этого ремонта было одно: принять все меры предосторожности против побега заключенных. В этих целях комендант крепости приказал заделать все отверстия в стенах и башнях и выход старого канала из крепости наружу, заложить окно во флажной башне, заделать двери в разных местах крепости и пр.¹

Эти мелкие ремонтные работы не интересуют нас, а потому мы на них и не будем останавливаться подробнее. Несомненно, что как бы ни были они мелки, они наносили тяжелый удар, с архитектурной точки зрения, Шлиссельбургской крепости как историческому памятнику вековой давности. Однако там, где хотели принять меры против побега узников, ни перед чем не останавливались и ничего не жалели.

На дворе старой крепости близ тюрьмы была воздвигнута постройка, совершенно расходившаяся с общим стилем соседних старинных строений. Это были одиночные дворики для прогулок заключенных. Их создал «прогресс» тюремной архитектуры: до 1884 года их в Шлиссельбургской крепости не существовало. Одиночные дворики, устроенные по иностранному образцу, представляли собою треугольники, отделенные один от другого высокими стенами. Наибольшая сторона этих треугольников была длиной в 15 шагов. Заключенные называли эти дворики клетками и стойлами.

Но не только одиночные дворики для прогулок заключенных были творениями вновь развившейся тюремной архитектуры. Ее созданием была и новая государственная тюрьма. Она представляла полный контраст старинному зданию с десятью камерами, выдавшими в своих стенах узников не только XIX, но и XVIII столетия.

¹ ЦГИА в Москве, департамент полиции, V делопроизводство, № 5213. Отчеты и переписка о санитарном состоянии тюрьмы, л. 3, оборот.

М. В. Новорусский в своих воспоминаниях говорит, что, гуляя по дворику старой тюрьмы, он видел новое красное здание, поражавшее его своим, так сказать, изяществом. Оно было двухэтажное, с 40 одиночными камерами. Посреди здания был вестибюль с чугунными гранеными колоннами и ажурными прикрасами, деревянные двери обычного типа, направо от входа — лестница во второй этаж, просторная, с блестящими лакированными перилами, калориферы за дверью с претензией на художественность, светлый коридор и, наконец, светлая камера, маленькая, как игрушечка, и вся залитая светом. Но это впечатление оказалось ошибочным. Камера оказалась такой светлой лишь по сравнению с камерой старой тюрьмы. Продолжая описывать внутренность камеры, Новорусский говорит: «Чья-то фантазия разделала внутренность нашей камеры, выкрасивши сажей на масле не только пол, но и стены до высоты 2 аршин. При полном отсутствии мебели, особенно если кровать заперта на крюк, камера превращалась в настоящий катафалк, а белый сводчатый потолок должен был соответствовать серебристой парче, служившей украшением его сверху»¹.

Камеры были расположены по двадцати в каждом этаже, одна над другой. Во второй этаж «...вела широкая отлогая лестница со ступеньками из плитняка, а для входа в камеры этого этажа служили только узкие галереи, тянувшиеся в виде балконов по обе стороны коридора, как раз на той высоте, где должен быть помост (или пол), разделявший оба этажа. Взамен этого помоста, от пола одной галереи до пола другой, была натянута веревочная сетка, тянувшаяся сплошь во весь коридор и предохранявшая идущих по галерее от соблазна броситься вниз головой».

Таково было устройство старой и новой тюрем в Шлиссельбурге. Громадный промежуток времени разделял те сроки, когда были воздвигнуты эти тюрьмы, резко отличался их внешний вид, но они были схожи между собой по режиму, по задачам, которые им ставились, и по тому духу, которым были пропитаны их казематы. Обе они были детищем российского самодержавия.

За период 1884—1905 гг. тюрьма Шлиссельбургской крепости не подвергалась глубоким изменениям. Однако некоторые изменения были произведены. Одни из них были вызваны стремлением администрации полнее проводить систему одиночного заключения, не допуская общения заключенных между

¹ М. В. Новорусский, В Шлиссельбургской крепости, «Бывшее», 1906, кн. 6, стр. 18, 20, 22.

собой и постоянно держа их под наблюдением тюремной стражи. Другие изменения в устройстве одиночных камер были произведены в сторону смягчения режима после долгой и упорной борьбы узников за улучшение своего положения.

К изменениям первой группы относится закладка кирпичом каждого из четырех углов одиночной камеры и превращения ее, таким образом, в шестиугольную. Такая закладка значительно уменьшала размеры камеры, но давала тюремной страже полную возможность всегда иметь перед своими глазами заключенного, который раньше, стоя в углу, мог оставаться вне поля зрения жандармов.

Другое переустройство не внесло видимых изменений в камеры, но тяжело отразилось на заключенных. Администрация обнаружила разговоры заключенных через трубы клозетов отдельных камер и путем ремонта канализационных труб совершенно устранила всякую возможность разговора заключенных через трубы.

К изменениям второй группы относится замена окраски пола и низа стен: черная краска пола была заменена желтой, а стены были окрашены в светло-голубой цвет. Сначала лишь верхние матовые стекла оконной рамы заменили прозрачными, а позднее вставили такие прозрачные стекла во всей раме. Была улучшена вентиляция: вся верхняя часть рамы могла быть открываема в виде форточки.

Но наибольшие изменения произошли в тюремных дворах. С 1886 года были устроены шесть отгороженных высокими заборами огородов. На голую каменистую почву была насыпана земля, привезенная на остров баржами. С течением времени заключенным удалось добиться замены сплошного верха забора решетчатым. Еще позднее появились парники. Но об этих изменениях мы скажем позднее, когда будем характеризовать тюремный режим. Превращение каменистой пустыни в цветущий сад было делом рук самих заключенных.

§ 41. ИНСТРУКЦИИ

Режим в Шлиссельбургской крепости определялся инструкциями. Конечно, было бы ошибочно судить о нем только по инструкциям. Они существовали более или менее продолжительное время без всяких изменений, а режим глубоко изменялся. На его изменения влияли различные внешние обстоятельства и прежде всего общая внутренняя политика. Несомненно, что действие или бездействие отдельных статей инструкции нахо-

дилось в зависимости даже от словесных распоряжений министра внутренних дел или высшего жандармского начальства, а в некоторых случаях содержание инструкции претерпевало глубокие изменения без словесных санкций высшей администрации. Оно происходило в результате борьбы заключенных с начальством тюрьмы, начиная от коменданта и кончая смотрителем.

Надо признать, что такая борьба была главным фактором изменения тюремного режима, и к концу существования Шлиссельбургской крепости, перед ее закрытием как государственной тюрьмы — 8 декабря 1905 г., от прежних инструкций оставалось очень мало. Если бы пришлось разнести по статьям инструкции завоевания заключенных, то мы получили бы совершенно необычную «хартию» тюремных вольностей узников на Шлиссельбургском острове.

Они вошли сюда в 1884 году совершенно бесправными и заранее обреченными на скорую гибель. Об этом возвещал им текст инструкции, которая была вывешена в каждой камере и содержала всего восемь статей. Статьи были кратки, а их содержание было рассчитано на то, чтобы терроризировать узников. Однако терроризировать их не удалось.

Содержание инструкции 1884 года надо рассматривать как краткий катехизис поведения заключенных. Его можно было бы сделать еще короче, так как он сводился в основном к требованию беспрекословного повиновения тюремному начальству, без пояснений, в чем эти требования могут состоять. Из восьми статей шесть говорили о наказаниях; среди них были упомянуты смертная казнь и 50 ударов розгами для политических заключенных.

Угроза смертной казнью была приведена в исполнение над двумя заключенными (Минаковым и Мышкиным). Телесные наказания не были применены ни к кому. Тюремная администрация ясно сознавала, конечно, что наказание розгами вызвало бы общий бурный протест политических заключенных, которые всегда предпочитали скорее погибнуть, нежели перенести такое наказание.

Кроме розог, в качестве дисциплинарных наказаний были перечислены: лишение чая, лишение матраца на койке, заключение в карцер, в светлый и в темный, на хлеб и воду — на срок до пяти суток. За повторение проступков продолжительность заключения в карцере увеличивалась до восьми суток, причем заключение в темный карцер сопровождалось наложением оков.

Рис. 15. Вход в Шлиссельбургскую крепость.
Из книги М. В. Новорусского «Записки шлиссельбуржца».

Никакой четкости и определенности в инструкции не было. Она не указывала, какие проступки считаются повторными, не определяла, какие именно наказания должны быть применены за те или другие нарушения, и нисколько не ограничивала права администрации назначить одновременно несколько наказаний и держать в карцере хотя бы месяцами с самым кратким перерывом после каждых восьми суток. Не приходится удивляться в этой недвусмысленной неопределенности инструкции, открывавшей широкий простор усмотрению тюремного начальства. Это находилось в полном соответствии с безграничным произволом, царившим в крепости.

В рассматриваемой нами инструкции нет никаких указаний на обязанности заключенных производить какие-либо работы, несмотря на то, что все они были приговорены к каторжным работам. Наоборот, во втором параграфе дано прямое указание на предоставление работы наряду с чтением книг из тюремной библиотеки и правом беседы со священником лишь в виде награды за хорошее поведение. Среди этих наград не упомянуто

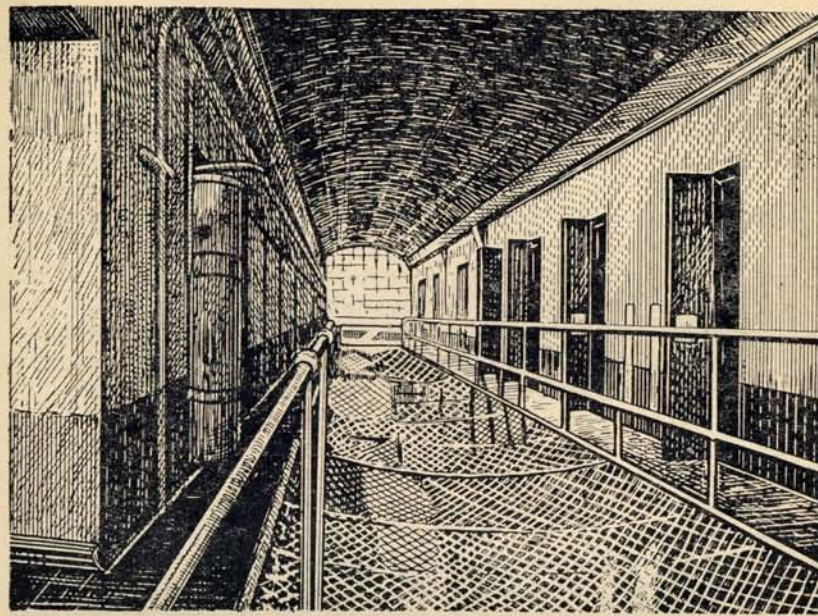

Рис. 16. Шлиссельбургская крепость. Новая народовольческая тюрьма, второй этаж — коридор.
Сотোগрафии из Музея революции СССР в Москве.

предоставление права прогулок вдвоем. Это право было упомянуто в полной инструкции с 70-ю параграфами, которая была утверждена командиром отдельного корпуса жандармов генералом Оржевским 4 августа 1884 г.¹

Указанные мною восемь параграфов инструкции, вывешенной на стенах одиночных камер в Шлиссельбургской крепости, и представляли собой извлечение из означенной инструкции 1884 года, которая оставалась без всяких изменений в течение 13 лет, вплоть до 1897 года.

Инструкция 1884 года сковывала всю жизнь узников. Основное содержание инструкции сводилось к стремлению поставить заключенного в условия полной изоляции, не допуская никакого общения ни с внетюремным миром, ни с товарищами по заключению, ни даже с жандармами. Значение такой изоляции усугублялось запретом физического труда и почти всякой

¹ Полный текст этой инструкции приведен в книге Панкратова «Жизнь в Шлиссельбургской крепости», 1906.

умственной работы. Из последующего нашего изложения будет видно, что самым страшным и самым тяжелым в режиме шлиссельбургского заключения было отсутствие труда. Если бы борьба заключенных против этого запрета и за право чтения книг не увенчалась успехом, неминуемая гибель грозила бы всем заключенным.

Несколько параграфов инструкции определяли обязанности тюремной администрации, во главе которой стоял начальник жандармского управления, в пределах всего острова Шлиссельбурга. В состав администрации, кроме жандармов, входил тюремный врач. Кроме того, инструкция предусматривала исполнение религиозных обязанностей православным священником. По мере надобности начальником жандармского управления созывался комитет, состоявший, кроме начальника, из двух его помощников, а также в случае надобности — тюремного врача и священника. Предметом его ведомства являлись хозяйственные и административные вопросы.

Несколько параграфов определяли обязанности врача. Создавалось такое впечатление, что инструкция проникнута заботами о поддержании здоровья заключенных: врач был обязан посещать больных дважды в сутки, ежедневно посещать тюрьму, обходить через день здоровых заключенных, а заключенных в карцер навещать ежедневно. Ему было предоставлено право опротестовывать постановления комитета, клонившиеся, по его мнению, к причинению вреда здоровью служащих или заключенных (§ 22).

Но из истории Шлиссельбургской тюрьмы мы знаем, что заботы врача о заключенных оставались долгие годы лишь на бумаге. В глазах заключенных тюремный врач, в особенности в первые годы после открытия тюрьмы, ничем не отличался от жандармов. Вся обстановка тюремной камеры и условия тюремного режима должны были подрывать здоровье узников. С этой точки зрения характерно требование инструкции устраивать койку так, чтобы заключенный не мог ею пользоваться в течение дня. Значение этого запрета было тем более тяжело, что заключенные находились в течение дня в полном бездействии.

Свидания заключенных с родными и близкими были допущены инструкцией только в одном случае — при тяжелой болезни заключенного, и притом с разрешения товарища министра внутренних дел (§ 49). Но это «милостивое» разрешение было лишь на бумаге: никогда за все время существования крепости, с 1884 по 1905 гг., таких свиданий не происходило.

Параграф инструкции, посвященный тюремной библиотеке, предписывал ряд ограничений в пользовании книгами, которые

выдавались с разрешения начальника жандармского управления. Первоначальный состав книг, выдаваемых из библиотеки, и пополнение его определялись департаментом полиции (§ 48). Право заключенных читать рассматривалось как награда за «хорошее поведение». В первое время состав библиотеки ни в какой степени не удовлетворял заключенных.

Такова была инструкция 4 августа 1884 г. На практике она оказалась еще тяжелее. Она давала тюремной администрации возможность провести тот режим, который превратил каторжную тюрьму в медленную смертную казнь.

Говоря о тех инструкциях и законах, которые определяли положение в тюрьме Шлиссельбургской крепости, следует отметить очень большую роль товарища министра внутренних дел Оржевского в установке жестокого режима этой тюрьмы. Этот жандармский генерал направил составленный им проект «положения о Шлиссельбургской крепости» министру юстиции. В проекте было предусмотрено применение к заключенным всех наказаний, предписанных законом для каторжан, не исключая и телесных.

Министр юстиции, хотя слабо, но, однако, высказал свое мнение об исключении телесных наказаний для заключенных в Шлиссельбургскую крепость¹.

Он указывал на нежелательность этого наказания в данном случае потому, что большинство политических преступников принадлежит к дворянскому сословию. Министр, по-видимому, предвидя, что применение телесного наказания в Шлиссельбургской крепости может привести к тяжелым событиям: свежа была память о процессе Веры Засулич. Робкое возражение министра юстиции не оказало никакого влияния на министерство внутренних дел. Проект Оржевского полностью был утвержден царем 19 июля 1884 г.

Положение о Шлиссельбургской крепости содержит шесть параграфов. Согласно этому положению Шлиссельбургская крепость предназначалась для содержания в ней государственных преступников, приговоренных к каторжным работам. Отбор заключенных для содержания в этой тюрьме должен был происходить по инициативе министра внутренних дел. Ближайшее заведование тюрьмой возлагалось на товарища министра внутренних дел как командира корпуса жандармов. Ему поручалось составить особую инструкцию для тюрьмы. Ответственность

¹ ЦГИА в Москве, департамент полиции, V делопроизводство, № 5213, 1882. «Об устройстве государственной тюрьмы в упраздненной Шлиссельбургской крепости», л. 212, оборот.

заклученных за маловажные и дисциплинарные проступки определялась по ст. ст. 222—225 книги XVII Свода военных постановлений. За преступления заключенные должны были быть предаваемы военному суду. Положение от 19 июля 1884 г. о Шлиссельбургской крепости легло в основу приведенной выше инструкции от 4 августа 1884 г.

Через два месяца после утверждения приведенной нами инструкции Оржевский 14 октября 1884 г.¹ утвердил документ под названием «Инструкция для чинов управления Шлиссельбургской тюрьмой и заключенных по предметам распределения дня, состава довольствия для заключенных, порядка и времени прогулок, пользования книгами и занятиями». В ней 16 параграфов. Некоторые из этих параграфов повторяют правила предшествующей инструкции, а другие уточняют режим и распределяют обязанности между чинами тюремной администрации. Так, например, в § 1 запрещается кому бы то ни было входить в камеру заключенного без сопровождения старшего помощника начальника жандармского управления. Без такого сопровождения доступ в камеру мог быть разрешен в исключительных случаях лишь священнику.

Следующий, § 2, уточнял, что койки заключенных запираются перед утренним чаем до ужина и могут быть отперты по заявлению врача для больных арестантов, а по приказу администрации — в награду за хорошее поведение.

На старшего помощника начальника жандармского управления была возложена обязанность раздачи книг и материалов для работы с обязательным отобранием их при раздаче ужина.

Ряд параграфов (§ 5—9) возлагал на младшего помощника названного начальника: наблюдение за раздачей питания, ведение отчетности по расходам, заведование освещением, одеждой и выдачей постельного (раз в две недели) и носильного (раз в неделю) белья.

Два параграфа (§ 10—11) определяли обязанности врача по наблюдению за доброкачественностью продуктов.

Создав режим, который вел к преждевременной смерти, инструкция предписывала врачу посещать больных арестантов утром и вечером.

Прекрасным показателем убийственной пустоты тюремного режима в Шлиссельбургской крепости является весь текст рас-

¹ ЦГИА в Москве, дело штаба отдельного корпуса жандармов, № 102, 1895, с рапортами начальника Шлиссельбургского жандармского управления по Шлиссельбургской крепости, на 91 листе.

сматриваемой нами инструкции. Самый подробный параграф в ней определял часы, когда должны были раздаваться утренний чай, обед, вечерний чай и ужин. Режим тюрьмы разнообразился только этими выдачами питания. Итак, жизнь проходила от чая до обеда, от обеда до ожидаемого вечернего чая и ужина. Даже прогулки не были точно установленным правом узников и зависели от усмотрения администрации.

Результатом действия такого тюремного распорядка за первый же год существования новой тюрьмы была смерть шести узников, и в том числе казнь двоих из них за протесты против режима в крепости. Дальнейшее вымирание заключенных с такой быстротой грозило значительной убылью тюремного населения. Оржевский, создатель инструкции и творец убийственного режима в крепости, не ожидал, по-видимому, таких «темпов». Осенью 1885 года он посетил Шлиссельбургскую крепость и отправил администрации крепости свое новое распоряжение.

Распоряжение Оржевского от 30 сентября 1885 г., требуя до конца проведения безусловной строгости одиночного заключения, вместе с тем предложило принять некоторые меры «к улучшению внешней обстановки и внутренней жизни заключенных». Это было началом отступления тюремной администрации перед узниками, ведущими героическую борьбу против тюремного режима.

Среди этих мер наиболее крупным завоеванием узников было предложение Оржевского пополнить тюремную библиотеку книгами по «философии, математике, истории и богословию».

Другим таким же важным завоеванием явилась выдача узникам бумаги и карандашей при неперемной обязанности возвращения в контору тюрьмы для хранения там всех исписанных листов. Было допущено занятие заключенных уборкой двора и предположено возбуждение весной 1886 года вопроса об устройстве огородов для работы на них заключенных¹.

Министерство внутренних дел отступало, но предпочитало не фиксировать на бумаге вынужденных уступок. Только 5 декабря 1897 г. министр внутренних дел Горемыкин утвердил новую инструкцию для Шлиссельбургской крепости.

В основных чертах она повторяла содержание предшествующих инструкций. Но соотношение сил в государственной тюрьме уже изменилось, и оставление различных параграфов в этой инструкции носило лишь формальный характер. По-прежнему

¹ ЦГИА в Москве, дело штаба отдельного корпуса жандармов, № 102, 1895.

содержалась угроза наказания розгами до 50 ударов. Но перечень льгот пополнился разрешением занятий в мастерских, допущением в совместной работе с другими заключенными, правом освещения камер в не положенное для того время и переписки с близкими родственниками раз в шесть месяцев «через посредство департамента полиции, который в зависимости от содержания писем мог разрешить отправление таковых в подлиннике» (§ 4).

Такое изменение указанных нами статей тюремной инструкции наносило сильнейший удар по той строжайшей системе одиночного заключения, которая была установлена инструкциями 1884 года. Мы отмечали, что изменение режима достигалось борьбой узников в тюрьме. Добавим, что победа далась не сразу. Различные черты беспощадного режима смягчались лишь очень медленно в результате титанической борьбы узников. Нам предстоит познакомиться с этими борцами и с историей их борьбы.

§ 42. УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ 1884—1906 ГОДОВ

Ничем не нарушимая тишина в коридорах Алексеевского рavelина Петропавловской крепости была резко нарушена 2 августа 1884 г. Из одиннадцати одиночных камер этого рavelина жандармы выводили одного за другим узников, закованных в кандалы. Подхватив под обе руки выведенного из камеры арстанта, жандармы быстро, почти волоча его, направлялись с ним к берегу реки. Впоследствии узники вспоминали, что у них явилось предположение о предстоящем их утоплении в реке. Но их не утопили. Их рассаживали по специально устроенным одиночным камерам в барже под строгим присмотром жандармов.

Пароход повез баржу к Шлиссельбургскому острову. Здесь жандармы выводили отдельно каждого привезенного и опять, подхватив под руки, быстро волокли за тюремные стены через ворота крепости, украшенные старинным двуглавым орлом. Привезенных расковывали и размещали по одиночным камерам вновь отстроенной тюрьмы. Эти первые одиннадцать узников, привезенные сюда, были: Фроленко Михаил, Исаев Григорий, Морозов Николай, Тригони Михаил, Попов Михаил, Щедрин Николай, Грачевский Михаил, Златопольский Савелий, Геллис Меер, Буцевич Александр, Минаков Егор.

Через день после увоза из Алексеевского рavelина первой партии, а именно 4 августа, из Петропавловской крепости в Шлиссельбургскую перевезли еще 10 человек. Это были: Бу-

цинский Дмитрий, Клименко Михаил, Юрковский Федор, Поливанов Петр, Кобылянский Людвиг, Богданович Юрий, Арончик Айзик, Мышкин Ипполит, Малевский Владимир и Долгушин Александр¹.

В этом же 1884 году в Шлиссельбургскую крепость было доставлено еще 17 человек, но двое из них для казни (Рогачев и Штромберг). Из 40 камер были заняты, таким образом, 36. Но в том же году одна за другой освободились три камеры: 21 сентября был казнен Минаков, 6 октября повесился Клименко, и 28 декабря умер от туберкулеза Тиханович. Таким образом, к 1 января 1885 г. в Шлиссельбургской крепости встречали новый год в своих одиночных камерах 33 узника. Тюрьма была почти заполнена. Дальнейшее поступление в нее происходило уже не ежегодно и не в прежних размерах, хотя смерть освобождала камеры от их жильцов. По отдельным годам в крепость были присланы для заключения или для казни: в 1885 году — 1 человек, в 1886 году — 3, 1887 году — 12, 1890 году — 2, 1901 году — 1, 1902 году — 2, 1903 году — 1, 1904 году — 2, 1905 году — 5 и, наконец, в 1906 году — 2 человека.

Наибольшая цифра поступления в крепость после 1884 года выпала на 1887 год, но из 12 человек, доставленных в крепость, пятеро провели в здании старой тюрьмы лишь время с 5 по 8 мая и были казнены. За период с 1891 и до 1900 гг. включительно новых поступлений в крепость не было. За период 1901—1904 гг. поступило 6 человек. В год закрытия государственной тюрьмы, в 1905 году, сюда было доставлено 5 человек, из которых трое для казни. Уже после закрытия этой тюрьмы в нее было доставлено еще двое для казни.

Приводимый нами далее список узников Шлиссельбургской крепости за 22 года (1884—1906 гг.) содержит 69 фамилий. Из них 37 человек² было доставлено сюда за первые четыре месяца существования новой Шлиссельбургской тюрьмы. Если вспомнить, что она была рассчитана на 40 заключенных, то приходится отметить большую быстроту заполнения этой тюрьмы. Этому удивляться не приходится. Список узников был намечен

¹ Еще в 1883 году проектировался список будущих узников Шлиссельбургской крепости. ЦГИА в Москве, дело Алексеевского рavelина, № 755, 1883 «Список народовольцев, предположенных к переводу в Шлиссельбургскую крепость».

² Е. Е. Колосов в работе Государева тюрьма — Шлиссельбург, стр. 77, определяет число заключенных, поступивших в 1884 году, цифрой 34, но у него не названы Штромберг и Рогачев, доставленные 7 декабря 1884 г. для казни, и не упомянута фамилия Крыжановского, доставленного 15 октября 1884 г.

много ранее. Он был еще более обширным, но смерть нескольких человек в Алексеевском рavelине сократила список кандидатов на одиночные камеры новой государственной тюрьмы.

Список был продуман с большой тщательностью, и в него попали осужденные за важнейшие государственные преступления. Приговоры лицам, включенным в список, были вынесены много лет назад, некоторым даже во второй половине 70-х годов (например, по процессу Долгушина, 193-х и др.).

Узники, поступившие в Шлиссельбургскую крепость в 1884 году, были довольно однородны по своему составу. Наибольшая часть заключенных была переведена из Алексеевского рavelина. Здесь никого не оставили, и отсюда никто не был переведен в другие тюрьмы: весь наличный состав целиком был переведен из одной крепости в другую.

Так как в Шлиссельбургской крепости еще оставались незанятые камеры, то их замещение произошло по «конкурсу». Заключенные были отобраны в первую очередь в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, но были также перевезены и из других мест заключения. Даже очень большая дальность расстояния некоторых тюрем от Петербурга и трудности секретной перевозки таких избранников, например с Карийской каторги, не остановили правительство.

Оно решило сосредоточить во вновь отстроенной тюрьме тех из своих политических врагов, которые казались наиболее опасными. Даже тяжелая душевная болезнь, повлекшая за собой содержание больного в психиатрической лечебнице, не служила препятствием после наступившего выздоровления к переводу осужденного в Шлиссельбургскую крепость (так в нее из Казанской психиатрической лечебницы был доставлен Игнатий Иванов, бывший узник Алексеевского рavelина).

При составлении списка «избранников» для заточения в Шлиссельбургскую крепость тяжесть государственного преступления и опасность осужденного определялись, с одной стороны, характером этого государственного преступления, а с другой стороны, политической оценкой самого осужденного. Такие преступления, как, например, посягательства на жизнь царя (по делу 1 марта 1881 г. и 1 марта 1887 г.), более крупные террористические акты, более революционное прошлое, побег из мест заключения, служили основанием для зачисления в число узников новой тюрьмы.

Но оказывали свое действие и другие обстоятельства, так, например, отношение к заключенному местной тюремной администрации. К числу таких случаев относятся, например, при-

сылка из Карийской тюрьмы Будицкого, у которого были столкновения с начальником тюрьмы. По нашему мнению, вопреки предположениям Колосова¹, случайность такого рода не играла, по общему правилу, решающей роли для отбора узников в Шлиссельбург. Имена заключенных в громадном большинстве известны в истории русского революционного движения и говорят сами за себя.

М. В. Новорусский в составленном им списке заключенных Шлиссельбургской крепости отметил тюремный стаж этих революционеров, включив в него и время, проведенное вне Шлиссельбургской крепости. У отдельных революционеров время заключения в различных тюрьмах до Шлиссельбурга было очень значительно, например, у Долгушина — 11 лет; это служит показателем строгости отбора узников в новую государственную тюрьму.

Пропагандисты начала 70-х годов, члены партии «Черный передел», «Земля и воля», «Народная воля» дали своих представителей при первом же «наборе» узников. Даже краткость того срока, который оставалось отбыть в заточении некоторым из намеченных кандидатов, не служила препятствием взять их с Кары в Шлиссельбург и поторопиться добить их тяжелым тюремным режимом.

Помещаемый ниже список дает возможность подвести некоторые цифровые итоги (этим же вопросом интересовался также М. В. Новорусский, но несколько в ином разрезе). В первую очередь мы занялись определением продолжительности пребывания отдельных заключенных в крепости. Нередко она была очень велика. Среди заключенных был немалый процент смертников, которым казнь была заменена пожизненным заточением. Вообще долгосрочные наказания преобладали над осуждением на менее долгие сроки.

Условия тюремного режима сократили эти сроки заточения, приведя многих узников к преждевременной смерти. Это обстоятельство надо иметь в виду при ознакомлении с продолжительностью пребывания в крепости.

Если взять сведения о времени пребывания в Шлиссельбургской крепости лишь тех заключенных, которые вышли из этой крепости, будучи или освобождены, или переведены в другие тюрьмы, или сосланы, то из 32 таких узников вышли из тюрьмы:

¹ См. Е. Е. Колосов, Государева тюрьма — Шлиссельбург, стр. 73—74.

на 1-м году заключения	— 1 чел.
" 2 " "	— 4 "
" 3 " "	— 2 "
" 4 " "	— 2 "
" 5 " "	— 1 "
" 9 " "	— 1 "
" 10 " "	— 1 "
" 11 " "	— 2 "
" 12 " "	— 1 "
" 13 " "	— 2 "
" 14 " "	— 1 "
" 18 " "	— 1 "
" 19 " "	— 7 "
" 20 " "	— 3 "
" 22 " "	— 3 "

Всего . . . 32 человека

Таким образом, из этих 32 узников почти половина, а именно 14 человек, пробыли в крепости более 15 лет. Самые краткие сроки пребывания в крепости пришлось на осужденных в XX веке.

Единственным освобожденным на первом году пребывания был Кочура, осужденный за покушение на харьковского генерал-губернатора Оболенского и оказавшийся предателем. На втором году вышли из крепости четверо осужденных, отправленных отсюда на Нерчинскую каторгу после закрытия государственной тюрьмы в этой крепости. Их перевод из Шлиссельбурга был вызван революционными событиями конца 1905 года. Эти же события дали свободу восьми узникам, трое из которых пробыли в тюрьме с самого ее основания (Морозов, Фроленко, Попов Михаил) и пятеро (Новорусский, Иванов Сергей, Лукашевич, Лопатин, Антонов) с 1887 года¹. Они вышли на свободу 28 октября 1905 г. по амнистии.

Из общего числа 69 узников, кроме 32 указанных выше, еще три человека окончили свою жизнь вне Шлиссельбургской крепости. Они были увезены отсюда душевнобольными в психиатрические лечебницы.

Половина всех заключенных в Шлиссельбургской крепости погибла на этом острове. Мы подвели итоги этой страшной статистике смертности. В крепости погибло 34 человека, из которых 15 было казнено, 4 окончили жизнь самоубийством и 15 узников умерли «естественной смертью». В действительности это была смерть не от естественной причины, а убийство, так как они умирали, убитые режимом заточения не только Шлиссельбургской крепости, но и других тюрем.

¹ Кроме того, 25 августа 1905 г. был переведен в Петропавловскую крепость Стародворский.

Некоторые из них, как, например, Долгушин, Мышкин и другие, прошли через Петропавловскую крепость, через центральные тюрьмы близ Харькова, через Карийскую каторжную тюрьму. Каждая тюрьма уносила годы их жизни. Из 15 человек, умерших в Шлиссельбургской крепости, четыре умерли в первый же год прибытия сюда, четыре — на втором году, двое — на третьем, двое — на четвертом и по одному человеку — на седьмом, восьмом и тринадцатом году заточения в Шлиссельбургской крепости.

Для характеристики узников Шлиссельбургской крепости мы выявили классово-социальный состав всех 69 человек.

Вполне точные сведения, определяющие классовую принадлежность каждого заключенного, имеются не о всех узниках Шлиссельбургской крепости. Так, например, в некоторых случаях лишь указывалось, что осужденные были детьми военнослужащих или чиновников. Так как военнослужащие были в офицерском звании, то мы имели основание причислить узников Шлиссельбурга из числа военнослужащих или их детей к лицам дворянского происхождения.

На первом месте среди осужденных оказались дворяне, военнослужащие и их дети — 24 человека. Объяснение этому большому числу надо искать в том, что значительная часть тех, кто попал в Шлиссельбургскую крепость для заточения там или для казни, принадлежала к революционерам 80-х годов, когда на арене политической борьбы революционеры из дворян играли большую роль. Надо предполагать, что из числа семи человек детей чиновников были также и дворяне. Принадлежащих к мещанам и детям лиц духовного звания было почти поровну: первых — 7, а вторых — 8 человек. Рабочих оказалось лишь 5, а крестьян еще менее — 2 человека. Четверо осужденных принадлежали к детям лиц купеческого сословия. Звание 12 человек не удалось выяснить.

В соответствии с таким социальным составом оказались сведения об образовательном уровне шлиссельбуржцев. У 42 шлиссельбуржцев было или высшее образование или незаконченное высшее, половина из них во время ареста была студентами. У 17 человек образование было среднее, низшее — только у трех. Не оказалось сведений об образовании семи человек.

Итак, в тюрьму Шлиссельбургской крепости были направлены почти исключительно люди с высшим или по крайней мере со средним образованием. Если припомнить, что многие из них были во время ареста студентами, то понятен молодой возраст, которым отличались присланные в Шлиссельбургскую крепость. Чтобы закончить рассмотрение наших сведений о личном составе

69 человек, присланных в Шлиссельбургскую крепость, добавим, что среди них было четыре женщины (Фигнер, Волкенштейн, Гинзбург и Конопляникова, доставленная в 1906 году для казни).

Приводим составленный нами список заключенных¹.

СПИСОК

ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКУЮ КРЕПОСТЬ
(С 1884 ПО 1906 ГОД)

Фамилия и имя	Продолжительность пребывания	Основание выбытия ●
1. Морозов Николай	2/VIII 1884 г.— 28/X 1905 г.	Освобожден
2. Фроленко Михаил	Тогда же — 28/X 1905 г.	"
3. Тригопи Михаил	" " — 9/II 1902 г.	Отправлен на о. Сахалин
4. Исзев Григорий	" " — 23/III 1886 г.	Умер
5. Грачевский Михаил	" " — 26/X 1887 г.	Сжег себя
6. Златопольский Савелий	" " — 2/XII 1885 г.	Умер
7. Буцевич Александр	" " — 17/V 1885 г.	"
8. Попов Михаил	" " — 28/X 1905 г.	Освобожден
9. Щедрив Николай	" " — 2/VIII 1896 г.	Увезен в Казанскую психиатрическую лечебницу
10. Минаков Егор	" " — 21/IX 1884 г.	Казнен
11. Геллис Меер	" " — 10/X 1884 г.	Умер
12. Буцинский Дмитрий	4/VIII 1884 г.— 4/VII 1891 г.	"
13. Клименко Михаил	Тогда же — 5/X 1884 г.	Повесился
14. Юрковский Федор	" " — 3/VIII 1896 г.	Умер
15. Подиванов Петр	" " — 23/IX 1902 г.	На поселение
16. Кобылянский Людвиг	" " — 3/I 1886 г.	Умер
17. Богданович Юрий	" " — 18/VII 1888 г.	"
18. Арончик Айзик	" " — 22/IV 1888 г.	"

¹ При составлении списка заключенных в Шлиссельбургскую крепость использованы списки, помещенные в работах:

М. В. Новорусский, Записки шлиссельбуржца, П., 1922.

Д. Г. Венедиктов-Бизюк, По казематам Шлиссельбургской крепости, М., 1931.

В. С. Панкратов, Жизнь в Шлиссельбургской крепости, П., 1922.

В последней из названных работ даны наиболее подробные биографические сведения о каждом заключенном в алфавитном порядке фамилий. Первые два автора составили списки в хронологическом порядке по времени вступления в крепость. Новорусский подсчитал для каждого узника продолжительность его пребывания в разных тюрьмах; Венедиктов-Бизюк в особой графе дал сведения, по какому процессу узник был осужден в Шлиссельбургскую крепость. Сведения о судьбе заключенных с указанием их смерти, казни, освобождения и прочие даны всеми названными авторами.

Рис. 9. Петропавловская крепость. Камера Трубецкого бастиона.

Фотография хранится в Музее революции РСФСР в Ленинграде.

Фамилия и имя	Продолжительность пребывания	Основание выбытия
19. Мышкин Ипполит	4/III 1884 г. — 26/I 1885 г.	Казнен
20. Малевский Владимир	" " — 16/III 1885 г.	Умер
21. Долгушин Александр	" " — 30/VI 1885 г.	"
22. Рогачев Николай	7/X 1884 г. — 10/X 1884 г.	Казнен
23. Штромберг Александр	Тогда же — 10/X 1884 г.	Казнен
24. Иванов Игнатий	12/X 1884 г. — 21/II 1886 г.	Умер
25. Фигнер Вера	Тогда же — 29/IX 1904 г.	Выслана в Архангельскую губ.
26. Волкенштейн Людмила	13/X 1884 г. — 23/IX 1896 г.	Выслана на о. Сахалин
27. Иванов Василий	Тогда же — 28/IX 1904 г.	Выслан
28. Ашенбрэннер Михаил	14/X 1884 г. — 28/IX 1904 г.	Выслан в Смоленск
29. Тиханович Александр	Тогда же — 28/XII 1884 г.	Умер
30. Немоловский Апполон	15/X 1884 г. — 29/III 1886 г.	"
31. Крыжановский Никанор	Тогда же — 29/III 1885 г.	"
32. Похитонов Николай	" " — 5/III 1896 г.	Переведен в психиатрическую лечебницу
33. Суровцев Дмитрий	16/X 1884 г. — 23/XI 1896 г.	Выслан на Колыму
34. Ювачев Иван	Тогда же — 23/XI 1887 г.	Выслан на о. Сахалин
35. Мартынов Колинник	20/XII 1884 г. — 23/XI 1896 г.	Выслан на Колыму
36. Шебалин Михаил	21/XII 1884 г. — 23/XI 1896 г.	Отправлен в г. Вилюйск
37. Караулов Василий	24/XII 1884 г. — 9/III 1898 г.	Отправлен на поселение в Красноярск
38. Панкратов Василий	Тогда же — 9/III 1898 г.	Выслан в г. Вилюйск
39. Лаговский Михаил	10/X 1885 г. — 10/X 1895 г.	Выслан в Среднюю Азию
40. Манучаров Иван	29/I 1886 г. — 19/XII 1895 г.	Выслан на о. Сахалин
41. Варынский Людвиг	28/II 1886 г. — 18/II 1889 г.	Умер
42. Янович Людвиг	3/III 1896 г. — 23/XI 1896 г.	Выслан в Ср. Колымск
43. Андреюшкин Пахомий	5/V 1887 г. — 8/V 1887 г.	Казнен
44. Генералов Василий	Тогда же — " "	"
45. Осипанов Василий	" " " "	"
46. Удянов Александр	" " " "	"
47. Шевырев Петр	" " " "	"
48. Новорусский Михаил	5/V 1887 г. — 28/X 1905 г.	Освобожден
49. Лукашевич Иосиф	Тогда же — " "	"
50. Антонов Петр	23/VI 1887 г. — 28/X 1905 г.	"

Фамилия и имя	Продолжительность пребывания	Основание выбытия
51. Иванов Сергей	23/VI 1887 г.—28/X 1905 г.	Освобожден
52. Конашевич Василий	" " — 2/VIII 1896 г.	Переведен в Казанскую психиатрическую лечебницу
53. Лопатин Герман	" " — 28/X 1905 г.	Освобожден
54. Стародворский Николай	23/VI 1887 г.— 25/VIII 1905 г.	Переведен в Петропавловскую крепость
55. Оржих Борис	18/III 1890 г.— 8/I 1898 г.	Выслан в Сибирь
56. Гинзбург Софья	1/XII 1890 г.— 7/I 1891 г.	Зарезалась
57. Карпович Петр	30/IV 1901 г.— 30/I 1906 г.	Переведен в Нерчинскую каторгу
58. Балмашев Степан	2/V 1902 г.— 3/V 1902 г.	Казнен
59. Чепегин Никита	19/VIII 1902 г.— 3/I 1905 г.	Переведен в пересыльную тюрьму
60. Кочурá Фома (Кочуренко)	31/I 1903 г.— 19/VII 1903 г.	Переведен в Петропавловскую крепость
61. Мельников Михаил	20/IV 1904 г.— 30/I 1906 г.	Выслан в Нерчинскую каторгу
62. Гершуни Григорий	31/VIII 1904 г.— 30/I 1906 г.	То же
63. Сазонов Егор	24/I 1905 г.— 30/I 1906 г.	" "
64. Васильев Александр	19/VIII 1905 г.— 20/VIII 1905 г.	Казнен
65. Сикорский Шимель	24/I 1905 г.— 30/I 1906 г.	Выслан в Нерчинскую каторгу
66. Каляев Иван	9/V 1905 г.— 10/V 1905 г.	Казнен
67. Гершкович Гириш	19/VIII 1905 г.— 20/VIII 1905 г.	" "
68. Конопляникова Зинаида	14/VIII 1906 г.— 28/VIII 1906 г.	Казнена
69. Васильев-Финкельштейн Яков	18/IX 1906 г.— 19/IX 1906 г.	Казнен

§ 43. ЖЕНЩИНЫ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Говоря о режиме Шлиссельбургской крепости, мы уделяем особый параграф узницам этой крепости.

Во второй половине XIX века было совершенно бесспорным принципом размещать заключенных мужчин и женщин раздельно. Для заключенных того и другого пола строились особые тюрьмы, или, по крайней мере, мужчины и женщины размещались в изолированных помещениях тюрьмы.

Отступление от этого правила рассматривалось как мало терпимое отступление от требований тюремной политики. Так было с общеуголовными преступниками.

Иначе обстояло дело с узниками Петропавловской и Шлиссельбургской крепостей. В них в одиночных камерах за долгий

период существования этих тюрем находили себе «приют» не только мужчины, но и женщины, боровшиеся против самодержавия.

Когда Александр III в начале 80-х годов воздвигал новую страшную тюрьму в Шлиссельбурге, русская женщина уже принимала широкое участие в революционном движении. Строители новой тюрьмы это прекрасно знали. Но эта тюрьма, управление ею, ее режим, ее исключительно мужская администрация не учитывали различия пола «государственных преступников» и создавали одинаково жестокие условия заключения для всех. На практике тюремный режим становился для женщин еще более тяжелым, чем для мужчин.

За период 1884—1906 гг. в Шлиссельбургскую крепость вошли четыре узницы. Две из них отсюда не вышли: одна окончила жизнь самоубийством, а другая погибла от руки палача.

Эти четыре женщины были: Вера Фигнер, Людмила Волкенштейн, Софья Гинзбург и Зинаида Конопляникова. Первая пробыла в крепости 20 лет, вторая — 13 лет, третья — немного более месяца, а четвертая — всего 56 минут. Софья Гинзбург сама сократила срок своего пребывания в тюрьме, окончив жизнь самоубийством, а Конопляникова была привезена сюда для казни.

В условиях заточения каждая из этих узниц проявила особенности своего характера. При этом сказались влияние и разница в сроках поступления в крепость, пребывания в ней, и характер самих заключенных женщин. Но эти особые черты развивались на одном и том же фоне — на фоне шлиссельбургского заточения.

Вера Фигнер — живая скрижаль Шлиссельбургской крепости за двадцать лет. Опубликованный ею «Запечатленный труд» поведал читателям о той борьбе, которая велась внутри стен крепости, в одиночных камерах тюрьмы. «Запечатленный труд» навсегда сохраняет в памяти читателя эту великую борьбу.

В архивных документах, а именно в отчетах тюремной администрации, Вера Фигнер была на плохом счету: часто встречаются отметки о ее столкновениях с администрацией. Поведение ее было стойким, и ничто не могло сломить ее верности принципам революционной этики. Мы говорим о ней в параграфе «Женщины в Шлиссельбургской крепости», а между тем при своей удивительной женственности она всегда вела себя в тюрьме с чисто мужской решительностью, непоколебимостью и твердостью.

Трудно и даже невозможно передать короткими словами страницы «Запечатленного труда». Мы берем из них лишь некоторые факты, характеризующие положение Фигнер в крепости. Приговоренная к смертной казни, замененной пожизненными каторжными работами, она была доставлена в Шлиссельбургскую крепость, как и мужчины, в кандалах. Так же, как и мужчин, ее не столько вели, сколько несли под руки на паром, а потом и в крепость.

В приемной комнате тюрьмы в присутствии врача какая-то женщина раздела ее догола. Фигнер вспоминала: «Несколько минут — и я стою голая. Было ли мне больно — нет... Было ли мне стыдно — нет... Мне было все равно. Душа куда-то улетела, ушла или сжалась в совсем маленький комочек. Осталось одно тело, не знавшее ни стыда, ни нравственной боли. Доктор встал, обошел вокруг меня и что-то записал. Затем вышел. Меня привезли сюда навсегда... я не должна была выйти отсюда, но все же, все же надо было меня оголить, надо было записать в книгу, есть ли особые приметы на моем теле или нет...»¹.

С этого эпизода началась двадцатилетняя жизнь Веры Фигнер в крепости. Из отдельных эпизодов этой жизни напомним прежде всего ее заключение в карцер в старой тюрьме. Условия этого заключения несколько не были смягчены для женщины. Ей не было дано постельных принадлежностей, и на второй же день, когда койка была заперта, ей пришлось лежать на грязном асфальтовом полу, подложив под голову свою обувь.

Но и сама Фигнер, как ни тяжело было карцерное заключение, не допускала никаких облегчений по отношению к себе, если они не были применены к другому заключенному в соседний карцер — Попову. Между тем, конечно, ей, женщине, приходилось гораздо тяжелее, чем мужчине. Она вспоминала, что, когда ей принесли постель и чай, не предоставленные Попову, она отказалась от постели, а чай выплеснула под ноги смотрителю. Только услышав от смотрителя, что Попову дана постель, она также ее приняла, и, по ее словам, «была пора: в ушах стоял непрерывный звон и шум; в голове было смутно, точно не спишь и не бодрствуешь».

Во время этого заключения в карцер у Фигнер созрело решение «терпеть в том, что можно стерпеть, но когда представится случай, за который стоит умереть, протестовать и протестовать на смерть»².

¹ В. Н. Фигнер, Полное собрание сочинений, т. II. «Запечатленный труд», ч. 2, «Когда часы жизни остановились», М., 1933, стр. 15.

² Там же, стр. 51.

Такой случай представился через два года, а именно осенью 1889 года, когда из тюремной библиотеки крепости был изъят целый ряд книг, которыми дорожили заключенные. Фигнер была горячей сторонницей протеста в виде голодовки и провела ее решительно и дольше всех остальных заключенных, а именно в течение девяти дней. Она прекратила голодовку только под угрозой двоих товарищей, что они лишат себя жизни в случае ее смерти. Таким образом, она оказалась более стойкой, чем кто-либо из мужчин.

Такой же она оказалась и в 1902 году, когда начальство крепости решило восстановить старую тюремную инструкцию, очень тягостную для заключенных. Все узники находились в страшной тревоге. Восстановление этой инструкции после того, как она фактически была отменена уже несколько лет, грозило заключенным смертью или безумием.

Протестуя, Вера Фигнер сорвала у смотрителя погону с мундира. Все заключенные ждали самого худшего конца. На этот раз дело закончилось необычно и совершенно благополучно для Фигнер. Она не подверглась никакой репрессии. Часть тюремной администрации была заменена другими лицами, и завоеванные дорогою ценою «вольности» заключенных не были отменены.

Поистине этой женщине принадлежит честь спасения всех узников Шлиссельбургской крепости от возобновления в XX веке того страшного режима, с которого начался 18 лет назад последний период в жизни этой царской твердыни.

Отметим, что в одном из протоколов по делу об указанном событии 1902 года подчеркнута самым решительным образом то «большое уважение и почтение», с которыми все заключенные относятся к Фигнер. В этом факте надо искать объяснение благополучного исхода такого важного проступка узницы, как срывание погон с плеч смотрителя тюрьмы. Несомненно, что репрессии по отношению к Вере Фигнер вызвали бы страшный протест всей тюрьмы.

Выше мы выяснили лишь те особенности заключения, которые выпали на долю Фигнер как женщины. Она не ставила своей задачей подчеркивать их, потому что у нее на первом месте всегда стояло не личное «я», а прежде всего верность своим идеалам.

Вторая названная нами узница Шлиссельбургской крепости, Людмила Волкенштейн, была осуждена по процессу 14-ти вместе с Фигнер. Приговоренная к смертной казни, она вместо этого наказания была отправлена в Шлиссельбургскую крепость, где и провела 13 лет. Она поступила сюда в октябре 1884 года и

оставила записки о своем заточении в этой тюрьме. Эти записки, как и воспоминания В. Фигнер, интересны для нас тем, что подчеркивают особенности режима заточения женщин в этой тюрьме.

Не случайно Вера Фигнер и Людмила Волкенштейн были размещены в тюрьме по камерам, не только не смежным между собою, но даже расположенным на противоположных концах коридора. Это исключало возможность общения между ними.

Яркий свет на отношение тюремной администрации к узникам проливают те строки, в которых Волкенштейн вспоминает производство личного обыска в ее камере:

«Эти обыски — ужасная вещь: они бессмысленны, грубы до цинизма, мучительны. Во время обыска ирод без всякого стеснения следил в «глазок» за происходившим в камере. Когда женщины заметили это и подняли крик, ирод ответил: «Что же мы не выдали голых женщин — вот пустяки выдумали»¹.

Таким образом, хотя обыск и личный осмотр узниц производился женщиной, но под наблюдением смотрителя тюрьмы.

Волкенштейн отмечает, что женщин не били и не связывали, однако «нечаянно» толкали и отправляли в карцер. По ее словам, с женщинами были «менее грубы, — вернее, реже грубы». Может быть, это объясняется опасением того сильнейшего протеста всех заключенных, который неизбежно в таких условиях вспыхнул бы в тюрьме.

Мы указывали выше, что Волкенштейн и Фигнер были размещены в разных концах коридора. Впервые им удалось увидеть друг друга только в январе 1886 года, когда им были разрешены совместные прогулки на тюремном двореке. Это разрешение было дано, когда тюрьма пережила уже несколько смертей узников. Свидания доставляли обоим женщинам великую радость и утешение.

Строки, посвященные Верой Фигнер описанию переживаний обеих узниц при взаимном общении, исполнены неопишуемой теплоты. Тем не менее обе эти женщины отказались от свиданий друг с другом на целые полтора года в виде протеста против несправедливого лишения других заключенных права таких совместных прогулок. В самой тюрьме заключенные мужчины расценивали эту форму протеста различно, и многие из них не последовали примеру женщин.

Ни Фигнер, ни Волкенштейн ничего не говорят в своих воспоминаниях о тех настоящих страданиях, на которые они сами

себя обрекли в борьбе за улучшение общего положения узников в Шлиссельбургской крепости. Но говоря об узницах Шлиссельбургской крепости, мы не должны забывать этого факта: казалось бы, пассивное сопротивление не было героическим поступком, но в действительности оно выросло до гигантских размеров и должно было оказать влияние на исход той борьбы, которая велась в Шлиссельбургской крепости с тюремным режимом.

Шлиссельбуржец М. Р. Попов вспоминает в своей статье, посвященной Л. А. Волкенштейн, какое горячее участие принимала эта узница в борьбе с тюремной администрацией. Ее не пугали дисциплинарные наказания. Ее стойкость приводила жандармов в бешенство. Они, по словам Попова, ругали ее и даже плевали в «глазок» ее камеры. Смотритель тюрьмы Соколов, зная, что заключенная не выносит высокой температуры, накаливал печь в карцере Волкенштейн, и карцерное заключение становилось настоящей пыткой, но ничто не могло сломить энергии и бодрости этой женщины.

В сентябре 1896 года Волкенштейн была вывезена из Шлиссельбургской крепости на остров Сахалин. Тогда же она со свойственной ей смелостью описала режим Шлиссельбургской крепости. Ее воспоминания были одними из первых, которые познакомили широкие круги читателей с режимом этой крепости, и в этом большая заслуга Волкенштейн перед историей царской тюрьмы.

Ни Вера Фигнер, ни Людмила Волкенштейн не знали, что одновременно с ними в Шлиссельбургской крепости находилась еще одна осужденная — Софья Гинзбург. Она была доставлена в старую тюрьму 1 декабря 1890 г. и была последней представительницей партии «Народная воля», заключенной в эту тюрьму.

Никто из узников не знал об этой новой обитательнице тюрьмы, никому не удалось подметить этого пребывания в течение тех 37 дней, которые Гинзбург прожила здесь в заточении. Даже трагическая смерть ее, когда эта молодая женщина окончила жизнь самоубийством, осталась тайной для узников новой тюрьмы. Правда, в старой тюрьме в то время содержались Щедрин и Конашевич, однако оба они были душевнобольными и не могли обратить внимания на вновь прибывшего товарища.

Так как последние 37 дней жизни Софьи Гинзбург привели ее к самоубийству, то я изложил то, что нам известно о последнем месяце жизни Гинзбург в ее одиночной камере,

¹ Л. Волкенштейн, 13 лет в Шлиссельбургской крепости, изд. «Новый мир», год издания не обозначен, стр. 31.

на страницах, посвященных самоубийствам в Шлиссельбургской крепости.

Я лишь отмечу здесь жестокость помещения Гинзбург в старую тюрьму, изолированно от прочих узников в новой тюрьме. Несомненно, что сношение с товарищами, хотя бы путем перестукивания, возможно, спасло бы эту молодую жизнь.

Тяжесть пребывания Гинзбург в старой тюрьме возрастала от присутствия там двух душевнобольных узников. Их вопли причиняли узнице настоящие мучения. Напоминаю, что департамент государственной полиции не обратил внимания на просьбу Гинзбург перевести ее в другую тюрьму. Он не обратил внимания даже и на предупреждение коменданта крепости, что Гинзбург тяжело переносит заключение. При таком положении самоубийство Гинзбург превратилось в ее убийство тюремным режимом.

О пребывании в крепости четвертой женщины — Зинаиды Коноплянниковой — ничего неизвестно. Доставленная сюда после приговора к казни по делу об убийстве «усмирителя» московского восстания — командира Семеновского полка Мина, — она оставалась в крепости в ожидании казни всего 56 минут. Никаких других заключенных в крепости не было. Конопляникова унесла с собой в могилу тайну своего пребывания в тюрьме. Но о ее казни до нас дошли сведения, и мы передадим их позднее, когда будем говорить о казнях в Шлиссельбургской крепости.

§ 44. ТЮРЕМНЫЙ РЕЖИМ 1884—1906 ГОДОВ

Режим в тюрьме Шлиссельбургской крепости в период 1884—1906 гг. определялся не только уже известными нам инструкциями 1884—1897 гг. Он определялся и самою практикою и в особенности, как мы указали выше, результатами той борьбы, которую вели узники с тюремной администрацией. Режим тюрьмы познается не только из содержания инструкции и правил тюремных уставов. Он определяется также условиями применения этих инструкций и правил. В особенности это верно в отношении Шлиссельбургской крепости.

Тюрьма, устроенная за высокими стенами на недоступном острове, была совершенно изолирована от всего внешнего мира. Окутывавшая ее тайна и подчинение непосредственно министру внутренних дел открывали для тюремной администрации возможность широкого произвола по отношению к узникам. Но

узники не отличались покорностью и готовностью без борьбы стать жертвами гнусного тюремного режима.

В то время как местная тюремная администрация прилагала свои старания к тому, чтобы еще более усилить предписанные инструкцией тяжелые условия режима, узники этой крепости были преисполнены решимости вести борьбу с тюремным бытом до конца, т. е. до своей смерти или до победы.

Не текст инструкции, а больше всего воспоминания бывших заключенных и архивные материалы обрисовали перед нами режим Шлиссельбурга и историю его изменения. Ашенбреннер, Волкенштейн, Морозов, Новорусский, Панкратов, Попов, Фигнер, Ювачев и другие напечатали свои воспоминания о Шлиссельбурге, неизгладимо врезающиеся в память читателя. Архивные материалы, использованные нами в подлинниках и появившиеся в печати и в особенности в ценном труде Е. Е. Колосова, знакомят нас с бытом Шлиссельбургской крепости 1884—1906 гг.

Мы уже знаем, что 2 августа 1884 г. из Алексеевского рavelина в крепость были доставлены первые одиннадцать узников.

Их принимал в новой тюрьме тот же самый Соколов-ирод, который стерег их в рavelине. Он прекрасно знал их, так же как они знали его. Однако он и здесь предупреждал, входя к ним в камеру: «Так как ты лишен всех прав, то буду говорить на «ты»». Это предупреждение раздражало заключенных.

Заключенные были одеты в серые куртки с черными рукавами и с черным тузом на спине. Даже женщины носили такие мужские куртки с бубновым тузом на спине, а на голове серые, как у мужчин, с черным крестом по веру шапки. Только позднее шапки для женщин были заменены серыми суконными платками. Летом выдавалась одежда из белого холста.

Так началась «жизнь» в Шлиссельбургской крепости. Для тех заключенных, которые были переведены сюда из Алексеевского рavelина Петропавловской крепости, она была продолжением режима этого рavelина.

Строжайше преследовали всякие попытки заключенных к общению посредством перестукивания. Мертвая тишина Шлиссельбургской крепости не должна была быть нарушаема ничем.

Вера Фигнер считала тюремную тишину «самым страшным орудием пытки». По ее словам, тишина являлась «наиполнейшим выражением тюремной дисциплины, сковывающей узника». «Тюрьма должна быть мертва, мертва, как могила, мертвый день и ночь». В своих воспоминаниях Фигнер отмечала особую

изошренность слуха узников одиночных камер, в особенности в тех случаях, когда звук достигал значительной силы или повотролялся.

Болезненное других относился к шуму Грачевский. Может быть, не без умысла его поместили в камеру над подвалом с дровами и каменным углем, где происходила топка всего здания. Доносившийся оттуда постоянный шум доставлял Грачевскому настоящие страдания. Соколов-ирод, заметив это болезненное состояние слуха Грачевского, закрывая дверную форточку, намеренно несколько раз хлопал ею. В ответ на требование Грачевского прекратить это хлопанье ввиду того, что его это раздражает, Соколов заявлял: «Ты раздражаешься. Ну, и я тоже раздражаюсь... Хлоп, хлоп...».

Для сохранения мертвой тишины в тюрьме жандармы носили мягкую обувь. Они старались неслышно подкрадываться к двери тюремной камеры для наблюдения через «глазок» за узником. Это наблюдение очень раздражало заключенных и затрудняло их перестукивание. Однако потребность в общении была настолько велика, что перестукивание происходило при малейшей возможности. Посредством стуков, при содействии заключенных в промежуточных камерах, сносились между собой товарищи, даже разделенные несколькими камерами. До какого совершенства дошли в искусстве перестукивания шлиссельбуржцы, видно, например, из того факта, что заключенные передавали друг другу этим способом даже свои стихотворные произведения. Таким же способом они вели и споры на разнообразные темы.

Жандармы для воспрепятствования перестукиванию нарочно нарушали тюремную тишину шумом. По словам Ашенбрэннера, жандармы пускали в раковину пустой камеры струю воды из открытого крана, и шум такой струи мешал перестукиванию.

Шлиссельбуржцам удалось некоторое время сноситься при помощи живой речи. Для этого они использовали раковину судна. Трубы судна, освобожденные от воды, пропускали человеческий голос, и несколько заключенных могли разговаривать одновременно. Администрация вскоре произвела, как мы указывали выше, какое-то переустройство в канализации, и шлиссельбуржцы лишились возможности разговаривать между собой.

Никакие взыскания не в силах были прекратить перестукивание, потому что без него шлиссельбуржцы не могли жить. Это был единственный способ поделиться мыслью и словами участия. Вот почему стучали даже больные и умирающие товарищи.

Позднее, когда шлиссельбуржцы завоевали себе различные льготы и возможность живого общения, в перестукивании исчезла потребность. Однако из памяти шлиссельбуржцев никогда не исчезло воспоминание об азбуке перестукивания. Мне пришлось говорить на эту тему с В. Н. Фигнер через двадцать лет после ее выхода из крепости. Она продемонстрировала передо мною перестукивание, и я поражаюсь той быстроте, с которой она выстукивала большие фразы.

Перестукивание было использовано в тюрьме не только для разговора, но и для игры в шахматы. Заключенные делали себе шахматные фигуры из мякиша черного и белого хлеба и чертили себе доску на столе. Позднее, после получения возможности работать на токарном станке, шлиссельбуржцы сами изготавливали шахматные фигуры из дерева.

Увлечение шахматной игрой было одно время таким, что двое заключенных за время заточения сыграли более десяти тысяч партий.

В условиях тюремной жизни следует искать объяснения и некоторым формам умственного труда, пока не было завоевано право на разнообразные, и в том числе научно-исследовательские, работы в разных специальных областях. Это произошло в те годы, когда узники завоевали себе право на кое-какие занятия, но и тогда еще оставалось много свободного времени. Например, один из заключенных переписал для себя огромный англо-русский словарь Александрова, другой — руководство по ботанике.

Переписка словаря и руководства по ботанике стала возможной после выдачи узникам бумаги. Предоставлению бумаги предшествовал долгий период полного запрета всяких письменных принадлежностей, сменившийся периодом выдачи узникам лишь грифельных досок.

В более ранний период бумагу широко использовали для перевода с иностранных языков, переводили целые тома различных сочинений, например, английского историка Маколея. На этой перемене в условиях тюремного быта и умственной жизни в крепости мы остановимся позднее.

Тюремный режим, запрещая всякое общение заключенных между собой, тем более не допускал никакого общения с внешним миром.

Тюрьма на острове Шлиссельбурге была изолированным пунктом, доступ в который для свидания с заключенными был совершенно закрыт.

Шлиссельбургская крепость была тюрьмой заживо погребенных. Это прекрасно отметила В. Фигнер как основную черту

тюремного режима. С глубоким основанием она дала своим шлиссельбургским воспоминаниям заглавие «Когда часы жизни остановились». Она так характеризовала эту сторону быта крепости: «Со всех сторон нас обступала тайна и окружала неизвестность, не было ни свиданий, ни переписки с родными. Ни одна весть не должна была ни приходиться к нам, ни уходить от нас. Ни о ком и ни о чем не должны были мы знать, и никто не должен был знать, где мы..., что мы...»¹.

«И шел день, похожий на день, и проходила ночь, похожая на ночь. Приходили и уходили месяцы, приходил и прошел год — год первый и был год, как один день и как одна ночь».

Фигнер, характеризуя эту сторону тюремного быта, сообщила жестокие слова одного сановника на просьбу ее матери дать ей свидание с дочерью. Сановник ответил: «Вы узнаете о вашей дочери, когда она будет в гробу»².

Тюремная администрация постоянно помнила, что узники должны быть совершенно изолированы от внешнего мира, что они являются только арестантами под тем или другим номером, Фигнер отметила, что за 20 лет ее пребывания в крепости она ни разу не была названа никем из тюремного персонала по имени.

В первые годы за перестукивание подвергали дисциплинарным взысканиям: так Фигнер и Попов были заключены в карцер. В качестве карцера использовались камеры в старой тюрьме. По описанию Фигнер, это были сырые и холодные камеры, койки были железные, без матрацев и без всяких постельных принадлежностей. Кормили в карцере черствым хлебом с плесенью, не давая соли. При попытках Фигнер и Попова к переговорам жандармы начинали стучать поленом в дверь карцера. Тогда тюремная тишина сменялась громом бешеных стуков.

Из дисциплинарных наказаний наиболее сильное было применено к Мартынову, когда за плевков в зрителя он в кандалах был заключен в карцер.

В самом неудовлетворительном состоянии в течение первых шести — семи лет после открытия тюрьмы было питание заключенных. Будучи недостаточным и однообразным, оно было причиной болезней и ускоренной смерти заключенных. На обед подавалось два блюда, из которых первое в виде какого-нибудь жидкого подавалось и на ужин. Вторым блюдом за обедом чаще всего была каша — пшенная или гречневая.

¹ В. Н. Фигнер, Запечатленный труд, «Когда часы жизни остановились», т. II, М., 1933, стр. 17—18.

² Там же, стр. 100.

Шлиссельбуржцы отмечали в своих воспоминаниях прогорклое масло, наличие червей в грибном супе, непропеченный хлеб и пр. Только позднее стали выдавать, кроме черного, и белый хлеб. В эти же годы выдавали два раза в день по две кружки чаю с куском пиленого сахара. В воскресные дни питание было лучше, но оно не было способно поддержать слабевшие силы заключенных, тем более, что оно было особенно недостаточно по средам и пятницам, когда выдавалась постная пища. В 1890 году на неудовлетворительность питания было обращено внимание высшего начальства тюремным врачом. Улучшение последовало со времени отпуска на довольствие 23 копеек вместо прежних 11.

После же того как шлиссельбуржцы развели свои парники и огороды, ягодные кусты и яблони, питание стало отличаться некоторым разнообразием. Представилась возможность еще более улучшить его ассигнованием на питание части тех средств, которые начали зарабатывать шлиссельбуржцы своим трудом.

Немалое влияние на улучшение питания, после того как были пережиты тяжелые годы, оказало избрание узниками из своей среды товарища, который специально заботился о составлении на каждый день меню с учетом пожеланий узников и существовавших возможностей.

Колосов привел официальные сведения из архивных материалов о низкой температуре в камерах, в некоторых она спускалась даже до восьми градусов. При этом надо иметь в виду наличие среди узников больных различными болезнями, и в том числе легочными¹.

Панкратов, характеризуя режим Шлиссельбургской крепости за первые годы после открытия тюрьмы, считал, что этот режим целиком был перенесен из Алексеевского рavelина: «Та же строгость, та же пища плохая и скудная; та же коротенькая ежедневная прогулка от 20 до 30 минут, тот же категорический отказ допустить какую-либо переписку с родными, пользоваться своими вещами и деньгами; то же, наконец, постоянное подсматривание за каждым движением как в камере, так и на прогулке»².

Изолированность от внешнего мира доходила до того, что узники в своих одиночных камерах с матовыми стеклами в продолжение двенадцати лет не видели ночного неба и звезд.

Очень мало могли видеть узники также и днем, во время прогулок. На прогулку каждый заключенный выводился в особое, уже ранее нами описанное место. Жандарм, наблюдая с вышки,

¹ См. Е. Е. Колосов, Государева тюрьма — Шлиссельбург, П., 1924, стр. 86.

² В. С. Панкратов, Жизнь в Шлиссельбургской крепости, П., 1922, стр. 14.

не допускал никаких попыток заключенных к общению. Только через девять месяцев после прибытия в крепость некоторым заключенным были разрешены совместные прогулки попарно. Надо вспомнить эволюцию процесса вывода на эти прогулки. Первоначально, пока Соколов-ирод оставался на службе в крепости, он лично сопровождал каждого заключенного на дворик для прогулки. Он открывал шествие, а за ним шел жандарм, позади которого шагал заключенный, а шествие замыкал второй жандарм. Преемник Соколова отказался от такого сопровождения каждого заключенного, наблюдая за выводом во дворе. Позднее заключенных стал сопровождать лишь один жандарм, а еще позднее жандармы стали наблюдать за прохождением заключенных, сидя на какой-нибудь скамейке во дворе.

Дворики для прогулок были окружены стенами 4-аршинной высоты. Стены были из досок в два ряда, один из которых шел горизонтально, а другой — вертикально. Вследствие такого устройства стен луч солнца не мог проникнуть на дворик. На двориках появилась позднее куча песку с деревянной лопатой. Заключенные, лишённые всякого физического труда, пересыпали эту кучу с места на место. Чтобы хоть сколько-нибудь осмыслить эту работу, Ювачев рассыпал этот песок по дворнику, изображая из него различные географические карты, Новорусский делал из этого песка фигуры.

Стоит ли говорить, что прогулка в таком дворике вносила очень мало разнообразия в жизнь заключенных, в особенности пока не было допущено совместное пребывание двух заключенных на прогулке.

Другим нарушением тюремного однообразия были периодические выводы заключенных для принятия ванны. Принятию ванны предшествовала стрижка головы, совершавшаяся так безобразно, что на голове то оставались клочья волос, то получались лысины¹. За процессом принятия ванны наблюдали два жандарма. В то время, пока заключенный принимал ванну, в его камере производился тщательный обыск.

Авторы воспоминаний отмечают искусство жандармов находить при этих обысках даже такие мелочи, как щепочку, припрятанную в какую-нибудь щель в качестве зубочистки. В первое

¹ В. С. Панкратов в своих воспоминаниях описывает свои переживания при стрижке волос: один из жандармов «берет громадные ножницы и начинает рвать волосы, не заботясь не только об эстетике, но даже и целости кожи. «Осторожней!» — вскрикиваешь, когда ножницы задевают кожу, но не столько от боли, сколько от оскорбления, которое испытываешь при этом. Все время сидишь, как на иголках, и еле сдерживаешься, чтобы не дать пощечины», «Жизнь в Шлиссельбургской крепости», П., 1922, стр. 25.

время, кроме обысков в камере, производился и личный обыск заключенного, для чего его раздевали догола. Узники испытывали от этого чувство унижения.

Разнообразие в тяжелую жизнь могло бы внести чтение книг из тюремной библиотеки, но и книги выдавались лишь в награду за хорошее поведение.

История Шлиссельбургской крепости знает смертную казнь в связи с борьбой за право чтения... Это была казнь Минакова 21 сентября 1884 г. — через месяц и три недели после открытия новой тюрьмы. Он заявил два требования: первое — выдать ему для чтения книги не духовного содержания и второе — разрешить курить табак; так как эти требования не были выполнены, он провел недельную голодовку.

Своим товарищам он передал, что умрет, но не откажется от своих требований. Поскольку он требовал книг не духовного содержания, можно предположить, что ему предоставлялись для чтения какие-то книги духовного содержания. По словам специального рапорта доктора, Минаков заявил ему: «Читать, о чем и как молиться», — он не может.

Неизвестно, какая именно книжка и когда была выдана ему для чтения. Во всяком случае поведение Минакова квалифицировалось как «плохое», так как было отмечено нарушение «порядка криками».

Один из заключенных вспоминал пение Минаковым в камере его любимой песни:

Я вынести могу разлуку,
Грусть по родному очагу,
Я вынести могу и муку —
Жить в вечной праздной тишине,
Но прозябать с живой душой,
Колодой гнить, упавшей в ил,
Имея ум, расти травой,
Нет, — это выше моих сил!

При таком поведении Минакова Соколов-ирод, очевидно, не был склонен удовлетворить его требование о предоставлении книг для чтения. Тогда Минаков решил привести в исполнение свои слова о смерти. Утром 24 августа он ударил по лицу доктора в расчете, что будет расстрелян. Он так и объяснил свой поступок Соколову¹.

¹ Материалы дознания об этом напечатаны в статье Б. Н.-ского «Скорбные страницы Шлиссельбургской крепости», «Былое» 1918 г. № 13, стр. 34—90.

После нанесения удара на Минакова была надета смирительная рубашка. О дальнейшем известно очень мало. Минаков почти перестал перестукиваться. По повелению Александра III Минаков был предан суду и 7 сентября приговорен к расстрелу.

Волкенштейн в своих воспоминаниях рассказывала, как Соколов в день казни предложил Минакову подписать какую-то бумагу, говоря: «Подпиши, ничего не будет». Минаков ответил отказом. Заключенные снова услышали голос Соколова: «Ну так пойдем. Халата не нужно, шапку можно оставить». Его повели, и затем до заключенных донесся залп со стороны большого двора¹.

Колосов опубликовал в своей книге показания свидетелей при дознании о поступке Минакова, а также и протокол допроса самого Минакова. Следует признать правильным предположение Колосова о невменяемости Минакова в момент нанесения им оскорбления доктору. Без достаточных оснований заключенный предполагал, что доктор использует какой-то яд, чтобы побудить его прекратить голодовку. Неизвестно, чем была вызвана задержка казни в течение двух недель после вынесения приговора. Заключенные рассказывали, что Минаков при уходе его на казнь крикнул: «Прощайте, товарищи! Меня ведут казнить!»

Поразительно, что никто не крикнул ему ни слова в ответ. Сами заключенные не могли объяснить себе этого молчания. И не могли его себе простить.

Так погиб Минаков. Был ли он вменяем или нет, неизвестно, но несомненно, что эту смерть вызвал тюремный режим Шлиссельбурга. Это была первая смерть в новой тюрьме. Вслед за ней начался длинный ряд других смертей. И каждая из них тяжело нарушала однообразие тюремного режима.

Казнь Минакова была первой в стенах Шлиссельбургской крепости, а вслед за ней, в период до 1906 года включительно, было совершено еще 15 казней. О некоторых из них сохранились официальные донесения, по большей части не содержащие в себе подробностей.

Так, о казнях Минакова, Штромберга, Рогачева и Мышкина известно лишь время исполнения казни, и при этом выяснилось, что вопреки обыкновению более поздних годов казни Минакова в 1884 году, Мышкина в 1885 году были совершены в 8 часов утра. Часы казни Штромберга и Рогачева в 1884 году и пятерых, осужденных по делу 1 марта 1887 г., остались неизвестны. В XX веке смертные приговоры в Российской империи приводились в исполнение по ночам.

¹ См. Е. Е. Колосов, Государева тюрьма — Шлиссельбург, П., 1924.

Рис. 17. Камера в Шлиссельбургской новой тюрьме.

Снимок сделан после революции 1917 г. и хранится в Музее революции СССР в Москве.

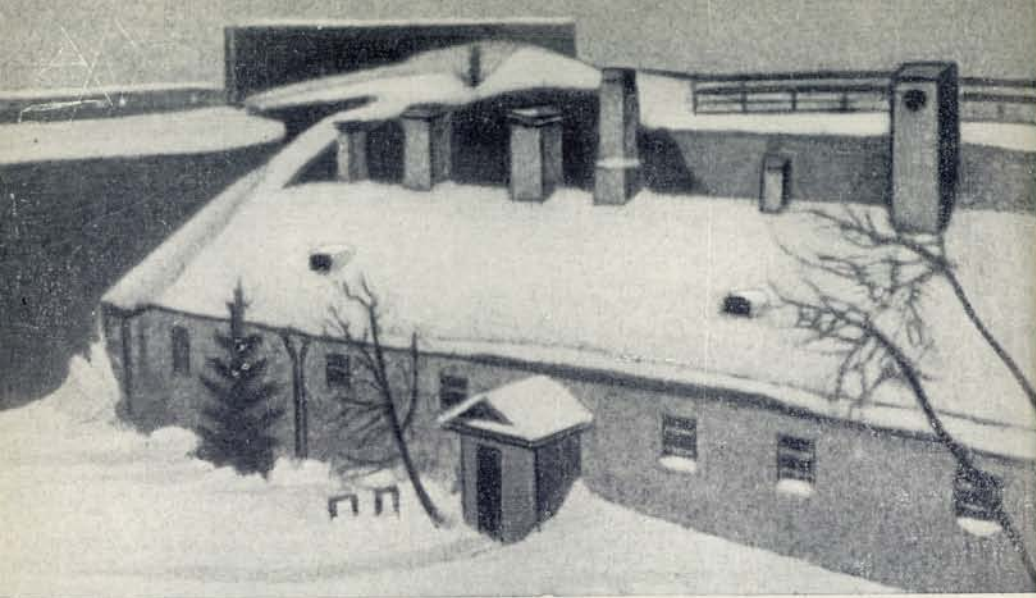
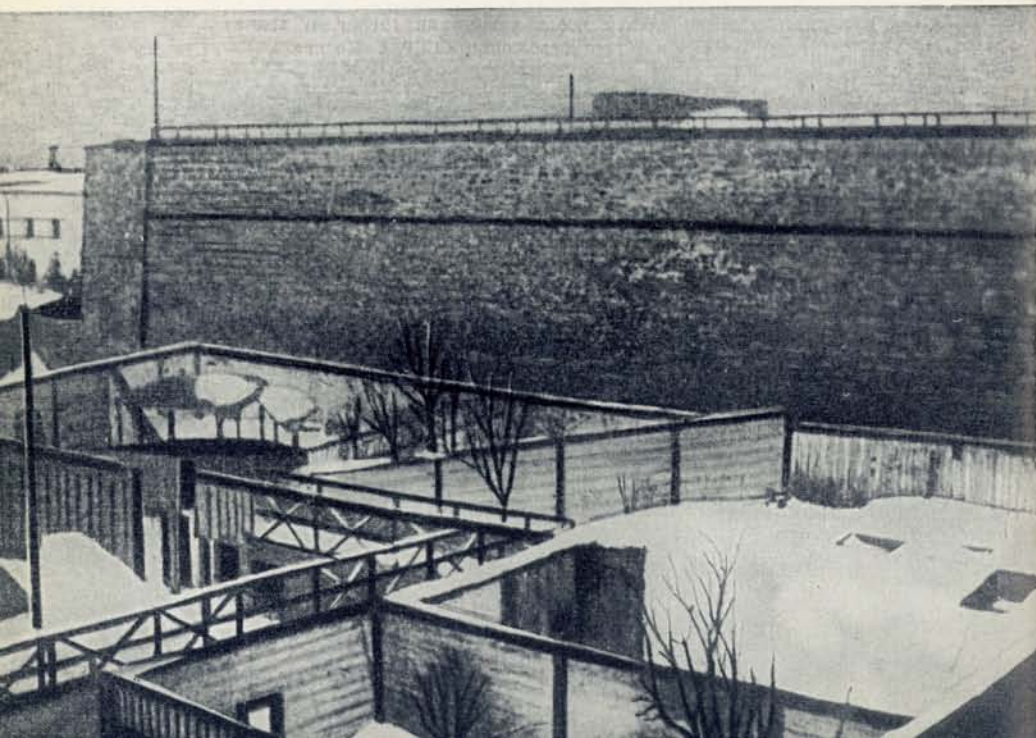

Рис. 18. Государственная тюрьма Шлиссельбурга 1902—1917 гг. Старая тюрьма.
Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве.

Рис. 19. Шлиссельбургская крепость 1905 г. Огороды.
Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве.

Официальные донесения определенно указывали час казни: Балмашева — в 4 часа ночи, Каляева — в 3 часа, Гершковича и Васильева — в 4 часа. Казнь Минакова была совершена посредством расстрела, а все остальные осужденные к казни были повешены. Но о казнях в крепости мы скажем ниже.

Прошло две недели после расстрела Минакова, и снова смерть посетила новую Шлиссельбургскую тюрьму. И на этот раз смерть была неестественной: 5 октября 1884 г. кончил жизнь самоубийством Клименко. За две недели перед тем залп солдатских ружей, который слышали в своих камерах товарищи Минакова, прервал жизнь революционера. Теперь жизнь другого революционера была прервана его собственной рукой в петле веревки, сделанной им из подкладки кушака от халата.

По делу 17-ти террористов Клименко был приговорен к смертной казни, замененной бессрочной каторгой. Он не вынес режима Шлиссельбургской тюрьмы, прожив в ней всего два месяца.

Официальные документы описывают лишь внешнюю сторону этого события и ни одним словом не говорят о мотивах самоубийства, но они не вызывают сомнения: тяжелый режим Шлиссельбурга превзошел то, что в течение двух лет перед тем выносил Клименко в Алексеевском рavelине. Комендант крепости сообщил об этом случае в министерство внутренних дел, а министр донес царю.

В телеграфном донесении сообщалось, что Клименко повесился на вентиляторе. Еще до получения подобного донесения министром было сообщено царю, что для этого был употреблен шнур вентилятора. В действительности же, как сказано выше, была употреблена подкладка от пояса.

Разумеется, самоубийство заключенного было следствием недосмотра тюремной администрации. Она своим режимом изо дня в день убивала заключенного, но узник не должен был по собственной воле прервать свои страдания в тюрьме.

Было отдано распоряжение принять меры предосторожности на будущее время, и вследствие этого дверцы вентиляторов были устранены. Вентиляторы находились в углу камер над стульчаком клозета. Этот угол оставался недоступным для наблюдения через «глазок» двери.

Позднее углы одиночной камеры, как мы указывали выше, были заложены кирпичом. Самоубийство через повешение на вентиляторе стало невозможным. Но режим в тюрьме, по признанию авторов воспоминаний, у многих из них вызывал мысль о самоубийстве. Еще двое из заключенных покончили с собою. Это были Грачевский и Софья Гинзбург.

Самоубийство Грачевского последовало 26 октября 1887 г., т. е. через три года после самоубийства Клименко. Этот узник прибег к страшно мучительному способу самоубийства — самоожжению¹. Он облил керосином свои портянки и, раздевшись догола, положил одну из них себе на спину, другую на грудь. Он зажег их от лампы, лежа на койке. Дежурный увидел, как Грачевский поджигал себя. Жандарм немедленно начал вызывать смотрителя Соколова, у которого были ключи от камер.

В официальном докладе сообщалось, что Соколов прибежал через 3—4 минуты, но этому нельзя верить: в такое короткое время Соколов не мог прибежать из квартиры коменданта крепости, где он находился, а заключенный не мог в эти короткие минуты задохнуться от дыма и погибнуть от ожогов.

В то время в старой тюрьме, где произошло самоубийство, находились заключенные Волкенштейн и Попов, и оба они вспоминают это самоубийство: «По коридору, — рассказывает Попов, — донесся запах гари...». Оба узника до этого слышали разговоры Грачевского с жандармами, требовавшего себе казни.

Известно, что он нанес удар врачу в надежде быть казненным, но не был предан суду вследствие душевной болезни. Об этой болезни не один раз сообщалось Александру III. Но царь предпочитал держать и душевнобольного врага в своей «государевой» тюрьме.

Важным последствием этого самоубийства была отставка смотрителя тюрьмы Соколова.

Первое описанное нами самоубийство Клименко в Шлиссельбургской крепости было совершено при помощи веревки. Грачевский сжег себя. Третий самоубийца — Софья Гинзбург окончила жизнь в Шлиссельбургской крепости, вскрыв себе сонную артерию при помощи тупоконечных ножниц. Таким образом, способы самоубийства в Шлиссельбургской крепости во всех трех случаях были различные.

Софья Гинзбург, осужденная к смертной казни, замененной вечной каторгой, по уже известному нам делу народовольческой организации, была узницей Шлиссельбурга всего один месяц и семь дней. Это — самый короткий срок пребывания в крепости за все время ее существования, если не считать привозимых сюда для казни. Эта узница за короткий срок пережила такие страдания, которых не смогла вынести.

¹ См. Е. Е. Колосов, Государева тюрьма — Шлиссельбург, 1930, стр. 170 и дальше, где приведен ряд официальных документов об этом самоубийстве.

Софья Гинзбург после заключения ее в Петропавловской крепости и в Доме предварительного заключения была переведена 1 декабря 1890 г. в старую тюрьму Шлиссельбурга. В целях полной изоляции этой узницы отсюда были выведены мастерские, где работали заключенные, но оставлены сошедшие с ума Конашевич и Щедрин. Они нарушали тишину тюрьмы своими криками и безумными воплями.

Заключенная очень тяжело переносила свое одиночество, разлуку с матерью. В своем прошении она писала: «Умоляю ваше превосходительство назначить мне другое место для отбывания каторги, где допускается переписка с матерью и где не приходится быть в одиночном заключении». Она указывала, что полтора года была в одиночном заключении, никого не видя, ни с кем не говоря, так как не имела даже свиданий, и добавляла: «Заключение в Шлиссельбург мне невыносимо».

Начальник жандармского управления крепости, посылая это прошение, писал: «Одиночное заключение производит на нее, видимо, подавляющее и весьма сильное впечатление».

Гинзбург была оставлена в крепости. Единственное облегчение, данное ей, было разрешение заниматься шитьем. Для этого ей были даны, между прочим, тупоконечные ножницы, которыми она 7 января 1891 г. перерезала себе сонную артерию.

Гинзбург вела в тюрьме записи в тетради. Из них видно, что заключенная очень страдала от тех издевательств, которым надзиратели подвергали двух безумных заключенных. Она записала в своей тетради: «Обращаю внимание начальства тюрьмы на положение сумасшедшего заключенного. Жандармы для времяпровождения останавливаются у его дверей и начинают всячески издеваться над ним, доходя до невероятной животной гнусности. Я два раза останавливала жандармов, но такое обращение к их нравственному чувству было недостаточно и лишь угроза пожаловаться начальству заставила их отказаться от этого дикого развлеченья»¹.

Таким образом, эта уходившая из жизни женщина проявляла трогательную заботу о судьбе душевнобольных товарищей, ставших жертвами тюремного режима. Такою же жертвою стала и сама Гинзбург.

Замаскированным самоубийством была смерть Мышкина от руки палача. Он отдал свою жизнь, чтобы добиться улучшения положения товарищей по заключению. Он пошел тем же путем,

¹ ЦГИА в Москве, архивное дело № 85 штаба отдельного корпуса жандармов по канцелярии штаба. «Дело с рапортами Шлиссельбургского жандармского управления». Начато в 1891 и окончено в 1893 году на 213 листах.

что и Минаков. После казни Минакова 21 сентября 1884 г. прошло всего три месяца. Вся тюрьма еще жила кошмарами этой преждевременной смерти. Мышкин решил, что теперь пришла его очередь.

В первый день рождества, 25 декабря 1884 г., Мышкин бросил в вошедшего в его камеру Соколова медную тарелку, но промахнулся. Комендант крепости в докладе министру внутренних дел высказал мнение, что если бы тарелка попала в голову зрителя, то он мог бы быть убит или получить тяжелое ранение. На Мышкина была надета смирительная рубашка. Показаниями Мышкина и воспоминаниями его товарищей доказывается жестокое избивание Мышкина жандармами даже после того, как он был связан. В доказательство насилия над его личностью Мышкин представил клок волос, выдранных жандармами из его бороды во время избивания. Избивание Мышкина жандармами вызвало бурные протесты заключенных, и комендант крепости испрашивал у министра разрешения на применение розог или кандалов, но не получил на это никакого ответа.

Из протокола показаний Мышкина видны мотивы его поступка. Он хотел для себя смертной казни, чтобы добиться более гуманного отношения к другим заключенным. Но вместе с тем он указывал и на другие поводы. Ему приходилось слышать насмешки надзирателей, что казнь Минакова будто бы устрашала его, Мышкина. Его также беспокоили мысли об ухудшении положения его товарищей на Каре после попытки его побега оттуда. Наконец, по его словам, он хотел показать и «резкое противоречие между требованиями христианской нравственности и отношением к политическим заключенным». Несомненно также, что Мышкин сильно страдал от того, что он, как и другие заключенные, не ответил Минакову на его прощальный крик перед уводом на казнь. Об этом писали в своих воспоминаниях шлиссельбуржцы. Мышкин много говорил об этом, перестукиваясь с Поповым. Жизнь в тюрьме стала после этого еще тягостней.

По признанию Мышкина Попову, у него не было сил кончить жизнь самоубийством. Он хотел бы совершить какой-нибудь акт насилия над более высокопоставленным лицом, чем ничтожный Соколов-ирод. Но такого лица пришлось бы ждать, может быть, годы. Угрозы Соколова применить розги за перестукивание ускорили решение Мышкина. После допроса его в конце декабря он еще перестукивался с Поповым.

Так как прошло уже более двух недель после нанесения оскорбления Соколову, то шлиссельбуржцы предположили, что суда над Мышкиным не будет. Однако 15 января 1885 г. Мышкин

был уведен из тюрьмы и больше в нее уже не возвращался. Он был приговорен военным судом за оскорбление должностного лица при исполнении служебных обязанностей к расстрелу. Приговор был утвержден 18 января 1885 г. и приведен в исполнение 26 января.

Таким образом, Мышкин провел время с 15 января по 26 января вдали от товарищей, в одной из камер старой тюрьмы. О последних днях жизни Мышкина никаких сведений не сохранилось. Но Колосов привел некоторые сведения из официальных документов о предсмертном письме осужденного к матери.

О том, что казнь была совершена в 8 часов утра, что Мышкин «приобшлся и вел себя спокойно», было официально сообщено в министерство внутренних дел. Труп его по распоряжению товарища министра внутренних дел предан земле на острове.

Колосов, сообщивший различные официальные документы по делу о смерти Мышкина, сообщил также интересную подробность, оставшуюся неизвестной. После приговора к казни Мышкин через защитника обратился к коменданту крепости с просьбой о разрешении написать письмо к матери. Комендант получил на это разрешение из департамента полиции при условии пересылки письма в департамент после казни Мышкина. После приведения приговора в исполнение комендант крепости переслал в министерство внутренних дел два письма Мышкина, из которых одно адресовано матери, другое — брату. Последовало распоряжение о пересылке их по назначению. Но вслед за тем вспомнили политическую неблагонадежность брата Мышкина, и письмо Мышкина к брату было уничтожено.

Письмо же к матери было переслано через Новгородское жандармское управление. При этом было сделано распоряжение вызвать ее в это управление, «объявить ей осторожно о последовавшей смерти ее сына» и передать письмо, потребовав, чтобы «она не предавала его гласности и чтобы оно отнюдь не могло бы служить для агитационных целей или быть напечатанным в каком-либо подпольном издании». В случае неисполнения этого ей угрожали строгим административным взысканием.

Бросается в глаза показная заботливость об этой несчастной матери: предлагалось «осторожно» осведомить ее о казни того самого сына, которого в течение долгих лет держали в жестоких условиях Петропавловской крепости, Центральной Новобелгородской каторжной тюрьмы, Карийской каторги и Шлиссельбургской крепости. Его убивали изо дня в день жестоким режимом, не считаясь ни с чем и в том числе с его душевным расстройством. За время пребывания в центре он официально был

признан невеняемым. Но вопрос о назначении медицинской экспертизы в Шлиссельбургской крепости даже не возникал.

К сожалению, нет никаких сведений о суде над Мышкиным.

Смерть Мышкина была четвертой за полгода. Легко себе представить, как переживали остальные заключенные эти четыре смерти. Но тяжелые переживания не прекращались: смерть косила свои жертвы в новой тюрьме.

В декабре 1884 года умер естественной смертью Тиханович. В 1885 году умерло пятеро: в январе — Мышкин, в марте — Малевский, в мае — Буцевич, в июне — Долгушин, в декабре — Златопольский. В 1886 году умерло также пять человек, и в первые четыре месяца этого года смерть посещала тюрьму ежесекундно: в январе умер Кобылянский, в феврале — Иванов, в марте — Исаев, в апреле — Немоловский и в октябре — Геллис. В 1888 году умерли в апреле — Арончик, в июле — Богданович. В 1889 году в феврале — Варынский и в 1891 году в июле — Буцинский.

Наши сухие подсчеты смертности в Шлиссельбургской тюрьме скрывают за собою глубоко трагические переживания шлиссельбуржцев. При оценке этих переживаний надо помнить ту близость, которая существовала между всеми узниками. Это были большей частью люди одной и той же политической партии, работавшие на воле рука об руку, пережившие тяготы подпольной борьбы, готовые для поддержки друг друга на любые жертвы. Каждая смерть была тяжким ударом для всех остальных и невольно заставляла гадать, кто стоит теперь на очереди. Для оценки этой смертности надо также помнить молодой возраст умиравших: тюрьма безжалостно обрывала жизнь большей частью в возрасте до 30 лет.

Фигнер описывает переживания шлиссельбуржцев в связи со смертью товарищей. Она вспоминала: «Смерть Исаева была едва ли не самой тяжелой из всех смертей в Шлиссельбурге... Предсмертные страдания Исаева были ужасны. У него была, кажется, самая тяжелая агония из всех, которые пришлось пережить. Мертвая тишина стояла в тюрьме... Все мы притаились, как будто сдались, и с затаенным дыханием прислушивались к полному затишью... Не было ни звука... И среди напряженного состояния внезапно раздавался протяжный стон, скорее похожий на крик... Тяжело быть свидетелем расставанья человека с жизнью, но еще тяжелей и страшней быть пассивным, замураванным в каменный мешок слушателем такого расставанья»¹.

¹ В. Н. Фигнер, Запечатленный труд, «Когда часы жизни остановились», т. II, М., 1933, стр. 27—28.

Бесконечно тяжело было умирать в одиночной камере, не имея подле себя никого из дорогих и близких. Тяжесть еще более увеличилась, когда администрация начала переводить умиравших в старую тюрьму. Узники подметили это и понимали, что перевод больного в старую тюрьму предвещает его скорую смерть. Неудивительно поэтому требование товарищей прекратить эти предсмертные переселения из новой тюрьмы в старую. Впоследствии заключенные добились разрешения ухаживать за больными товарищами. Так было, например, в 1891 году при смертельной болезни Буцинского. Накануне своей смерти Буцинский попросил допущенного к нему товарища пропеть «Не белы снеги...». Товарищ не мог отказать в этой просьбе, но волнение мешало ему петь. Умиравший успокаивал его и просил продолжать пение. На утро он скончался.

В 1896 году Юрковский попросил разрешения проститься перед смертью с Верой Фигнер и Людмилой Волкенштейн. «Эту просьбу исполнили, и он простился с нами в полном сознании, хотя совсем уже задыхался. Через два часа он умер»¹.

Это право проститься перед смертью с друзьями было не актом милости тюремного начальства, а завоеванием заключенных после долгой и упорной борьбы во всех областях тюремного быта. Но ни один из умиравших в крепости и ни один из тех, кто вышел оттуда живым, никогда не имели свиданий в тюрьме с родными. Этого права на свидание не давали никакие сроки, проведенные в Шлиссельбургской крепости. В этом заключалась одна из очень тяжелых сторон заточения в этой тюрьме.

Тяжесть полной разлуки с родными еще более увеличивалась ограничением переписки с ними. Первоначальное полное запрещение этой переписки было заменено через несколько лет передачею заключенным так называемых памятных листков с тремя-четырьмя строками сообщения о здоровье родных и другими краткими сведениями самого скудного содержания. Эти выписки делались в канцелярии тюрьмы из присланных узникам писем. Передача писем была разрешена только через 13 лет — в 1897 году. Объем писем не был ограничен, но содержание их подвергалось строжайшей цензуре.

Полученные от родных письма сообщали лишь семейные новости, сведения об урожае хлеба, фруктов и т. п., сведения о погоде: засуха, грозы и пр. Разрешалось писать лишь два письма в год и столько же получать. Письма на руках у адресатов не оставались.

¹ Л. Волкенштейн, 13 лет в Шлиссельбургской крепости, изд. «Новый мир», стр. 68.

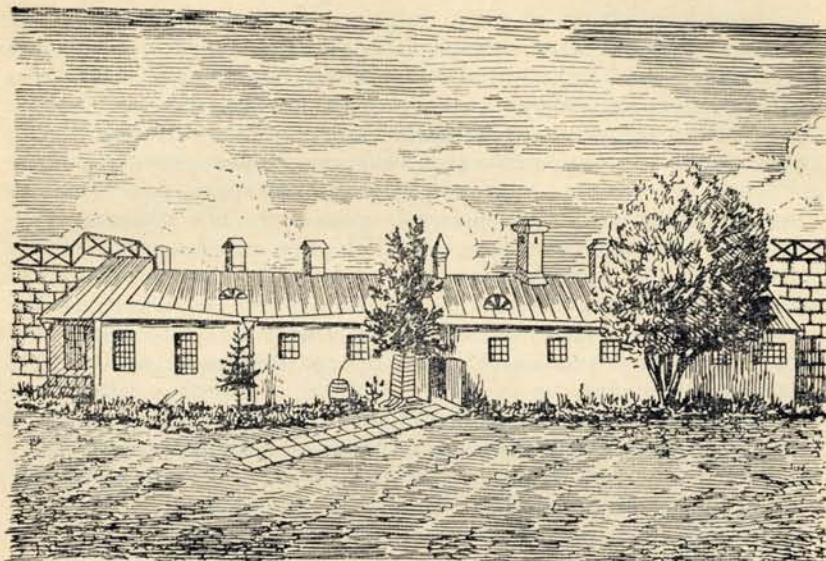

Рис. 20. Шлиссельбургская крепость.
С рисунка заключенного П. В. Карповича, 1901.

В печати появились те письма, которые Морозов писал родным из Шлиссельбургской крепости. Ознакомление с их содержанием показывает, каких вопросов мог касаться заключенный в этих своих письмах.

Письма Морозова¹ охватывают период с 1897 года до освобождения его в 1905 году. Они очень большие по объему. Во всех письмах наибольшее место уделено воспоминаниям, начиная с самого раннего детства. Он подробно останавливается на описании различных эпизодов из своей жизни, вспоминает обстановку совместной жизни с родными, прогулки с ними, разговоры и т. п.

Следующее место в письмах Морозова занимают сообщения о научных занятиях и, в частности, о ходе работы о строении вещества. В очень небольшом объеме удавалось Морозову давать сведения о жизни в тюрьме, и притом, если они были положительного характера. Так, он сообщал об использовании им обширной научной литературы, не исключая новейшей на иностранных

¹ См. Морозов Николай, Письма из Шлиссельбургской крепости. СПб., 1910.

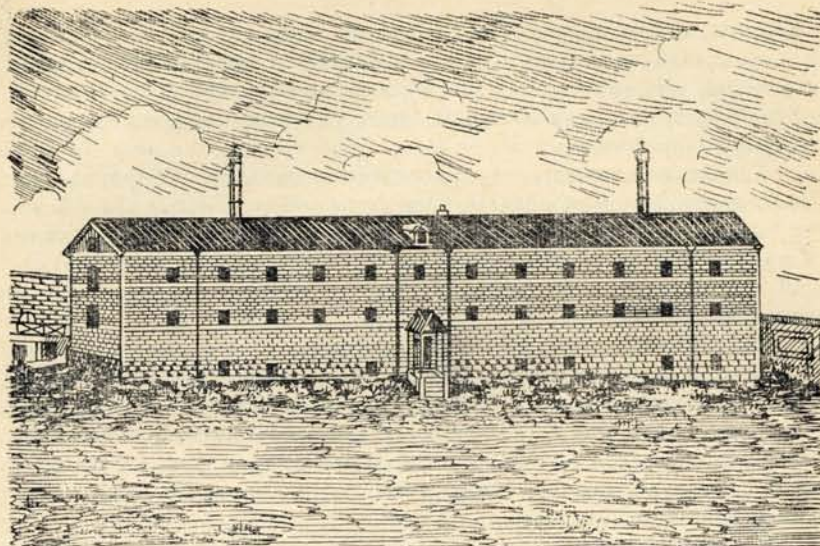

Рис. 21. Шлиссельбургская крепость.
С рисунка заключенного П. В. Карповича, 1901.

языках, из которых итальянский, испанский и польский языки он изучал уже будучи в тюрьме. Из письма Морозова мы узнаем, что в 1898—1899 гг. он давал уроки английского и немецкого языков одному из товарищей, с которым они сходились вместе в камере.

Морозов сообщил родным о занятиях в тюрьме огородничеством и цветоводством, разведением кроликов и кур. Ему удалось отметить, что в первые годы заточения он был так изолирован, что почти разучился говорить и не узнавал собственного голоса. Очевидно, это сообщение было пропущено только потому, что относилось к далекому прошлому.

Об интенсивности научных занятий Морозова в крепости можно судить из его письма к родным с сообщением, что он перепел собранные им материалы в 13 томов, каждый объемом в 300—800 страниц. Впоследствии он прибавил к ним еще два тома.

Переписка с родными сопровождалась присылкой последними их фотографий и снимков дома и сада в имении Морозовых. Но позднее это было запрещено министром Плеве. В фотографировании самого Морозова было отказано, и департамент полиции переслал матери Морозова его фотографию, снятую жандармами

вскоре после его ареста. Политические темы в переписке совсем не затрагивались. Лишь один раз Морозов коснулся политической темы, затронув вопрос о происходившей тогда англо-бурской войне. Много места в письмах было уделено сообщениям о состоянии здоровья.

Таково в основных чертах содержание писем Морозова из Шлиссельбургской крепости. Оно очень бедно, несмотря на то, что томики с письмами содержат сотни страниц, но вина в этом не автора писем, а условий тюремного режима Шлиссельбургской крепости. С этой точки зрения переписка заключенных и представляет интерес.

Подтверждением правильности нашей мысли, что скудость содержания писем узников Шлиссельбургской крепости объясняется условиями жизни в этой крепости, является переписка шлиссельбуржца М. Р. Попова. Я имел возможность познакомиться со всеми его двадцатью письмами, отправленными из крепости за тот же период 1897—1905 гг., за который писал свои письма Н. А. Морозов.

Письма Попова не появлялись в печати. Они, как и письма Морозова, были адресованы к своей матери. Сходство этих обеих переписок заключается и в том, что оба автора писем писали их в далеком от молодости возрасте к своим матерям-старухам. Они писали их после того, как в течение очень долгих лет были совсем оторваны от семей, родных.

Попов, вспоминая прожитую жизнь, писал в своем письме, втором по счету, отосланном 26 февраля 1897 г.: «Предо мною стоит, ровно гигантским ножом отрезанный, полный жизни и живых впечатлений 1880 год, а за ним 17 лет, ровно поперсты столбы, бог знает зачем и для кого расставленные в окутанной мраком пустыне»¹. Это были 17 лет заточения. Срок очень большой, но жизнь была так же однообразна, как пустыня.

В письмах Попова не один раз мы встречали указания на отсутствие материала для переписки. Так, в письме № 7 от 28 марта 1899 г. он писал: «О себе что же я могу написать, кроме того, что я живу по-старому, и по-старому занимаюсь тем же, — что я уж и писал в прежних письмах. Нового, право, ничего не выскребешь из 4-х стен моей квартиры». Этот же мотив звучит и в последнем, двадцатом письме, отправленном из крепости: «Я раз и два и много раз опущу перо в чернильницу и выну оттуда, как будто в надежде почерпнуть из чернильницы материалы

¹ М. Р. Попов, Рукопись: Письма к матери.

Приношу благодарность племяннику М. Р. Попова профессору А. М. Ладженскому и сестре М. Р. Попова С. Р. Поповой за предоставление мне этих писем.

для моего письма. Это вам может показаться странным, но странного в этом, право, ничего нет».

В письмах Попова, как и в письмах Морозова, больше всего внимания уделено воспоминаниям жизни в семье. С некоторыми членами семьи он расстался, когда они были подростками и детьми. В стенах Шлиссельбурга он именно такими мысленно видит их перед собою, когда прочитывает их письма, когда смотрит их фотографические карточки.

Вопросы политики совсем не находят места в письме этого революционера.

В большей степени, чем Морозову, удавалось Попову упомянуть об условиях содержания в крепости. Уже в письме от 12 сентября 1897 г. он писал матери о том, что даже и осень в крепости совсем особенная: «Здесь уж осень, только не та наша осень, которую вы, мама, любите, а серая, ровно кто застлал небо солдатской или арестантской шинелью, мокрая, грязная, с болотным запахом, — кратко, — скверная, чухонская осень. Такая скверная, что даже мы, которым камера, казалось бы, должна представляться самым худшим из всего худого, — мы не всегда охотно меняем ее на свежий воздух под таким скучным небом». Сравнение серого неба над Шлиссельбургским островом с арестантской шинелью не встретишь нигде ни в поэзии, ни в прозе, но оно удачно звучит в устах обитателя Шлиссельбургской тюрьмы. В одном из своих писем Попов, не имея права касаться своих тюремных переживаний, дал своим сестрам указание, как можно познакомиться с его тюремной психологией. Он советовал им прочесть роман Диккенса «История двух городов» и добавил, что описанные в романе переживания доктора Манета, узника бастилии, напоминают переживания Попова; читая Диккенса, он часто говорил себе: «Да, совершенно верно, и со мною так бывает».

Однако на психологии одиночного заключения специально остановился уже после освобождения из Шлиссельбурга Морозов. В частности, он остановился на душевных заболеваниях в крепости. Такие заболевания были у многих узников. По правильному объяснению Морозова, психические расстройства были неизбежным следствием всего тюремного режима для тех заключенных, кто, по словам Морозова, не имел возможности заниматься трудом.

Такая участь постигла Щедрина, Конашевича и др. Щедрин ревел медведем и другими звериными голосами и бил кулаками в железную дверь камеры. Этот звериный рев совмещался у Щедрина с изображением себя всероссийском императором. Конашевич, считавший себя гетманом, распевал романсы.

Душевыми заболеваниями страдали Похитонов, Минаков, Мышкин, Поливанов и др. Вопли, дикие крики и стуки в дверь этих больных разносились по всей тюрьме и причиняли всем узникам много страданий.

Н. А. Морозов, указывая на истребление народовольцев правительством в тюрьме, где они умирали голодной смертью, верно указывал и на другое средство их истребления: режим тюрьмы ставил своей целью «убивать и калечить душу» узников. Указанный автор дал описание душевных заболеваний в крепости. Нет надобности воспроизводить его, подчеркнем только, что и другие авторы воспоминаний отмечали широкое распространение душевных заболеваний в крепости¹.

Таковы тяжелые условия режима в крепости. Борьба с ним узников закончилась победой заключенных и постепенным улучшением их положения.

§ 45. ИЗМЕНЕНИЕ РЕЖИМА В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

До сих пор мы писали о том, как в Шлиссельбурге убивали, как в этой тюрьме умирали, как там шла борьба за жизнь. Но всех не убили. Нам предстоит ознакомиться с тем, как Шлиссельбургская крепость постепенно оживала.

В нашем дальнейшем изложении мы отметим поистине огромные завоевания заключенных в результате их борьбы. Никогда не надо забывать, ценой каких великих жертв были достигнуты эти завоевания. Между тем в записках Новорусского описания достигнутых результатов заслонили собой тяжесть смертельной борьбы за них. Поэтому правильным является замечание Н. А. Морозова, что по описанию Новорусского может показаться, что последние 15 лет пребывания в Шлиссельбургской крепости были «тихой работой в каком-то культурном уголке, тогда как на деле узники находились в самой глубине самодержавного пекла». Морозов называет такие описания «серебряной парчой на гробах заживо погребенных людей»².

Было бы ошибочно объяснять изменение тюремного режима Шлиссельбургской крепости лишь борьбой самих заключенных внутри тюремных стен Шлиссельбурга. На смягчение тюремного

¹ См. Н. А. Морозов, Тени минувшего. Опыт психологической характеристики народовольцев Шлиссельбургской крепости, Сборник III, под ред. Якимовой-Диковской, Фроленко и др., М., 1931, стр. 41—44. См. также Н. А. Морозов, Повести моей жизни, т. III, М., 1947.

² Н. А. Морозов, Тени минувшего, стр. 41.

режима оказывало большое влияние и общее положение внутри всей страны. Начиная с 90-х годов, царизм все более и более чувствовал рост оппозиционных настроений в обществе, рост рабочего движения в стране. Под ногами царского правительства почва не была так тверда и крепка, как в 80-е годы, после победы над народовольцами.

Оппозиционные настроения в самых разнообразных формах сказывались в широких слоях интеллигенции, в особенности среди студенчества. Еще более обращало на себя внимание правительства разраставшееся рабочее движение с его забастовками, маевками, с его массовым характером, организованностью открытых выступлений, с успехами тайной пропаганды. Таким образом, смягчение режима в Шлиссельбургской крепости обязано своим происхождением развитию революционной борьбы внутри страны. Этого не следует забывать при оценке каждого изменения шлиссельбургского режима в сторону смягчения.

Когда оглядываешь путь, пройденный Шлиссельбургской крепостью за период с 1884 по 1906 гг., то ясно видно, что самым крупным завоеванием заключенных была полученная ими возможность физического труда на огородах. Именно из этого труда постепенно развились другие формы облегчения положения узников в государственной тюрьме.

Напоминаем, что первой формой труда в новой тюрьме было пересыпание с места на место кучи песка летом или снега зимой. Это было весьма бессмысленное занятие. Узники пытались осмыслить его, делая из песка или снега географические карты или какие-нибудь фигуры. Конечно, после того как такого оригинального «чертежника», «географа» или «художника» уводили с двора, жандармы тщательно уничтожали эти произведения искусства.

Но однообразие тюремного уклада нарушило не столько это занятие безрезультатным трудом, сколько разрешение совместной прогулки одновременно двоим заключенным. По-видимому, первое такое разрешение последовало летом 1885 года, когда на один и тот же дворик были приведены Ювачев и Морозов. Такие попарные прогулки были разрешены не всем заключенным одновременно, это видно из слов В. Фигнер, получившей подобное разрешение на совместную прогулку с Волкенштейн лишь 14 января 1886 г.

Занятие продуктивным трудом началось в 1886 году, когда были устроены 12 огородов, разделенных между собою высокими деревянными заборами. Заключенным были розданы железные лопаты, семена и предоставлены баки с водою для поливки. Большинство заключенных совсем не было знакомо с

огородничеством. Но это обстоятельство не останавливало рвения работников и не уменьшало радости труда.

Мы не будем останавливаться на описании переживаний узников, когда некоторые из них увидели друг друга и получили возможность разговаривать друг с другом, слышать живую речь вместо прежнего стука через стенку. Мы не будем также останавливаться на влиянии творческого труда на психологию заключенных после ряда лет полного бездействия, но скажем только, что эти великие радости не сломили упорства в борьбе узников за общее дело в тюрьме. Так, например, когда выяснилось, что совместные прогулки и занятия на огородах предоставлены не всем заключенным, пятеро заключенных — Фигнер, Волкенштейн, Шебалин, Попов и Богданович — отказались от работы на огородах и от совместных прогулок, пока эти льготы не были предоставлены всем товарищам.

Полтора года длилась эта героическая борьба и закончилась победой узников. Для того чтобы оценить всю тяжесть этой борьбы, надо припомнить весь ужас одиночества и всю важность физического труда для заключенных. Значение огородов для сохранения здоровья и жизни шлиссельбуржцев было очень велико.

У них появилось много новых интересов: они выбирали растения для разведения. Самый выбор растений и выращивание их для разведения были не легким делом, но перед трудностями не останавливались. По воспоминаниям Новорусского, шлиссельбургские садоводы развели за разное время более 175 родов садовых растений (не считая видов).

Допущение работы на огородах было важно и по тем последствиям, которые оно за собой повлекло. Первоначально работа на огородах производилась в одиночку, а затем и совместно несколькими заключенными. Этого требовал в некоторых случаях самый характер труда. Успех огородничества потребовал и продления времени пребывания узников на огородах. Они там стали бывать с 8 часов утра до 6 час. 30 мин. вечера (при коменданте Гудзе).

Первоначально огородники, работавшие в соседних между собою огородах, могли видеть друг друга лишь через щели, образовавшиеся со временем в заборах. Позднее доски в верхней части заборов были заменены деревянными решетками под предлогом доступа солнца на огороды. Узники устраивали у этих заборов скамьи и, становясь на них, могли видеть друг друга. Весной 1903 года при новом коменданте были вновь введены заборы без решеток. Протест заключенных привел лишь к устрой-

ству этих решеток на высоте четырех аршин, что затрудняло общение заключенных.

Впрочем, к этому времени узники Шлиссельбурга завоевали себе право общения в широких размерах. Этому способствовали работы в мастерских.

После же разрешения работы в мастерских шлиссельбуржцы устроили, по воспоминаниям Новорусского, на своих двориках беседки из хмеля, а потом дощатые навесы, чтобы укрываться от дождя. Там ставили столики, шкафчики, полки, скамьи или кресла.

Открытие первой мастерской — столярной — последовало в 1889 году. Под мастерские были отведены камеры в старой тюрьме, коридор в которой был завален всяким материалом. Работа в ней была предоставлена одному Варынскому. Следующей мастерской была сапожная, в которой начал работать Новорусский. Затем были открыты переплетная мастерская, токарная и развились другие ремесла. Была открыта в 1900 году и кузница¹. Всем этим видам труда заключенные обучались самостоятельно, но достигли больших успехов.

Работа в мастерских разбивала строгости тюремного режима, так как требовала общения заключенных между собой для обмена инструментами или для помощи в работе. Показателем стремления администрации не допускать этого общения служит следующий факт: сначала требование инструмента у товарища происходило лишь через жандарма, позднее — путем передачи товарищу соответствующей записки и затем, наконец, путем живого непосредственного общения. При некоторых работах взаимная помощь была неизбежна.

Заключенные работали в мастерских для своих собственных нужд и по заказам местной тюремной администрации, начиная от старшей и кончая жандармами, но последним затем было запрещено делать эти заказы, очевидно, из боязни, что они, как и низшие чины тюремной администрации, могут быть подкуплены работой заключенных.

При оценке достижений заключенных как в мастерских, так и на огородах не следует забывать, что и здесь ничего не далось без борьбы. Во многих случаях администрация продолжала крепко держаться за те или другие ограничения, несмотря на их полную нелепость. Например, узники оставались запертыми в

¹ Подробные ежемесячные сведения о выполненных каждым заключенным работах даны в архивных делах ЦГИА в Москве, дело штаба отдельного корпуса жандармов, № 102, 1895, с рапортами по Шлиссельбургской тюрьме. См. также в том же архиве дело департамента полиции, V дело-производство, № 5213, отчеты доктора и о работах за 1890—1895 гг.

одиночных мастерских, но общались через окошко в двери этих одиночек. Так, Вера Фигнер преподавала переплетное мастерство одновременно двум товарищам через оконце своей одиночной мастерской. Ограничение встреч между собой в мастерских было тем более нелепым, что заключенные уже общались свободно между собой на огородах. Тем не менее приходилось в течение долгого времени терпеть эти стеснения, прежде чем удалось пробить в них брешь. Труд в мастерских был таким же средством спасения физического и духовного здоровья заключенных, как и работа на огородах.

Оригинальный и увлекательный для заключенных вид труда появился в 1897 году, когда при содействии коменданта крепости Гангардта и при помощи крепостного доктора Безродного начали изготавливать различные коллекции для Подвижного музея учебных пособий в Петербурге. Из представленных музеем материалов изготавливались разнообразные коллекции по минералогии, геологии, кристаллографии, зоологии и ботанике. Но шлиссельбургцы и сами занимались собиранием материалов для этих коллекций в пределах тюрьмы на острове, не выходя за стены новой и старой тюрем. Для коллекций по минералогии удалось получить материалы с Урала и даже из-за границы.

Занятие оформлением коллекций для Подвижного музея учебных пособий дало возможность узникам не только заполнить свою жизнь новыми и притом очень большими интересами, но и расширить круг своих знаний. Другую такую возможность расширения умственного кругозора дала переплетная мастерская. В ней переплетались книги из тюремной библиотеки, а затем и те, которые передавались комендантом крепости и жандармами. Среди этих последних книг оказались и журналы прежних лет, но далеко не того содержания, которое удовлетворяло бы спрос шлиссельбургцев.

Стоит вспомнить историю развития права чтения в Шлиссельбургской крепости. Полный запрет доступа туда всякой научной и беллетристической литературы постепенно сменился доступом в той или другой степени книг серьезного научного содержания. Насколько медленно приходил этот процесс, видно из факта первоначального допущения сюда книг по истории, не позднее чем за XVIII век. В 1892 году были впервые допущены сюда разные журналы за прошлый год: «Нива», «Звезда», «Исторический вестник», «Живописное обозрение», «Природа и люди», сатирические журналы — «Будильник», «Стрекоза» и др. Была прислана «Нива» за 5—6 прошедших лет. Но уже в 1890 году был выдан и свежий журнал «Паломник» издания духовного ведомства.

Заключенные буквально набросились на журнал, так как у всех было страстное желание узнать что-нибудь о современности.

В переплетную мастерскую поступало большое число книг и журналов уже с 1892 года. Это дало возможность некоторого выбора книг для чтения. В 1894 году была разрешена выписка «Вестника финансов», а в 1896 году разрешено чтение всех журналов за прошлый год. В 1898 году удалось получить разрешение на выписку еженедельной газеты «Восход». Следующая памятная дата — январь 1900 года, когда были выданы разрозненные номера газеты «Новое время» за прошлый год.

В 1900 году доктор Безродный достал для чтения даже такие журналы, как «Начало», «Жизнь», «Новое слово», «Образование». Он передавал их переплетать как свои.

Из повседневной печати в Шлиссельбургской тюрьме получали в 1899—1900 гг. газету «Сын отечества».

Каждый из заключенных жаждал поскорее получить свежие журналы и новые книги. Заключенными была выработана такая система распределения этих книг, которая удовлетворяла всех читателей. Особое значение получила доставка книг из Подвижного музея: библиотека музея не только присылала свои новинки, но и делала подбор книг, удовлетворяя спрос читателей Шлиссельбургской тюрьмы. Таким образом, создавалась возможность более или менее систематического чтения.

Подробнее всех других шлиссельбургцев о составлении коллекций говорит в своих воспоминаниях Новорусский. Когда мы прочитываем соответствующие страницы этих воспоминаний, перед нами встает картина огромнейшего и разнообразнейшего труда шлиссельбургцев. В перечне изготовленных Новорусским коллекций названы даже тысячные цифры. Например, были изготовлены тысячи листов гербария. Но эти цифры еще не говорят о всей грандиозности работ, выполненных шлиссельбургцами для Подвижного музея. Они оформили огромное число коллекций по разным вопросам специальных разделов естествознания. Для того чтобы составить себе хоть некоторое представление о размерах произведенных работ, воспроизведем следующий, сделанный Новорусским перечень коллекций по ботанике: огородных гербариев — 14, систематических гербариев — 21 (из них один в 470 видов), гербариев по органогрфии — 7, гербариев бесцветковых растений — 10, коллекций плодов и семян — 4, пластинок по органогрфии цветка — 14. Для того чтобы оценить эту работу шлиссельбургцев, надо иметь в виду еще и то, что во многих случаях они производили оформление коллекций по узко специальным вопросам. Так, например, было оформлено 15 коллекций птичьих лапок.

Процесс оформления коллекций требовал разнообразной подготовительной работы в виде изготовления различных пластинок, листов, альбомов, футляров, коробок, ящиков и пр. Шлиссельбуржцы делали все это сами. Стоит ли говорить, что оформление коллекций требовало и больших научных знаний.

Так трудились узники, запертые в государственной тюрьме на Шлиссельбургском острове.

Напомним и ту тяжелую борьбу, которая дала в руки шлиссельбуржцев новые книги и новые журналы. В 1889 году директор департамента полиции Дурново, случайно увидевший в камере одного из заключенных разрешенную цензурой книгу по истории французской революции, приказал исключить из библиотеки тюрьмы, по словам Новорусского 20 книг, а по словам В. Фигнер, — 35. Этот приказ вызвал голодовку заключенных, продолжавшуюся девять дней. Протест не имел успеха, книги были возвращены в библиотеку только через три года.

Точно так же потерпела неудачу попытка коменданта Гангардта в 1894 году брать для заключенных книги из частной библиотеки.

Выписка новых книг по заказам шлиссельбуржцев встречала иногда ничем не объяснимые препятствия. Так, были допущены II и III тома «Капитала» Маркса, а запрещено сочинение либерального буржуазного экономиста проф. Янжула. Получение книг через Подвижной музей школьных пособий и при содействии доктора Безродного было неофициальным и скоро оборвалось.

Путь, пройденный узниками в области права чтения и вообще занятий умственным трудом, был тернистый и долгий, но привел к победе. Минаков заплатил своей жизнью за право узников получать книги не только духовно-религиозного содержания. В последние же годы существования «государевой тюрьмы» ее заключенные получали даже иностранные журналы.

Продолжительный перерыв в получении журналов и газет произошел в период 1902—1904 гг. Прекращение выдачи газет и журналов последовало в начале 1902 года с установлением нового курса политики министром Плеве. Перестали выдавать даже журнал «Хозяин», календари, кроме отрывных, «Известия книжного магазина Вольфа», а из иностранных научных журналов вырывали страницы со всякими объявлениями.

Насколько тщательно охраняли Шлиссельбургскую тюрьму от доступа политических новостей, видно из того факта, что о начале войны с Японией узники узнали лишь случайно из подброшенного кем-то обрывка газеты. С ноября 1904 года начали вновь выдавать периодическую печать (за исключением газет), но лишь

за предшествующий год. Узники читали «новости» хроники текущих событий лишь через 11 месяцев. О первом месяце войны, таким образом, было прочитано только тогда, когда пали Мукден и Порт-Артур.

Даже в революционный 1905 год из текущих журналов заключенные получали лишь «Известия книжного магазина Вольфа». Номер «Правительственного вестника» с положением о булыгинской думе был выдан только по особой просьбе заключенных.

Однако возникает вопрос, почему не была ими развернута прежняя борьба за допущение текущих журналов. Объяснение следует искать в изменении условий их жизни. От прежних строгостей одиночного заключения осталось мало. Много было разнообразных интересов. С утра до вечера жизнь шла в непрерывном труде. Таким образом, отсутствие свежих журналов переносилось менее тяжело. Прибывшие в тюрьму как раз за эти годы новые осужденные сообщали вместе с тем и новости, которых не давала периодическая печать.

В воспоминаниях шлиссельбуржцев находятся указания на огромное количество печатного материала, прочитанного ими.

Новорусский предполагает, что ими было прочитано в тюрьме так много, как едва ли многими на свободе. Переплетная мастерская особенно расширяла возможность такого чтения. После разрешения общения чтение производилось даже и в компании: занимались ручным трудом под чтение вслух. Более серьезные же книги читали большей частью в своих камерах.

Прочитанное становилось нередко предметом горячего обсуждения и споров. В 1896—1898 гг. предметом такого спора был вопрос об общине. Некоторые из шлиссельбуржцев, осужденные как члены партии «Народная воля», пришли за эти годы к убеждениям противоположного характера и причисляли себя к марксистам. Новорусский называет, кроме себя, также Морозова, Яновича, Лукашевича и Шебалина. Он вспоминает, что вместе с некоторыми товарищами «приветствовал капитализм как силу, не только организующую рабочих и составляющую революционные кадры, но и создающую промышленное богатство страны», а остальные товарищи «предавали капитализм проклятию как причину обезземеления и обеднения народов»¹.

¹ Новорусский, Записки шлиссельбуржца, 1920, стр. 190.

В библиотеке тюрьмы были даже юридические книги, например, Андреевский, Государственное право; Мыш, Положение о земских учреждениях и Городовое положение; Пухта, Римское гражданское право; Та-

Эти идейные политические споры вспоминает и Фигнер. Она связывает их начало с получением от коменданта Гангардта для переплета в 1895—1896 гг. журнала «Новое слово». Она сравнивает впечатление, произведенное этим журналом, с действием «идейной бомбы», неожиданно взорвавшейся в среде заключенных. Горячим спорам не было конца. Политические разногласия внесли свежую струю в жизнь тюрьмы¹.

Шлиссельбуржцы не раз делали попытки издания своих журналов. На содержании этих журналов сказывалось политическое разномыслие их издателей. Так, например, идейными соперниками были журналы, один из которых издавался Новорусским и Лукашевичем, а другой — С. Ивановым, Лаговским и Поповым. Попыткой объединить враждовавшие лагеря явился журнал «Паутинка», редакторами которого были Новорусский, Лукашевич и Фигнер. Впрочем, эти и другие попытки издания журналов не шли дальше выпуска одного или двух номеров.

Издание журналов открывало простор для творческой мысли заключенных. В них были статьи публицистического, научного характера, а также беллетристика, стихи и пр.

Творческая работа началась в Шлиссельбургской крепости лишь через три года после открытия тюрьмы. Возможность для такой работы создавалась после выдачи заключенным бумаги и письменных принадлежностей. При выдаче бумаги последовало предупреждение о сдаче написанного администрации. Это означало, что все написанное пойдет в департамент полиции.

Первой формой творчества были стихи, писанием которых занялось большинство заключенных. Фигнер насчитала 16 новоявленных поэтов в Шлиссельбургской тюрьме, которую она шутя назвала «Парнасом». Так как передача написанного друг другу была невозможна, то, как мы указали выше, оно передавалось стуком через стенку.

Работа мысли не могла остановиться только на поэтическом творчестве. Высокое интеллектуальное развитие большинства шлиссельбуржцев и большие знания многих в различных областях науки неудержимо влекли их к более глубокой умственной работе. С тех пор как библиотека тюрьмы пополнилась разнообразной литературой, началась научная и литературная работа

ганцев, Уголовное право; Коркунов, Теория права; Тьер, О собственности; Лохвицкий, Обзор современных конституций; Иеринг, Цель в праве и др., «Былое», 1906, кн. 6, стр. 27.

¹ Об идейных «порах» вспоминает и Новорусский в статье «Из размышлений в Шлиссельбурге» («Минувшие годы» 1908 г. № 3—4). В 1902 году он, полемизируя с Фигнер, написал статью об экономическом базисе движения 70-х годов.

шлиссельбуржцев. Именно здесь, в тюремных стенах, были созданы работы, явившиеся вкладом в науку.

Здесь же были написаны воспоминания, беллетристические очерки, стихи, позднее появившиеся в печати. Здесь Лукашевич написал несколько томов своего труда: «Элементарное начало научной философии». За опубликованные им после выхода из тюрьмы две части этого исследования («Неорганическая жизнь земли») он получил золотую медаль от Географического общества и премию от Академии наук.

При выходе из тюрьмы шлиссельбуржцы уже имели возможность вывезти с собой свои рукописи и материалы, собранные за годы заточения.

Говоря об умственной жизни в Шлиссельбургской крепости, следует иметь в виду некоторые характерные особенности. С одной стороны, узники стремились пополнить свои научные знания путем самообразования, а с другой — употребляли все усилия помочь друг другу в культурном развитии.

Почти все они изучили за время пребывания в крепости иностранные языки. По словам Ашенбреннера, почти все свободно читали на двух и даже на трех языках, а некоторые изучили еще большее количество языков, и в том числе такие, знакомство с которыми было мало распространено в России. Например, Фигнер изучила итальянский язык; Поливанов — итальянский, испанский и польский; Лопатин — латинский и греческий и т. д. Знающие иностранные языки широко делились своими познаниями с товарищами, делая для них переводы не только статей из журналов и газет, но и монографий. Некоторые капитальные сочинения были переведены даже дважды. Кроме научных сочинений, делались переводы иностранных беллетристов и поэтических произведений. Переводчики-шлиссельбуржцы были воодушевлены сознанием, что труд их обогащает познания товарищей.

Стремление поделиться знаниями и желание приобрести новые знания привели к организации лекций, чтению докладов, к устройству практических занятий при помощи микроскопа и к работам лабораторного типа, например, по химии. Лекции и доклады в более поздние годы читались под открытым небом во время пребывания на огородах. Шлиссельбургская крепость делалась, таким образом, своего рода университетом. Это ясно видно из литературной и общественной деятельности узников после освобождения из крепости.

Морозов, Фигнер, Ашенбреннер, Новорусский, Панкратов, Попов, Лукашевич и другие дали русскому читателю и русской

науке так много, как нельзя было ожидать от людей, вырванных царизмом на долгие годы из жизни.

Научное творчество давало большое нравственное удовлетворение узникам. Но ни эта творческая работа, ни занятия физическим трудом не могли погасить интереса к политической жизни за стенами тюрьмы. Поступавшие в тюрьму книги, журналы и газеты удовлетворяли эти запросы только частично.

Политические споры между заключенными порождали ряд вопросов, ответы на которые не могло дать подцензурное печатное слово, живого же слова о новостях революционной борьбы узники в Шлиссельбургской крепости не слышали в продолжение многих лет. В период 1891—1900 гг. новых осужденных в Шлиссельбургскую крепость не поступало. У ее узников зарождались подозрения, не заглохла ли революционная борьба.

В 1901 году в жизни шлиссельбуржцев произошло событие первостепенной важности. В тюрьму был доставлен новый заключенный. Это был Карпович, осужденный на 20 лет каторжных работ за убийство министра народного просвещения Боголепова.

Так как комендант крепости ставил препятствия к общению прежних заключенных со вновь прибывшим и не разрешал Карповичу занятий в мастерских, последний провел 11-дневную голодовку, закончившуюся его победой.

Он изучил в тюрьме переплетное дело, столярное, сапожное, кузнечное мастерство, огородничество и пр.

Общение Карповича с узниками внесло в их жизнь небывалое оживление. Он передал им подробности революционной борьбы в России, рассказал о рабочем движении, о стачках многих тысяч рабочих, об уличных демонстрациях, о студенческих волнениях. Обладая прекрасной памятью, он ознакомил их с программами революционных партий, содержанием нелегальных изданий, резолюциями партийных съездов и пр. Из бесед с ним шлиссельбуржцы узнали о развитии революционного движения в родной стране. Карпович предсказывал скорое наступление революции.

Таким образом, прибытие Карповича в Шлиссельбургскую крепость восполнило то, чего более всего не хватало узникам этой крепости — знания о развивающейся революции.

Через три года после прибытия Карповича в крепость в тюрьме произошло крупное событие. За двадцать лет существования новой государственной тюрьмы на острове Шлиссельбурге никто из посторонних лиц не имел в нее доступа. Ее периодически посещали лишь различные чины министерства внутренних дел

в качестве ревизоров. Эти посещения, особенно в первые годы, оставляли у заключенных тяжелое впечатление. Например, один из посетителей при осмотре камер позволил себе громко говорить о том, что в заключенных уже по физиономиям можно узнать террористов и что их надо бить плетьюми. Эти посещения сановников не только оставляли тяжелое впечатление, но и приносили новые стеснения. Одним из наиболее тяжелых стеснений было отобрание в 1889 году из тюремной библиотеки, как указывалось выше, книг. Высшие чины министерства внутренних дел входили в камеры, окруженные свитой и надежным конвоем. Никто из них не решался остаться наедине с заключенными и спросить об их нуждах. Узники предпочитали не вступать в разговоры с этими представителями власти¹.

Так наступил 1904 год. В конце этого года комендант крепости сообщил заключенным о желании одной «высокопоставленной дамы» посетить тех заключенных, которые на это согласны. В начале июля камеры Веры Фигнер, Морозова и Новорусского посетила княжна Дондукова-Корсакова. Она входила к заключенным одна, но ее беседу с ними подслушивал комендант. Эти визиты повторились, и Дондукова-Корсакова посетила и других заключенных.

Вскоре заключенных посетил петербургский митрополит Антоний, предварительно испросив на это согласие узников. Шлиссельбуржец Попов указывает в своих воспоминаниях, что посещения Дондуковой и митрополита, разрешенные министром внутренних дел Плеве, имели целью заглянуть в душу узников.

Визиты Дондуковой и митрополита, конечно, входили в программу действий министра Плеве, не в обычаях которого было смягчать участь политических врагов царизма. Указанными визитами не ограничивались «новшества» в режиме Шлиссельбургской крепости. Комендант крепости довел до сведения всех заключенных о разрешении директора департамента полиции вести свободную переписку с митрополитом Антонием. При этом было разъяснено, что письма заключенных могут быть запечатаны сургучной печатью и не будут просматриваться департаментом полиции. Староста заключенных отвечал коменданту, что письма его товарищей не будут содержать каких-либо секретов.

Четверо шлиссельбуржцев написали письма митрополиту. Морозов просил доставить ему книги для его труда

¹ ЦГИА в Москве, фонд Шлиссельбургской крепости, дело № 89, 1901. В октябре 1902 года один из великих князей собирался посетить Шлиссельбургскую крепость. Департамент полиции рекомендовал коменданту «постараться отклонить посещение великим князем тюрьмы». Посещение ограничилось лишь крепостью, без захода в тюрьму (л. 3).

«Откровение в грозе и буре». Только он и получил ответ митрополита на свое письмо.

Остались без ответа два других письма. Автор одного из этих писем доказывал бесцельность наказания в борьбе с теми, кто действует из идейных побуждений. Автор другого письма просил митрополита содействовать получению шлиссельбуржцами заказа на экспонаты для музея.

Кроме названных писем, было еще одно письмо митрополиту. Автор его, Стародворский, заявлял о своем желании пойти добровольцем на фронт в войне с Японией. Это письмо имело своим последствием явление, небывалое в истории Шлиссельбургской крепости: Стародворский, проведенный безвыходно на острове Шлиссельбурге 18 лет, был вывезен из крепости к директору департамента полиции. Последний говорил Стародворскому о ближайшем окончании войны с Японией, а потому об опоздании его заявления пойти на фронт, вместе с тем этот сановник, либеральничая, говорил о бездарности русских генералов, об ошибках правительства, мало обращавшего внимания на экономическое и культурное положение крестьянства. Он интересовался и политическим мировоззрением Стародворского, его отношением к социал-демократам и пр.

Впоследствии стало известно, что Стародворский тайно от товарищей по Шлиссельбургу подал просьбу о помиловании с выражением раскаяния в своих заблуждениях. В результате этого 25 августа 1905 г. он был переведен из Шлиссельбургской крепости в Трубецкой бастион. Он подал свое прошение в полный разрез с революционной этикой, за два месяца до того дня (28 октября 1905 г.), когда первая революция заставила царизм освободить из Шлиссельбургской крепости ее узников и закрыть эту государственную тюрьму.

К этому времени, т. е. к началу первой революции, небольшое число шлиссельбуржцев, оставшихся в тюрьме, было спаяно между собой готовностью вести борьбу за то исключительное положение, которое было завоевано дорогой ценой здоровья и жизни заключенных.

Такая их организованность вырабатывалась из года в год и вылилась в своеобразные формы. Поразительным является тот факт, что заключенные в одиночные камеры с запрещением, по инструкции, всякого общения между собой добились образования своеобразной артели заключенных. Они широко применяли выборное начало для несения разнообразных обязанностей в интересах правильного удовлетворения своих потребностей.

Для сношения с администрацией была создана должность старосты. Конечно, инструкция о Шлиссельбургской крепости

такой должности не предусматривала. Однако она была настолько необходима после введения труда на огородах и в мастерских, что комендант крепости и смотритель тюрьмы начали свои сношения с заключенными через их старосту. В старосты избирали товарищей, которые умели устранять трения с начальством и добиваться новых льгот в жизни заключенных.

Кроме старосты, были и другие должности. Так, после того, когда были разрешены совместные прогулки в одиночных двориках по два человека одновременно, один из товарищей был занят составлением списков очередей для прогулок таким образом, чтобы заключенные могли прогуливаться в парах, составленных по их желанию.

Напомним также, что работа на огородах и в мастерских вызвала необходимость сношений с администрацией и между самими заключенными, и здесь на помощь являлась организованность шлиссельбуржцев.

Описанные нами завоевания шлиссельбуржцев, изменившие условия тюремного быта в крепости, давали заключенным возможность жить, не ведя прежней напряженной борьбы. Конечно, борьба окончательно не прерывалась, но она не брала все силы узников и касалась вопросов более мелкого значения.

Но такому «мирному житию» неожиданно был нанесен сильный удар. Это случилось 2 марта 1902 г. Смотритель тюрьмы, обходя камеры заключенных, объявил каждому из них о предстоящем введении тюремной инструкции, фактически не применявшейся много лет. Исполнение этого означало возврат к страшному режиму первых лет существования новой тюрьмы в Шлиссельбургской крепости.

Лишь позднее выяснился повод к такому распоряжению: Попов пытался переправить письмо к матери через солдата крепости. Об этом узнал комендант крепости, который сообщил о поступке Попова начальству, распорядившись одновременно применять тюремную инструкцию.

Фигнер, опасаясь приведения в исполнение распоряжения коменданта крепости, написала письмо матери с просьбой обратиться в министерство внутренних дел о производстве расследования. Комендант отказался переслать письмо. При объявлении смотрителем отказа Фигнер сорвала с него погоны. Этот поступок грозил ей смертной казнью. Фигнер готова была умереть в борьбе за сохранение достигнутых облегчений тюремного режима. Для ее товарищей настали дни томительной тревоги. Из департамента полиции прибыла ревизия и следовательно для производства расследования. Сверх всякого ожидания Фигнер не была предана суду и не была подвергнута дисциплинарному

наказанию. Но целый ряд изменений произошел в тюремном режиме. Они были вызваны рапортом ревизора об установившихся порядках в тюрьме.

Из Петербурга последовало распоряжение (от 23 марта 1902 г.) не допускать арестантов друг к другу и «поставить арестантов № 3 (Карпович) и № 11 (Фигнер) в полное разобщение с другими арестантами», не тушить ночью свет в камерах, не занавешивать окна одеялами, отобрать керосин, лампы, стеклянные предметы и жидкости.

Надо признать, что распоряжение из Петербурга об устранении допущенных отступлений от инструкции не отличалось той решительностью, которой можно было бы ожидать. Но начальник жандармского управления Шлиссельбургской крепости Обухов и смотритель Гудзь были уволены¹.

В жизни заключенных началась новая полоса стеснений. Они были связаны с решением царского правительства снова сделать Шлиссельбургскую крепость местом казней для осужденных за государственные преступления. Следует вспомнить, что привезенные для казни помещались в старой тюрьме. Но теперь эта тюрьма была занята мастерскими, а на дворе ее были парники, сад, огороды, кузница и пр. Заключенные свободно ходили в тюрьму и на ее двор. Ввиду предстоявших казней всему этому был положен конец. Об этом подробно вспоминает Ашенбреннер². Мастерские были переведены из старой тюрьмы в новую. Была отнята кухня при этой тюрьме, где заключенные нередко готовили себе сами кушанья. Кузница была перенесена в один из огородов.

Тюрьма готовилась к казни, заключенные, конечно, этого не знали. В архивном деле имеется такая телеграмма от 3 мая 1902 г.: «Приговор исполнен сегодня в четыре часа утра. Полковник Яковлев». Это было сообщение о казни Балмашева. Она была совершена на малом дворе старой тюрьмы. Балмашев был осужден за убийство министра внутренних дел Сипягина. Предшествующие казни были совершены в Шлиссельбургской крепости в 1887 году, но о них мы скажем ниже. Комендант Яковлев в добавление к телеграмме послал шефу жандармов отказ Балмашева принять священника и дать какие-либо показания товарищу прокурора. По словам рапорта, Балмашев отказался приложиться к кресту у эшафота, сказав священнику: «С лицемерами дела

¹ ЦГИА в Москве, фонд Шлиссельбургской крепости. «О Шлиссельбургской тюрьме и о допущенных в ней послаблениях по отношению содержащихся арестантов», № 89, 1901.

² См. Ашенбреннер, Шлиссельбургская тюрьма за 20 лет, «Былое» 1906 г. № 1, стр. 94.

не желаю иметь». Рапорт добавлял, что осужденный «оставался не снятым с петли 25 минут», после чего его тело было положено в гроб. Комендант извещал, что казненный будет вечером предан погребению на месте казни.

В акте об этой казни записано, что при исполнении казни присутствовал городской голова города Шлиссельбурга. Никаких других подробностей об исполнении приговора неизвестно. Но из сухого официального донесения коменданта видно героическое поведение Балмашева перед смертью и его презрение к палачам¹.

Из воспоминаний узников мы знаем, что от их внимания не ускользнула казнь Балмашева, фамилию которого они узнали лишь позднее. В то время стекла тюремных окон уже не были закрашены, и через них из некоторых камер видны были ворота крепости и путь от них в канцелярию.

Утром 2 мая заключенный Антонов увидел группу людей, направляющуюся от ворот в канцелярию, и в середине ее молодого человека в нагольном полушубке. Этот молодой человек, увидев здание тюрьмы, приветственно махнул в направлении его шапкой. Это приветствие обреченного на казнь старым революционером было выражением глубокого уважения нового борца революции к ее старым борцам.

Заключенные установили наблюдение за канцелярией. Они проследили приход туда священника и некоторых других лиц, а ранним утром 3 мая вывод оттуда обреченного на казнь и переход участников казни из канцелярии к зданию старой тюрьмы. Несколько позднее они увидели и возвращение их оттуда. Совершив свое постыдное дело, эти исполнители и свидетели казни набожно крестились на церковь. Не было никаких сомнений: казнь была совершена². Фигнер описала безмерную тяжесть переживаний по этому поводу.

Первыми осужденными, привезенными специально в Шлиссельбургскую крепость для казни, были Штромберг и Рогачев.

¹ ЦГИА в Москве, фонд Шлиссельбургской крепости. «О Шлиссельбургской тюрьме», № 89, 1901, листы 47 и 48.

Л. Мельшин при посещении в 1906 году временно закрытой Шлиссельбургской крепости услышал там подробности о казни Балмашева. Палач Филиппев, войдя в камеру осужденного и объявив Балмашеву, что должен связать ему руки, спросил его, будет ли он сопротивляться. «Нет не буду», — отвечал Балмашев и, отвернувшись к окну, спокойно заложил руки за спину. Палач приблизился и связал их. («Раскрытый тайник», статья в «Русском богатстве» 1906 г. № 7, стр. 125.)

² См. об этом подробнее В. Н. Фигнер, Запечатленный труд, «Когда часы жизни остановились», ч. II, М., 1923, стр. 204—220; Попов, Мечты о свободе, М., 1929, стр. 39—41; Колосов, Государева тюрьма — Шлиссельбург, 1930, стр. 203—205.

Они были казнены 10 октября 1884 г., подробности их казни неизвестны.

Следующими привезенными сюда для казни были приговоренные по делу так называемого «второго» «первого марта» (1887 г.). Пятеро студентов — Александр Ульянов, Андреюшкин, Генералов, Осипанов и Шевырев, готовившиеся бросить бомбы в Александра III, были казнены 8 мая 1887 г. на большом дворе старой тюрьмы. Об этой казни комендант крепости Покрошинский донес начальнику штаба корпуса жандармов с такой подробностью, которая не понравилась этому начальнику. В рапорте сообщалось: «При возведении палачом осужденных Андреюшкина, Генералова и Осипанова на эшафот, первый из них произнес слабым голосом: «Да здравствует народная воля!», второй только успел сказать: «Да здравствует...», а последний: «Да здравствует исполнительный комитет...»

Против этих слов начальник штаба корпуса жандармов написал на полях: «Зачем нам эти подробности». Очевидно, ему не понравилось сообщение о мужественной смерти осужденных. В архивном деле имеется черновик заготовленного выговора Покрошинскому за излишнее многословие с угрозой отнестись на его счет стоимость телеграммы. Впрочем, дело ограничилось устным выговором¹. В рапорте также сообщалось об отказе всех пятерых приговоренных принять священника.

Обращает на себя внимание упоминание о возведении на эшафот троих осужденных — Андреюшкина, Генералова и Осипанова. В этом факте мы видим подтверждение правильности корреспонденции, напечатанной после казни во французской газете «*Сгi du Peuple*». В ней сообщалось об устройстве виселицы для одновременной казни лишь троих осужденных. Корреспонденция сообщала, что в то время, когда вешали Андреюшкина, Генералова и Осипанова, двое других осужденных стояли тут же в ожидании своей очереди: «В продолжение получаса у них перед глазами было потрясающее зрелище троих повешенных на концах веревок в мучительных конвульсиях...»².

Почти через три года после казни Балмашева, 10 мая 1905 г., в крепости была произведена казнь Каляева, осужденного за убийство великого князя Сергея Романова. В рапорте коменданта об исполнении приговора не содержится никаких

¹ См. В. Н-ской, Скорбные страницы Шлиссельбургской крепости, «Былое» 1918 г. № 13, июль.

² Сообщил А. С., К истории покушения А. И. Ульянова и других 1 марта 1887 г., «Красный архив» 1926 г., т. II (15), стр. 222—223.

подробностей. Каляев отказался от напутствия священника, ограничившись разговором с ним.

Явившийся в крепость защитник Жданов не был допущен, несмотря на полученное им в Петербурге разрешение видаться с Каляевым. Департамент полиции секретно распорядился не допускать Жданова, несмотря на это разрешение.

Известно, что Каляев в день казни много писал, но передал лишь письмо для матери. В нем он, между прочим, писал: «Итак, я умираю. Я счастлив за себя и с полным самообладанием могу отнестись к моему концу. Пусть же ваше горе, дорогие мои все: мать, братья, сестры, потонет в том сиянии, которым светит торжество моего духа. Прощайте. Привет всем, кто меня знал и помнит»¹.

Присяжный поверенный Жданов возвращался с острова Шлиссельбурга на одном пароходе с жандармским полковником бароном Медемом, распорядившимся казнью Каляева. Этот жандарм вез с собой часть веревки, на которой был повешен осужденный. Он вез ее с собой на счастье. Так, Каляев в предсмертном письме писал о своем счастье — об ожидающей его смерти, а жандарм запасался «для счастья», по народному поверью, веревкой с виселицы.

Никаких подробностей не содержат сообщения о казнях 20 августа 1905 г. Гершковича и Васильева.

В 1906 году в Шлиссельбургской крепости были совершены две казни: 29 августа была казнена Зинаида Конопляникова, осужденная военно-окружным судом за убийство полковника Мина, усмирителя Московского восстания 1905 года. В списке казненных в стенах Шлиссельбургской крепости «не хватало» женского имени. Конопляникова заполнила этот пробел. Она была доставлена в эту крепость в 8 час. 30 мин. утра, а казнена в 9 час. 26 мин. утра 29 августа².

Об ее казни было напечатано короткое сообщение офицера, присутствовавшего со взводом солдат при исполнении казни³.

Менее чем через месяц — 19 сентября 1906 г. — была совершена казнь Васильева-Финкельштейна, осужденного за террористический акт. Он ошибочно убил генерала Козлова, приняв его за генерала Трепова. Это была последняя казнь, совершенная в стенах Шлиссельбургской крепости.

¹ М. А. Мандельштам, 1905 год в политических процессах, М., 1931, стр. 258—259.

² ЦГИА в Москве, дело департамента полиции, VII делопроизводство, № 7934. «Об убийстве свиты его величества генерал-майора Мина», л. 72. Подробнее см. в IV томе «Истории царской тюрьмы».

³ Н., Казнь Конопляниковой, «Былое» 1918 г. № 3.

Эти казни 1906 года в стенах Шлиссельбургской крепости завершили историю государственной тюрьмы за период 1884—1906 гг.

Мы выше указывали, что с 1902 года режим Шлиссельбургской крепости резко ухудшился. Так продолжалось до 1904 года. Поражения в войне с Японией, следовавшие одно за другим, и рост революционного движения в России отразились на тюремном режиме. Новорусский вспоминает, что еще в 1896 году шлиссельбуржец Янович в докладе товарищам о политическом и экономическом росте Японии предсказывал ее войну с Россией.

Тюремная администрация не допускала в 1904 году к узникам никаких известий о начале войны и о ее ходе. Из писем к узникам цензура вымарывала всякие сообщения о войне. Однако заключенным удалось прочесть под замаранными словами указания на войну. Как мы уже знаем, был подброшен газетный обрывок с соответствующими сообщениями о войне.

В 1905 году в тюрьму был допущен журнал текущего года «Известия книжного магазина Вольфа». В журнале сообщались названия новых книг и брошюр. Узники Шлиссельбурга увидели, что политическая литература издается в большом количестве.

Наконец, была предоставлена возможность ознакомиться с текстом закона о Государственной думе по проекту Булыгина. Шлиссельбуржцы ознакомились с этим текстом и поняли, что он не удовлетворит народ. Морозов в шуточных стихах писал тогда:

Скоро, скоро куртку куцую
Перешьют нам в конституцию;
Будет новая заплатушка
На тебе, Россия-матушка¹.

Между тем события на воле быстро разрастались. В день опубликования указа об амнистии 21 октября 1905 г. и в следующие дни шлиссельбуржцы не были осведомлены о происшедшем. Лишь 26 октября все одиннадцать заключенных были собраны вместе на огороде № 1. Здесь комендант крепости прочел им указ об освобождении из крепости восьмерых узников, содержащихся в новой тюрьме. Это были: Морозов, Лопатин, Фроленко, Лукашевич, Попов, Антонов, Иванов и Новорусский. Остальные узники, содержащиеся в новой тюрьме, получили сокращение срока заключения, а именно: Карпович на-

¹ Н. В. Новорусский, Выход из Шлиссельбурга на волю, «Минувшие годы» 1908 г. № 12, декабрь.

половину, а Мельникову и Гершуни бессрочная каторга заменена срочной на 15 лет.

Амнистия была применена также к Сазонову и Сикорскому, находившимся в старой тюрьме. Немедленному освобождению подлежали лишь восемь названных узников. Комендант высказал предположение об их ссылке в Иркутскую губернию, так как получил предписание снабдить их теплой одеждой.

За год перед этим освободили из этой тюрьмы Веру Фигнер. В своих воспоминаниях она отметила, что в день отъезда ее впервые назвали в канцелярии Верой Николаевной и предложили чашку чаю, от которой она отказалась.

Возвращаясь к последнему дню пребывания восьми узников в крепости (28 октября 1905 г.), отметим, что более подробное описание этого дня оставил Новорусский.

Начались спешные хлопоты по сборам в дорогу. Было разрешено взять с собой рукописи, книги, разные коллекции и пр. У Новорусского было до 30 ящиков коллекций. Ожидая просмотра рукописей, узники многое сожгли в кузнице и потом жалели об этом, так как никакого просмотра не было произведено. Происходило свободное общение всех одиннадцати заключенных.

Ночь под 28 октября была последней, проведенной восьмью узниками в Шлиссельбургской крепости. Новорусский вспоминает, что эта ночь у него была последней из 7000 ночей, проведенных в этой тюрьме. Перед выходом из тюрьмы все собрались на огороде № 1. Здесь Гершуни сказал прощальное слово, упомянув, что восемь отъезжающих товарищей провели в заточении почти 200 лет.

Освобожденные разместились по четыре человека на двух парходиках в сопровождении восьми жандармов на каждую четверку. Администрация извинялась за необходимость этого конвоирования. Парходы отошли от острова.

В мою задачу не входит описывать переживания бывших узников, которые много лет не видали простора. Скажу лишь, что, по признанию Новорусского, он едва не потерял сознания, когда увидел за воротами тюрьмы открывавшийся перед ним простор.

Их привезли в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Отсюда вместо Сибири они скоро уехали в разные города к родным на поруки. Некоторые из них дожили до свержения царизма и до победы пролетариата.

Глава пятая

ТЮРЬМА III ОТДЕЛЕНИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КАТОРЖНЫЕ И ПЕРЕСЫЛЬНЫЕ ЦЕНТРАЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЮРЬМА НА КАРЕ

§ 46. ТЮРЬМА III ОТДЕЛЕНИЯ

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ и Шлиссельбургская крепости начали свою службу царизму в борьбе с его врагами, начиная с XVIII века. Первая из названных тюрем несла эту службу без всякого перерыва, а вторая — с коротким перерывом в период между 1870—1884 гг. Мы уже знаем, что тюрьмы Сибири и монастырские на Соловках и в Суздале были также местом заключения политических и религиозных узников, но этот перечень не исчерпывал всех мест заключения, через которые проходили названные нами группы заключенных.

После временного закрытия на десять с половиной лет тюрьмы в Шлиссельбургской крепости в распоряжении правительства оставалась Петропавловская крепость. Рост революционного движения и увеличение числа осужденных к каторжным работам за революционную пропаганду привели в половине 70-х годов к открытию центральных каторжных отделений для политических в Новоборисоглебской и Новобелгородской тюрьмах близ Харькова. Эти тюрьмы по их режиму были как бы филиалами Петропавловской крепости, и их история не может быть обойдена молчанием.

Наконец, в 70—80-е годы специально политической каторжной тюрьмой стала и тюрьма на Каре, в которой перебывали многие революционеры, и поэтому эта тюрьма также требует внимания историка. Эту тюрьму можно считать последней специально политической каторжной, так как, начиная с 1893 года, правительство решило покончить с термином «политические арестанты» и влить их в общую арестантскую массу. Поэтому не приходится отделять политическую каторгу от общеуголовной.

Со второй половины XIX века начало свое существование «III отделение собственной его императорского величества канцелярии». Нам неизвестно, с какого года оно обзавелось собственной тюрьмой. Конечно, специальные камеры для кратковременного содержания доставленных в III отделение должны были иметься там довольно рано. Указания на это встречаются в воспоминаниях некоторых узников. Эти воспоминания относились к описанию комнат в самом помещении III отделения, в которых содержали арестованных. Однако здесь имелось и специальное тюремное здание.

К сожалению, все наши поиски в архивах каких-либо сведений о времени открытия этой тюрьмы, о ее узниках, о ее истории не увенчались успехом.

Сведения, изложенные ниже, взяты из воспоминаний некоторых бывших заключенных этой тюрьмы и из единственной статьи, автору которой посчастливилось ознакомиться с журнальной книгой о поступлении сюда арестантов. Все сведения относятся к периоду после 1870 года (и этим объясняется, что мы знакомим читателя с этой тюрьмой лишь в третьем томе «Истории царской тюрьмы»).

Наиболее подробное описание тюрьмы III отделения дал революционный деятель второй половины 70-х и позднейших годов Н. С. Тютчев. Тюрьма эта находилась в Петербурге на Пантелеймоновской улице во дворе дома № 9. Это было здание в три этажа, в нижнем из которых помещалась кордегардия, а во втором и третьем — камеры для заключенных. Ход в эту тюрьму был через массивную дверь из решеток. В 70-х годах, когда сюда был заключен Тютчев, камеры были больших размеров и каждая с двумя окнами, стекла которых были замазаны белой краской¹. Форточка была ограждена металлической сеткой, чтобы помешать заключенному выбрасывать что-либо во двор. Стены камеры были окрашены желтой краской с

¹ См. Н. С. Тютчев, Революционное движение 1870—1880 гг., Статьи по архивным материалам, М., 1925, стр. 78—101.

черным бордюром внизу. Обстановка здесь была обычная тюремная и состояла из деревянного стола и стула и металлической кровати с волосяным матрацем, двумя подушками, двумя простынями и одеялом. Отступлением от общего типа было устройство двери в тюремной камере: вся верхняя часть ее была застекленная. Прогулок в этой тюрьме не производилось. Письменных принадлежностей не полагалось. Тюремная библиотека была очень скудна по содержанию. Что же касается питания, то автор воспоминаний считал его «сносным». По утрам камеры заключенных обходил жандармский офицер. Таковы сведения о тюрьме III отделения, сообщенные Тютчевым¹.

Значительно интереснее обработанный этим же автором архивный материал в виде списка арестованных за период — с мая 1880 года по май 1883 года. Это были как раз годы развития деятельности партии «Народная воля» и борьбы с нею царизма. Поэтому в книге записи арестованных находятся имена крупнейших революционеров того периода и в том числе Желябова, Перовской, Кибальчича, Фроленко, Штромберга, Веры Фигнер и др. В общей сложности за три года через тюрьму прошло 84 человека, но некоторые из них по два, по три раза. Они размещались в 13 одиночных камерах.

Среди арестованных было 14 женщин. Срок пребывания в этой тюрьме большинства из них был два-три дня, но те немногие, которые давали откровенные показания, будучи агентами тайного сыска или предателями, оставались здесь неделями и месяцами.

Наиболее продолжительный срок содержался в тюрьме III отделения Стефанович. Он поступал в эту тюрьму трижды и содержался в ней в один из этих трех раз даже более 8 месяцев. Автор воспоминаний об Алексеевском равелине Поливанов, также побывавший в тюрьме III отделения, рассказывал, что камера № 1, соседняя с его, была запечатана сургучной печатью, которая снималась при посещении камеры жандармами и затем вновь запечатывалась. Заключенный этой камеры не отвечал на попытки Поливанова завязать сношения посредством перестукивания. В настоящее время выяснено, что в запечатан-

¹ Побывавший в тюрьме III отделения Н. А. Морозов находился в камере не с двумя окнами, как Тютчев, а с одним окном, стекла которого были также замазаны белой краской. У дверей камеры при ее уборке вставал жандарм с саблей. По коридору все время прохаживался часовой. Морозов вспоминал о питании в этой тюрьме, которое было лучше обычного тюремного. (См. Н. А. Морозов, Повести моей жизни, т. III, 1918.)

В. Г. Короленко провел в тюрьме III отделения в 1878 году одну ночь и часть дня («История моего современника», т. II, стр. 349—350).

ной камере содержался Стефанович, писавший для III отделения историю революционного движения в России. Книга записи арестованных устанавливает, что Стефановичу были предоставлены собственные вещи, почти всегда отбирившиеся у других заключенных. Бессрочные каторжные работы были сокращены Стефановичу до четырех лет. Это заставляет предполагать, что царское правительство оценило услугу, оказанную ему Стефановичем¹.

Другим заключенным тюрьмы III отделения, содержащимся в ней также продолжительное время, был обвинявшийся в террористических актах Златопольский. Он доставлялся в эту тюрьму трижды и был занят здесь писанием записок «Идейные люди» и «Основание рациональной системы общественно-экономической деятельности». Но этот автор не оправдал ожиданий полиции, не дал «откровенных показаний», а потому и не получил никакой «награды».

В книге записей арестованных указывались день и час прибытия арестованного в тюрьму, место, откуда он был доставлен, куда и когда он был отправлен из тюрьмы III отделения. В особой графе перечислены принадлежавшие заключенному вещи, отобранные у него при поступлении в тюрьму. Из этих записей видно, что наибольшее количество заключенных поступало в тюрьму из Дома предварительного заключения в Петербурге, но были поступления и из других мест, начиная с Петропавловской крепости и кончая тюрьмами Сибири. Наиболее часто из тюрьмы III отделения заключенных отправляли в Петропавловскую крепость и в Дом предварительного заключения. Из книги записей видно, что доставка Желябова и Перовской, арестованных по делу 1 марта о покушении на Александра II, была произведена штабс-капитаном Соколовым, прославившимся на постах смотрителя Алексеевского равелина и новой тюрьмы в Шлиссельбурге.

Тютчев определил число камер в тюрьме III отделения цифрой 8, но по книге записей арестованных установлено, что количество камер было 13. Он затруднялся определить, где же находились остальные пять камер. Можно предположить, что

¹ Ф. Покровскому удалось найти в рукописном отделе Академии наук записку Стефановича, которую он писал в тюрьме III отделения в 1882 году. Она передана в Историко-революционный фонд. Записка о русской революционной эмиграции писана для Плеве. Она обрисовывает Стефановича как прислужника III отделения. Он иронически относится к эмигрантам и как предатель называет ряд фамилий. (См. «Русская революционная эмиграция», Записки Я. В. Стефановича со вступительной заметкой Ф. Покровского, «Былое» 1921 г. № 16; Кантор, К характеристике Стефановича, «Красный архив», т. 29, стр. 209—210.)

они находились в самом помещении III отделения у Цепного моста. Во всяком случае имеются прямые указания на существование особых комнат для арестованных в этом отделении. Эти камеры по своей обстановке походили на комнаты в гостинице. В таком виде описал комнату в этой тюрьме для арестованных Чарушин, проведший здесь короткое время в 1874 году¹.

Мы воспроизведем сведения из книги с фамилиями арестованных в тюрьме III отделения, относившиеся к некоторым из заключенных. В числе этих заключенных, как говорилось выше, были арестованные по делу 1 марта 1881 г. Желябов, Перовская, Кибальчич, Рысаков. Как ни кратки о них записи в книге арестованных, они представляют интерес.

В III отделение ранее других из первоартовцев был доставлен Рысаков. Как известно, он был арестован на месте взрыва 1 марта и отвезен в Петропавловскую крепость. Отсюда он был доставлен в тюрьму III отделения 2 марта в 4 часа дня и увезен отсюда обратно 4 марта в 11 часов 45 минут вечера. Вторично он был возвращен в тюрьму III отделения 12 марта в 3 часа ночи и оставлен здесь до 4 часов ночи 24 марта, когда был переведен в Дом предварительного заключения.

Откровенные показания Рысакова привели к переводу в III отделение 3 марта в 3 часа 45 минут ночи Желябова. Он содержался в камере № 4 до 11 часов 15 минут вечера 4 марта. В графе книг о вещах арестантов значится отметка о передаче Соколову серебряных часов Желябова.

10 марта на Невском проспекте была арестована Перовская и 11 марта ночью, в 4 часа, была помещена в камеру № 1. В списке вещей Перовской перечислены: пальто, золотое кольцо, пенснэ, запонки к рукавчикам, 5 копеечных серебряных монет и воротниковая маленькая вуалька. Эти вещи были выданы матери Перовской. Вечером того же дня Перовская почти на три часа была вывезена для каких-то надобностей в Петропавловскую крепость. Из тюрьмы III отделения она была переведена в Дом предварительного заключения 24 марта в 3 часа 25 минут дня. Таким образом, она и Рысаков, а также Кибальчич содержались до суда одновременно в тюрьме III отделения, но сноситься между собой не могли, так как в камере каждого из них днем и ночью находились часовые.

Кибальчич содержался в камере № 2 рядом с Перовской с 6 часов 30 минут вечера 20 марта до 10 часов 30 минут 24 марта, когда был переведен в Дом предварительного заключения. Очевидно, в целях безопасности первоартовцев пере-

¹ См. Н. А. Чарушин, О далеком прошлом, М., 1926.

вели из одной тюрьмы в другую, хотя и в один и тот же день, но в разные часы.

По словам Тютчева, содержавшийся в то время в Петропавловской крепости народоволец Клеменц рассказывал ему о предъявлении ему для опознания в III отделении головы молодого человека, хранившейся в банке со спиртом. Клеменц отозвался незнанием. Это была голова Гриневицкого, убитого брошенной им 1 марта бомбой.

За указанные годы через тюрьму III отделения, кроме названных, прошли будущие узники Алексеевского равелина, Шлиссельбургской крепости, Карийской каторги и других тюрем, а также и те, жизнь которых была прервана рукой палача. В числе этих узников были Штромберг, Рогачев, Пресняков, Ширяев, Клеточников, Тригопи, Фроленко, Баранников, Щедрин, Вера Фигнер, Елизавета Ковальская и др.¹.

§ 47. ПЕРВЫЕ КАТОРЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРАЛЫ

В русской криминологической литературе совсем нет сведений о первых политических каторжных и пересыльных тюрьмах, возникших во второй половине 70-х годов XIX века и существовавших очень короткие сроки: каторжные центры всего 5 лет, а пересыльные — лишь 3 года. Несмотря на краткость существования этих политических центров, история царской тюрьмы не может обойти их молчанием.

Разные причины объясняют организацию, с одной стороны, каторжных политических центров, а с другой — пересыльных тюрем, которые были предназначены для временного содержания в них административных политических ссыльных. Впрочем, бывали случаи, когда в пересыльные центры направляли на короткие сроки и приговоренных к каторжным работам.

До образования в середине 70-х годов каторжных политических центров осужденные за государственные преступления на каторжные работы обычно направлялись в Сибирь на Кару, где для них имелась каторжная тюрьма. Некоторые из осужденных, признанные особо опасными, оставались в Алексеевском равелине Петропавловской крепости или в Шлиссельбургской крепости. Напоминаем, что секретная тюрьма

¹ Список всех заключенных приведен Тютчевым. См. «Революционное движение 1870—1880 гг.» ч. I, М., 1925, стр. 83.

Алексеевского рavelина содержала 19 одиночных камер, а старая тюрьма в Шлиссельбурге, рассчитанная на 10 заключенных, была в 1870 году временно, до 1884 года, закрыта.

Отправка политических каторжан в Сибирь, усилившаяся уже в 60-е годы, не вполне удовлетворяла правительство. Оно предпочитало содержать наиболее опасных своих врагов ближе к себе под непосредственным наблюдением. После закрытия Шлиссельбургской крепости в 1870—1884 гг. администрация располагала, как уже сказано, всего 19 камерами в Алексеевском рavelине. Однако почти все эти камеры, за исключением трех или двух, оставались незанятыми. Царизм предпочитал отправлять менее опасных своих врагов до половины 70-х годов на Кару. Оставление в столице, хотя бы и в Алексеевском рavelине, членов противоправительственных партий представлялось небезопасным ввиду наличия в столице других, нераскрытых членов этих партий.

По-видимому, известную роль в открытии каторжных политических централов в 1875 году в Харьковской губернии сыграло недовольство шефа жандармов Мезенцова режимом политической каторги на Каре в 60-е и 70-е годы. Этот режим был значительно смягченным, а шеф жандармов был сторонником наиболее суровой расправы с участниками революционного движения. Предпочитая пока не предпринимать мер к изменению этого режима, Мезенцов создал каторжные политические централы, в которых и установил на правах полного хозяина особый режим по образцу режима Алексеевского рavelина.

Ближайшим поводом к открытию политических централов послужило событие, описанное нами в главе о политических процессах: напоминаем, что при исполнении обряда публичной казни над Папиным и Плотниковым, осужденными по делу Долгушина, Плотников с эшафота пытался вести революционную пропаганду. Министр внутренних дел по соглашению с министром юстиции в целях отягчения наказания Папину и Плотникову испросил у Александра II разрешения заключить обоих заключенных в какую-либо центральную тюрьму вместо ссылки их на Кару. Царь, конечно, дал такое разрешение, добавив, чтобы осужденные были заключены в различные тюрьмы. По неизвестным причинам все пятеро осужденных по процессу Долгушина (Долгушин, Гамов, Папин, Плотников и Дмоховский) были направлены в две временные каторжные тюрьмы в 40 и 60 верстах от Харькова, а именно в Новобелгородскую и Новоборисоглебскую (Андреевская и Печенежская) тюрьмы.

О предстоящем их прибытии в Харьков стало известно в городе, и в ожидании их на вокзале собралась толпа народа.

Это было совсем нежелательное для жандармов событие, причинившее им беспокойство.

Кроме долгушинцев, узниками первых политических каторжных централов в период 1875—1880 гг. были наиболее выдающиеся революционеры того периода, осужденные по процессу 50-ти 1876 года, по процессу о демонстрации перед Казанским собором в 1876 году, по процессу «Южнороссийского союза рабочих» в 1877 году, по процессу 193-х в 1877 году. Среди узников этих централов были, кроме Долгушина и его товарищей, также рабочий Петр Алексеев, Ипполит Мышкин, Сажин, Войнаральский, Ковалик, Рогачев, Муравский, Виташевский, студент Боголюбов, Бочаров, Чернявский, Кравченко, Ребицкий и др.

Некоторые из этих заключенных оставили свои воспоминания о пребывании в централах. В воспоминаниях мы нашли описание обоих централов.

Подробное описание Новоборисоглебского централа дал Сажин, осужденный по процессу 193-х¹. Под тюрьму было занято помещение бывшей казармы аракчеевских военных поселений. Огромная площадь была обнесена высокой каменной стеной со всех четырех сторон. В одной из стен были ворота, а около них снаружи небольшой дом для стражи. Посредине площади внутри тюремных стен было большое здание, рассчитанное на 600 арестантов, но в 1878 году, к которому относится описание Сажина, их содержалось здесь около 900, осужденных за уголовные преступления. На этом же тюремном дворе были другие каменные здания, в которых были размещены мастерские для починки арестантского платья и обуви, кухня, баня, лазарет. Позади главного центрального здания, в правом углу, находился двухэтажный корпус с одиннадцатью одиночными камерами в каждом этаже. Этот корпус и был отведен для политических каторжан. По словам Сажина, уголовных заключали сюда очень редко.

Одиночная камера в Новоборисоглебской тюрьме была небольших размеров. Сажин определял размеры камеры всего в 1 квадратную сажень; когда он лежал на тюремной койке с вытянутыми ногами и закинутыми за голову руками, то упирался ногами в одну стену, а руками в другую, противоположную. У изголовья к стене была прибита доска, служившая столом. В камере был ушат-«параша» и жестяной таз для умывания. Никакой другой мебели, в том числе и табуретки, не было.

¹ См. М. П. Сажин (Арман Росс), Воспоминания, 1860—1880 гг., 1925, стр. 109.

На нарах не было ни одеяла, ни подушки, а лишь войлок, обшитый дерюгой. Сажин пользовался вместо подушки свернутыми штанами, а укрывался курткой. Администрация требовала, чтобы арестанты на ночь раздевались. При таких условиях они очень страдали от холода.

Одиночные камеры в Новобелгородской тюрьме также скорее напоминали карцер. По описанию бывшего узника Джабадари, длина камеры была 4 аршина. Обстановка камеры состояла из койки, стола в виде доски, вделанной в стену, табуретки, прикрепленной неподвижно, и «параши». Небольшое окно было под самым потолком, и его нижние стекла были окрашены лиловой краской, а потому в камере был всегда полумрак. На койке не было ни матраца, ни одеяла, ни подушки, был лишь один доскут холста, а узник прикрывался на ночь своими штанами. Заключенный вспоминает: «Ночью — мучительный сон на голых досках; скорченные, спутанные цепями и одеревяневшие от холода члены — и ни клочка, хотя бы соломы, какая всегда найдется к услугам последней бездомной собаки»¹.

Сходными чертами описал камеру в Новобелгородском центральном Виташевский, помещенный в эту тюрьму 4 августа 1878 г., т. е. на год позднее, чем Джабадари.

Виташевский дал некоторые сведения и о самой тюрьме. На обширном участке земли, обнесенном стенами, было размещено несколько зданий. В центре участка в каменном корпусе в общих камерах были заключены уголовные каторжане. Кроме этого центрального здания, было несколько других — каменных, в которых находились мастерские, кухня, прачечная, баня, больница, и по обе стороны центрального здания — два корпуса с одиночными камерами. Сюда и помещались осужденные за государственные преступления. Из уголовных же здесь иногда содержались приговоренные за отцеубийство и кровосмещение.

Камеры были расположены в коридоре по обе его стороны. Двери этих одиночек снаружи и внутри были окованы железом. В каждой двери была форточка для подачи пищи, «глазок» — для наблюдения за арестантом и над форточкой отверстие для помещения на ночь керосиновой лампочки. Автор этих описаний поясняет, что койка и столик были на шарнирах и могли быть поднимаемы и опускаемы. Небольшое же окно под потолком составляло часть прежней большой рамы, заложеной кирпичом, от подоконника к верхней части рамы отвесно так, что не было никакой возможности, при отсутствии подоконника,

¹ И. С. Джабадари, В неволе, «Былое» 1906 г. № 5, стр. 157.

удерживаться на покато́й поверхности, заложеной кирпичами. Так как оба здания с одиночными камерами находились на одном общем тюремном дворе с другими зданиями, то в одиночках не было мертвой тишины: с тюремного двора и из сада при тюрьме, из центральной уголовной тюрьмы доносились голоса и различные звуки¹.

Таково описание политических централов и одиночных камер в них. По-видимому, за 5 лет существования этих централов никаких изменений в их устройстве не произошло, за исключением одного: в последний год неподвижный табурет, прикрепленный к полу, был заменен подвижным. Общее же состояние этих полутемных небольших камер было охарактеризовано посетившим их в 1879 году харьковским губернатором, который назвал их карцерами.

Обращаясь к ознакомлению с режимом этих политических централов, надо иметь в виду, что он, оставаясь все время необычайно жестоким, был особенно суровым в первые два года. Некоторое смягчение режима было результатом долгой борьбы заключенных с тюремной администрацией.

Никакого закона и никакой общей инструкции о режиме политических централов при их открытии и позднее не было издано. Казалось бы, что отсутствие специальных узаконений должно было быть истолковано в том смысле, что режим должен был определяться существовавшим тогда законом. В действительности этого не произошло, а в роли законодателя выступил шеф жандармов Мезенцов. Он не постеснялся издать распоряжение, противоречившее закону и превращавшее политические централы в филиалы Алексеевского рavelина и секретной тюрьмы Шлиссельбурга.

Приговоренные к каторжным работам должны были, по закону, содержаться в камерах общего заключения. Но уже при отправке долгушинцев в эти централы царь распорядился содержать их в одиночных камерах «под строгим присмотром». Этим распоряжением и было положено начало той полной изолированности заключенных друг от друга и от внешнего мира, которая напоминала режим Алексеевского рavelина. В то время как закон предоставлял уголовным каторжанам право регулярных свиданий с их родными, Мезенцов запретил такие свидания для политических каторжан. Только в виде исключения, после долгих хлопот, он разрешил матери одного из заключенных и жене другого свидание в Новобелгородской тюрьме.

¹ См. Н. А. Виташевский, Централка, «Былое» 1906 г. № 7, стр. 107—135.

Позднее обе женщины были высланы из Харьковской губернии по подозрению в нарушении правил свидания. На такой же точке зрения полного запрещения свиданий стоял и харьковский генерал-губернатор князь Кропоткин.

Составив 27 июня 1875 г. инструкцию смотрителя центральных каторжных политических тюрем, этот губернатор находил свидания вредными для тюремной дисциплины и открывающими возможность подкупа тюремных сторожей. В названной инструкции он в первом же пункте выставил требование не допускать общения между заключенными, перечислил лиц тюремной администрации, которым дал право входить в одиночные камеры, приказал обращаться к политическим узникам на «ты», высказался за необходимость вооружения револьверами не только старших, но и младших надзирателей¹.

Шеф жандармов Мезенцов установил режим более строгий, чем эта инструкция. Так, например, инструкция разрешала политическим каторжанам пользоваться тюремной библиотекой, а Мезенцов разрешил получение оттуда лишь религиозных книг. Такое ограничение чтения было отменено нескоро.

Запрещение умственного труда в одиночных камерах было тяжким лишением для заключенных.

Другим таким лишением для политических каторжан было запрещение всякого физического труда. Это совершенно противоречило закону, требовавшему занятия каторжан работами.

Такой режим, установленный Мезенцовым в политических центрах, нашел справедливую резкую оценку у председателя комиссии тюремного преобразования Грота. Осмотрев политический Новобелгородский централ, он написал 11 октября 1887 г. министру внутренних дел письмо. Грот подчеркивал, что «в то время, как уголовные каторжане содержатся в общем заключении, имея возможность общения между собой, лица, содержащиеся за государственные преступления в Новобелгородской тюрьме, все без изъятия находятся в одиночном заключении... Тюремный надзор, — по словам автора письма, — стремится лишь к одной цели — замыкания накрепко в тесные камеры преступников, частью закованных в кандалы, предоставляя им затем оставаться по целым длинным дням почти без занятий, наедине с самими собой». Грот отметил, что лишь очень незадолго до его посещения заключенные впервые полу-

¹ ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, фонд 122, опись 1, дело № 61, 1879—1881 гг. «О порядке исполнения наказания над государственными преступниками».

чили возможность брать книги из тюремной библиотеки, а тюремному начальству дано разрешение предоставлять узникам «ручные производства» в одиночных камерах. Последствием такого режима явились, по указанию Грота, заболевания и смерть заключенных. За два с половиной года из 13 человек двое умерли (один из них сошел с ума), а пятеро находились под угрозой заболевания чахоткой. Это дало Гроту право назвать последствия тюремного режима «истребительными и гибельными». Он предупреждал о возможности открытого неповиновения людей, поставленных в такие условия.

Грот предлагал разобщать политических каторжан лишь на ночь, а в течение дня содержать их по несколько человек вместе. Мезенцов был сторонником строжайшего одиночного заключения и не пошел ни на какие смягчения режима. Наоборот, совершенно игнорируя закон, он потребовал оставления в одиночных камерах центральной тюрьмы даже тех заключенных, которые после отбытия установленной части срока были переведены в разряд исправляющихся.

По закону же такие осужденные переводились на жительство вне тюремных стен.

Вообще Мезенцов не считался с законом в борьбе с революционным движением. Так, например, в рассматриваемое нами время он требовал заковывать в ножные кандалы политических арестантов, не обращая внимания на их принадлежность к тем сословиям, привилегией которых было избавление от оков. Он же выступил с предложением устройства в железнодорожных вагонах одиночек, по образцу тюремных, для перевозки в них политических арестантов в условиях полного разобщения. Мезенцов мотивировал все это тем, что осуждение вызывает в пропагандистах не святое подчинение воле закона, а еще большую энергию к сопротивлению.

После смерти Мезенцова харьковский губернатор, подводя итог оценке режима, установленного в централе, употребил такие выражения, которые не встречались нам в других официальных документах. Он писал министру внутренних дел: «Нравственная пытка, выносимая политическими арестантами от одиночного заключения, так велика... что я не могу не высказаться против продолжения содержания их в одиночном заключении»¹.

Автор указывал на протесты заключенных, распространение среди них душевных заболеваний и считал, что у тюремной

¹ ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, фонд 122, опись 1, дело № 61 (1879—1881 гг.). «О порядке исполнения наказания над государственными преступниками», л. 94, оборот.

администрации при таком строгом режиме нет никаких средств поддерживать дисциплину. Тюремный режим был сам по себе сплошным наказанием, так как камеры не отличались от карцеров, кандалы носили почти все, а пищу принимали мало и неохотно. В своем донесении от 11 июля 1879 г. губернатор называл эту пищу «чрезвычайно плохой и недоброкачественной».

На основании своего ознакомления с политическими центрами он доносил харьковскому временному генерал-губернатору о «разрушительном действии» режима этих тюрем на физическое и психическое здоровье заключенных.

Душевные заболевания в центрах начались уже на первом году пребывания в них узников. Осужденный по делу Долгушина Гамов, покушаясь на самоубийство, нанес себе в голову четыре раны. Только после этого он был доставлен в психиатрическую больницу, где его видел известный психиатр проф. Ковалевский. Последний был поражен внешним видом Гамова. Черный, как трубочист, Гамов был покрыт густым слоем сажи, которую не могли с него отмыть даже после пяти ванн. Оказалось, что печь в одиночной камере Гамова страшно дымила, и узник был прокопчен заживо. Он умер в больнице в состоянии полного паралитического слабоумия 5 апреля 1876 г.¹

III отделение не торопилось с освидетельствованием заключенных даже и в тех случаях, когда об этом просила тюремная администрация. Так, например, просьба об освидетельствовании четырех психически заболевших узников Новобелгородского центра осталась совсем без ответа.

Из общего числа 35 узников обоих центров за 5 лет психически заболело 7. В этом числе были переведенные в 1880 году в Казанскую психиатрическую лечебницу Плотников, осужденный по процессу Долгушина, и Боголюбов, осужденный по процессу демонстрации 6 декабря 1876 г. в Петербурге на площади перед Казанским собором. Это был тот Боголюбов, который при посещении тюрьмы петербургским градоначальником Треповым отказался снять перед ним шапку и был за это высечен. Как душевнобольной он был переведен в лечебницу города Казани.

Во время пребывания его здесь выяснилось, что его настоящая фамилия Емельянов. Просьба его стариков-родителей об отдаче им на поруки больного сына была поддержана администрацией больницы, но министерство внутренних дел отказало

¹ См. «Смерть Д. И. Гамова», из архива В. Я. Богучарского «Каторга и ссылка», кн. 31, стр. 98—100. Смерть Гамова отмечена еще в 1878 году Долгушиным в брошюре «Заживо погребенные», переизданной Госиздатом, П., 1921.

в ее удовлетворении¹. Только повторные ходатайства брата больного были, наконец, удовлетворены.

Через несколько лет больной умер в доме брата; по словам последнего, Боголюбов с горечью вспоминал в светлые промежутки то величайшее издевательство, которое было совершено над ним по приказу генерала Трепова².

Режим политических централов приводил не только к душевным заболеваниям узников, но и к разнообразным их протестам, как индивидуальным, так и коллективным. Из протестов отдельных заключенных выделился протест Мышкина. В 1880 году он во время службы в тюремной церкви нанес удар по лицу смотрителю тюрьмы. При производстве расследования он пояснил, что этим своим действием, за которое ему угрожала смертная казнь, он рассчитывал обратить внимание общества на положение узников в политическом центре. Это положение тяжелее смертной казни. Есть основание предполагать психическое заболевание Мышкина в то время. Еще несколькими месяцами ранее психиатрическая экспертиза признала Мышкина душевнобольным³. Эта экспертиза была произведена по случаю обнаружения попытки побега Мышкина из центра посредством подкопа, который он предполагал совершить при помощи гвоздя, кусочка железа и деревянной штуркатурной лопаточки. При этом он изготовил себе костюм из колена, полученного для подклейки географических карт, изготовление которых в то время ему было разрешено. При расследовании дела о нанесенном оскорблении Мышкин, между прочим, давал довольно странные объяснения своего поступка: он желал умереть вне тюрьмы, хотя бы и от руки палача, чтобы быть похороненным в земле, так как «трупы умерших в тюрьме арестантов отдаются на съедение свиньям».

Вследствие ненормальности Мышкина наказание для него было ограничено наложением оков и заключением в карцер на 6 суток. Напоминаем, что менее чем через 5 лет после этого события Мышкин был казнен в Шлиссельбургской крепости за оскорбление действием смотрителя тюрьмы. Он совершил это действие из желания, как и ранее в Новобелгородском центре,

¹ ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, фонд 122, опись I, дело № 802. «По ходатайству священника Степана Емельянова об отдаче ему на поруки сына».

² См. Я. Емельянов, Воспоминания о брате, «Каторга и ссылка» 1930 г. № 11.

³ ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, фонд 122, опись 65, 1879—1880 гг. По представлению С.-Петербургского губернатора о государственном преступнике И. Мышкине, листы 22—24 и др.

своей смертью обратить внимание общества на тяжелое положение заключенных в крепости.

Из коллективных протестов заключенных в Новобелгородской тюрьме наиболее сильные были в июле и в августе 1878 года, когда заключенные стучали кулаками и ногами в двери своих камер, требовали книг для чтения и физического труда и провели голодовку, заявив, что своей смертью хотят обратить внимание общества на свое тягостное положение. В ответ на это последовали наказания карцером и другие дисциплинарные наказания¹.

Режим политических централов стал известен и за их пределами. О тюремных бунтах и голодовках было осведомлено III отделение, но и оно продолжало вести прежнюю политику. После убийства шефа жандармов Мезенцова и харьковского генерал-губернатора князя Кропоткина этот режим еще более был отягчен, но узники продолжали вести борьбу и достигли некоторого успеха. Удалось добиться права получать для чтения книги научного содержания, работу внутри тюрьмы и на ее дворе, куда иногда допускали того или другого узника для пики дров в паре с уголовным арестантом под наблюдением тюремного надзирателя. Такое смягчение режима произошло в Новоборисоглебской тюрьме. Оно было более заметно, чем в Новобелгородской, в которой была сосредоточена большая часть политических каторжан. Так, например, 31 октября 1878 г., когда в Новобелгородском центральном содержалось 28 политических каторжан, в Новоборисоглебском их было всего 5.

За 5 лет существования централов (1875—1880 гг.) в них было заключено 35 осужденных по различным политическим процессам. В печати был воспроизведен полный список этих заключенных с указанием, в какой из двух тюрем они содержались, времени содержания, политического дела, по которому последовало осуждение, и сведений о судьбе некоторых из этих заключенных. Мы уже говорили, что все политические процессы пропагандистов второй половины 70-х годов дали в эти тюрьмы своих представителей. Добавим, что сюда же были направлены и осужденные за вооруженное сопротивление при аресте в Одессе в 1878 году.

Среди заключенных находились также осужденные и по одиночным процессам, когда правительство принимало решение

¹ ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, I делопроизводство, 1879, № 68, л. 8. «О беспорядках, произведенных государственными преступниками, содержащимися в Новобелгородской каторжной тюрьме». См. также Беккер, Долгушинцы в Новоборисоглебской тюрьме, «Каторга и ссылка» № 38, стр. 91—114.

особенно отягчить участь приговоренного к каторге, учитывая и его прошлую революционную деятельность. Среди таких осужденных был, между прочим, участник Парижской Коммуны Елецкий, который умер в Новоборисоглебском центральном, и рабочий-поляк Соколовский, участник Польского восстания 1863 года, сошедший с ума и отправленный в конце 1880 года из тюрьмы в больницу. Назовем также среди жертв жесточайшей расправы слесаря Малиновского, который был осужден за пропаганду среди рабочих на семь лет каторжных работ и помещен в Новобелгородский централ в 1876 году, где очень скоро и умер¹.

Лучшими показателями тягости режима первых политических каторжных централов явилась статистика душевных заболеваний и смертности там. Сошедших с ума было 7, а умерших во время отбытия наказания 8 человек. Это позволяет сказать, что каменные стены централов были пропитаны кровью узников.

Закрытие централов (ноябрь 1880 г.) произошло по инициативе Лорис-Меликова. Им руководили не соображения гуманности, а опасения близости нахождения обоих централов от города Харькова с его большим числом учащейся молодежи, которая постоянно интересовалась судьбой политических узников. Было решено перевести всех заключенных централов в Мценскую политическую пересыльную тюрьму для последующей отправки их в каторжную тюрьму на Каре.

§ 48. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕСЫЛЬНЫЕ ТЮРЬМЫ

В ноябре 1878 года в небольшом уездном городе Тверской губернии в Вышнем Волочке и уездном городе Орловской губернии Мценске в самом срочном порядке были открыты тюрьмы для приема политических заключенных. Они предназначались для временного содержания в них тех, кого правительство отправляло без суда в административную ссылку.

Тюрьмы были открыты тогда, когда не было уже в живых шефа жандармов Мезенцова. Однако возникновение обеих тюрем связано с именем этого жандарма. После убийства 4 августа 1878 г. Мезенцова совет министров 8 августа 1878 г. под

¹ См. Чернявский, Ипполит Никитич Мышкин, «Каторга и ссылка» 1924 г. № 12, стр. 30—48. Автор этой статьи был узником Новоборисоглебской тюрьмы по процессу демонстрации 1876 года на Казанской площади в Петербурге.

председательством самого царя принял ряд решений о расширении административной внесудебной борьбы с революционным движением. Среди этих мер было намечено и открытие тюрем, специально предназначенных для помещения в них ссылаемых по политическим делам в административном порядке.

Надо предполагать, что открытие таких тюрем вызывалось двумя обстоятельствами. С одной стороны, должно было произойти значительное увеличение количества административных политических ссыльных, а с другой стороны, признавалось нежелательным допускать в тюрьмах общение таких «политических неблагонадежных» с другими заключенными.

Политические пересыльные тюрьмы были, таким образом, открыты в то самое время, когда правительство было преисполнено решимости применить в борьбе с революционным движением административный произвол еще шире, чем прежде. Это обстоятельство оказало свое влияние и на режим политических пересыльных тюрем.

Выбор Вышнего Волочка и Мценска для устройства политических тюрем не был случайным. Еще до убийства Мезенцова III отделение было озабочено подысканием тюрем для размещения в них «государственных преступников».

Чиновник министерства внутренних дел Власов, командированный для отыскания таких помещений, остановил свой выбор на тюрьмах в указанных выше городах. Предложение это было принято, и уголовные арестанты этих тюрем переведены в другие здания в тех же городах. В освободившихся тюрьмах был произведен ремонт, и вместимость Вышневолоцкой тюрьмы определилась в 90 человек, а Мценской — в 70 человек.

Начальник III отделения требовал открытия обеих тюрем как можно скорее, мотивировав это имевшимися у него сведениями о предстоящем «наплыве темных злонамеренных пропагандистов, от коих необходимо освободить столицу»¹.

Организация пересыльных политических тюрем в двух небольших уездных городах невольно вызывает вопрос, почему уездные заholустья были избраны местом устройства этих тюрем. Надо думать, что управление политическим сыском в России рассчитывало при этом на очень определенную цель — избежать того общественного внимания к политическим заключенным, которое было для него совсем нежелательным, но которое было бы неизбежно в губернских и столичных городах.

¹ ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, фонд 122, опись I, I делопроизводство, № 212. «О командировании Власова в некоторые губернии для подыскания тюремных помещений к заключению государственных преступников», л. 36.

Вновь открытые политические тюрьмы были созданием III отделения и потому явились отражением картины произвола, наиболее характерного для этого учреждения.

Вышневолоцкая и Мценская политические тюрьмы не имели предшественниц, явившись учреждением совершенно нового типа. Известная в истории царской тюрьмы Московская пересыльная тюрьма в то время еще не имела отделения для политических заключенных и пересыльных: оно, как мы увидим ниже, было организовано в конце 1878 года. Казалось бы, учреждение таких тюрем нового типа требовало определения условий их режима. Но III отделение не было склонно стеснять себя созданием какого-либо закона или даже инструкции. Оно желало оставаться полным и единственным хозяином этих тюрем. Поэтому оно предпочло разрешать вопросы, возникавшие на практике пересыльных тюрем, посредством своих приказов и ответов на запросы, обращаемые к нему особенно часто тверским губернатором.

Отсутствие какого-либо закона или общей инструкции о режиме политических пересыльных тюрем привело к установлению режима, неодинакового в обеих названных тюрьмах. Высшее руководство Вышневолоцкой тюрьмой было поручено тверскому губернатору, а Мценской — орловскому. Особенно ретивым в своем служебном рвении оказался тверской губернатор. В ответ на его запросы, а частью и по собственной инициативе, III отделение предписало не разрешать политическим чая, хотя бы собственного, не вводить никаких занятий для политических узников, не допускать чтения книг, кроме книг духовно-нравственного содержания, не допускать арестантам ношения своей одежды, получения передач и свиданий с родными без специального разрешения губернатора. Такой режим в политических пересыльных тюрьмах под «контролем» фактически ничем не ограниченного губернатора являлся полным попранием существовавших законов о тюремном заключении.

Для того чтобы полнее проводить свои беззакония, министерство внутренних дел позаботилось устранить от вмешательства в управление новыми тюрьмами прокуратуру. Органы прокурорского надзора, обязанные наблюдать за местами заключения, даже не были осведомлены об открытии новых тюрем. Когда представитель прокурорского надзора из Твери попытался осмотреть Вышневолоцкую пересыльную тюрьму, смотритель тюрьмы не пропустил его, указав на соответствующее распоряжение губернатора. Двери тюрьмы не открывались перед прокуратурой, несмотря на все ее протесты. Не только не удалось добиться привлечения к ответственности виновных

в недопущении прокурора в тюрьму, но шеф жандармов объявил, что циркуляр Главного тюремного управления от 24 июля 1879 г. № 1204 в отношении Вышневолоцкой тюрьмы изменяется и прокуратура лишается права просматривать бумаги, писанные политическими заключенными, издавать распоряжения об устранении замеченных неправильностей и может лишь доводить о них до сведения губернатора¹. Так прокуратура как орган наблюдения за законностью была посрамлена и поставлена в зависимость от административного произвола.

Подобно тому как комендант Петропавловской крепости представлял царю списки политических заключенных в крепости, тверской губернатор ежемесячно доставлял в министерство внутренних дел списки узников Вышневолоцкой тюрьмы с характеристикой каждого из них. В этих характеристиках он был очень краток, но безапелляционно решителен. Например, об одном заключенном он писал: «грубый и сердитый», о другом — «хитрый и раздражительный», о третьем — «тихий и порядочный». Кстати, таких «тихий» из 17 узников оказалось всего 4. Преобладают характеристики вроде следующих: «раздражительный и отчаянный», «сомнительный», «опасный меланхолик».

Мы уже говорили, что заключенные Вышневолоцкой тюрьмы не имели права даже пить чай, хотя бы за собственный счет. Это запрещение является ярким показателем материальных условий существования заключенных в Вышневолоцкой тюрьме. Уже известный нам чиновник Власов, тот самый, по предложению которого в Вышнем Волочке и Мценске были открыты политические тюрьмы, вскоре после открытия этих тюрем посетил Вышний Волочек. Он нашел здесь питание заключенных в самом неудовлетворительном виде. Поэтому он просил увеличить расход на питание арестанта с 7 до 12 копеек, разрешить им пить чай и улучшать пищу за свой счет, а для борьбы с цингой курить табак и распространить это также и на Мценскую тюрьму. III отделение дало на это разрешение.

В то время из 13 заключенных 6 были больны туберкулезом, кроме того, были больные цингой. Увеличение расходов на содержание арестанта с 7 до 12 копеек мало помогло. Один из заключенных писал по этому поводу в своем заявлении, что из 12 копеек должны быть покрыты расходы и на лекарства, а ни один аптекарь в мире не может изготовить за такую сумму ле-

¹ ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, фонд 122, опись I, I делопроизводство, дело № 110, 1879.

карства: «Дать 6 коп. на пищу и 6 коп. на лекарство чахоточному человеку — это не дешевое остроумие, а злое издевательство над личностью человека...»¹.

Политические заключенные упорно вели борьбу за улучшение своего положения в тюрьме. Для них было особенно дорого получить право чтения научных книг и право заниматься ремеслами. Насколько трудна была эта борьба, видно из того факта, что разрешение на чтение книг было дано первоначально лишь относительно сочинений по медицине и языковедению. Лишь в 1880 году было позволено заниматься в камерах тюрьмы такими работами, для которых не требовалось инструментов. К этому 1880 году относятся воспоминания о Вышневолоцкой тюрьме писателя В. Г. Короленко². В этих воспоминаниях автор описывал тот смягченный тюремный режим, которого добились узники.

Кроме Короленко, узниками Вышневолоцкой политической тюрьмы были и другие литераторы, а именно: Анненский, Марк Волохов и известный издатель Павленков. Но только Короленко оставил подробное описание условий жизни в названной тюрьме.

В то время среди заключенных были не только интеллигенты, но и рабочие.

Жизнь всех проходила в общих камерах, и заключенные развлекали себя подвижными играми, литературными собраниями.

В этой тюрьме Короленко написал рассказ «Чудная». По словам одного из авторов воспоминаний о пребывании Короленко в этой тюрьме, рассказ «Чудная» был прочитан автором в общей камере в присутствии всех заключенных и произвел на них сильнейшее впечатление. Автор названных воспоминаний рассказывает, что Короленко «писал среди сутолоки и шума, сидя с ногами на кровати, прижавшись в угол так, чтобы можно было писать на развернутой книге, положенной на согнутые колени»³.

Сам Короленко вспоминал с большим юмором, как ему вместе с Анненским удалось выкрасть чернила из тюремной канцелярии, тайно получить карандаш на свидании с родными в тюрьме. Он же рассказывает и о коллективном писании

¹ ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, фонд 122, опись I, I делопроизводство, дело № 212, 1887.

² См. В. Г. Короленко, История моего современника, М., 1948, стр. 86—143.

³ С. П. Швецов, В. Г. Короленко в Вышнем Волочке, «Каторга и ссылка» № 37, стр. 159—166.

несколькими заключенными романа очень легкомысленного содержания, с иллюстрациями, пока один из заключенных, блюститель строгих нравов, не уничтожил его¹.

О пребывании Короленко в Вышневолоцкой тюрьме имеется материал, опубликованный В. С. Нечаевым². В тюрьму Короленко прибыл 21 февраля 1880 г. и пробыл в ней до 17 июля того же года, когда был отправлен в Сибирь. Из акта, составленного смотрителем Лаптевым о прибытии Короленко, видно, что у вновь прибывшего заключенного оказалось всего 5 копеек денег.

Во время пребывания Короленко в тюрьме на свидание с ним приезжали дважды его мать и сестры. Из посылавшихся ему родными посылок к нему не доходили книги, которые, впрочем, были возвращены матери. Видимо, строгости с допуском книг заключенным продолжались и в 1880 году. Но эти строгости не помешали, как рассказывал Короленко, получить одному из заключенных в тюрьме «Капитал» Маркса. Эта книга просматривалась смотрителем тюрьмы Лаптевым, который свободно пропустил ее, заявив, что она ему известна и является полезным практическим руководством³.

Из опубликованных писем В. Г. Короленко, которые он писал в разных тюрьмах и из ссылки, можно видеть, что он вел очень интенсивную переписку, но в своих письмах почти совсем не касался условий тюремного быта и своего времяпрепровождения. Лишь очень бегло он указывает на недостаточность питания, на педагогические занятия с менее образованными товарищами и на изучение им учебников по медицине, по-видимому, с практическими целями — для использования этих знаний в ссылке⁴. Скучность сообщений в письмах В. Г. Короленко о тюремном быте восполнена его воспоминаниями в «Истории моего современника».

О пересыльной политической тюрьме в Мценске официальных сведений немного. Орловский губернатор не был склонен вести об этой тюрьме такую обширную переписку с министерством внутренних дел, какую вел тверской губернатор о Вышневолоцкой.

¹ См. В. Г. Короленко, История моего современника, т. III, М., 1948, стр. 111—112.

² См. В. С. Нечаев, В. Г. Короленко в Вышневолоцкой тюрьме, «Каторга и ссылка» № 37, стр. 189—200.

³ См. В. Г. Короленко, История моего современника, т. III, М., 1948, стр. 106.

⁴ См. В. П. Короленко, Письма из тюрем и ссылки 1879—1885 гг., Горький, 1935 (письмо от 4 июля 1880 г.).

Мценская тюрьма была отремонтирована для приема политических ссыльных 17 ноября 1878 г. Мы имели очень подробные сведения о ней лишь за последние полгода ее существования, когда в эту тюрьму были переведены, по распоряжению Лорис-Меликова, политические каторжане из закрытых в ноябре 1880 года Новобелгородского и Новоборисоглебского политических централов. Описание режима в ней дал один из переведенных сюда заключенных — Н. А. Виташевский¹.

Недаром автор этих воспоминаний назвал Мценскую тюрьму того времени «Мценской гостиницей». И в самом деле, условия пребывания здесь заключенных были мягче обычных тюремных условий. Переведенные сюда каторжане были освобождены от оков, носили собственное платье, имели в течение всего дня свидания с родными и т. д. Такие тюремные условия были совершенно исключительными во все время существования царских тюрем и явились коротким эпизодом в жизни «централистов» на пути их из страшных каторжных политических централов на Карийскую каторгу.

В заключение приведем некоторые цифры о количестве заключенных в названных нами пересыльных тюрьмах. Наибольшее количество узников бывало перед началом навигации, так как для пересылки в Сибирь пользовались и водным путем. Из обеих названных тюрем в навигацию 1879 года было отправлено всего шесть партий численностью от 8 до 22 каждая. К началу навигации 1880 года в Мценской тюрьме было 42 человека, из которых отправлено в Сибирь 34. Ко времени открытия навигации 1881 года в Мценской тюрьме было 40 человек, а в Вышневолоцкой — 12. Летом 1881 года в Мценской тюрьме был всего один заключенный².

В виде исключения в 1880 году в конце декабря из Петербургского Дома предварительного заключения были доставлены в Мценскую пересыльную тюрьму две женщины — Евгения Фигнер (родная сестра Веры Фигнер) и Грязнова, осужденные к ссылке на поселение по процессу 16-ти, где они содержались в одиночных камерах³. Однако Главное тюремное уп-

¹ См. Н. А. Виташевский, В Мценской гостинице, «Былое» 1917 г. № 4.

² ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, фонд 122, опись I, дело № 649, 1881. «Об упразднении Мценской и Вышневолоцкой политических тюрем», листы 1—8.

³ ЦГИА в Москве, дело III отделения, 3 экспедиция, 1880, № 75, на 207 листах. «О предании военному суду в С.-Петербурге 16 человек, обвиняемых во взрыве в Зимнем дворце, на Московско-Курской ж. д., в убийстве князя Кропоткина и других преступлениях», ч. I.

равление очень скоро перевело обеих женщин в Московскую Бутырскую тюрьму, указав, что Мценская тюрьма не приспособлена для содержания женщин.

Не следует думать, что в эти годы вообще было мало политических ссыльных. Наоборот, число их было очень велико. Например, в 1879 году в одном Красноярске их скопилось около 300 человек.

Небольшое количество узников Вышневолоцкой и Мценской пересыльных тюрем объясняется тем, что перевоз сюда революционеров из разных городов империи стоил больших денег и хлопот по организации конвоя для каждого препровождаемого сюда арестованного. Тем более нелепым было положение с арестованными в Москве: Главное тюремное управление указывало на лишние расходы по пересылке тех, кто снова возвращался из Вышнего Волочка в Москву для формирования партий ссыльных. Поэтому уже через два с половиной года в Главном тюремном управлении возник вопрос о закрытии пересыльных тюрем в Вышнем Волочке и Мценске; 8 августа 1881 г. этот вопрос был окончательно разрешен положительно.

Кроме финансовых и технических затруднений, на закрытие тюрем в Мценске и Вышнем Волочке оказали свое влияние также и политические соображения. Из них, между прочим, исходило и Главное тюремное управление. Оно получило из Мценска описание препровождения из пересыльной тюрьмы партии политических пересыльных на вокзал железной дороги. Эти препровождения превращались, по словам корреспондента, в торжественные шествия. На проводы выходили не только горожане, но и семьи тех крестьян из соседних деревень, которые поставляли подводы в тюрьму. Для правительства это «торжественное шествие» имело нежелательный характер и превращалось в своего рода политическую демонстрацию.

Из закрытых Вышневолоцкой и Мценской пересыльных тюрем находившиеся там немногие заключенные были переведены в Московскую Бутырскую тюрьму. В том же самом 1878 году, когда министерство внутренних дел открыло специальные пересыльные тюрьмы для политических в двух названных нами городах, оно (31 июля 1878 г.) подняло вопрос об устройстве особого отделения с одиночными камерами для содержания политических заключенных в Московской Бутырской тюрьме.

Первоначально предполагалось устроить одиночные камеры в самом помещении Бутырской тюрьмы. Однако для такого устройства встретились затруднения технического характера. Из этих затруднений легко вышли, решив отвести для содержания

политических заключенных камеры в тех башнях тюрьмы, которые были известны — одна под названием Пугачевской, а другая — Полицейской. Было отведено для одиночного заключения в обеих башнях 29 камер, из которых в Пугачевской — 14 и в Полицейской — 15. Известно, что из 14 камер Пугачевской башни 4 было темных, а 10 считались светлыми. Название камер «светлыми» ни в какой степени не отвечало действительности. Дневной свет мог проникать в камеры лишь очень слабо, так как на небольших окнах были устроены не только внешние и внутренние металлические решетки, но и проволочные сетки и зонты.

Толстые стены были пропитаны сыростью, а вентиляция совершенно отсутствовала. Этажи башен соединялись узкими винтовыми лестницами. Эти одиночные камеры для политических в башнях напоминали своим общим видом средневековые места заключения.

«Честь» приспособления башен для содержания политических арестантов принадлежит начальнику Главного тюремного управления Гроту¹, осматривавшему Московскую Бутырскую пересыльную тюрьму в 1881 году. Он отметил пригодность Пугачевской и Северной башен для целей заключения политических ссыльных. К этому времени Часовая башня приспособлялась для общего заключения политических в трех камерах, на 9 человек каждая; эта башня предназначалась для размещения в ней административных политических ссыльных. В 1881 году Пугачевская башня была отведена для содержания в ней до ссылки в Сибирь женщин, осужденных за государственные преступления в каторжные работы и на поселение. В этой же башне содержались в не запиравшихся на день камерах женщины по обвинению в государственных преступлениях в административном порядке.

Как видно из сообщения московского губернатора в Главное тюремное управление, в марте 1882 года политические заключенные были размещены по четырем башням Бутырской тюрьмы, а именно: в Пугачевской содержалось 9 женщин, в Полицейской — 5 мужчин, в Северной — 16 мужчин и в Часовой — 25 мужчин.

Сведений о режиме в первые годы организации заточения политических узников в башнях Бутырской тюрьмы имеется

¹ ЦГИА в Москве, дело Главного тюремного управления, фонд 122, опись I, I делопроизводство, 1881, № 653, на 87 листах. «Об устройстве при Московской пересыльной тюрьме особых помещений для обвиняемых в государственных преступлениях».

очень мало и притом лишь официального характера. Так, губернский тюремный инспектор доносил о таких «вольностях» узников, как покупка ими вскладчину огромного самовара и распивание чая, а также общение между собой. Однако были «вольности» и другие, а именно сношение с товарищами на свободе и получение от них литературы. Донос об этом не замедлил последовать в Главное тюремное управление. Внезапный обыск в камерах дал администрации богатую добычу. Среди найденной литературы упомянуты труды Маркса на русском и немецком языках. Заключенные оказали физическое сопротивление при отобрании книг, но сила была не на их стороне.

Условия содержания политических заключенных в Бутырской тюрьме были определены особой «инструкцией для временного содержания политических заключенных в Московской центральной политической тюрьме». Она была утверждена 31 октября 1881 г. и делилась на две части, из которых первая распространяла на заключенных, приговоренных к каторжным работам или на поселение, соответствующие узаконения о содержании каторжников и поселенцев. Вторая же часть содержала уже известные нам правила о содержании административно-заключенных и ссыльных от 7 июля 1880 г.

Башни Бутырской тюрьмы продолжали оставаться местом заключения политических перед ссылкой в Сибирь до конца царизма. Увеличение числа ссыльных в административном порядке с конца XIX века и осужденных судами после первой революции влило этих узников в общие корпуса Бутырской тюрьмы, частично превращенной во временную каторжную центральную тюрьму, без различия для приговоренных за политические и общеуголовные преступления.

§ 49. КАРИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТОРЖНАЯ ТЮРЬМА

История Карийской политической каторжной тюрьмы охватывает очень небольшой период (1873—1890 гг.). Как известно, 70-е годы были временем наибольшего развития революционной пропаганды, а 80-е — индивидуального террора. Оба эти течения в истории русской революции дали на Карийскую каторгу наиболее крупных своих представителей. Но Карийская политическая тюрьма представляет еще и другой интерес. Она является совершенно исключительной по тому режиму, которого смогли добиться для себя заключенные этой тюрьмы, пока в 1890 году

царское правительство не перевело отсюда 13 оставшихся политических каторжан в Акатуй в условия общей каторги, чтобы расправиться там с ними обычным порядком.

Карийская политическая тюрьма начала свое существование в 1873 году всего при двух каторжанах, а кончила его в 1890 году при 13. Но в промежуточные годы число политических каторжан возрастало до 100 и даже несколько более. Всего за 18 лет через Карийскую политическую каторжную тюрьму прошло 211 приговоренных к каторжным работам и в том числе 32 женщины. Это были большей частью очень стойкие революционеры, которые всегда были готовы продолжать борьбу в стенах самой тюрьмы и умереть там в этой борьбе. Самоубийством шести из них в 1889 году после телесного наказания политической каторжанки Сигиды и закончилось существование Карийской политической тюрьмы.

В печати появилось несколько воспоминаний о Карийской политической тюрьме. Эти воспоминания были написаны узниками различных годов и различного политического направления. Однако все они сошлись в оценке общей артельной жизни со многими ее положительными сторонами, которой они здесь добились.

Один из авторов, член партии «Черный передел», осужденный на десять лет каторги за пропаганду, так характеризовал тюремное общежитие на Каре: «Во всяком случае это было наиболее совершенное общежитие, какое только могло возникнуть под замком и за высокими забайкальскими «палями». При данных условиях его могли создать только авангардные отряды целых революционных поколений, разбитые и брошенные в долину Карийских золотых россыпей кабинета его величества...»¹.

В создании условий тюремного быта Карийской каторги и в защите своих завоеваний приняли участие осужденные к каторжным работам по многим политическим процессам 70-х и 80-х годов. Среди этих осужденных оказались приговоренные нечаевцы, долгушенцы, участники демонстрации на площади перед Казанским собором осужденные по делу «Южнороссийского союза рабочих», по процессу 50-ти, по делу о пропаганде в войсках, по процессу 193-х по чигиринскому делу, по делу польской социалистической партии «Пролетариат» и по целому ряду других процессов о террористах, участвовавших в

¹ Геккер, Политическая тюрьма на Каре, «Былое» 1906 г. № 9, стр. 69. Автор поступил в Карийскую тюрьму в 1884 году, а в 1888 году переведен в вольную команду.

посягательствах на жизнь царя, высших представителей администрации, предателей и провокаторов.

Следующие цифровые данные покажут поступление в Карийскую политическую тюрьму осужденных за государственные преступления.

ЧИСЛО ВНОВЬ ПОСТУПИВШИХ В КАРИЙСКУЮ ТЮРЬМУ

ЗА 1873—1890 ГОДЫ

Годы	Число поступивших	Годы	Число поступивших
1873	3	1882	20
1875	2	1883	23
1877	6	1884	6
1878	7	1885	6
1879	1	1886	7
1880	25	1888	3
1881	46	1889	56

Всего . . . 211 человек

Эти сведения о годах поступления политических осужденных на Кару мы взяли из статьи Осмоловского¹, который дал о каждом карийце краткие биографические сведения, и в том числе сведения об их возрасте, сословии, революционной деятельности, судебном приговоре и пр.

Из этих сведений видно, что осуждение следовало почти всегда в молодом возрасте, чаще всего на третьем десятке лет жизни. Сроки каторжных работ были большей частью продолжительными. По нашему подсчету выяснилось, что из 179 мужчин, поступивших в Карийскую тюрьму, 25 человек были осуждены в бессрочные каторжные работы, большей частью взамен смертной казни, 22 были приговорены на срок в 20 лет, один — на 18 лет, 6 человек на срок от 10 до 15 лет включительно, 42 человека — от 5 до 9 лет включительно и 23 человека на сроки ниже 5 лет. Таким образом, по срокам осуждения политические каторжане в Карийской тюрьме представляли собою

¹ См. Осмоловский, Карийцы (материалы для статистики русского революционного движения), «Минувшие годы» 1908 г. № 7.

яркое доказательство жестокой расправы царизма с революционерами. Отметим, что к указанным нами срокам каторжных работ были добавлены у некоторых еще новые сроки за попытки побегов с пути на Кару или за какие-либо новые выступления и действия. Так, например, Мышкин, осужденный по процессу 193-х и за попытку освобождения Чернышевского на 10 лет каторги, получил добавочно 21 год за речь над гробом Дмоховского и за побег из тюрьмы.

В Карийскую политическую тюрьму некоторые узники были переведены из других тюрем уже после отбытия ими части назначенного срока. В числе их были «централисты» (Долгушин, Джабадари, Войнаральский, Свитыч, Виташевский, Мышкин и многие другие) из политических каторжных централов в Новобелгороде и в Новоборисоглебске. Точно так же на Кару из Александровского завода в 1875 году был переведен соучастник Каракозова Ишутин. Одновременно с ним с того же завода переведен на Кару нечаевец Успенский. Основанием для перевода на Кару «централистов» послужило закрытие централов. Основания же перевода сюда других заключенных неизвестны. По-видимому, администрация хотела собрать политических каторжан по возможности в одну тюрьму.

За 18 лет пребывания политических каторжан на Каре они находились не в одной и той же тюрьме. Речка Кара, приток Шилки, впадающей в Амур, протекала между сопками на протяжении 25—30 верст. По словам Феликса Кона, эти сопки «мрачные и молчаливые, словно кандалным кольцом» охватывали тюрьму. По берегу Кары было несколько тюрем. У устья Кары находилась женская каторжная тюрьма с пошивочной мастерской, а у истока Кары помещалась тюрьма, носившая название Амур. Между этими двумя тюрьмами были расположены еще несколько других и в том числе верстах в 15 от устья Кары находилась так называемая Нижняя Кара с комендатурой каторги. Между нею и Усть-Карийской женской тюрьмой, в 11 верстах от последней, находилась так называемая Новая тюрьма, а в четырех верстах за Нижней Карой — Средняя Кара с горным управлением, в четырех верстах выше этой тюрьмы — Верхняя Кара.

При некоторых из этих тюрем были поселки с домиками частных владельцев. В поселках жили и те заключенные, которые были отпущены в вольную команду. В названных тюрьмах было до 2000 уголовных каторжан. Во главе управления каторгой был комендант, проживавший на Нижней Каре. Здесь же находились, кроме уголовной тюрьмы, больница, приют для арестантских детей и офицерская военная гауптвахта. Эта

гауптвахта служила, по-видимому, первой по времени политической тюрьмой на Каре.

Ранее других описал ее осужденный по процессу 193-х Чарушин, помещенный в нее в 1878 году. Здесь он нашел шестерых политических каторжан, из которых четверо попарно занимали две комнаты в левой части здания, а в правой части помещались в комнате, перегородженной на две части легкой перегородкой, двое других. С одним из этих заключенных и помещился Чарушин. Один из товарищей — седьмой — жил при детском приюте, которым он заведовал. Кроме того, в то время политические содержались на Верхней Каре и по одному в Среднем стане и на Амуре.

Второй по времени политической тюрьмой на Каре явилась тюрьма на Средней Каре (с конца 1880 года), когда число политических каторжан уже достигло нескольких десятков. Для них была освобождена тюрьма, занятая уголовными. В этой тюрьме было всего две больших камеры со сплошными нарами вдоль стен. Тюрьма одной своей стороной выходила на улицу, а с трех других была окружена изгородью.

С ноября 1881 года политические каторжане были переведены отсюда в специально для них отстроенное здание на расстоянии версты ниже Нижней Кары. В этом здании, кроме больничной камеры, было четыре, предназначенные для политических каторжан. Каждая из этих камер с тремя большими окнами была предназначена человек на 25 заключенных. Сначала она не была обнесена изгородью, но позднее была окружена палями по требованию генерал-губернатора, сказавшего, что «тюрьма — не дворец»¹. На дворе этой тюрьмы находилось здание с кухней и баней, а позднее было устроено здание одиночной тюрьмы с двенадцатью небольшими одиночными камерами. У ворот за стенами тюрьмы помещался дом караула и небольшие мастерские. После побега в 1882 году политических каторжан указанные выше четыре камеры в здании общей тюрьмы были разделены каждая на три камеры, человек на 7—8 каждая. Впрочем, к концу 80-х годов эти перегородки были устранены. Таково было устройство тюрем для политических каторжан на Каре.

Одиночная же тюрьма, по-видимому, использовалась для помещения в ней лишь летом, притом, по желанию самих заключенных, для работы и занятий в камере днем.

Но не устройство политической тюрьмы на Каре, а режим в ней представляет особый интерес. В истории тюремного быта

¹ Дж. Кенанн, Сибирь и ссылка, П., 1906.

на Каре надо различать два периода, гранью между которыми было 11 мая 1882 г. — день начала расправы с политическими заключенными за побег восьми из них, которые, впрочем, были все пойманы.

Из приведенной нами статистики о времени прибытия в Карийскую тюрьму заключенных мы уже знаем, что до 1878 года сюда прибыло лишь 11 человек. О режиме тюрьмы и о ее существовании за эти первые 5 лет в печати не было опубликовано сведений. Наиболее ранние подробные сведения были даны Чарушиным, поступившим, как уже сказано, в эту тюрьму в 1878 году.

Во время прибытия на Кару Чарушина комендантом Карийской каторги был с сентября 1873 года полковник Кананович. По общему отзыву политических каторжан, пребывавших на каторге при Канановиче, его отношение к ним было исключительным, — такого не знала история царской тюрьмы. Это был гуманный человек, не боявшийся нарушать жестокие требования закона о каторжном режиме. Его фигура резко выделяется среди общей массы начальников каторжных тюрем, исправительных арестантских отделений и исправительных тюрем царской России.

Было бы несправедливо не упомянуть об этом человеке, которому политические каторжане обязаны «человеческим» к ним отношением, который, по мнению его высшего начальства, сам был достоин тюрьмы за его отступление от жестоких правил царской тюрьмы и ссылки. Он допустил установление такого режима политических каторжан на Каре, в создании которого приняли участие сами узники. В узниках Кананович видел не преступников, а людей, заслуживающих внимательного и бережного отношения. До какой степени было исключительно заботливым отношение этого коменданта каторги к заключенным, видно из такого факта. Доставленного к нему жандармами Чарушина с добровольно с ним последовавшей женой Кананович ввиду позднего времени оставил переночевать у себя в кабинете, предварительно пригласив закованного в кандалы узника ужинать вместе с ним в столовой.

Его служба на Каре прекратилась в августе 1881 года. В своем письме к министру внутренних дел он не побоялся назвать несправедливым и жестоким требование центральной власти вернуть в тюрьму политических каторжан, переведенных из тюрьмы в вольные команды, где они жили на своих квартирах. Это требование центральной власти в конце 1881 года вызвало на Каре самоубийство двух вольнокомандцев. Кананович был переведен на другую службу. При его проезде через Иркутск

генерал-губернатор сказал ему: «Полковник, человек с вашими взглядами, конечно, не может занимать места на Каре. Сомневаюсь даже, чтобы он вообще мог служить на государственной службе»¹.

В самом деле, для управления царской тюрьмой, а тем более для заведования каторгой требовалась звериная жестокость. В бытность Канановича комендантом Карийской каторги было перехвачено письмо политического каторжанина Бобохова. В этом письме Бобохов, характеризуя Канановича, выражал удивление, что не всякий русский полковник является животным. Генерал-губернатор потребовал от коменданта объяснений. Лишь при личном свидании с губернатором на его устный вопрос Кананович с достоинством ответил: «Не мог же я извиниться, что меня назвали человеком, а не животным». История царской тюрьмы показывает нам, что политические заключенные находились во власти именно животных. Историк царской тюрьмы должен отметить единственное в своем роде исключение в лице Канановича, тем более замечательное, что оно имело место в те годы, когда революционное движение вызвало жесточайшую борьбу с ним царского правительства.

В камерах офицерской гауптвахты, где, как сказано выше, были помещены первые политические узники, они могли свободно общаться друг с другом. В то время их было семь человек, и они уже образовали небольшую артель. Они получали на руки продукты и сами готовили себе пищу. В их распоряжении были книги и журналы. Два раза в неделю приходили к ним на свидание в камеры жены, и эти свидания принимали характер общих бесед всех заключенных. Никаких каторжных работ не было. На прогулки выводили за стены тюрьмы под конвоем.

Такая жизнь продолжалась до второй половины марта 1879 года, когда все политические каторжане из тюрьмы были переведены в так называемую вольную команду и расселились по частным квартирам. Для политических заключенных пребывание в вольной команде не было связано с обязанностью каторжного труда, а общий режим их жизни давал им возможность заниматься различными работами по собственному желанию, общаться друг с другом и выходить за пределы поселка.

С 1880 года число политических каторжан на Каре сильно увеличилось. В указанном году прибыло 56 человек. Теперь они были размещены в тюрьме на Средней Каре, ранее занятой

¹ Чарушин, О далеком прошлом на Каре, М., 1929, стр. 79.

уголовными. Здесь было тесно, но заключенные поддерживали чистоту, тюрьма хорошо отапливалась. Однако эта политическая тюрьма заслуживает быть отмеченной больше всего вследствие ее внутреннего быта. Ее узниками были передовые люди того времени, люди большой силы воли, отличавшиеся инициативой и творческой энергией. Уже в 1880 году в Карийской политической тюрьме жизнь была ключом.

Политические каторжане Карийской тюрьмы построили свою жизнь на основах крепко спаянной самоуправляющейся артели. Все суммы, как поступавшие на имя отдельных заключенных, так и на содержание всей тюрьмы, составляли единую общую кассу. Из этой суммы часть выделялась на общее питание заключенных, и притом улучшенное для больных товарищей, а часть выделялась на культурные и некоторые другие нужды. Наконец, оставшаяся небольшая сумма распределялась поровну между всеми заключенными, и тем самым каждому узнику предоставлялась возможность производить затраты на удовлетворение своих личных потребностей. Некоторые из заключенных даже отказывались в общую пользу от присланных лично им предметов одежды и обуви. В таких случаях эти вещи разыгрывались между нуждавшимися. Присланные же продукты поступали для распределения между всеми.

При пополнении библиотеки новыми книгами руководствовались не только общим желанием, но и индивидуальными запросами. Таким образом, образовалась очень хорошая библиотека, находившаяся под заведованием выборного библиотекаря. По воспоминаниям Феликса Кона, находившегося на Карийской каторге в период 1886—1890 гг., в тюремной библиотеке были работы Маркса и Энгельса. Труд Маркса был замаскирован обложкой сочинения Чичерина «Государственное право». Другой заключенный того же времени, Дейч, отметил в своих воспоминаниях получение нелегального журнала «Социал-демократ».

Библиотека в этот период получала газеты и такие журналы, как «Вестник Европы». Политические каторжане пользовались этой библиотекой. В воспоминаниях бывших карийцев нет указаний на просмотр книг тюремным начальством. Наоборот, встретилось указание, что каторжане посылали родным книги, используя их даже для тайной переписки. По словам Чарушина, переписка велась через тех женщин, которые приходили на свидание в тюрьму и уходили со свидания, не подвергаясь обыскам. Несколько таких женщин — родственников осужденных, прибыло в 1880 году, когда в Карийскую политическую тюрьму было прислано, как мы знаем, несколько каторжан.

Прибытие в 1880 году на Кару политических каторжан не заставило Канановича изменить тюремный режим. Он не отягчил его, несмотря на то, что среди вновь прибывших было несколько вечников и долгосрочников. Так, например, среди 28 вновь прибывших в марте 1880 года было 5 вечников, 4 осужденных на 20 лет и 3 — на 15. Политические каторжане поснимали с себя кандалы, которые надевались лишь при выходе из тюрьмы и при посещении тюрьмы начальством, в том числе и Канановичем, который знал, конечно, что кандалы надеваются только в таких случаях.

В самой тюрьме жизнь проходила разнообразно, насколько это было возможно. Заключение вели между собой политические споры и издавали свой рукописный журнал под названием «Кара и кукиш», а позднее еще и шуточный «Листок объявлений».

Несомненно, что льготный режим был обусловлен личностью коменданта Канановича. Про него нерчинский исправник говорил: «Я отправил бы Канановича в Якутск с бубновым тузом на спине»¹. В августе 1881 года Кананович оставил службу на Каре. Конечно, тюремная служба прошла для Канановича совсем не гладко.

В одном архивном деле за 1880 год имеется обширный донос на Канановича с сообщением, что политические каторжане живут, кроме двух, на частных квартирах, носят свою одежду, от кандалов освобождены, каторжными работами не заняты, двое преподают в школе и т. п. Канановичу пришлось оправдываться, опровергать обвинение. Но последовал приказ не допускать проживания каторжан на частных квартирах и не снимать кандалов с политических каторжан. Это предписание из Петербурга не могло не быть исполнено Канановичем, пережившим его с волнением не меньшим, чем сами заключенные. Мы уже знаем, что после этого Кананович решил оставить службу по тюремному ведомству².

Через месяц после ухода Канановича в сентябре 1881 года политические каторжане были переведены во вновь отстроенную для них тюрьму.

Возвращение их из вольной команды, с частных квартир снова внутрь тюремных стен подействовало на них самым

¹ Ч а р у ш и н, О далеком прошлом на Каре, М., 1931, стр. 92, ЦГИА в Москве. Главное тюремное управление, I делопроизводство, № 198, 1880. «О допущенных послаблениях в содержании государственных преступников на Карийских промыслах».

² Мы имеем сведения, что Кананович не оставил службу по тюремному ведомству, но остался по-прежнему гуманным в отношении заключен-

удручающим образом. При таких условиях еще более должна была окрепнуть мысль о побеге, никогда не умирающая в тюрьме.

Несмотря на льготные условия тюремного режима, политические каторжане рвались на свободу к революционной работе. С переводом их в здание тюрьмы было решено приступить к подготовке побега. Был разработан план побега через подкоп из помещения тюрьмы за тюремную ограду. Длина подкопа должна была быть саженей в десять. Оказалось, что уже на глубине полутора сажен был вечно замерзший слой земли. Работать приходилось лишь по ночам в очень неудобном положении, лежа на животе. За час работы в замерзшей земле углубление производилось только на полвершка. До марта 1882 года подкоп проделан был на пять или шесть саженей. В этом месяце в тюрьму прибыла новая партия политических каторжан, в том числе бывшие узники первых политических централов и среди них Мышкин, Войнаральский, Долгушин, Минаков и др. Мышкин выдвинул новый проект побега, а именно из мастерской, находящейся за тюремной оградой.

План побега состоял в следующем. В расстоянии пяти или шести саженей за тюремной стеной находилось небольшое строение мастерской без крыши с потолком, засыпанным землей вершка на полтора. Через пролом этого потолка и было предположено совершать побеги. В здание мастерской заключенных водили под конвоем и по счету. По счету же и выпускали обратно в тюрьму. Было решено проносить беглецов в мастерскую спрятанными внутри ремонтируемых ящиков, которые имелись в каждой арестантской койке для хранения имущества. Побег совершать попарно ночью через пролом потолка. Спуск с этого потолка на землю мог быть совершен при помощи веревки. Трудность побега осложнялась присутствием часового, ходившего на пространстве тридцати саженей вдоль тюремной стены и мимо мастерской. Ежедневная поверка утром и вечером производилась в тюрьме не поименно, а лишь по счету и при этом не поднимали лежавших на койках. Для маскировки отсутствовавших при поверке и для обмана стражи были сделаны чучела, которые укладывались на койки.

Первым удачно перенесли Мышкина. В компании с товарищем он благополучно выбрался ночью из мастерской. Для того

ных. Писатель А. П. Чехов, посетивший в 90-х годах остров Сахалин, встретился там с Канановичем, являвшимся начальником Сахалинской каторги. А. П. Чехов очень хорошо отзывался о Канановиче. (См. А. П. Чехов, Полное собрание сочинений и писем, т. X, «Остров Сахалин», 1891—1894 гг., стр. 26.)

чтобы дать возможность беглецам подалее уйти от тюрьмы, было решено вторую партию беглецов в количестве четырех человек перенести в мастерскую лишь через две недели после побега двух первых товарищей. До истечения этого срока Карийскую тюрьму посетил приехавший из Петербурга начальник Главного тюремного управления Галкин-Врасский. Его сопровождали местные губернатор, прокурор и целая свита. Возникло опасение, что посетители обнаружат отсутствие двух беглецов, но все прошло благополучно, и состоялся побег еще четырех узников, а затем и еще двоих. Эта последняя пара была замечена часовым, который открыл стрельбу. Вскоре беглецы были пойманы. Попались в руки администрации и все ранее бежавшие, в том числе и Мышкин. Все они были возвращены в Карийскую тюрьму.

Режим в тюрьме был резко изменен. Заключенные решили сопротивляться всеми силами ухудшению условий их содержания. Подготовлявшееся физическое сопротивление было предупреждено. Заключенных разместили по соседним тюрьмам, и после переделки прежней тюрьмы снова вернули в нее. Ряд репрессий обрушился на политических заключенных. О них заявил Мышкин от имени 54 узников, уже прошедших восемь дней голодовки. Письменное заявление Мышкина помечено 19 июля 1882 г. и обращено к коменданту тюрьмы. В числе репрессий Мышкин перечислял: заковывание некоторых в ручные кандалы, бритье головы, лишение свиданий и переписки с родными, прогулок, книг, возможности заниматься физическим трудом и права закупки продуктов за свой счет. Автор заявления отмечал очень тяжелое положение голодавших. Заявление написано с достоинством и в решительных выражениях¹.

Голодовка, о которой сделал заявление Мышкин, продолжалась 13 дней. Участник голодовки Богданович оставил воспоминание об этих очень тяжелых временах Карийской политической каторги. Голодавшие, закованные в ножные, а некоторые и в ручные кандалы, лежали совершенно истощенные на нарах в ожидании наступления смерти. Было решено скорее покончить жизнь самоубийством, нежели допустить искусственное питание. По словам автора воспоминаний, даже солдаты и офицеры конвойной команды выражали сочувствие узникам. Комендант тюрьмы Хартурин был сторонником беспощадной расправы с протестующими. Однако угроза смерти массы заключенных оказала свое влияние, и в камеры было принесено

¹ Полный текст этого заявления напечатан в сб. «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги», 1927, стр. 98—99.

прежнее белье, возвращена теплая одежда и выдана часть тюремной библиотеки. Было обещано не производить бритья голов впредь до получения распоряжения из Петербурга и восстановить получасовые прогулки. Голодовка закончилась победой заключенных.

Но, по словам того же автора, уже менее чем через две недели тюремная администрация начала восстанавливать прежние репрессии¹.

Стеснения заключенных сказывались во всем. Была запрещена переписка с родными. Вместо посылки писем администрация тюрьмы послала родным открытки краткого содержания: «Ваш сын здоров, просит прислать денег». Наступило резкое ухудшение питания. Развилась цинга. Политические заключенные не прекращали начатой борьбы. В их рядах произошел большой урон. Были увезены в Петербург в Петропавловскую крепость несколько товарищей, которых администрация считала наиболее опасными, в том числе Мышкин, Минаков, Долгушин, Юрковский, Щедрин, Малевский и др.

Не останавливавшаяся борьба постепенно дала заключенным прежние условия пребывания в тюрьме. По воспоминаниям Дейча, поступившего в Карийскую каторгу в декабре 1885 года, тюремная община ко времени его прибытия на Кару была уже полностью восстановлена, камеры по-прежнему не запирались. Происходили усиленные занятия различными науками, чтением, пением, разведением огородов и цветников. Развлекались игрой в шахматы, в городки, а зимой катанием с гор. Иногда летом устраивали чаепитие на дворе за общим столом².

В новой тюрьме, расположенной, как сказано выше, в одной версте от Нижней Кары, заключенные распределились в четырех камерах по собственному желанию. Заключенные поддерживали установившийся ранее режим. По воспоминаниям Виташевского, осужденного за вооруженное сопротивление и поступившего в эту тюрьму вместе с другими «централистами» в 1882 году, тюрьма жила прежней артелью³. Узники не носили оков, не были заняты каторжными работами.

В таких же тонах обрисовал режим Карийской каторги за период 1886—1889 гг. Феликс Кон. Он отметил, что в тюремную общину принимали даже и тех, кто запятнал себя на процессе

¹ См. Богданович, После побега, сб. «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги», 1927, стр. 73—91.

² См. Дейч, 16 лет в Сибири, изд. Н. Глаголева, СПб., изд. 2-е, стр. 251 и сл.

³ См. Виташевский, На Каре, «Минувшие годы» 1914 г. № 8, стр. 110—147.

откровенными показаниями и подавал прошение царю о помиловании. Подача прошения о помиловании вызывала осуждение товарищей. Феликс Кон писал об этом: «Социализм, ради которого пало уже много жертв, был для нас не только делом убеждения... Он был для нас всем по тогдашним понятиям: верой, религией, священной мученической смертью погибших на виселицах. И потому отступление от знамени, обгащенного мученической кровью борцов, было преступлением, которое им простить не хотели и не могли»¹.

Во второй половине 80-х годов политические каторжане на Каре могли с гордостью указывать на свою библиотеку, на «рабочую академию» с научными занятиями и лекциями по разным отраслям знаний, на свой хор, который пел хоровые партии из опер, на сохранение своего человеческого достоинства. Велика была сила коллектива, сломившая волю тюремного начальства.

Такому существованию Карийской политической каторги положило конец событие, известное под названием Карийской трагедии 1889 года.

«Карийская трагедия» произошла на женской политической каторге, но отразилась самым сильным образом и на мужской. Политическая женская каторга на Каре возникла несколько позднее мужской. Ее режим в основных чертах не отличался от режима мужской тюрьмы. По словам Дейча, условия заключения в ней были лучше, чем в мужской. Число политических каторжанок, одновременно пребывавших в ней, было невелико (в 1885 году — 10). Здание этой тюрьмы находилось в Усть-Каре, но короткое время (1881 г.) политические каторжанки содержались в бывшей офицерской гауптвахте на Нижней Каре. Побег мужчин в 1882 году не повлек за собой особо тяжелых последствий на женской каторге, но тяжелые события произошли на женской каторге в Усть-Каре в 1888 и 1889 гг.

В августе 1888 г. приамурский генерал-губернатор барон Корф посетил женскую политическую Карийскую тюрьму. При его входе в коридор тюрьмы политическая каторжанка Ковальская отказалась встать перед ним, заявив, что не встанет перед представителем власти, которую она не признает. Генерал-губернатор приказал коменданту каторги Масюкову перевести Ковальскую в тюрьму города Читы.

Приказание генерал-губернатора об отправке Ковальской в другую тюрьму было выполнено в очень грубой форме. Об этом и последовавших за этим событиях теперь известно из

¹ Феликс Кон, За 50 лет, М., 1932, стр. 300.

архивных документов и из воспоминаний Ковальской и других карийцев¹.

Жандармы и надзиратели вошли ночью в камеру Ковальской. Неодетую женщину завернули в одеяло, заткнув ей рот куском одеяла, вынесли на руках из женской тюрьмы и увезли на подводе в земскую избу, где переодели в арестантское платье. При переодевании присутствовали два уголовных арестанта и смотритель Усть-Карийской каторжной тюрьмы Бобровский, которому Ковальская, по ее словам, успела нанести удар по щеке.

Так как отправкой политической заключенной распоряжался комендант тюрьмы Масюков, то против него и был направлен протест остальных заключенных женщин. Три из них подали письменное заявление с требованием уволить Масюкова от занимаемой должности. Вместе с тем женщины объявили о своем решении не подчиняться распоряжениям коменданта и о начале ими голодовки. Об этой голодовке и о насилии над Ковальской появились соответствующие объявления на телеграфных столбах в селении Усть-Кара... Губернатор на сообщение ему о голодовке ответил: «Если не хотят есть, пусть не едят, только чтобы пища была ежедневно приносима». С разрешения Масюкова политический арестант Калюжный посетил свою сестру, проводившую голодовку в женской тюрьме. По его уговору голодовка была временно прервана. Департамент полиции, узнав об этом, признал действия Масюкова, допустившего уговоры политическим заключенным его сестры прекратить голодовку, совершенно неправильными. Жандармы предпочитали голодную смерть узниц.

В сентябре 1888 года волнения передались также в мужскую каторжно-политическую тюрьму, заключенные которой подали письменный протест против насилий при увозе Ковальской из тюрьмы. Так как приезд в феврале 1889 года жандармского начальства не привел к увольнению Масюкова, то волнения в женской тюрьме возобновились, и в мае началась голодовка заключенных. Один из официальных документов — протокол врача — сообщил администрации о тяжелом состоянии голодавших женщин. В ответ на телеграфное сообщение о голодовке в женской и мужской тюрьмах губернатор телеграфно распорядился: «Администрации безразлично, будут ли они есть или не будут. Продолжайте поступать, как приказано».

¹ См. «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги. Сборник воспоминаний, документов и материалов», редакция А. Диковской-Якимовой и В. Плесскова, с предисловием Ф. Кон, М., 1927. См. статью Фомина «Карийская трагедия», стр. 120 и сл.

Частичное прекращение голодовки не изменило в скольконбудь значительной степени настроения в женской тюрьме. Проявлением этого настроения было то, что заключенная Сигида 31 августа 1889 г. оскорбила действием коменданта тюрьмы жандармского подполковника Масюкова. Сигида была помещена в секретную камеру. Три голодавшие женщины были переведены в уголовную тюрьму с применением к ним различных ограничений. Так нарастали события. Генерал-губернатор, жандармы и тюремная администрация довели все это дело до страшного конца.

Губернатор распорядился 10 октября 1889 г. наказать ссыльнокаторжную государственную преступницу Сигиду 100 ударами розог.

Высшее начальство предвидело, что политические заключенные не перенесут без протеста этот акт величайшего насилия, и потому предписывало принять меры предосторожности. Но вместе с тем приказало прочесть до приведения в исполнение телесного наказания инструкцию генерал-губернатора для политических заключенных.

Каждая строка этой инструкции была вызовом и оскорблением для политических заключенных. Она была прочитана 26 октября перед всеми заключенными¹. В ней предписывалось наказывать политических телесно «без малейшего послабления» и употреблять вооруженную силу, не стесняясь последствий. В целях предосторожности на время прочтения этой инструкции были введены во двор тюрьмы вооруженные солдаты.

По воспоминаниям Феликса Кона, распоряжение генерал-губернатора вызвало среди заключенных ряд предложений. Было предложено, не дожидаясь приведения в исполнение угрозы о телесных наказаниях, покончить с собою посредством самоубийства. Но это предложение было отклонено, так как решили первоначально сделать письменное обращение к обществу и администрации².

7 ноября 1889 г. помощник начальника тюрьмы Бобровский привел в исполнение приказ о наказании Сигиды 100 ударами розог. Опозоренную женщину доставили после порки в общую камеру женской уголовной тюрьмы, где находились политические заключенные Калюжная, Смирницкая и Ковалевская. Все четыре женщины приняли яд и умерли. Сигида умерла первая в ночь на 8 ноября в общей камере. Три последние женщины

¹ См. Фомин, Карийская трагедия, стр. 130.

² См. Ивановская, Документы о смерти Сигиды, «Каторга и ссылка» 1929 г. № 11(60), стр. 126.

были доставлены в лазарет еще живыми. По словам автора воспоминаний, умиравшая Смирницкая подползла с помощью сиделки к кровати очень страдавшей Калюжной, гладила ее по голове и целовала, пока та не успокоилась¹.

Одновременно дважды выстрелил в себя политический извольной команды Геккер, произошли массовые покушения на самоубийство в мужской каторжной политической тюрьме. Решили покончить с собой 14 человек, приняв яд по заранее условленному сигналу (пения в одной из камер) после вечерней поверки.

Очевидец и участник всех этих тяжелых событий Феликс Кон оставил описание переживаний политической каторги в эти страшные дни. Яд не подействовал, но на следующий день 9 человек повторили попытку самоубийства и двое из них умерли (Калюжный и Бобохов).

В архиве города Читы были найдены различные документы, относившиеся к «Карийской трагедии». Среди этих документов оказались протоколы опроса шестерых политических заключенных, покушавшихся на самоубийство. Опрошенные должны были объяснить причины, побудившие их к покушению на самоубийство, и указать, какой яд они приняли и откуда его получили. Ответы на вопросы о причинах покушения на самоубийство представляют выдающийся общественный интерес.

Различие ответов свелось к той форме, в которую облекли опрошенные свою основную мысль: лучше смерть, чем телесное наказание. Так, например, Диковский, приговоренный в 1880 году Киевским военно-окружным судом за принадлежность к террористической партии на 20 лет каторжных работ, показал, что уже после приговора он решил покончить с собой, если ему будет грозить телесное наказание. В 1882 году политические заключенные в Карийской тюрьме провели 12-дневную голодовку, когда возникло опасение телесного наказания одного из них. Первый случай применения этого позорного наказания к Сигиде был в 1889 году. Это наказание ускорило решение Диковского совершить самоубийство. Он говорил: «...мне оставалось только одно — умереть, потому что ни мое воспитание, ни тем более сильно развитое чувство человеческого достоинства не позволяло жить мне под такой вечной угрозой страшного для меня позора и унижения. В моей смерти я видел два момента: во-первых, протест против применения телесного наказания к кому бы то ни было из государственных преступников,

¹ См. Кон и А. Михайлов, Карийская трагедия, «Каторга и ссылка» 1929 г. № 11(60), стр. 126.

во-вторых, своей смертью я хотел избавиться от ужасного телесного наказания»¹.

Член Киевского и «Южнороссийского рабочего союза», осужденный на 20 лет каторги и за два побега еще на 35 лет каторги, Павел Иванов, также покушавшийся на самоубийство, называл телесное наказание Сигиды квалифицированным убийством. Власти избрали это наказание, несмотря на то, что существует много других видов наказания, как, например, цепи, приковывание к тачке, медленная смерть голодом и смертная казнь. Иванов добавлял, что, покушаясь на самоубийство, имел отдаленную надежду помочь этим уничтожению телесного наказания в России.

Ф. Кон называл наказание Сигиды «самой жестокой смертной казнью путем надругательства над человеком». В самоубийстве он видел единственное возможное средство протеста.

Сходные показания дали и остальные покушавшиеся на самоубийство. Они приняли большие порции морфия, который не подействовал, вероятно, вследствие давнего его хранения (с 1882 года). Он привел к смерти лишь двух из покушавшихся на самоубийство.

Военный губернатор, ознакомившись с этими показаниями, нашел их недопустимыми и потребовал передопроса заключенных, но последние от этого отказались. Администрация не решилась возбуждать обвинения против допрошенных, назвавших убийцами представителей власти, применивших телесное наказание. Она готовила расправу с политическими узниками в тюрьме Акатуя, куда намеревалась перевести их.

Тем временем происходила расправа над Ковальской, переведенной в Верхнеудинский тюремный замок. Уже в августе 1888 года приамурский генерал-губернатор барон Корф совершенно секретно издал инструкцию об условиях содержания Ковальской в названной тюрьме². Было предписано поместить ее в секретную комнату под названием «секретной арестантки № 3», и при этом даже смотритель тюрьмы не должен был знать ее имени, «не допускать с ней, помимо лично себя, никаких сношений ни с кем, даже с чинами надзора, никогда не вступать с ней в какие бы то ни было разговоры», не допускать никаких книг, кроме евангелия, в соседние камеры никого не помещать, особенно государственных преступниц. В камеру заключенной могли входить лишь военный губернатор, областной прокурор

¹ Фомин, Карийская трагедия, стр. 134.

² См. В. Плесков, Из недр архива, сб. «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги», 1927, стр. 192—193.

и с его разрешения товарищ прокурора и лица, командированные для этого генерал-губернатором.

Так отомстил генерал-губернатор Ковальской за отказ встать перед ним.

Ковальской удалось завязать сношения с уголовными арестантками, которые, по ее словам, доставляли ей через окно пищу, а также передали револьвер. Она готовилась совершить покушение на жизнь барона Корфа при посещении им тюрьмы, но посещение не произошло. За неудавшуюся попытку к побегу из секретной камеры Верхнеудинской тюрьмы Ковальская была переведена в Горный Зерентуй.

Здесь ее принимал в тюрьму тот самый Бобровский, который приводил в исполнение телесное наказание над Сигидой. Ковальская бросилась на него с кинжалом, но была схвачена. По требованию Бобровского об этом покушении не было составлено протокола. Вскоре после этого он умер от чахотки. Ковальская слышала от фельдшера, дежурившего при больном Бобровском, что в бреду он кричал: «Я подлец, Ковальская была права, она должна была меня убить»¹. Так осудил себя сам Бобровский. Общественное же мнение и история осудили не только Бобровского, исполнителя воли высшей администрации.

Ковальская дожила до свержения царизма, и ее воспоминания вписали строки в обвинительный приговор свергнутому политическому строю.

Ковальская была первой из политических узников, вывезенной из Карийской каторги. В 1890 году барон Корф снова появился в Карийской мужской тюрьме. В ней в то время насчитывалось 33 заключенных, из которых 20 человек подлежали переводу в вольную команду. Он торжествовал: почти 20-летняя борьба политических заключенных с тюремной администрацией заканчивалась полной победой последней.

Генерал-губернатор объявил узникам о предстоящем переводе их в тюрьму Акатуя, где они будут размещены вместе с уголовными и уравниены с ними в условиях питания, работы и наказаний. Тогда Якубович (будущий автор знаменитой книги «В мире отверженных») предупредил Корфа, что политические предпочтут смерть позору телесного наказания. Генерал-губернатор имел дерзость ответить, что политических телесно не наказывали и не будут наказывать. Он говорил это, когда еще не зажили те глубокие раны, от которых страдала Карийская

¹ Е. Ковальская, В Горном Зерентуе 90-х годов, сб. «Кара и другие тюрьмы Нерчинской каторги», 1927, стр. 153.

тюрьма после наказания Сигиды. Заключенный Дейч и напомнил ему об этом. Губернатор оправдывался тем, что Сигида первая нанесла удар. Он говорил: «Нас бьют, а мы будем молчать»¹. Очевидно, все события «Карийской трагедии» еще более озлобили этого сатрапа.

Осенью 1890 года 20 узников Карийской политической тюрьмы были переведены в вольную команду, а 13 человек отправлены за 300 верст в Акатуй. Они оставляли тюрьму, через которую за 18 лет прошло 211 человек, огромное большинство которых не уронило высокого звания революционера. Тем из них, которых переводили в Акатуй, предстояла жизнь, полная борьбы и лишений.

Угроза уравнять политических с уголовными была выполнена. История особой политической каторжной тюрьмы на Каре закончилась. История каторги на Акатуе должна войти в историю царской каторги.

¹ Дейч, 16 лет в Сибири, СПб., изд. 2-е (год не указан).

Глава шестая

МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ

§ 50 СТРОИТЕЛЬСТВО СУЗДАЛЬСКОЙ И СОЛОВЕЦКОЙ МОНАСТЫРСКИХ ТЮРЕМ

В АРХИВЕ Спасо-Евфимьевского монастыря в Суздале нам попало дело 1870 года¹ с описью всех зданий, находившихся на обширной площади, занятой этим монастырем с его церквями, часовнями, жилыми и другими зданиями. В этой описи даны соответствующие сведения и об арестантском отделении монастыря. К описи приложен рисунок в красках с изображением всех зданий монастыря, в том числе и монастырской тюрьмы.

Из описи видно, что арестантское отделение занимало площадь размером около одной десятины в северной части монастыря. Этот участок обнесен высокой стеной, а в центре его находится церковь Николая-чудотворца и примыкающие к ней два здания. Одно из них двухэтажное, а другое, примыкающее к нему, одноэтажное. Двухэтажное здание названо в описи бывшим больничным. В верхнем его этаже было 7 комнат с двумя окнами каждая, а в нижнем — две. В первом и втором этажах, кроме того, было пристроено еще по одной камере. Все окна

¹ ЦГАДА в Москве, архив Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря, дело № 4, опись Владимир. Епархии Суздальского Спасо-Евфимьевского первоклассного мужского монастыря, составленная в 1870 году.

были за железными решетками. В одноэтажном здании было 25 одиночных камер с одним окном каждая и особая комната в два окна для тюремной стражи. Двери камеры, снабженные форточкой и задвижками, выходили в коридор с 21 окном. Полы в камерах были деревянные, а в коридоре каменные. Кухня с двумя печами для приготовления пищи и для печения хлеба находилась в двухэтажном здании тюрьмы. При тюрьме находились различные служебные здания (погреб, сарай). В описи указаны и размеры одноэтажного здания тюрьмы. Его длина определялась в 45 сажень, а ширина — в 16 аршин.

По-видимому, в последней четверти XIX века никаких крупных изменений в тюремном здании не произошло и капитальных работ по его ремонту не производилось. Это можно предполагать не только по отсутствию соответствующих дел в архиве названного монастыря, но и по тому состоянию разрушения монастырской тюрьмы, в котором она оказалась в первом году XX века. Именно к этому 1901 году относится архивное дело о ремонте Суздальской монастырской тюрьмы¹.

Приходится особенно подчеркнуть состояние полного разрушения монастырской тюрьмы в Суздале в то самое время, когда сам монастырь обладал большими богатствами и отличался особым «благосостоянием». Тюрьма разрушалась изнутри и снаружи. Можно сказать, что она разваливалась. В ее стенах зияли такие трещины, что их пришлось заливать цементом. В состоянии полной негодности оказалась над всем зданием железная крыша, которая потребовала не только ремонта, но частью покрытия ее заново. Если оказалось негодным железо на крыше, то тем более пришли в состояние разрушения во всем здании черные и белые полы, которые были заменены новыми. Тюремные камеры отапливались пятнадцатью печами, но половина из них была негодна, их пришлось снести и сделать заново, другая половина печей потребовала фундаментального ремонта. Прогнили оконные рамы и вместо них были сделаны новые, створчатые. Стены были оштукатурены и окрашены в желтую краску. В камерах поставили новые кровати и табуреты. В буфете был поставлен котел для воды, а в уборной — умывальник на пять кранов. Для библиотеки были сделаны новые шкафы, а в тюремной церкви позолочены и посеребрены ризы на образах.

Приведенные мною сведения о ремонте монастырской тюрьмы красноречиво говорят о том, в каких тяжелых санитарных условиях содержались заключенные в этой тюрьме в последней четверти XIX века.

¹ ЦГАДА в Москве, фонд Суздальского монастыря, дело № 6, 1901.

Что касается Соловецкой монастырской тюрьмы, то она фактически к моменту интересующего нас периода существовала всего 13 лет.

Описание камер монастырской тюрьмы на Соловках за интересующий нас период оставил писатель Немирович-Данченко, посетивший Соловецкий острог в середине 70-х годов. Мы воспользовались его описанием в первом томе нашего исследования. Напоминаем, что в двухэтажном здании постройки подвальный этаж был приспособлен под тюрьму в 1789 году, а второй этаж — в 1828 году, и, наконец, в 1842 году был надстроен третий этаж. За последние 13 лет существования тюрьмы (1870—1883 гг.) заключенные содержались в третьем этаже. Никаких указаний на переустройство одиночных камер за эти годы в Соловецкой тюрьме мы не встретили.

Поскольку к половине 1880 года по распоряжению великого князя Владимира Александровича, посетившего Соловки, арестантов в остроге не содержалось, военный караул при остроге был снят (1885 г.). В 1903 году здание тюрьмы было передано монастырю для устройства здесь больницы¹, а здание, занятое ранее квартирами караула, было приспособлено под помещение аптеки и квартир врача и фельдшера.

После Великой Октябрьской революции были приняты меры к образованию в Соловецком монастыре исторического музея и к сохранению памятников, имевших историческое значение, в том числе и по истории Соловецкого монастырского острога.

Таким образом, история Соловецкого монастырского острога, как и история Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, закончилась созданием в этих тюрьмах исторических музеев. Эти музеи являются для нас памятниками величайшего произвола царизма и местом, освященным страданиями борцов из среды русского народа за свои политические и религиозные убеждения.

§ 51. РЕЖИМ ТЮРЬМЫ СУЗДАЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ

Обращаясь к ознакомлению с режимом Суздальской монастырской тюрьмы, мы не находим изменений сравнительно с уже известными нам условиями содержания заключенных в этой тюрьме за третью четверть XIX столетия. По-прежнему сюда по

¹ Пругавин в статье «Конец Соловецкой тюрьме» в книге «Монастырские тюрьмы» сообщает имена заключенных почти исключительно только до 1880 года.

решению Синода направлялись без суда за те или иные проступки или за отступление от правил православного вероучения лица, принадлежавшие к духовенству. Среди таких заключенных оказывались в большом числе виновные в «нетрезвой жизни». Сюда же направлялись, как и ранее, сектанты и душевнобольные духовного звания.

Такой пестрый состав заключенных был известен Синоду не только из периодических ведомостей игумена Суздальского монастыря, но и из посещений этой тюрьмы его членами. Так, в 1878 году Суздальскую тюрьму осматривал известный впоследствии реакционер, душитель свободной мысли, обер-прокурор Синода Саблер. Неизвестно, принесло ли это посещение заключенным какое-либо облегчение их участи. В архиве сохранилось официальное описание этого посещения. Один из заключенных, дьякон Николай Добролюбов, присланный сюда в 1877 году за «крайнюю нетрезвость и буйство», выступил перед Саблером с приветственной речью в стихах, в которых, между прочим, воспевал этого палача свободы совести.

Очень велогласно восклицаем
И колено перед вами преклоняем.

Эти стихи не помогли поэту-дьякону. Он был оставлен в тюрьме и вышел из нее в 1904 году. Таким образом, он провел в тяжелой заточении 27 лет за пьянство и буйство, которые, по законам, влекли за собой лишь кратковременный арест¹. Возможно, что в данном случае именем «буйство» духовная власть прикрыла религиозную неблагонадежность дьякона Добролюбова.

Если в 1878 году стихи арестанта-дьякона не дали желанных результатов, то еще большая неудача постигла арестантов Суздальской монастырской тюрьмы в 1878 году. После покушения Соловьева на жизнь Александра II заключенные этой тюрьмы написали «адрес» императору и направили его владимирскому губернатору, который вернул его обратно настоятелю Суздальского монастыря, признав этот адрес «неудобным», так как в нем вместо верноподданнических чувств заявлены просьбы самих заключенных. При этом губернатор подчеркнул, что в адресе государю ставятся «условия».

Я привожу текст этого адреса потому, что он хотя и кратко, но довольно ярко говорит о настроении узников: «Всемиростивейший государь, царь наш возлюбленный! Господь бог избавил тебя от трех смертей, а ты избавь нас живых сущих во гробах, заключенных уже много лет. Ежели же ты окажешь нам твою

¹ ЦГАДА в Москве, дело Суздальского монастыря, № 8, 1878.

отеческую милость, то мы будем вечно молить бога за тебя и за весь твой царствующий дом, как искренние верноподданные твои.

В суздальской крепости арестанты 1879 года апреля 12 дня»¹.

Итак, арестанты Суздальской монастырской тюрьмы сравнивали свою судьбу с судьбой царя: в то время, как он трижды избавился от смерти, они, живые, находятся в гробах. Тюремные камеры открыто именуются гробами. Неизвестно, сознательно или лишь вследствие неудачного выражения ставили монастырские узники царю условие молиться за него, если он окажет им милость.

В режиме Суздальской тюрьмы за последние 25 лет XIX века не произошло существенных изменений. Режим определялся прежними правилами. Заключенные размещались по одиночным камерам. Настоятель монастыря назначал каждому узнику особого духовника для воздействия на него. Условия пребывания здесь заключенных были неодинаковы. Более состоятельные имели возможность улучшить за собственный счет свое питание. Не все камеры были на постоянном запоре. Некоторые из арестантов общались между собой, а других не выпускали из камер. Церковная служба совершалась в тюремной церкви, но известно, что некоторых арестованных допускали и в общемонастырскую церковь. Труд по-прежнему не был организован. Полное физическое бездействие было, как и раньше, характерной чертой тюремного режима. При тюрьме была своя библиотека, конечно, из книг духовного содержания. Однако нам не удалось найти каталога этой библиотеки. Можно предположить, что последователи различных сект едва ли охотно обращались к чтению этих книг.

Одной из самых тяжелых сторон режима было содержание в тюрьме в одиночных камерах душевнобольных, их буйство и крики доставляли заключенным не только беспокойство, но и мучения. Никакой постоянной врачебной помощи не существовало.

Настоятелю монастыря принадлежала очень большая власть над узниками. От его отзывов о заключенных зависела их дальнейшая судьба; не следует забывать, что срок заключения обычно не определялся заранее и зависел от признания заключенного «исправившимся».

Из дел об отдельных узниках монастырской тюрьмы мы, далее, узнаем, что духовная администрация продолжала заключать в тюрьму монастыря и содержать там заключенных даже в XX веке.

¹ ЦГАДА в Москве, фонд № 172, опись 3, дело № 25, 1879.

Прежде чем говорить об отдельных узниках этой тюрьмы, мы отметим поступление в конце XIX века в монастырь малолетних преступников.

Роль монастырей как мест заключения была расширена законом 2 июня 1897 г. об ответственности малолетних. Этот закон допустил возможность направлять малолетних преступников для содержания в монастыри. Монастыри были совершенно не приспособлены и не подготовлены для этой роли. Это особенно ясно видно из архивного дела монастырской тюрьмы в Суздале. По-видимому, первый случай направления малолетних преступников в Суздальский монастырь произошел лишь в 1901 году. Настоятель этого монастыря сообщил во Владимирскую консисторию о присылке к нему в монастырь по распоряжению суздальского городского судьи двух малолетних преступников для содержания их впредь до особого распоряжения. Настоятель монастыря описывал, что оба мальчика были приведены полицией, связанные веревками и почти голые, несмотря на холодное время. Настоятель поместил их обоих в арестантское отделение монастыря.

Консистория разъяснила ему его обязанность принимать таких малолетних в монастырь по распоряжению судебных и следственных властей. Вместе с тем было разъяснено, что помещение в монастырскую тюрьму малолетних является превышением власти, так как малолетние должны содержаться среди монастырской братии¹.

В архивном деле, из которого взяты приведенные выше сведения, имеется указ Синода по вопросу о заключении в монастырь малолетних преступников. Из этого указа видно, что монастыри встретили закон 2 июня 1897 г. резко отрицательно. Они не справлялись с малолетними преступниками, которые своим поведением в монастыре вызывали жалобы мирян на монастыри. Синод решил ограничить число монастырей, в которые можно было направлять малолетних преступников. Однако подробности режима не были разработаны. Так, например, в Суздальском монастыре в период 1901—1903 гг. содержалось до суда всего пятеро малолетних.

Духовная администрация крепко держалась за сохранение монастырской тюрьмы. В 1902 году возник вопрос, следует ли сохранять на будущее время арестантское отделение при Суздальском монастыре и не следует ли передать его гражданским властям. Такое предположение взволновало местного епископа.

¹ ЦГАДА в Москве, фонд Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря. «О содержании малолетних преступников», дело без номера и без года.

Он счел необходимым обратиться в Синод с мотивированным ходатайством сохранить арестантское отделение по-прежнему в духовном ведомстве: без арестантских отделений «епископам будет труднее управлять епархиями», и потому он «всеусерднейше просит от себя и за других епископов не закрывать арестантское отделение Суздальского монастыря»¹. Синод отказался расстаться с тюрьмой в Суздальском монастыре.

Крепко держался за сохранение тюрьмы при монастыре и настоятель монастыря. Войдя целиком в роль начальника тюрьмы, он даже ходатайствовал о введении для заключенных его тюрьмы в монастыре особого арестантского платья². Однако гражданские власти разъяснили, что в тюрьме монастыря содержатся не осужденные, а потому невозможно ввести для них особое арестантское платье. На эту точку зрения встал и Синод, и заключенные не испытали тяжести облачения их вместо ряс в арестантские одежды.

Приближавшаяся первая русская революция 1905 года положила конец Суздальской монастырской тюрьме. Указ 1904 года привел к освобождению из арестантского отделения содержащихся в нем последних узников этой тюрьмы. В архиве монастыря мы не нашли никаких документов об этом знаменательном явлении в истории русской общественности; можно предположить, что настоятель монастыря, а вместе с ним и начальник тюрьмы не испытывали особой радости от этого знаменательного события. Припомним, что менее чем за три года до этого духовная администрация отстаивала необходимость сохранения монастырской тюрьмы.

Таким образом, освобождение заключенных проходило как вынужденное, как уступка революции. Мы нашли в архиве монастыря лишь один документ, относящийся к прекращению существования монастырской тюрьмы в Суздале. В 1905 году настоятель монастыря получил запрос от исправника, освобождены ли из тюрьмы заключенные. Настоятель ответил, что 5 марта 1905 г. освобождены из крепости монастыря и содержащиеся среди братии 6 человек³. Настоятель добавлял о нахождении среди освобожденных безумного арестанта, который во все горло кричит на дворе и кощунствует.

¹ Дело канцелярии Синода № 4366 за 1902—1908 гг., листы 121—122. Цитировано по книге Д. Венедиктова «Попы-провокаторы, тюремщики, погромщики», М., 1930, стр. 70.

² См. Д. Венедиктов, Попы-провокаторы, тюремщики, погромщики, М., 1930, стр. 49.

³ ЦГАДА в Москве, фонд Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря, из связки без номера, 1903, л. 131.

Этот «безумный арестант» подтверждал нахождение в монастырской тюрьме тех, кому надлежало быть в психиатрической лечебнице. Только после этого сообщения была произведена психиатрическая экспертиза, и больной был отправлен в дом для душевнобольных. Этот эпизод красочно завершил историю Суздальской тюрьмы при Спасо-Евфимьевском монастыре. Из нашего дальнейшего очерка об отдельных узниках мы узнаем, что этот случай содержания душевнобольного в арестантской камере был не единственным даже в конце XIX и начале XX веков.

§ 52. УЗНИКИ СУЗДАЛЬСКОЙ МОНАСТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ

За последний интересующий нас период существования монастырской тюрьмы в Суздале мы нашли в архиве статистические ведомости лишь за очень немногие и при этом разрозненные годы.

Поскольку число узников в этой тюрьме в период 1870—1905 гг. оставалось почти совсем неизвестным, мы приведем найденные нами цифры.

Но прежде чем привести эти цифры за отдельные годы, отметим, что мы нашли перечень фамилий заключенных в арестантском отделении Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря с XVIII века и до 1901 года включительно. Из этого списка видно, что в архиве библиотеки монастыря хранились дела о 160 заключенных, поступивших в монастырскую тюрьму в период 1870—1901 гг. Из означенного числа в тюрьму поступили:

в 1870 г.— 1879 г.	48 чел.
в 1880 г.— 1889 г.	54 чел.
в 1890 г.— 1899 г.	52 чел.
в 1900 г.— 1901 г.	6 чел. ¹

Что же касается общего числа арестантов тюрьмы за отдельные годы, то эти сведения нам удалось найти лишь за некоторые годы.

Статистические ведомости о заключенных в арестантское отделение монастыря указывали количество узников на май месяц каждого отчетного года. Мы нашли следующие сведения: в 1872 году в монастырь было заключено 7 человек, и все духовного звания, в 1877 году — 9 человек, в 1883 году — 9 чело-

¹ ЦГАДА в Москве, фонд Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря, пачка 135, дело 45. Опись архива библиотеки Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря. Реестр дел архива монастыря с XVIII века по 1901 год. Первые арестантские дела относятся к 1766 году.

век, в 1887 году — 11 человек, в 1889 году — 11 человек, в 1891 году — 9 человек, в 1892 году — 7 человек, в 1895 году — 7 человек, в 1898 году — 12 человек¹; по сообщению Пругавина, число узников в монастырской тюрьме в 1901 году было 9 человек, а в 1902 году — 12 человек.

В составе узников монастырской тюрьмы за последний период ее существования наблюдается изменение: узниками тюрьмы большей частью являются лица духовного звания, а представители сектантства встречаются реже. Так как среди заключенных нет таких, имена которых вошли в историю сектантства, то нет интереса приводить здесь поименный список заключенных, однако, некоторые из узников должны быть отмечены, поскольку нам известны основания их заключения в монастырскую тюрьму и условия их пребывания там.

Некоторые из узников содержались в тюрьме в интересующий нас период такое время, которое превышало сроки наказаний, установленных уголовным законодательством за самые тяжкие преступления. В этом отношении монастырская тюрьма до конца своего существования продолжала, как и ранее, походить на политические тюрьмы. В виде примера можно указать на священника Золотницкого, который содержался в арестантском отделении с 1863 года до дня смерти в 1897 году. Этот срок заточения 34 года был наивысшим. Униатский священник Ленчевский, заточенный в 1853 году, встретился нам в списках заключенных в 1877 году, т. е. через 24 года. Дьякон Добролюбов провёл в тюрьме, как мы указывали выше, 27 лет. Этот последний был узником монастырской тюрьмы с 1877 по 1904 гг., т. е. почти весь исследуемый нами период.

Эти длительные сроки заточения превращают узников монастырской тюрьмы в мучеников. Одни из них страдали за преданность сектантству, другие — за расхождение по некоторым вопросам с учением православной церкви или за так называемое «неблагоприятное поведение»². На грани XIX и XX веков, в 1900 году, Синод направил в Суздальскую монастырскую тюрьму крестьянина Федосеева за то, что он «жил в пещере и своей лицемерной праведностью привлекал к себе массы

¹ ЦГАДА в Москве, фонд Суздальского Спасо-Евфимьевского монастыря, № 167, дело № 7, ч. III, 1870.

² Так, например, настоятель монастыря писал в 1899 году в консисторию, что иеромонах Кириак содержался в арестантском отделении с 1887 года в течение 12 лет «не за какие-нибудь безнравственные преступления, а за болезненную раздражительность». Он переведен в братию монастыря лишь в 1900 году. (ЦГАДА в Москве, фонд Суздальского монастыря, пачка 195, дело № 15. Дело о иеромонахе Кириаке.)

простого народа»¹. Здесь не было никаких признаков преступления, но Синод переселил Федосеева из пещеры в одиночную камеру тюрьмы.

Исследователь монастырских тюрем Пругавин познакомил русскую общественность с тремя заключенными Суздальской монастырской тюрьмы конца XIX и начала XX века. Это были Подгорный, Рахов и Цветков; последний был заключен в 1901 году за отрицание авторитета Синода и власти обер-прокурора Синода и требование созыва вселенского собора. Цветков высказывал это свое мнение в письменных обращениях к различным представителям верховной власти. Этого было достаточно для заточения его без суда. Но более значительный интерес представляли дела Подгорного и Рахова. В архиве Суздальского монастыря сохранились оба последних названных нами дела, представляющих большой общественный интерес.

Из трех названных нами узников крестьянин Василий Подгорный был заточен в тюрьму ранее других, а именно в 1892 году.

Несмотря на то, что он был узником не только конца XIX, но и начала XX века, его дело носит на себе те черты произвола и расправы без суда, которые уже известны нам из всей предшествующей истории монастырского тюремного заточения. В продолжение многих лет Подгорный взывал из тюрьмы о своей невиновности, но власти долго оставались глухи к воплям узника. Только через десять лет наступило облегчение участи этого невиновного старика.

Особый интерес приобретает дело Подгорного потому, что он без суда был заточен в монастырскую тюрьму за такие приписанные ему действия, которые, по закону, составляли тяжкие уголовные преступления. Эти действия описал Синод в своем указе 1892 года. Синод писал, что Подгорный «под личиной внешнего благочестия распространяет среди темных и легковверных людей лжеучение, подрывающее основы семейной жизни, погрязая в чувственном разврате..., растлеивает женщин и девиц»². По представлению Синода и повелению Александра III Подгорный был заточен в Суздальскую монастырскую тюрьму.

В одном из своих прошений в Синод Подгорный отрицал свою виновность в половых преступлениях, невозможную уже в

¹ «Самарские епархиальные ведомости» 1901 г. № 16, стр. 886. Цитировано по статье А. С. Пругавина «Монастырские тюрьмы», юридическая газета «Право» 1902 г. № 48.

² ЦГАДА в Москве, фонд Суздальского монастыря, дело крестьянина Харьковской губ., Ахтырского уезда, села Простянца Василия Подгорного, вязка 179, часть II, дело № 16, 1892—1893 гг.

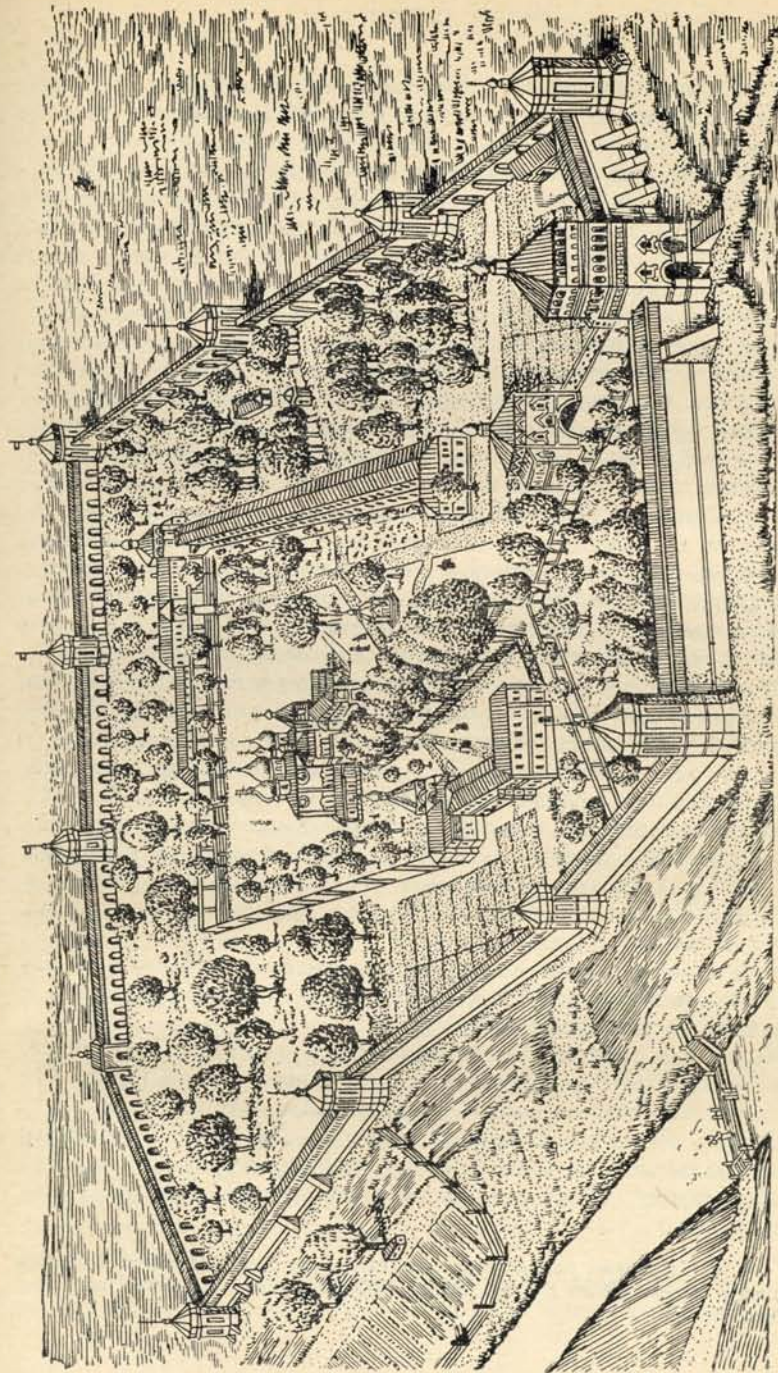

Рис. 22. Общий вид Спасо-Евфимьевского монастыря с корпусом для арестантов в 1870 г.
С фотографии из ЦГАДА в Москве, опись монастыря, 1870 г.

силу его старческого возраста. Он особенно подчеркивал, что ему не было предъявлено произведенное духовными властями дознание и, таким образом, он был лишен всякой возможности оправдаться. Он объяснял преследование его завистью местного духовенства ввиду расположения к нему населения, для которого он строил училище, мастерскую с благотворительными целями, для предоставления работы нуждающимся, странноприимный дом, церковь и организовал общину. Крестьяне просили его быть священником в этой церкви, но он не согласился. Мы нашли в архивном деле анонимное письмо с обвинением Подгорного в том, что его община с шестьюстами женщин являлась его гаремом. Казалось бы, что уже эта громадная цифра должна была бы вызывать сомнение в правильности обвинения. Казалось бы также, что на месте, легко было бы найти доказательства неправильности предъявленного ему обвинения, но это не было сделано.

О пребывании Подгорного в монастырской тюрьме имеется в архивном деле несколько документов. Настоятель монастыря давал самые лучшие сведения о поведении Подгорного, говоря, что он служит примером для других. Не раз возбуждался вопрос об освобождении Подгорного из монастырской тюрьмы и о переводе его в число братии. Однако высшая духовная администрация не менее шести раз предъявляла требования усилить надзор за Подгорным и отягчить условия его содержания. Только 25 октября 1901 г. было повелено произвести новое жандармское расследование дела о Подгорном. Жандармский полковник не нашел препятствий к освобождению Подгорного из тюрьмы. В 1903 году 17 января последовало разрешение царя на освобождение Подгорного из монастырской тюрьмы и пострижение его в монахи этого же Суздальского монастыря. Это произошло в феврале 1903 года. Таким образом, эта жертва церковного произвола провела в тюрьме 11 лет.

Еще через два года последнее уведомление о Подгорном сообщало в консисторию, что он часто болеет и слаб здоровьем и что надзор за ним продолжается.

Через три года после заключения в тюрьму Подгорного, 4 января 1895 г., был заключен крестьянин Василий Рахов. Он был новой жертвой произвола церковной администрации.

О деле Рахова под живым впечатлением этого вопиющего случая беззакония не один раз еще при царизме сообщал в печати Пругавин¹. Широкая русская общественность получила

¹ А. С. Пругавин опубликовал документы по делу Рахова в брошюре «Вопиющее дело» (1906 г.) и в книге «Монастырские тюрьмы», изд. 2-е, дополненное.

тогда возможность увидеть, до каких невероятных пределов мог развиваться произвол тех, кто стоял на страже интересов православной церкви.

Пругавин, получивший возможность извлечь из секретного дела сведения о Рахове, показал, что этот узник не выпускался из монастырской тюрьмы, несмотря на полную неосновательность его заключения. Мы воспроизведем здесь лишь основные моменты этого дела.

Василий Рахов, сын довольно состоятельных родителей из крестьян, проживал с ними в Архангельске, где служил в одной иностранной фирме. На 22-м году жизни в нем произошел нравственный перелом. Он оставил службу и переехал в деревенскую глушь. Здесь он начал обучение крестьянских детей грамоте, читал крестьянам религиозные книги, вел борьбу с пьянством. Однако вскоре эта его деятельность возбудила подозрение местного священника и урядника, и Рахов был вынужден вернуться на родину.

По-видимому, политические мотивы были чужды деятельности Рахова. Он был весь проникнут желанием облегчить положение бедноты. Во время пребывания его в Одессе, когда он совершал странствование на Афон и в Палестину, он выступил в Одесском театре во время антракта с горячим призывом к публике. Он указывал на тяжелое положение одесской бедноты, среди которой он поселился на окраинах города. За это выступление он был арестован и выслан в Архангельск.

После возвращения на родину, в Архангельск, Рахов широко развернул благотворительную деятельность среди городской бедноты. Не жалея ни средств, ни сил, он открыл здесь ночлежный дом, детский приют на сорок человек, мастерскую для заработка нуждающимся и в голодные 1892—1893 гг. две столовые, более чем на сто человек каждая. В столовых он читал вслух евангелие, жития святых и прочие просмотренные цензурой книги. Он сопровождал чтение разъяснениями. Местное духовенство увидело в Рахове конкурента. Рахов был предан суду по обвинению в распространении штундизма, но был оправдан.

Несмотря на оправдание Рахова судом, местный архиерей, обвиняя Рахова в штундизме, просил Синод сослать оправданного в Суздальский монастырь. Выбор Суздальского монастыря вместо ближайшей тюрьмы в Соловецком монастыре мотивировался опасением влияния Рахова на окрестное население, которое знало его. Синод удовлетворил это ходатайство, и царь утвердил такое решение.

Архимандрит Суздальского монастыря получил от архангельского губернатора уведомление о направлении Рахова в

монастырскую тюрьму как штундиста, призывавшего народ «не ходить в церковь, не почитать святых икон, не принимать в дом священников и не слушать их наставлений о вере». Все эти обвинения ни в какой мере не соответствовали действительности. Рахов стал жертвой самой черной неправды.

В невинности Рахова архимандрит Суздальского монастыря мог убедиться с первых же дней пребывания узника в тюрьме. Через три месяца пребывания Рахова в тюрьме архимандрит донес в консисторию об отсутствии каких-либо религиозных заблуждений в этом новом обитателе его тюрьмы. Сам Рахов в особом прошении писал о своей невинности. Отец Рахова обращался за справедливостью к царю, указав на оправдание его сына судом. Все оставалось без результата, и невинный по-прежнему содержался в монастырской тюрьме.

Игумен монастыря Досифей, по словам Пругавина, опытный и суровый тюремщик, все время давал хорошие характеристики Рахову и в 1898 году определенно высказался за освобождение его. Однако Рахов был лишь переведен из тюрьмы в келью под надзор монастырского начальства. Новая просьба об освобождении Рахова в 1899 году была оставлена без удовлетворения на том основании, что для испытания требуется, по церковным правилам, 10-летний срок. Новый архимандрит трижды безуспешно заявлял в консистории, что в Рахове не было и нет никаких религиозных заблуждений, что он покорнейший, любвеобильнейший, чистосердечный сын православной церкви¹, что он в своем горячем стремлении помочь нуждающимся и страждущим братьям не встретил должной поддержки со стороны духовных лиц. Только четвертое ходатайство игумена от января 1902 года об освобождении Рахова из монастыря было, наконец, удовлетворено. К этому времени его отец уже умер; здоровье этого невольного обитателя монастыря более чем за семь лет пребывания там совершенно расстроилось. Его энергия была разбита, и семейная жизнь разрушена.

В деле Рахова особенно знаменательно то, что он был заточен в монастырь после оправдательного приговора суда, что два настоятеля монастыря считали его невинным и просили о его освобождении. Потребовалось более семи лет содержания человека в монастыре и в том числе два с половиной года в одиночной камере, чтобы, наконец, освободить его, и все это совершалось в самом конце XIX и начале XX века. Те, которые посылали узников в эту страшную тюрьму, существовавшую

¹ См. А. С. Пругавин, В казематах, СПб., 1909, стр. 262.

с половины XVIII века, продолжали жить традициями давно минувших лет.

Исключительный и своеобразный интерес представляет дело еще одного из узников монастырской тюрьмы — Федора Ковалева.

Федор Ковалев был убийцей 25 человек и в том числе своих малолетних детей, жены и матери. Сам убийца и убитые им двадцать пять человек были жертвами беспросветной темноты и религиозного фанатизма, развившегося в условиях того тяжелого положения, в котором находились в России сектанты даже в конце XIX века. Царизм не пожелал гласного суда по этому делу по вполне понятным причинам: на скамье подсудимых рядом с убийцей оказался бы весь политический строй царской России. Царизм предпочел заключить Ковалева без суда в монастырскую тюрьму.

В 1896 году происходила первая всеобщая перепись населения империи. По словам обер-прокурора Синода Победоносцева, некоторые сектанты отнеслись к этой переписи отрицательно, видя в ней насилие над их верою и считая ее средством занести их в списки с печатью антихриста. Были употреблены различные средства избежать этой переписки вплоть до намерения подвергнуть себя самосожжению. На этой почве религиозной нетерпимости и народного невежества и произошел страшный случай погребения заживо раскольников с их согласия последним их единоверцем Федором Ковалевым.

Обер-прокурор Синода Победоносцев, излагая дело Ковалева, отнюдь не склонен был вскрывать те социальные условия, на почве которых сделалось возможным совершение массового убийства с согласия самих жертв преступления¹. Однако фактическая сторона этого преступления такова, что сама по себе производит потрясающее впечатление и едва ли нуждается в объяснениях.

На Тираспольских хуторах Херсонской губернии проживала раскольничья монахиня Виталия, имевшая большое влияние на старообрядцев. В организованной в 1896 году переписи населения она видела приближение конца мира, страшного суда и попытку занести верующих в списки антихриста. Она учила, что лучше умереть, нежели быть занесенным на переписные листки. Под влиянием ее проповеди обитатели хуторов решили принять мученическую кончину, но остаться верными своей религии.

¹ См. «Всеподаннейший отчет обер-прокурора Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1897 год», СПб., 1899, стр. 130—131.

23 декабря 1896 г. девять сектантов приготовили себе яму и отпели над собой «чин погребения». Когда они легли в яму, старообрядец Федор Ковалев, как каменщик, по их просьбе, заложил яму кирпичом. В числе заживо погребенных были, между прочим, его жена и двое малолетних детей.

Все заживо погребенные и сам Ковалев были убеждены, что эта смерть приведет их в «царство небесное». Через четыре дня после этого были заживо замурованы еще шесть человек. Об этих погребениях полиция еще ничего не знала. В день переписи Виталия вместе с некоторыми другими единоверцами отказалась дать сведения переписчикам. Она и пять других сектантов были заключены в тюрьму, но после 5-дневной голодовки освобождены.

В феврале 1897 года Федор Ковалев похоронил заживо в два приема еще десять человек и в том числе Виталию и 60-летнюю старуху Ковалеву. Таким образом, общее число заживо погребенных достигло 25 человек. Раскрытие этого страшного дела привело к аресту Ковалева и заключению его в тюрьму. Однако правительство предпочло не раскрывать перед общественным мнением подробности этого преступления, порожденного невежеством и угнетением раскольников.

Нет ничего удивительного, что министр юстиции испросил у царя разрешение на прекращение этого дела, позорного, прежде всего и больше всего, для самого царского правительства. Царь согласился с предложением министра направить Ковалева бессрочно в один из православных монастырей по усмотрению Синода. В этом повелении было указано отправить Ковалева именно в монастырь, а не в заточение при монастыре. Синод пошел дальше и направил Ковалева в арестантское отделение при Спасо-Евфимьевском монастыре в Суздале.

Федор Ковалев был заключен в арестантское отделение 22 февраля 1898 г. и помещен в отдельную камеру под строгий надзор монастырского начальства. Найденное нами архивное дело монастыря содержит ряд сведений о пребывании Ковалева в течение семи лет в монастырской тюрьме, затем о переводе его в келью монастыря.

В продолжение всего этого времени Ковалев находился под самым строгим присмотром монастырского начальства, оставаясь среди узников монастырской тюрьмы. Уже через несколько месяцев после заточения Ковалева в тюрьму игумен монастыря спешил уведомить консисторию о достигнутых им успехах: старообрядец Ковалев пожелал присоединиться к православной церкви. Однако игумен поторопился: Ковалев отказался от своего намерения под предлогом, что оскорблен высказанным кем-то

предположением о корыстных мотивах его перехода в православие. Впрочем, позднее такой переход состоялся. После этого последовали просьбы игумена монастыря о переводе Ковалева из тюрьмы в монастырскую келью. Эти просьбы трижды встречали отказ со стороны консистории, указывавшей на тяжесть преступления Ковалева, которое должно было влечь, по закону, бессрочную каторгу. Игумен монастыря мотивировал свою просьбу об освобождении Ковалева указанием на опасность воздействия на него других узников-сектантов.

В обследованном нами архивном деле имеется копия письма Ковалева к сестре. В письме он сообщал о своем примирении с жизнью арестанта: он прожил в этой «коробке» семь лет, но даже если проживет здесь до 70 лет, не будет просить о своем освобождении.

Когда в 1904 году последовал указ консистории о переводе Ковалева из тюрьмы в монастырь, с него была взята подписка, что он не будет иметь никакого общения с бывшим заключенным священником Цветковым. По-видимому, игумен опасался влияния других заключенных на Ковалева. Вместе с тем Ковалев мог выходить из монастыря лишь при крайней необходимости и с разрешения игумена. Вся переписка его должна была проходить через монастырское начальство. Он должен был ежедневно посещать церковную службу и пр.

Старания игумена превратить Ковалева в монаха не увенчались успехом, и 2 марта 1905 г. он оставил монастырские стены, вернувшись на родину. Мы знаем из архивного дела, что переселение его не шло дальше предоставления ему для чтения религиозных книг, посещения церковной службы и т. п. Дальнейшая судьба Ковалева неизвестна.

2 марта 1905 г., день освобождения Ковалева из монастыря, было последним днем существования тюрьмы при Спасо-Евфимьевском монастыре в Суздале. В течение полутора лет существования этой тюрьмы в нее было прислано 350 человек, из которых 63 были заключены до 1800 года, а остальные в течение XIX и первого пятилетия XX века. Через тюрьму прошли присланные сюда по делам веры, по политическим делам, по делам о неблагопристойном поведении лиц духовного звания и душевнобольные, за уголовные преступления. Многие из них здесь и умерли.

Самой характерной чертой в истории этой монастырской тюрьмы было заточение сюда без судебного разбирательства. Направлял сюда узников произвол светской или духовной власти. К тяжелым условиям физического существования присоединялись еще более тяжелые моральные условия: насилие над

совестью, над убеждениями человека. Полтора года существования монастырской тюрьмы доказали ее бессилие в огромном большинстве случаев сломить нравственные убеждения узников. Навсегда опустевшие в 1905 году одиночные камеры монастырской тюрьмы остались памятником ее бессилия и великой силы человеческого духа.

§ 53. ЗАКЛЮЧЕННЫЕ МОНАСТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ НА СОЛОВКАХ

Тюрьма Соловецкого монастыря в последние годы ее существования, начиная с 1870 года, потеряла свое прежнее значение. Среди ее узников уже не встречаются такие крупные представители различных религиозных направлений, как это было в предшествующий период. Острог при Соловецком монастыре перестал быть местом заточения и для политических узников. Последними заключенными за политические убеждения в этой монастырской тюрьме были двое молодых рабочих, осужденных в 1877 году за демонстрацию в Петербурге на площади перед Казанским собором.

Это были Яков Потапов и Матвей Григорьев. Первый из названных нами вошел в историю русского революционного движения как активный участник политической демонстрации в Петербурге, организованной Плехановым, во время которой он впервые развернул боевое красное знамя революции. Яков Потапов был, таким образом, первым по времени знаменосцем революции. Следует особенно подчеркнуть, что этим первым знаменосцем оказался рабочий, несмотря на то, что огромное большинство участников демонстрации, а вместе с тем и всего революционного движения того времени было из числа учащейся молодежи. Яков Потапов и Матвей Григорьев были арестованы на месте демонстрации. Особое присутствие Сената приговорило обоих рабочих вследствие их несовершеннолетия к содержанию в отдаленных монастырях сроком на пять лет каждого.

Яков Потапов был направлен в Вологодский Спасо-Каменный монастырь¹. Вологодскому епископу был послан указ, чтобы за Потаповым было установлено строжайшее наблюдение в целях наставления осужденного в верности христианскому и верно-подданническому долгу. Вместе с тем было предложено принять меры к устранению возможности побега. Уже через полгода вологодский епископ просил Синод перевести Потапова в другой

¹ См. Д. Венедиктов, Палачи в рясах, Л., 1923.

монастырь, так как сам он не располагает средствами предотвратить побег Потапова, который ведет переписку с неизвестными лицами, отлучается из монастыря и старается посеять раздоры между монахами. Очевидно, игумен монастыря опасался пропаганды этого рабочего, осужденного за участие в политической демонстрации. Синод сообщил обо всем в III отделение.

По распоряжению из Петербурга Потапов был переведен в Соловецкий монастырь, где был незаконно заключен 22 июня 1879 г. в одиночную камеру острога. Кто-то донес в III отделение, что Потапов пользуется в монастыре льготами и общается с богомольцами. Начальник III отделения уведомил об этом прокурора Синода, но последний, запросив игумена монастыря, отверг правильность доноса.

Через год после заточения в монастырь Потапов сделал попытку побега из острога. Взломав решетку в окне своей камеры, он спрыгнул с третьего этажа на монастырскую стену и спустился за монастырскую ограду. Он был в одном белье. В монастыре было много богомольцев. Потапов думал найти у них защиту и помощь, но был схвачен и снова заключен в острог. Условия его содержания здесь были очень суровы. Несмотря на просьбы, его не выпускали на прогулки и в монастырскую церковь. Измученный таким режимом, Потапов решил обратиться к архимандриту. 19 марта 1881 г., после панихиды по императоре Александре II, допущенный на эту службу Потапов подошел к архимандриту, когда тот выходил из церкви. Подойдя к нему под благословение, он просил его облегчить тяжелые условия своего заточения. В ответ на это архимандрит приказал солдату увести Потапова в его камеру. Тогда выведенный из терпения Потапов ударил игумена по лицу¹.

За этот поступок Потапов был приговорен 4 сентября 1881 г. к ссылке на поселение в отдаленнейшие места Сибири и в 1882 году отправлен в Якутскую область. Такой дорогой ценой он добился своего освобождения из монастырской тюрьмы на Соловках.

Другой осужденный по процессу о демонстрации на площади перед Казанским собором — Матвей Григорьев — был направлен в Николаевскую пустынь Астраханской епархии. Такие же меры, какие были предписаны Синодом в отношении Потапова, были предписаны и в отношении Григорьева. Настоятель монастыря донес в Астрахань начальству о той пропаганде, которую

¹ См. М. Колчин, Ссылные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв., Исторический очерк с предисловием А. С. Пругавина, М., 1908, стр. 150—153.

повел ссыльный рабочий среди монахов и среди посетителей монастыря, а также среди крестьян. Этот настоятель донес также, что Григорьев, узнав о неудачном выстреле Соловьева в царя 5 апреля 1879 г., сказал: «Дурак,— взялся стрелять, но не умел попасть в цель». Жандармы увезли Григорьева из монастыря, и по повелению царя он был отправлен в 1879 году в Соловецкий монастырь. Отсюда он был освобожден в 1882 году и сослан под надзор полиции на родину¹.

Потапов и Григорьев были превращены волею игумена монастыря из сосланных под надзор в узников монастырского острога. Это яркое доказательство беспредельно широкой власти местной духовной администрации в те годы. Еще дальше зашел произвол этой власти в отношении присланного сюда в середине 70-х годов на жительство в кельях монастыря магистра богословия иеромонаха Серафима. Об этом возмутительном случае рассказал как очевидец Колчин.

Причина ссылки Серафима в Соловецкий монастырь достоверно неизвестна. Как развитой человек, интересовавшийся условиями монастырского быта на Соловках, этот магистр богословия тайно пересылал корреспонденции в столичные газеты и в том числе об эксплуатации монастырем богомольцев в качестве рабочей силы. Он вел откровенные беседы с посетителями монастыря на темы о монастырской жизни. По донесению игумена с жалобой на иеромонаха Серафима, Синод предложил игумену взять с Серафима подписку о прекращении сношений с богомольцами. Игумен предпочел заточить иеромонаха в специально для него устроенную камеру в нижнем этаже архимандритского корпуса. С помощью четырех человек иеромонах Серафим насильно был заключен в эту камеру и при этом жестоко избит. Его камера была под постоянным замком, пища подавалась ему через форточку в двери.

Колчин в качестве фельдшера получил возможность подойти лишь к этой форточке и выслушать жалобы и просьбу Серафима. Колчин видел через форточку опухшую от побоев шею иеромонаха Серафима, который просил его: «Если я не вынесу этого заключения и умру здесь, то передайте миру все то, что со мной проделали. Пусть знают, что инквизиторы еще не перевелись. Соловецкий настоятель ставит себя выше закона, и для произвола его нет границ».

Сообщая этот случай, Колчин отмечает в своих воспоминаниях, что иеромонах Серафим содержался в полной темноте в долгую полярную зиму. Его никуда не выпускали. К нему ни-

¹ См. Д. Венедиктов, Палачи в рясах, Л., 1923, стр. 142—145.

кого не пропускали. Он был лишен книг и возможности писать. Только в мае 1884 года по распоряжению Синода он был переведен на жительство в Архангельский монастырь. Здесь он немедленно заявил о своем решении снять с себя монашеский сан. Увещания не привели к цели. Иеромонах перенес слишком много несправедливого за время своего монашества. Расстрижение дало ему одновременно и свободу от монастырского заточения, так как он был прислан в монастырь как монах¹.

Из узников, заключенных за религиозные убеждения, следует отметить Адриана Пушкина. Он был заключен в монастырь в 1867 году и пробыл в остроге до 1882 года. Основанием заточения его в тюрьму было образование им секты, вероучение которой разошлось с догматами православной церкви. Однако нет никаких сведений, что пропаганда Пушкина доставила ему последователей. Бывший крепостной, а затем управляющий имением, частный поверенный², он после нервного заболевания страдал галлюцинациями. Он проповедовал предстоявшее новое появление Христа для водворения среди людей мира и уничтожения эксплуатации. Свои писания на эту тему и рисунки он посылал различным лицам, а также в Сенат и Синод. Результатом всего этого были арест и заключение его в Соловецкий монастырь. Здесь он пробыл 16 лет и был переведен в город Архангельск, где некоторое время содержался в больнице для душевнобольных, и уже больной умер в кругу своей семьи.

Душевная болезнь этого человека привела его в суровую тюрьму Соловецкого монастыря только потому, что духовная власть считала его религиозный бред опасным для господствовавшей церкви.

Колчин указывает 1883 год как последний год существования Соловецкой монастырской тюрьмы, а последними узниками этого острога называет Давыдова и Леонтьева. Первый из них был заключен в Соловецкий острог по требованию духовной власти, несмотря на то, что был оправдан судом по обвинению в скопчестве. Второй содержался за распространение ереси хлыстовского характера и оскорбление архиерея. Освобожденные из тюрьмы в 1883 году для проживания среди братии, Давыдов и Леонтьев в 1887 году были снова заключены в острог в виде меры дисциплинарного наказания и оставались в остроге около года. Такое долговременное содержание под стражей как мера

¹ См. М. Колчин, Ссыльные и заточенные в острог Соловецкого монастыря в XVI—XIX вв. Исторический очерк с предисловием А. С. Пругавина, М., 1908, стр. 153—156.

² См. там же, стр. 147—150.

дисциплинарного наказания было назначено за оскорбление ими начальства.

По свидетельству Колчина, 1883 год был первым годом за время существования монастырской тюрьмы на Соловках, когда в местах лишения свободы при монастыре не было узников. Таким образом, указанный нами год фактически является последним годом существования Соловецкой монастырской тюрьмы.

Среди последних узников этой тюрьмы, кроме упомянутых нами, назовем еще двоих, а именно: бывшего артиллерийского капитана Николая Ильина и крепостного крестьянина Антона Димитриева. Первый из них был заключен в монастырь в 1860 году за основание братства, отрицавшего всякую религию. После 15-летнего пребывания в Соловецком остроге Ильин был переведен вследствие душевного заболевания в тюрьму Суздальского монастыря и отсюда больным освобожден в 1879 году. Что касается другого названного нами заключенного, Антона Димитриева, то 62 года его жизни прошли в одиночной камере Соловецкого острога. Он был заключен сюда в 1818 году и умер в 1880 году. Он был заключен за самооскопление и за оскорбление своего господина графа Головкина с согласия последнего.

К сожалению, мы не знаем, что пережил за эти 62 года в стенах острога Соловецкого монастыря Антон Димитриев. Во всяком случае он очень дорого заплатил за свою темноту и религиозное изуверство, жалкой жертвой которого он был. Он умер не раскаявшись. За долгие годы жизни его в остроге через одиночные камеры этой монастырской тюрьмы прошли многочисленные, такие же как он, жертвы народной темноты, религиозного и политического гнета. Лишь в редких случаях монастырь и острог выходили победителями. В большинстве случаев они были бессильны сломить волю узников. Фактическое прекращение существования монастырской тюрьмы на Соловках в 1883 году и закрытие ее законом в 1905 году были признанием со стороны правительства бессилия монастырской тюрьмы в борьбе за интересы господствовавшей церкви.

Глава седьмая

ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ТЮРЬМЫ

§ 54. СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ В РОССИИ В 70-Е ГОДЫ

НАЧИНАЯ с 70-х годов XIX века и кончая ниспровержением царизма, материалы о состоянии общеуголовных тюрем достигают значительных размеров. Они состоят, во-первых, из официальных печатных отчетов, обзоров, докладов по тюремному делу в России и т. п., во-вторых, из научно-публицистической литературы и из воспоминаний заключенных, особенно многочисленных после Великой Октябрьской революции, и, в-третьих, из неопубликованных дел различных архивов. Материалы первых двух видов составляют особенность этого последнего интересующего нас периода в истории царской тюрьмы, так как за более ранние годы они публиковались лишь в редких случаях.

Мемуарная литература исходит большей частью от бывших политических узников и, к сожалению, в незначительной степени обрисовывает положение общеуголовных тюрем за последнюю четверть XIX века. Нам придется воспользоваться описаниями этого периода лишь немногих авторов. Наоборот, такая литература разрослась за последние полтора десятка лет царизма, когда политические заключенные в огромном числе стали узниками различных тюрем.

Среди опубликованных официальных материалов первое место по обилию занимают ежегодные (с 1879 года) отчеты

Главного тюремного управления, его обзоры и разные документы, значительная часть которых печаталась с 1893 по 1917 год в специальном органе этого ведомства — «Тюремном вестнике». За последние годы существования царизма ценные материалы можно найти в докладах и стенографических отчетах Государственной думы.

К опубликованным официальным материалам тюремного ведомства надо относиться с большой осторожностью: места лишения свободы за их высокими стенами и дверями с крепкими запорами совсем не представлялись такими, чтобы правда о них опубликовывалась для всеобщего сведения. Обычным явлением было затушевывание темных сторон тюремного дела. Если мы, тем не менее, встречаемся с сообщениями о тяжелом положении заключенных, то следует помнить, что в большинстве случаев в действительности оно было еще более тяжелым. Примером описания состояния мест лишения свободы является «Обзор деятельности Главного тюремного управления за 1879—1889 гг.», опубликованный в 1889 году.

В названном обзоре помещен «Очерк положения тюремной части в конце 70-х годов», а в действительности в нем даны сведения о положении русской тюрьмы в течение всего этого десятилетия. Так как этот десяток лет непосредственно предшествовал началу деятельности Главного тюремного управления, то последнее не было заинтересовано особенно скрывать состояние переданных ему тюрем, не сообщая, конечно, всей правды. С такими оговорками именно с этого «Очерка положения тюремной части» мы и начнем наше ознакомление с состоянием тюрем в 70-е годы XIX века.

В названном очерке мы находим следующую характеристику общего состояния тюрем в России в 70-е годы: «Не говоря уже о том, что часть тюрем была устроена в наемных домах, дурно или совсем не приспособленных к размещению арестантов, или же в казенных зданиях, сооруженных для иных потребностей, даже специальные тюремные здания в большинстве своем отличались ветхостью, сыростью, недостатком света и воздуха, неудобством внутреннего устройства помещений, отвратительным состоянием отхожих мест»¹. К этой характеристике нужно прибавить признание самого ведомства, что некоторые тюрьмы находились в состоянии полного разрушения, отсутствовали бани, кухни, прачечные и пр.

¹ «Обзор деятельности Главного тюремного управления за 1879—1889 гг.», СПб., 1889, стр. 7.

Тюремное ведомство говорило здесь совсем не обычным для него языком, но и в данном случае действительность, повторяем, была еще хуже: надо помнить, что в этих разваливающихся зданиях без бань, без кухонь, без прачечных прожигала голодная, раздетая, разутая арестантская масса нередко в количестве, намного превышающем установленные нормы. В некоторых случаях даже и после начала деятельности Главного тюремного управления на одно арестантское место приходилось более 5 человек. К концу 1881 года на 76 090 арестантских мест приходилось 94 796 содержащихся. Таким образом, переполнение тюрем было очень значительным.

Эта переполнявшая тюрьмы арестантская масса содержалась без разделения по категориям, и следственные были в одних камерах с осужденными, приговоренные к кратковременному аресту — вместе с каторжными.

Все арестантское население находилось под властью тюремных смотрителей и надзирателей, получавших ничтожную заработную плату, без казенного довольствия одеждой и пищей. Ревизия обнаружила случай, когда тюремный надзиратель оказался за неимением собственной одежды в арестантском халате с бубновым тузом на спине и шашкой через плечо¹. При таких условиях развивались всякие злоупотребления со стороны тюремной администрации, воровство, взяточничество; смотрители клали в свой карман заработок заключенных.

Впрочем, труд в местах заключения почти отсутствовал и большей частью ограничивался хозяйственными работами по самой тюрьме, т. е. уборкой двора, помещений, колкой дров и пр. Кое-где занимались сапожным мастерством и портняжничеством, но не обслуживая даже и тюремного населения. «Большинство же арестантов губернских и уездных тюремных замков проводило время в убыточной для казны и нравственно растлевающей праздности, которая стала самым характерным признаком тюремной жизни».

Общих правил относительно питания арестантов не существовало. В одних тюрьмах кормовые деньги выдавались заключенным на руки, а в других было организовано приготовление пищи в самой тюрьме.

Постельные принадлежности, по общему правилу, отсутствовали. В разных тюрьмах была различная форма арестантского платья. В некоторых тюрьмах этого платья совсем не было, а в других были накоплены запасы его на несколько лет.

¹ См. «Обзор деятельности Главного тюремного управления 1879—1889 гг.», СПб., 1889, стр. 13.

Таков был тюремный хаос, из которого Главное тюремное управление взялось создать «тюремный порядок». Мы увидим позднее, что этот «порядок» нередко оказывался для заключенных много тяжелее хаоса.

Водворение порядка Главное тюремное управление начало с устройства зданий для тюрем, с приспособления для этой же цели других зданий и ремонта старых. Недостаток денежных средств не давал возможности расширить деятельность так, как это следовало бы.

Самой капитальной, а вместе с тем и показной работой было начало устройства в С.-Петербурге одиночной тюрьмы на 1150 арестантов.

Для столицы сооружение такой тюрьмы было необходимо не только вследствие большого числа заключенных, но и потому, что прежняя тюрьма была «совсем неприлична» для столицы: устроенная в 60-х годах на Выборгской стороне в здании бывшего винного склада времен Анны Иоанновны, краткосрочная тюрьма пришла в совершенную негодность, хотя и была кое-как отремонтирована в 1883 году.

Новая одиночная Петербургская тюрьма с ее различными служебными зданиями должна была «поразить» посетителей-иностранцев усовершенствованием тюремной архитектуры. Так было в столице. В прочих же местах, по словам самого Главного тюремного управления, оно не пренебрегало никакими зданиями, лишь бы они представляли малейшее удобство для приспособления их под тюремные помещения. Что касается одиночных камер, то за отчетные десять лет (1879—1889 гг.) эти камеры были возведены в новых тюрьмах в количестве 1568.

Это был один из видов того нового «порядка», который для заключенных оказался тяжелее самого худшего тюремного «хаоса».

Тюремная часть в общей смете государственных расходов всегда вызывала попытки навести экономию именно за ее счет. Потребности в расходах возрастали, а ассигнования из года в год уменьшались. Так, например, в 1875 году на тюремные расходы требовалось 500 313 руб., а было отпущено 300 000 руб., в 1879 году—737 000 руб., а отпущено—177 505 руб.

Казалось бы, что часть расходов по тюрьме должна была покрываться доходом от труда заключенных. Из двух предшествующих томов «Истории царской тюрьмы» нам известно, что никакой организации труда в местах заключения не было: арестанты изнывали от безделья. Однако Главное тюремное

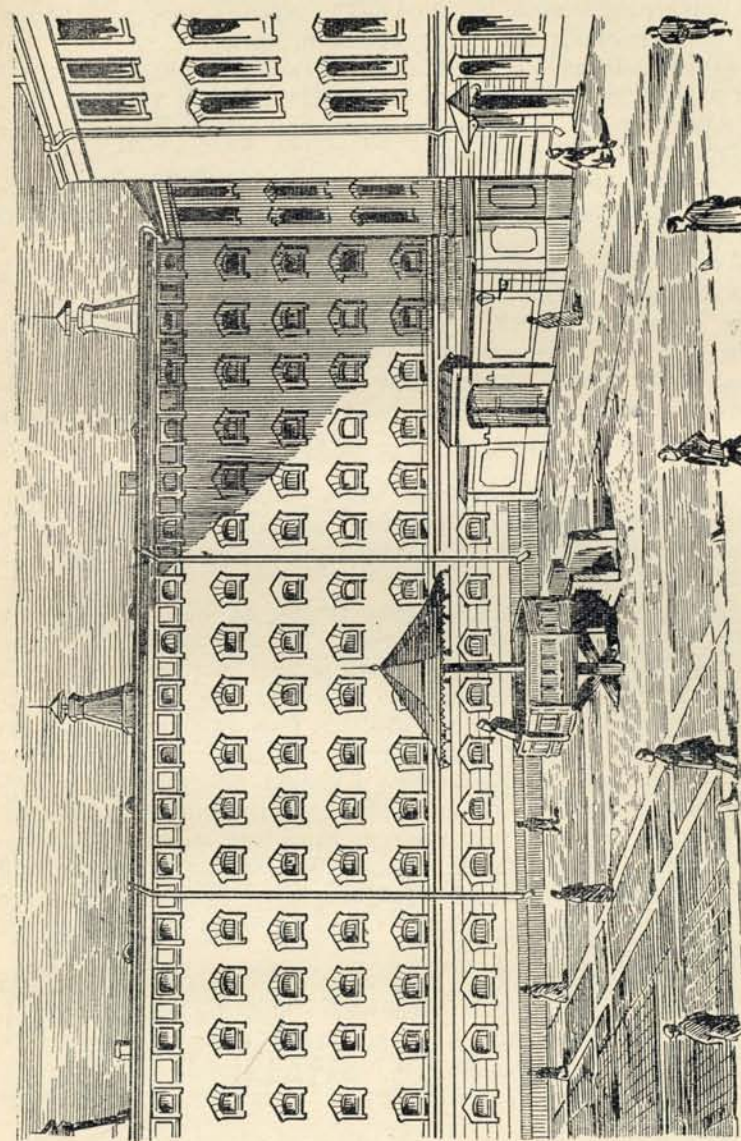

Рис. 23. Дом предварительного заключения, открытый в С.-Петербурге в 1875 г. С фотографии на Музея В. И. Ленина в Москве.

управление выдвинуло этот вопрос лишь в 1882 году, а законодательное разрешение он получил только 6 января 1886 г. Но на этом вопросе мы остановимся позднее.

Значительно дальше, чем отчет Главного тюремного управления, в описании отрицательных сторон русской тюрьмы 70-х годов идут авторы мемуаров и немногих статей научного или публицистического содержания.

Воспоминаний о пребывании в тюрьмах за 70-е годы немного, а в некоторых случаях такие воспоминания появились в печати сравнительно поздно.

В этой литературе есть одна общая черта: для обрисовки состояния мест заключения в России — были ли это полицейские арестные дома, тюремные замки или каторжные тюрьмы — у всех авторов нет другой краски, кроме черной. Иногда очень резко различается стиль авторов — то иронический, то негодующий, то критический, но мы имеем всегда налицо самую отрицательную оценку состояния тюрьмы в 70-е годы.

В оценке тюрьмы сходятся такие контрасты, как, например, прокурор, а позднее — министр юстиции Муравьев¹, и те, кого прокуроры сажали в тюрьмы, как, например, писатель В. Г. Короленко.

Муравьев, описывая состояние тюрем за 1877 год, считал, что они, за все время их существования в России вплоть до указанного года, находились в первобытном состоянии. Не приходится «искать ни цельности, ни единства, ни проведения какой-нибудь одной руководящей мысли». Говоря о тюремном служебном персонале, этот блюститель «законности и порядка» писал: «По исстари сложившимся и крепко всосавшимся в русскую жизнь понятиям, ни малейшим общественным уважением и сочувствием они не пользуются; никакого почти образовательного ценза, а тем более каких-либо специальных сведений от лиц, их занимающих, не требуется, а в довершение всего вознаграждение они получают самое ничтожное, доходящее чуть не до смешного».

Такая характеристика тюремного персонала не мешала этому прокурору вверять тюремной администрации огромную массу заключенных. Они попадали в тюрьмы «старой, первобытной, традиционной и дореформенной формации». Здесь они заболели физически и морально и преждевременно гибли.

¹ См. Н. Муравьев, Наши тюрьмы и тюремный вопрос, «Русский вестник», 1878, апрель.

Описание тюремных замков, подследственных камер и полицейских участков, сделанное Муравьевым, совпадает с описанием их В. Г. Короленко. Разница только в том, что Муравьев был одним из хозяев этих тюрем, а Короленко на самом себе испытал их тяжесть.

В 1932 году была опубликована «Записная книжка» В. Г. Короленко за 1879 год¹. Эту «Записную книжку» автор вел в местах заключения, через которые ему пришлось пройти. Это интереснейший, единственный в своем роде документ. Он важен для нас особенно потому, что автор зарисовал с натуры значительное количество тюремных камер, полицейских участков и, таким образом, дал нам возможность наглядно ознакомиться с полицейскими камерами, их обстановкой и пр. Так, им даны рисунки Спасской части Литовского замка, Рогожской части в Москве, камеры тюремного замка в Костроме и Вятке.

В. Г. Короленко называет камеру Рогожской части «коробкой»: «Весьма странная коробка. Все как-то выведено неровно, неуклюже. Все обмызгано, исцарапано, заплевано. «Парашка» представляет крайнюю степень деградации: это уже просто банная шайка, ничем не прикрытая и остающаяся в камере весь день».

Наиболее подробное описание камер при полицейских участках в Петербурге опубликовал в 1871 году В. Н. Никитин². Он обследовал их при всех 12 полицейских участках столицы и нашел их отвратительными. Грязь толстым слоем покрывала пол, на сплошных нарах не было ни матрацев, ни белья. Обычным явлением было переполнение камер: от 600 до 700 арестованных проводило время в этих вертепах в полном безделье.

Здесь находились задержанные за пьянство, подследственные, осужденные на краткие сроки мировыми судьями, беспаспортные, заблудившиеся малолетние и не имеющие пристанища. В холодных карцерах был даже снег. Случайно попавшие сюда обкрадывались профессиональными ворами. Поистине это были настоящие притоны разврата, и все это имело место в самой столице.

Ни Главное тюремное управление в отчетах за первые десять лет его существования, ни Муравьев в приведенной выше

¹ См. В. Г. Короленко, Записная книжка, Горький, 1932; см. также Историю моего современника, 1948, т. II, стр. 462—480.

² См. В. Н. Никитин, Жизнь заключенных. Обзор петербургских тюрем, СПб., 1871, стр. 7.

статье, ни автор монографии по тюремной статистике Юферов¹ не касались вопросов тюремного режима и дисциплинарных наказаний. Эти вопросы были для них слишком щекотливы. Их нельзя обойти молчанием, тем более, что непосредственно вслед за «эпохой великих реформ» в тюрьме совершались невероятные зверства. Мы черпаем эти сведения из воспоминаний бывшего заключенного, осужденного за воинское преступление². Воспоминания воскрешают перед нами картины «Мертвого дома» Достоевского.

Два десятилетия, протекших с того времени до 70-х годов, к которым относятся воспоминания, не изменили отвратительного, жестокого быта русского острога. Автор описывает жестокую систему дисциплинарных наказаний, которые применял начальник тюрьмы. В один и тот же карцер он набивал по 10 человек заключенных. Для порки употребляли розги, размоченные в воде, а во время самого наказания смотритель, покуривая сигару, вел счет ударам. Даже тяжелая болезнь не избавляла от порки. Однажды смотритель подошел к умирающему и сказал: «Жаль, братец, на тот свет унесешь должок, не расквитавшись». За курение табака было наказание, не предусмотренное никакой тюремной инструкцией: провинившегося ставили на колени на камни на сквозном ветру на два часа, и «после пытки никому не удавалось сразу встать, для этого требовалось страшное усилие».

У смотрителя этой тюрьмы была большая возможность выбора арестантов для издевательств, так как вместо установленного комплекта в 250 человек в тюрьме содержалось до 400 человек³. При таком превышении нормы не приходилось искать соответствующих санитарных условий; смертность в тюрьмах достигала 30% в год. Не обогревавшее тело платье было рассчитано на глумление: куртка была серого цвета, а рукава черные, арестантская шапка серого сукна была украшена по верху черным крестом. Оригинален был и труд: в зимнее время одни

¹ См. Юферов, Материалы для тюремной статистики России, СПб., 1873.

² Л., Одна из наших временно-центральных каторжных тюрем, «Русская речь» 1881 г. № 1.

³ Сведения о переполнении тюрем за 70-е годы дал Юферов в книге «Материалы для тюремной статистики России», СПб., 1873. Это первая по времени работа по тюремной статистике. В ней приведены цифры тюремного населения по специальным однодневным переписям в 1871 году. Так, 5 января 1871 г. оказалось 62 410 мужчин и 6625 женщин при вместимости на 63 613 арестантских мест. Тюрьмами было занято 663 здания, не считая большого числа полицейских арестантских помещений, этапных тюрем и арестных домов.

заключенные сгребали снег, а другие его-разбрасывали. Таким образом, в этой тюрьме все от начала до конца было пропитано жестокостью, причем формы ее проявления удивительно разнообразились. Конечно, такая тюрьма была не единственной в России, но из официальных отчетов читатель не узнавал о существовании таких тюрем.

Ко времени учреждения Главного тюремного управления и начала его строительной деятельности в Петербурге, кроме известной нам тюрьмы Трубецкого бастиона, существовала еще одна тюрьма новой постройки. Это был Дом предварительного заключения, открытый 1 августа 1875 г. Огромное шестнадцатиэтажное здание содержало 63 камеры по системе общего заключения и 317 одиночных камер, из которых 285 для мужчин и 32 для женщин. Постройка здания стоила по тому времени очень большой суммы — около 800 000 рублей. Показателем того, насколько непрочное оно строилось, служит происшедший при постройке обвал и пролом потолков во всех этажах до подвального. Новая тюрьма была очень обширной и рассчитана на содержание 700 заключенных¹. Воздвигнутая в столице, она должна была служить и для показа иностранцам. Следуя иностранным образцам, строители тюрьмы воздвигли на дворе тюрьмы одиночные дворики для прогулок. Однако фактически здесь не проводилось того строгого и полного разобщения заключенных, которое проводилось в Трубецком бастионе.

Мы имеем описание одиночной камеры в Доме предварительного заключения политического заключенного Синегуба, сделанное им в год открытия этой тюрьмы. Он указывал на очень малый размер камеры, загроможденной несколькими предметами, а именно: кроватью, прикрепленной к стене, раковиной умывальника, стульчаком судна, табуреткой, столиком, трубой отопления и полками для посуды. Для того чтобы ходить по камере, приходилось откидывать к стене кровать, табуретку и столик. Окно в камере было с матовыми стеклами в двойной железной раме, верхняя часть рамы могла быть приоткрываема на длину очень короткой цепочки².

Кроме приведенного описания одиночной камеры этой гигантской новой тюрьмы, до нас дошло также описание одного из ее карцеров. Описание было сделано тюремным врачом, посетившим этот карцер в июле 1877 года, когда в нем находился политический заключенный.

¹ См. В. Н. Никитин, Тюрьма и ссылка, СПб., 1880.

² См. Синегуб, Записки чайковца, М.—Л., 1929, стр. 171—172.

Карцер был помещен рядом с машинной топкой и потому в нем была нестерпимая жара. Расположенный в нижнем этаже, он перед этим в течение некоторого времени служил отхожим местом для дворников. Введенный сюда врач¹ рассмотрел при свете огарка на черном асфальтовом полу кучки человеческих испражнений различной давности. Среди них в абсолютной темноте лежал наказанный. Большие белые черви кишели на свежих испражнениях. Заключенный, проведенный здесь уже почти сутки, находился в состоянии, близком к безумию. Он вышиб в двери форточку и выбрасывал через нее испражнения в коридор, запачкав ими пол и стенку. Доктору удалось перевести этого наказанного из смрадного и душливого карцера в больницу.

Об ужасном карцере было доведено до сведения председателя комиссии тюремной реформы (Грота), который и посетил карцер. Но к его посещению все было вычищено, вымыто, проветрено, продезинфицировано и поставлено жестяное ведро с крышкой. Всё оказалось в должном порядке. Только термометр показывал 22° по Реомюру, но на это не было обращено внимания. Все сошло для тюремного начальства благополучно. Оно могло и впредь пользоваться этим местом дисциплинарного наказания в новой усовершенствованной тюрьме.

Режим этой тюрьмы определялся особой инструкцией. Она предоставляла заключенным привилегированных сословий право получать вместо пищи натурой ее стоимость и расходовать вместе со своими деньгами на улучшение питания. Но инструкция не освобождала никого от обязанности убирать свою камеру, и этот параграф инструкции вызывал негодование защитников интереса привилегированного класса. Один из них просил читателя представить себе картину унижения, когда лицо привилегированного сословия, вооруженное шваброй или мочалкой, убирает камеру.

Внутренний распорядок в этой тюрьме учитывал, что в ней содержатся еще не осужденные, а потому допускал несколько шире, чем обычно, свидания, переписку и, при желании, занятия трудом. Свообразным пунктом инструкции был пункт, запрещающий брить усы и бакенбарды тем, кто их имел, или отращивать их тем, кто их не имел.

Относительно режима в этой тюрьме за 70-е годы имеются указания в виде воспоминаний политических заключенных. Это были годы разбирательства нескольких крупных политических

¹ См. Н. Герценштейн, Тридцать лет тому назад (из воспоминаний доктора), «Былое» 1907 г. № 6, стр. 248—249.

процессов и в том числе процесса участников демонстрации на площади перед Казанским собором, процесса 193-х, процесса 50-ти и др. Многие из участников этих судебных процессов, заключенные в одиночные камеры Дома предварительного заключения, вели упорную борьбу с тюремным режимом и, в первую очередь, стремились установить между собой общение.

Большое число заключенных, их солидарность и энергия и самая новизна начатой борьбы приводили тюремную администрацию в состояние нерешительности. Опасение еще более крупных нарушений тюремной инструкции и общих волнений в тюрьме заставляло мириться с происходившими нарушениями правил тюремной дисциплины. Нарушение же тюремных правил фактически упразднило разобщение арестованных.

Так, например, Синегуб¹, привлекавшийся по процессу 193-х, вспоминал, как заключенные, выставив оконные рамы, устраивали митинги, слушали певцов и вели общие разговоры. Кроме того, они соединили одиночные камеры между собой бечевками, протянутыми по наружной стене между окнами одиночных камер. Они переправляли по этим бечевкам друг другу различные предметы. Тюремная администрация оказывалась бессильной воспрепятствовать этому. Но арестованные пошли еще дальше. Размещенные в одиночных двориках для прогулок, они перелезали через стену этих двориков и сходились вместе на общем дворе. Стража не могла им помешать.

Цитированный нами автор описал способ общения арестованных через канализационные трубы, когда могли разговаривать узники двенадцати камер. Таким образом, одиночная тюрьма была превращена в общую. Синегуб отметил еще одно важное послабление тюремного режима в это время: свидания заключенных с родными и близкими происходили наедине в одиночных камерах.

В такой обстановке «тюремных вольностей» 13 июля 1877 г. в этой тюрьме произошло событие исключительной важности. По распоряжению петербургского градоначальника генерал-майора Трепова, как мы уже знаем из второй главы, был высечен розгами студент Боголюбов (Емельянов), содержащийся в Доме предварительного заключения. Это возмутительное событие не только потрясло население тюрьмы, но и глубоко взволновало широкие общественные круги. Оно вызвало покушение Веры Засулич на жизнь этого царского сатрапа (см. выше, § 15).

¹ См. Синегуб, Воспоминания чайковца, «Былое» 1906 г. № 10.

Очевидцем этого события был Синегуб, описавший его немного иначе, чем выяснилось на суде. Находясь на подоконнике в своей камере, он видел, как во двор тюрьмы, во время нахождения там политических, вошел градоначальник Трепов. Среди прогуливавшихся находился также Боголюбов, осужденный в каторжные работы по делу о демонстрации на площади перед Казанским собором. Трепов подошел к Боголюбову и с криком: «Как ты смеешь стоять передо мной в шапке!» — ударом кулака сбил шапку с его головы. Сидевшие на подоконниках заключенные видели это и слышали крики Трепова. Из окон тюрьмы понеслись крики по адресу Трепова: «Палач! Мерзавец! Трепов! Вон, подлец!». К окнам подбежали остальные заключенные. Негодующие крики достигли огромной силы. По словам автора воспоминаний, Трепов, когда шум несколько стих, крикнул помощнику начальника тюрьмы, указывая на Боголюбова: «Увести его и выпороть!». После этого шум еще более усилился. До трехсот арестованных стучали в двери своих камер во всех шести этажах, кричали, ломали, что можно было сломать в их одиночках. Помощник начальника тюрьмы вскоре нагло объявил сидевшим заключенным во втором этаже, что приказание Трепова выполнено и наказанный получил 13 ударов розгами.

По словам другого свидетеля, тюремного врача Герценштейна, явившегося в тюрьму в самый разгар протеста узников, наказание розгами было произведено в коридоре близ камеры Боголюбова. Этот автор полагает, что заключенные в камерах этого коридора должны были слышать весь процесс этого грубейшего надругательства над политическим осужденным¹.

Доктор Герценштейн вспоминал, какой невероятной силы достиг протест заключенных. В женском отделении эти протесты сопровождалась истерическими рыданиями и обмороками. Некоторые из узниц видели пучки розог в руках полицейских, которые, смеясь, знаками показывали им, что производят порку...

В тюрьму была введена полиция. Синегуб описал картину избития полицейскими заключенных. Их били кулаками и топтали ногами. Избитых волокли за ноги в карцер. Некоторых избитых пришлось поместить в больницу. Избиение стало известно в самых широких кругах Петербурга. Доктор Герценштейн, сказывавший помощь избитым, был немедленно уволен за выраженную им готовность выступить свидетелем насилий, совершенных полицейскими. Конечно, полицейские дознания и

¹ См. Н. Герценштейн, Тридцать лет тому назад (из воспоминаний доктора), «Былое» 1907 г. № 6, стр. 243—250.

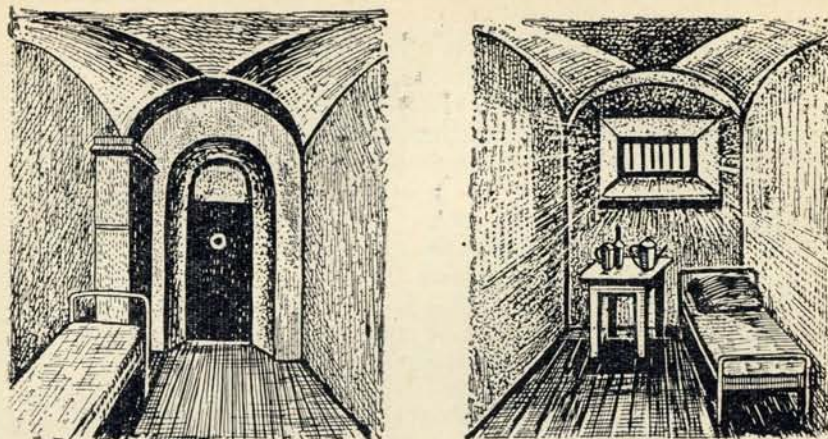

Рис. 24. Камера полицейской Спасской части в С.-Петербурге в 1879 г.
С рисунка В. Г. Короленко.

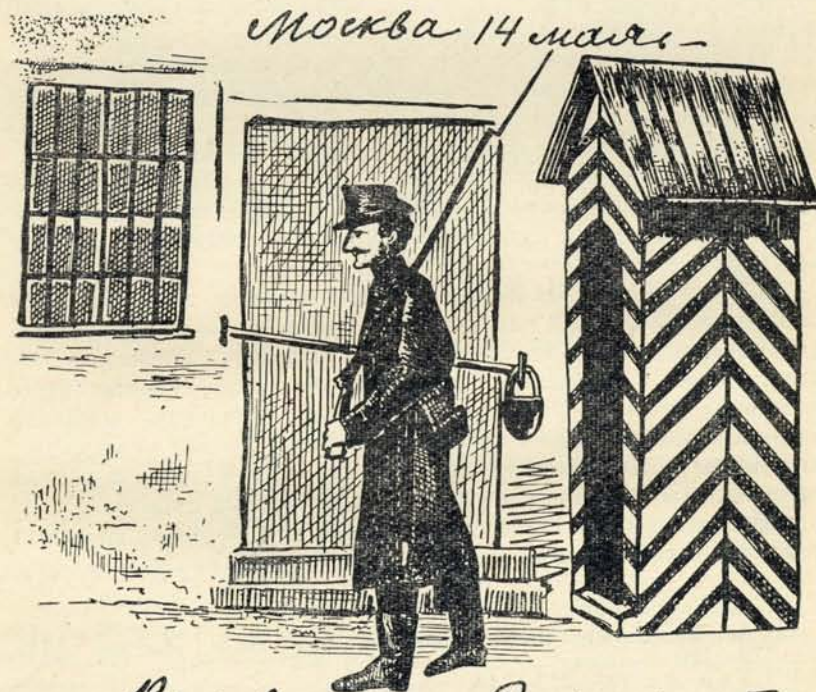

Рис. 25. Вход в камеру Рогожской части в Москве в 1879 г.
С рисунка В. Г. Короленко.

следствия ни к каким результатам не привели: не в интересах администрации было раскрыть совершенное безобразие.

Долго продолжавшиеся тюремные волнения закончились решением некоторых из революционеров совершить посягательство на главных виновников насилия и в первую очередь на Трепова. Скоро известие о таком же решении пришло и с воли. Через полгода после нанесения удара Треповым Боголюбову и наказания последнего розгами — 24 января 1878 г. — раздался выстрел Веры Засулич в Трепова. Через два месяца — 31 марта 1878 г. — суд присяжных вынес ей, как мы уже знаем, оправдательный вердикт. Этим самым приговором был заклемен позором Трепов и тот политический строй, который создал Трепов. Знаменательно, что громовыми аплодисментами и криками «ура» были прерваны слова защитника подсудимой, когда он говорил о раздавшемся стоне Боголюбова: «...этот стон раздался, то не был стон физической боли — не на нее рассчитывали: то был мучительный стон удушенного, униженного, поруганного, раздавленного человека. Священнодействие совершилось, позорная жертва была принесена...»¹.

Председествовавший на этом процессе А. Ф. Кони вспоминал, как публика встретила оправдательный вердикт: «Крики несдержанной радости, истерические рыдания, отчаянные аплодисменты, топот ног, возгласы: «Браво! Молодцы! Вера! Верочка!» — все слилось в один треск, стон и вопль. Многие крестились; на верхнем, более демократическом отделении для публики, обнимались»². Еще более бурно была выражена радость на улице.

С состоянием некоторых провинциальных мест лишения свободы в 70-х годах нас довольно подробно познакомил официальный источник. Он относится к тюрьмам губернского города Пскова³. Конечно, официальное происхождение этого источника должно было наложить свой отпечаток, выставив вперед положительные стороны и, наоборот, скрыв отрицательные черты состояния мест лишения свободы. Однако и в этом официальном описании не удалось их полностью скрыть.

В эти годы в Пскове существовало три тюрьмы: арестный дом, городской тюремный замок и временная каторжная тюрьма.

¹ А. Ф. Кони, Воспоминания о деле Веры Засулич, 1935, стр. 179—180.

² Там же, стр. 213—214.

³ Ф. Н. М., Тюремная старина. Псковские места заключения 70-х годов XIX века, «Тюремный вестник», 1906, стр. 656 и сл.

Название «арестный дом» совсем не подходит к помещению, носившему это название: оно находилось в подвальном этаже одного из зданий, принадлежавших земству. В пяти камерах подвала можно было разместить 30 человек, из них одна была отведена для женщин, другая для дворян и три камеры — для

Рис. 26. Камера в Костромской тюрьме в 1879 г.

С рисунка В. Г. Короленко.

арестантов непривилегированного звания, кроме того, здесь находился и темный карцер. Питание заключенных было поручено жене смотрителя «арестного дома» с ассигнованием по 15 копеек на арестованного. Из этого краткого описания видно, что Псковский арестный дом не отличался от таких же домов, известных нам из описаний Никитина и Короленко.

Тюремный замок в Пскове был расположен в центре города, за каменной стеной. Общая вместимость его была рассчитана на 161 человека. Они размещались по четырем каменным зданиям с общими и одиночными камерами. В этом тюремном замке арестанты привилегированного звания также были

выделены особо в «дворянское отделение». В четырех башнях, на стенах тюрьмы, находились кухня, баня, прачечная, пекарня и мастерская. Само официальное описание в скромных выражениях признавало санитарное состояние их мало удовлетворительным, а между тем врачебного персонала при замке не было и заболевших арестантов переправляли в земскую больницу. Занятия трудом в замке не были организованы, и заключенные отпускались на работы к частным лицам вне тюрьмы.

Третьей тюрьмой в Пскове в эти годы была временная каторжная тюрьма, расположенная за городом. Она находилась за каменной стеной, в каменном трехэтажном здании. Каждый этаж с широким коридором был разделен на две половины с камерами для арестантов и помещениями для различных надобностей. В нижнем этаже находились караульная, мастерские на 50 человек, столовая, пекарня и пять карцеров.

Больные размещались в камерах второго этажа, а для заразных имелась камера на 10 человек в особом здании. В каждом этаже была устроена умывальная комната. Спали арестанты на нарах в два ряда. Кроме общих камер, было пять одиночных, но в них помещалось по 6—8 человек арестантов, приговоренных к вечной каторге, или совершавших побег, или отличавшихся буйным поведением. Одна из этих камер была снабжена синими стеклами в окнах: синий свет будто бы оказывал благоприятное влияние на буйных арестантов. При тюрьме были баня, библиотека и школа, в которой обучалось 20 человек.

Врачебный персонал состоял из врача и фельдшера. Каторжных работ не производилось, общими работами было занято всего 70 человек и 78 человек — домашними работами. Таким образом, наибольшая часть арестантов находилась в полном бездействии. Казалось бы такое официальное описание состояния тюрьмы давало основание отнести ее к числу тюрем, находившихся в лучшем положении. Но в полном противоречии с таким состоянием тюрьмы находилось санитарное состояние: здесь было большое число больных и высокая смертность. В 1876 году на 385 арестантов было 189 человек больных, а среди заболевших смертность достигала 10%. Эти последние цифры показывают, что Псковская каторжная тюрьма не выделялась из ряда всех остальных мест лишения свободы.

Наряду с этими сведениями официального характера о положении тюрем в губернском городе, мы имеем исключительно интересный документ о состоянии тюрьмы за те же 70-е годы в уездном городе Илецке. 13 февраля 1878 г. на стенах домов в городе Костроме были найдены три прокламации, все содержание которых сводилось к описанию ужасов тюрьмы города

Илецка. Прокламации были написаны от руки полууставом. Воспроизведем из них лишь некоторые места.

Прокламация начинается так: «Городские работники и крестьяне. Послушайте, что делается на земле русской. В Оренбургской губернии в Илецком городе есть тюрьма; в этой тюрьме потолок готов обрушиться, пол провалился, стены от сырости покрыты густым слоем слизи, залиты кровью и поддерживаются подпорками. В больнице 5 кроватей, и больные валяются на полу рядом с мертвыми, уже начинающими гнить...».

Далее прокламация говорит о зрителе тюрьмы. «Вот что он проделывает с арестованными: на площади среди большого собрания народа их так били, что народ крестился и плакал; бьют, пока память потеряют, тогда обольют водой и снова начинают бить, чем попало: замками, кандалами, ружейными прикладами; на том месте, где били, столько крови, точно скотину кололи. Потом их связывали всех одной веревкой и за ноги волокли по земле в тюрьму. Несчастные представляли окровавленные массы синей опухли так, что нельзя было различить одного от другого. Обыкновенное наказание — привяжут ремнями к кобыле и секут колючими розгами, размоченными в соленой воде, нанося от 25 до 135 ударов».

Мы не знаем другого случая, когда описание тюремных порядков развешивалось бы по улицам в виде прокламации в целях политической пропаганды. Неизвестно, в какой степени все описанные факты соответствовали действительности: по существу они не новы, ново лишь то открытое наказание заключенных на площади города, о котором говорится в прокламации. Прокламация приведена лишь в меньшей ее части.

Прокламация справедливо подчеркивала общеизвестные факты вроде приказания арестантам снимать шапки даже при прохождении мимо дома зрителя тюрьмы или вроде следующих: «Человека ни в чем не повинного закуют в кандалы, посадят в острог и сидит он там, ждет суда. Вот он высидит два года, а то и больше, суд его оправдает (и то редко), ступай, мол, ты теперь волен, иди... умирай. И умрет потому, что входит в тюрьму краснощекий, здоровый, а выходит — в чем душа держится»¹.

Совершенно неизвестно, кто был автором этой прокламации. Также неизвестно, какое она получила распространение и какое впечатление она произвела на прочитавших ее, но для нас важен этот факт апеллирования к «городским работникам и

¹ Неизвестный отклик на процесс 193-х, «Красный архив», т. XXVII, 1928.

крестьянам», этот протест на жестокость тюремного режима тюрьмы города Илецка.

В связи с ростом революционного движения во всей империи общеуголовные тюрьмы с конца 70-х годов становились в некоторых случаях местом заключения для политических.

В этих случаях устанавливался испытательный по своей тяжести тюремный режим. Так было, например, в 1879 году в Тобольской тюрьме, куда был переведен из Одесской тюрьмы Фомин-Медведев, осужденный за попытку освобождения революционера Войнаральского. Опасаясь побега осужденного, администрация поместила его в изолированную одиночную камеру. Тобольский губернатор в своем донесении генерал-губернатору описал тюремные условия содержания Фомина. Перед окнами камеры был поставлен забор, рядом с камерой арестанта постоянно находился тюремный стражник. Узник содержался в кандалах и на прогулки не выпускался. Его не водили в баню, устраивали вместо бани ванну в его камере¹. Когда его пребывание стало известно другим заключенным, он в 1881 году был переведен в Омскую тюрьму и содержался там в таких же тяжелых условиях. На этом не закончилось путешествие Фомина по тюрьмам, и в 1883 году он был переведен в Петропавловскую крепость. На этом примере видно, что режим провинциальной тюрьмы для отдельных заключенных не отличался от тягчайших условий содержания в центральных политических тюрьмах².

С другой стороны, мы знаем, что сам закон предписывал помещать уголовных арестантов привилегированного класса в особые камеры арестных помещений и создавал им льготные условия содержания. Практика шла дальше закона и распространяла эти льготы и на представителей крупного капитала. Так, например, в интересующие нас 70-е годы петербургский миллионер купец Овсянников, обвинявшийся в поджоге мельницы, содержался в то время, пока шло предварительное следствие (1879 г.), не в Доме предварительного заключения, а в Коломенской части, в большой и светлой камере, где ему было разрешено поставить свою мебель³.

Эти льготы мотивировались возрастом Овсянникова, но мы не знаем, чтобы другие старики-арестанты получали в тюрьмах свою собственную мебель. Надо предполагать, что миллионер-арестант получал и другие льготы от тюремной администрации.

¹ В. Г. Короленко описал условия заключения Фомина (История моего современника т. III, 1948, стр. 137).

² См. В. Николаевский, Новое о прошлом, «Былое» 1920 г. № 15.

³ См. А. Ф. Конон, На жизненном пути, т. I, 1913, стр. 19.

§ 55. СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ В РОССИИ В 1880—1890 ГОДАХ

В то время, когда на стенах домов в Костроме расклеивались описанные нами прокламации, в России, как мы уже знаем, вступало в жизнь новое центральное бюрократическое учреждение — Главное тюремное управление, учрежденное 27 февраля 1879 г. Оно начало свое существование с обращения к Главным тюремным управлениям Англии, Франции, Польши, Италии и Швеции, в котором просило «в интересах прогресса» пенитенциарной реформы в России помощи старых заграничных учреждений более молодому учреждению в России.

Вслед за этим последовал обмен фотографиями (как мы указывали в первой главе) начальника Главного тюремного управления Галкина-Врасского и главного директора тюремного управления Швеции Алквиста. Непонятно, в какой степени отвечал требованиям прогресса пенитенциарной реформы в России этот обмен портретами¹.

Состояние мест заключения России в эти годы привлекло к себе внимание заграничной печати, что совсем не понравилось царскому правительству. Пришлось завести в министерстве внутренних дел специальное дело «Об отзывах иностранных газет о тюремных порядках в России»². В 1884 году секретарь Великобританского общества уголовных реформ имени Говарда переслал в Главное тюремное управление в Петербурге письмо с приложением газетных вырезок о состоянии различных мест заключения в России. В своем письме он сообщал, что в английской и американской печати появляется много таких сообщений о жестокости режима в русских тюрьмах и не может быть, чтобы все эти сообщения были ложны. Он выражал надежду, что русское правительство примет какие-либо меры к тому, чтобы тюремная система не навлекла бы, «как ныне, на Ваше государство стыд и позор перед всем цивилизованным миром...».

Как видно из этих строк, Великобританское общество уголовных реформ не особенно стеснялось в выражениях при характеристике тюремного дела в России. Но оно пошло еще дальше, когда писало, что не удивляется августейшей жестокости. Цитированное нами письмо заканчивалось выражением уверенности, что положение тюремного дела будет изменено, если будет

¹ ЦГАДА в Москве, I делопроизводство, фонд 122, опись I, дело № 148, 1879. «По переписке с тюремными управлениями иностранных государств», л. 18.

² Тот же архив, тот же фонд, № 1046, 1884. «Об отзывах иностранных газет о тюремных порядках в России».

устранен невыносимый полицейский деспотизм, если будут установлены конституционный строй и свобода печати.

Но наряду с этим говардовское общество, членами которого были квакеры, не преминуло рекомендовать распространение в России книг священного писания. Последний совет был излишним. Конечно, распространение священных книг отвечало программе царского правительства больше, чем введение свободы печати.

В архивном деле с приведенными нами выше сведениями имеется и черновик ответа начальника Главного тюремного управления. В этом ответе подчеркнута, что недостаток русских тюрем — не в суровости режима, а в слабости его. По словам автора ответного письма, в английских тюрьмах суровая дисциплина не отвечает требованиям правосудия. Наконец, автор ответа признал совершенно неуместными выражения о его «обожаемом государе» и о политическом строе России. К этому свелся весь ответ начальника Главного тюремного управления Галкина-Врасского.

В своем ответе Галкин-Врасский не опровергал фактической стороны обвинения, выставленного против царской тюрьмы. Ему и трудно было отрицать это, так как тяжелое состояние мест заключения, не исключая даже тюрем столицы, было известно ему.

Плохое санитарное состояние русских тюрем вызвало уже в 1872 году появление в печати статьи доктора медицины М. Шмелева¹. Он справедливо указывал, что санитарное состояние тюрем мало обращало на себя внимание, и подробно выяснил различные недостатки устройства тюрем и тюремного быта. В частности, он первый познакомил русских читателей с иностранной литературой по вопросам гигиены и санитарии в тюрьме, но его голос остался «гласом вопиющего в пустыне».

С состоянием общеуголовных тюрем в начале 80-х годов широко круги русских читателей познакомил писатель В. Г. Короленко. За отказ дать присягу в 1881 году новому императору Александру III Короленко был отправлен в административном порядке в Якутскую область. Его везли туда жандармы через ряд сибирских губерний, останавливаясь по пути в различных тюрьмах. О пребывании в некоторых из этих тюрем и оставил свои воспоминания В. Г. Короленко в «Истории моего современника». Автор не ставил своей задачей дать описание этих тюрем

¹ См. М. Шмелев, Тюрьмы и системы наказания в гигиеническом отношении, «Знание», 1872, март — апрель.

и режима в них. Он обратил свое внимание на встречи в этих тюрьмах с различными политическими осужденными. Однако у него имеются различные замечания и о состоянии тюрем в Тобольске, Томске, Красноярске, Иркутске и Якутске. Впечатление от этих замечаний одно и то же: везде грязь и полное отсутствие сколько-нибудь удовлетворительных санитарных условий.

В Тобольской тюрьме смотрителем был тупой и жестокий человек. Из холодного карцера этой тюрьмы «наказанных уносили прямо в больницу». В этой тюрьме автору воспоминаний удалось вступить в переписку с секретно содержащимся участником процесса 193-х Фоминым, как уже говорилось, осужденным за попытку освобождения Войнаральского.

В Томске тюрьма представляла собой дряхлое здание без ограды, «как-то цинично глядевшее решетчатыми окнами прямо на улицу». По словам писателя, он никогда не видал «такой оборванной тюрьмы». Арестанты ходили в каких-то фантастических лохмотьях, и нижнее белье «не всегда прикрывало наготу». Здесь Короленко был заключен в одну камеру с сумасшедшим, испытал всю тяжесть совместного с ним пребывания. Губернатор в ответ на жалобы арестантов заявлял, что он верит не им, преступникам, а царским слугам — чиновникам. В Красноярской тюрьме смотрителем оказался бывший арестант этой тюрьмы. Он был известен как «самодур и человек жестокий к арестантам».

Короленко был посажен в одиночную камеру с выбитыми стеклами и страшную для арестантов тем, что здесь содержался и повесился тюремный палач. В этой тюрьме Короленко встретился с Долгушиным, уже известным нам по процессу, носящему его имя, и впоследствии умершим в Шлиссельбургской крепости.

Вскоре после того как Короленко оставил эту тюрьму, в тюрьме была сделана неудачная попытка побега политическим каторжанином Малевским, а Долгушин нанес удар по щеке смотрителю за грубое отношение к женщине. Оба эти узника получили добавочно по 15 лет каторги.

В Иркутской тюрьме Короленко встретился со многими политическими осужденными и в том числе с Мышкиным, Коваликом, Войнаральским, Сажиним и др. Именно в этой тюрьме, уже не раз упоминавшийся нами, Мышкин произнес в тюремной церкви у гроба умершего товарища свою известную речь, за которую получил добавочно 15 лет каторги. Короленко рассказывал, что эта речь заканчивалась словами: «На почве, удобренной нашей кровью, расцветет могучее дерево русской свободы!». В ответ на эти слова рассерженный и испуганный священник

крикнул: «Врешь, не вырастет, врешь, не вырастет!»¹. Мы уже знаем, что жизнь Мышкина — этого узника самых страшных политических тюрем — прервалась петлей палача в Шлиссельбургской крепости.

Воспоминания Короленко о сибирских тюрьмах ценны для нас тем, что они вышли из-под пера борца против деспотизма, великого писателя, вписавшего свое имя в историю русской общественности.

В числе очень немногих описаний состояния тюрем за 80-е годы особый интерес представляет статья Птицына, который зимой 1883 года подробно изучил положение тюрем по Якутскому тракту на протяжении более тысячи верст от Иркутска до Киренска и далее до селения Чичуйского. Это единственное описание, знакомящее нас с большим числом этапных тюрем и в том числе расположенных по реке Лене. Нам неизвестно, на каких основаниях автор имел возможность ознакомиться с описанными им тюрьмами, но он оставил для истории царской тюрьмы незабываемые описания, которые воспроизводят перед нами картины как будто не последней четверти XIX века, а середины XVIII столетия.

Нет надобности воспроизводить описание всех осмотренных автором тюрем, похожих одна на другую. Они отличались между собой лишь степенью ветхости, разрушения, грязи и переполнения. Большинство из них представляло собой небольшие избы с отделениями для подсудимых в виде одиночных конур и общей камеры для пересыльных. В общих камерах были битком набиты мужчины, женщины и дети, а размер одиночных камер доходил даже до двух квадратных аршин. Оконные рамы представляли собой какие-то узкие щели. Размер этих рам был, например, в два вершка высоты и четыре или восемь вершков длины.

Несмотря на сибирские стужи, вторые рамы отсутствовали и не везде были печи. В некоторых тюрьмах отопление производилось маленькими переносными железными печками. В одной из тюрем автор нашел кирпичную печь без выюшек, и арестанты угорали здесь до потери сознания. Температура спускалась до 3° тепла. Даже в тех тюрьмах, где оконные рамы были побольше размером, они не пропускали в камеры света, так как стекла были заменены слюдой.

В городе Киренске тюрьма носила название «тюремного замка». Она была обнесена частоколом. Ветхость этого «замка»

¹ В. Г. Короленко, История моего современника, тт. III—IV, стр. 406.

доходила до того, что стены держались лишь подпорками, установленными снаружи и внутри тюрьмы. Бревна до того сгнили, что в них легко можно было воткнуть палец. Тюрьма была рассчитана на 50 человек, а при посещении автора в ней находилось 86 человек. Но кроме срочных постоянных арестантов, сюда помещали еще до 100 человек пересыльных. Автор застал среди них семь тифозных больных. Он посетил городскую больницу, куда переводили заболевших арестантов. Здесь было холодно даже в шубе. Больные без различия пола лежали на полу. В камере вместе с мужчинами и женщинами — сифилитиками находились дети. Пол в коридоре, где была уборная, был покрыт замерзшей жидкостью из этой уборной.

Питание во всех тюрьмах было голодное. Заключенным давали лишь хлеб. Совершенно открыто арестанты занимались прошением милостыни. В некоторых случаях этот сбор милостыни по измам происходил под охраной тюремного стражника. Тяжелое материальное положение пересыльных доходило до того, что они оказывались без обуви и без платья, почти совсем голыми. Это были те, кто пропили или проиграли свою одежду в пути. Таких «голышей» крестьяне, на которых лежала обязанность давать подводы для арестантов, препровождали до ближайшей тюрьмы в своих шубах¹.

Автор описания тюрем по Якутскому тракту добавляет, но в очень неопределенной форме о некотором улучшении тюрем после 1885 года.

К сожалению, мы не знаем, к какому времени относится постройка этих мест лишения свободы, но надо предполагать, что они простояли не один десяток лет.

Таково было состояние тюрем на Севере, на огромном пространстве Якутского тракта. Неудовлетворительным оно было и на юге России, а именно на Кавказе и в Закавказье. Об этом свидетельствуют официальные документы. Мы приведем из этих документов два. Комитет министров в январе и феврале 1885 года рассматривал доклад главноначальствующего на Кавказе Дондукова-Корсакова. В этом докладе сообщалось, что осмотренные докладчиком тюремные помещения в крае были найдены им «в самом безотрадном положении». Все принятые для исправления тюрем меры оказались совершенно недостаточными и необходимой является поездка на Кавказ начальника Главного тюремного управления. Царь дал согласие на такую поездку. В маршруте был указан осмотр тюрем Севастополя, Ялты,

¹ См. В. Птицын, Тюрьмы Приленского края (путевые наброски), «Северный вестник» 1889 г. № 12, стр. 85—101.

Феодосии, Керчи, Новороссийска, Сухума, Поти, Кутаиса, Тифлиса, Карса, Эривани и пр.¹.

Начальник Главного тюремного управления в том же 1885 году совершил поездку по Кавказу и осмотрел тюрьмы во многих городах. Не останавливаясь на описании тюрем в отдельных городах, укажем, что начальник Главного тюремного управления пришел к выводу, сходному с заключением Дондукова-Корсакова. Он нашел всюду тюрьмы не только переполненными, но и «не удовлетворяющими самым скромным требованиям санитарии».

Несмотря на такое состояние тюрем на огромном пространстве Кавказа, комитет министров вследствие недостатка денежных средств высказался (31 декабря 1885 г.) лишь за приспособление под тюремные помещения различных других зданий². Тюремные же здания оставались по-прежнему занятыми заключенными, среди которых распространялись эпидемии.

Для характеристики состояния тюрем на пространстве всей империи имеется материал в тех архивных делах Главного тюремного управления, в которых сообщалось об осмотре тюрем начальником Главного тюремного управления в первые годы после учреждения этого управления. В виде примера укажем на Одесскую тюрьму, где заключенные сидели месяцами в переполненных камерах без прогулок, без бани, в грязном белье, среди зловония от ретирад. В Туле тюремный замок прогнил; полы, балки и потолок угрожали разрушением и всюду была непролазная грязь. В Харьковских тюрьмах была обнаружена среди заключенных большая заболеваемость цингой и огромная смертность, достигавшая 50%.

В Симферопольской тюрьме стирка белья производилась в коридоре, а в одной из камер заключенные татары варили себе пищу в жаровне на деревянном полу.

В таком положении находились тюрьмы больших губернских городов, а в уездных городах состояние их было еще хуже. Однако Главное тюремное управление замалчивало в своих печатных отчетах эти вопиющие факты.

Впрочем, описанное состояние тюрем в Сибири по Якутскому тракту, на Кавказе и других местах не расходится с той общей оценкой состояния тюрем, которую дало Главное тюремное управление, как мы видели в начале этой главы, еще за пер-

¹ ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, фонд 122, опись I, I делопроизводство, № 1211, 1885. «По поездке начальника Главного тюремного управления по Кавказу и Закавказскому краю».

² ЦГИА в Москве, Главное тюремное управление, фонд 122, № 724, 1881—1886 гг.

вые десять лет своего существования. Поэтому оно и поставило своей задачей тюремное строительство. В этих целях уже в 1881 году оно решило командировать за границу для изучения тюремного дела трех лиц и в том числе академика архитектуры.

В обширной инструкции командированным было рекомендовано: «Тюрьма должна быть построена прочно и удобно, но совершенно просто, без всяких лишних украшений и роскоши, нередко допускаемых в западных государствах и столь нежелательных для России, где предстоит построить значительное количество мест заключения»¹.

Недостаток денежных средств не позволил в первые 20 лет существования Главного тюремного управления производить тюремное строительство в широких размерах. В 1879—1895 гг. было выстроено 25 небольших тюрем и три больших (две в Петербурге и одна в Одессе).

С состоянием тюрем за 70—80-е годы мы знакомы из нашего предшествующего описания.

Для характеристики состояния тюрем за 90-е годы мы имеем официальный материал в виде ежегодных отчетов Главного тюремного управления. Так как шло уже второе десятилетие существования специального центрального органа по управлению тюрьмами империи, то не в интересах этого управления было раскрывать недостатки в состоянии тюрем. Этим объясняется, что в отчетах нет даже строк, знакомящих читателя с положением тех тюрем, которые ни в какой степени не отвечали требованиям санитарии. Вместо этого подробно описывается, например, вновь отстроенная тюрьма в Одессе, так как можно было похвастаться тюремным строительством.

Эта тюрьма была отстроена в 1894 году и рассчитана на 681 арестанта, из которых свыше трехсот должны были содержаться в одиночных камерах. Мужское отделение тюрьмы занимало огромное четырехэтажное здание, а женское — здание в два этажа. На огромном участке при тюрьме были устроены разнообразные служебные здания. Было установлено водяное отопление. Довершила устройство этой тюрьмы тюремная церковь внутри главного здания.

В 1892 году была окончена постройка одиночной тюрьмы на 1150 человек в Петербурге. В 1894 году была закончена постройка Петербургской пересыльной тюрьмы на 700 человек.

Постройка нескольких новых тюрем мало меняла картину общего состояния мест лишения свободы. Доказательством этого

¹ ЦГИА в Москве, фонд 122, 1881, № 688. «О командировании за границу для изучения тюремного дела».

является устойчивостью процента заболеваний и смертности в тюрьмах. Так, например, заболеваемость колеблется за 1891—1898 гг. в пределах 7—12% населения тюрем, а смертность 0,4—0,6%. Упорно свирепствовали в тюрьме сыпной, брюшной тиф, а также тиф неопределенной формы. За каждый отчетный год сыпной тиф встречался более, чем в ста тюрьмах (например, в 1893 году, в 1898 году). Яркий показатель плохого тюремного питания — цинга — была распространена в еще большем количестве тюрем (в 1893 году — в 290 местах, в 1898 году — в 223 местах). Конечно, эти статистические сведения о болезнях ниже действительных, так как постановка медицинской статистики не отвечала современным требованиям.

Главное тюремное управление было вынуждено признать ужасным состояние тюрем даже в конце XIX века, когда перед ним встал вопрос о подготовке мест лишения свободы ввиду утверждения в 1903 году проекта нового Уголовного уложения. Впрочем, сведения о состоянии мест заключения в различных городах были опубликованы не Главным тюремным управлением, а особой комиссией, образованной для разработки мероприятий в связи с изданием названного уложения.

Надо полагать, что опубликование сведений о состоянии тюрем предназначалось не для широких слоев населения, а лишь для надобности различных ведомств.

Мы приводим в сокращенном виде описание лишь некоторых тюрем за 90-е годы. Бакинская губернская тюрьма была предназначена для содержания 267 человек, а между тем здесь содержалось в среднем ежедневно 679 человек и наивысшее число заключенных достигало даже 771 человека. Камеры этой тюрьмы отличались, по признанию акта осмотра, «большим недостатком света» и малыми размерами. Полы во всем здании сгнили и во многих местах были изъедены крысами. Сгнили также и балки полов, а потолки во многих камерах осели.

Штукатурка обвисла и отвалилась. Все печи перегорели и не держали тепла. Асфальтовые полы в отхожих местах были пропитаны мочой. Крыши проржавели и всюду текли. Никакой вентиляции в тюрьме не оказалось. В таких антисанитарных условиях находились заключенные, число которых намного превышало установленные нормы. Здесь были неизбежны заболевания, и в особенности эпидемические.

В другой большой губернской тюрьме в г. Екатеринославе прогнившие потолки поддерживались установленными прямо на полу колоннами и грозили падением. При тюрьме не было места для прогулок арестованных и особого отделения для содержания женщин.

В уездном городе Кинешме Костромской губернии потолок тюрьмы держался на прогнивших балках, а стены, «составленные из частей, заплаток и кусков, во многих местах прогнили насквозь...», дверные и оконные косяки и подоконники пришли в окончательное негодное состояние и железные решетки свободно вынимались.

Пензенский губернатор описал состояние тюрьмы в г. Киренске. Она была устроена еще в 1819 году в самом сыром месте — на базарной площади и притом там, куда был сток воды со всех сторон. В этом здании тюрьмы были сквозные трещины. Можно себе представить, насколько ветхо было это здание, как там было сыро и холодно.

Еще в более отвратительном состоянии была тюрьма в г. Виннице Подольской губернии, построенная в 1822 году из необожженного кирпича и без соблюдения элементарных правил санитарии. Вместо 43 человек здесь помещалось 130—140 заключенных. Эта тюрьма была рассадником тифа. Дважды происшедшие в этой тюрьме роды окончились смертью обеих женщин. За недостатком места в переполненной тюрьме арестованных помещали в предбаннике и в бане.

Мы не будем воспроизводить описаний многих других тюрем. Некоторые из них находились в состоянии еще более значительного разрушения, чем перечисленные выше. Переполнение или ветхость и сырость были отмечены не только в уездных тюрьмах, но и в местах лишения свободы в таких губернских городах, как Харьков, Оренбург, Воронеж, Киев и др. Не приходится этому удивляться, так как к началу XX века из 601 тюрьмы почти шестая часть, а именно 90 тюремных зданий, была построена до 1825 года.

В особенно плохом состоянии находились арестные помещения. К концу XIX века их было более 700, а число заключенных в них превышало 15 000. Используемый нами официальный источник должен был сам признать, что заключенные в арестном помещении испытывали такие лишения, каких нет и в тюрьмах, или, наоборот, пользовались незаконными льготами. За полным недостатком места размещали арестованных даже в квартирах надзирателей арестных домов. «В весьма многих» из этих домов не приготовлялось горячей пищи¹.

Все сообщенные выше сведения относились к тюрьмам за 90-е годы. В 1891 году общее число различных тюрем достигало

¹ «Высочайше» учрежденная Особая комиссия разработки мероприятий, вызываемых изданием нового Уголовного уложения, «Тюремное преобразование», 1905, стр. 55 (см. описание тюрем, стр. 159—207).

875, и в этом числе было 32 исправительно-арестантских отделения, 11 каторжных тюрем и 6 пересыльных. К 1 января 1891 г. во всех местах заключения империи было 108 169 арестантов, из них под следствием и судом — 23 756 человек, срочных — 59 668, ссыльных — 15 318, пересыльных — 6 293, прочих административных и добровольно следующих — около 3000. В 1891 году прибыло 71 900 человек. А всего перебивало в тюрьмах 827 170, в том числе в каторжных — 13 957, в исправительно-арестантских отделениях — 17 576, в тюрьмах общего устройства — 634 620.

В XX век Главное тюремное управление вступило с 895 тюрьмами¹. Отчет этого управления за 1900 год включал сюда 718 тюрем «общего устройства», к которым он отнес тюрьмы губернские, областные, уездные, окружные, тюрьмы градоначальств, тюрьмы следственные, срочные, С.-Петербургский дом предварительного заключения, Московскую исправительную тюрьму, полицейские арестантские помещения и военные гауптвахты. Кроме того, в подсчет входило 132 тюрьмы Привислянского края, 31 исправительно-арестантское отделение, шесть каторжных тюрем, восемь пересыльных тюрем.

Во всех этих местах заключения содержался к 1 января 1900 г. 90 141 человек, в течение года поступило 586 549 человек, а с присоединением к этой цифре указанного числа арестантов, содержавшихся к началу этого года, в тюрьмах империи перебивало в 1900 году 686 690 человек.

Для характеристики состава заключенных мы приведем сведения о них на 1 января 1901 г. Среди общей массы арестантов наибольшую часть составляли приговоренные к лишению свободы, а именно 55,15%. Следующее место принадлежит следственным и подсудимым, процент которых равнялся 27,36. На третьем месте стоял процент ссыльных (8,36), на четвертом — пересыльных (6,44). Заключенные в административном порядке и прочие составляли 2,76%.

В среднесуточном составе заключенных за 1900 год мужчины составляли 90,54%, а женщины — 9,46%.

За названный год в местах заключения, кроме тюрем на Сахалине, полицейских арестных помещений и арестных домов, было мест в общих камерах на 93 591 человек и в одиночных — на 6 206 человек. При наивысшем переполнении тюрем около 13 000 человек содержалось сверх комплекта.

Закон 10 июня 1900 г. об отмене ссылки на житье и об ограничении ссылки на поселение по судебным приговорам вызвал необходимость расширения тюремного строительства. Оно было

¹ См. «Отчет Главного тюремного управления за 1900 год», СПб., 1902.

направлено в первую очередь на расширение исправительно-арестантских отделений, которые должны были заменить ссылку. О дисциплинарных наказаниях никаких сведений в этом первом отчете Главного тюремного управления XX века, как и ранее, не было дано: ведомство предпочитало хранить молчание. Оно хранило его до последнего дня своего существования.

Тяжелые условия реакции в последней четверти XIX века не позволяли в печати касаться применения телесных и других наказаний в местах лишения свободы. Только после Великой Октябрьской революции 1917 года можно было ознакомиться со страшным режимом царской тюрьмы. Характерно, что Главное тюремное управление и не собирало таких сведений, в чем убедили тщетные поиски в архивах.

Кроме официальных материалов о тюрьмах за 90-е годы, мы имеем воспоминания бывших заключенных. Таких очерков очень немного. В числе их имеются описания Петербургской одиночной тюрьмы, постройка которой, как указано выше, была окончена в 1892 году. Она составляла гордость тюремного ведомства. Иначе это расценивали сами заключенные.

Петербургская одиночная тюрьма получила в народе название «Крестов». Она была названа так ввиду того, что состояла из двух корпусов, пересекающихся в центре в виде огромного креста. В пяти этажах, по длинным коридорам в четыре яруса, были расположены одиночные камеры. Один из заключенных в эту тюрьму, Тан, писал, что название тюрьмы «образцовой» является насмешкой и кощунством. «Камера тринадцати футов в длину и восемь в ширину. Железная койка, лампочка, потолок сводом». «В углу камеры параша вонючая. На тысячу камер тысяча грязных параш... Окошко вверху. Почему не посередине, как строится искони даже в скверной курной избушке»¹.

В таких же тонах описывал эту «усовершенствованную» тюрьму и М. Ольминский (Александров), заключенный сюда в 1896 году в административном порядке на три года за пропаганду среди рабочих. На железной кровати, которая на день подымалась к стене, лежал соломенный тюфяк и такая же подушка. В камере были полки с медной посудой, которую заставляли каждый день чистить кирпичом, заставляли также каждое утро вытирать асфальтовый пол тряпкой. Узники были заняты в своих одиночках ткацкой работой и картонажными изделиями, а также некоторыми другими несложными ремеслами, кто их знал. Ежедневные прогулки, во время которых арестанты были обязаны

¹ Тан, Тюремные мысли, «Вестник Европы» 1911 г., ноябрь, стр. 113.

ходить один за другим в определенном направлении, происходили во дворе.

В эти годы политическим заключенным удавалось не допускать обращения к ним тюремной администрации на «ты». Режим политических заключенных не отличался от условий содержания осужденных за уголовные преступления, но политических не допускали к типографским и переплетным работам. Разрешалась покупка книг и в очень ограниченном размере — продуктов питания.

Ольминский отметил смягчение режима на второй год пребывания в тюрьме. Было более широко разрешено получение съестных продуктов. Вместо четырех писем в месяц позволяли посылать шесть писем. Еще ранее вместо грифельной доски допустили бумагу. Ольминский мог вести научную работу. Он даже получал здесь ежедневную газету Министерства финансов. По его словам, в этой тюрьме в те годы было мало политических, и с двумя из них ему удавалось сноситься записками.

По отношению к уголовным арестантам ругань надзирателей была обычным явлением¹. Петербургские тюрьмы были, конечно, в лучшем состоянии, чем провинциальные.

§ 56. «ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТЮРЬМАХ ЗА 1870—1900 ГОДЫ

Отчеты Главного тюремного управления за первую четверть века существования этого управления хранят молчание о так называемой культурно-просветительной деятельности в тюрьмах.

Архивные материалы обнаруживают самую жалкую постановку в местах лишения свободы какой бы то ни было просветительской работы. Иначе и быть не могло в стране, где правительство менее всего занималось просвещением народа.

Главное тюремное управление понимало под просветительской деятельностью в первую очередь требование исполнения обрядов по правилам господствовавшей православной церкви.

В архивных делах Главного тюремного управления имеется немало примеров того, что именно так понималась просветительская работа. С одной стороны, правительство простирало свои «заботы» на обслуживание только православных, в том же самом духе, как это совершалось и во всей империи: дело не шло дальше совершения религиозных обрядов в установленные дни. С другой

¹ См. М. Ольминский (Александров), Три года в одиночной тюрьме, М.—П., 1923 (2-е изд. несколько сокращенное — «В тюрьме», «Молодая гвардия», 1934).

стороны, заботы правительства о религиозно-нравственном воспитании давали возможность различным администраторам показать свое рвение и понимание того, чего желает от него правительство. Примером сведения всего дела «перевоспитания» к исключительно внешней, обрядовой стороне служат ответы, полученные Главным тюремным управлением на его циркуляр, разосланный 14 октября 1884 г. по 97 губерниям и областям¹.

Циркуляр запрашивал, «совершаются ли требы и богослужения, есть ли церкви при тюремных замках» и пр.

Такой запрос должен был служить кнутом, который подогнал бы «религиозно-нравственное» воспитание. Ответы губернаторов удивительно однообразны: начальники губерний из всех сил стараются показать, что не оставили без внимания интересы церкви во вверенных им местах заключения.

Но более значительный интерес представляют те случаи, когда местные администраторы доносили в Петербург о своих «подвигах» в деле нравственного перевоспитания арестантов. Так, воронежский вице-губернатор сообщал о своем превращении в лектора на политические темы для заключенных. Из приложений к докладу брошюрок видно, что вице-губернатор воспевал самодержавие и православие. Он растолковывал такие изречения, как «бога бойтесь, царя чтите», «повиноваться государю нужно не только из-за страха, но и по совести» и т. д. В одной из бесед он обрушивался на «политических преступников», доказывая уголовным заключенным, что политические — «подонки русского народа, что они радуются всему плохому: неурожаю, болезни и т. д.». Он выражал надежду, что правительству в скором времени «окончательно удастся отделить хорошее население от позорящих его народных подонков». Беседа явно ставила своей задачей настроить уголовных арестантов против политических заключенных. Делалось это в грубой, неприкрытой форме.

Главное тюремное управление благодарило его и просило прислать несколько экземпляров этих брошюрок для распространения в петербургских тюрьмах. Мы не будем воспроизводить содержания этих бесед. Сам вице-губернатор высоко расценивал достигнутые им результаты, но это утверждение остается на его совести. Для нас важно подчеркнуть на этом ярком примере характер «религиозно-нравственного» воспитания заключенных, когда сановный лектор выступал в роли клеветника на политических борцов².

¹ ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, опись I, I делопроизводство, дело № 1137, 1884—1885 гг.

² ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, опись I, I делопроизводство, дело № 938, 1883—1884 гг. «О беседах во»

Надо признать, что такие примеры «религиозно-просветительной» работы в тюрьме были единичными. Поэтому Главное тюремное управление особенно дорожило ими. В большинстве же случаев все дело «религиозного воспитания» не шло дальше раздачи арестантам книг и брошюр религиозного содержания. Такая раздача производилась, между прочим, не русской организацией, а Великобританским библейским обществом. Последнее имело своих специальных представителей в России.

Агенты общества раздавали по тюрьмам тысячи экземпляров евангелия и других книг священного писания на русском и иностранном языках под неперменным условием, чтобы они хранились на полке под иконой. Посещение тюрем членами библейского общества не всегда проходило благополучно для них. Так, один из них был обокраден в Москве, причем вор похитил у него и разрешение на посещение тюрем. Во всяком случае эта великобританская организация была активней, чем какая-нибудь русская. В Лондоне была даже созвана конференция по раздаче книг в русских тюрьмах¹. Так обстояло дело в середине 80-х годов XIX века.

Позднее раздача по тюрьмам книг, напечатанных в Лондоне, встретила препятствия со стороны Синода, который исходил при этом из опасений цензурного свойства. Высшее католическое начальство в России опередило в этом отношении православное на несколько лет, приказав отобрать от католиков-арестантов все книги, изданные в Лондоне, и уничтожить их. В случае же отказа арестантов вернуть книги — не давать им «разрешения от грехов». Так в русских тюрьмах происходила борьба из-за религиозной пропаганды.

Вообще же религиозно-просветительная «деятельность» в тюрьме давала возможность «просветителям» добиться тех или других выгодных для себя последствий. Генерал-майор Богданович, он же староста Исаакиевского собора, стяжал себе известность своими брошюрами, с ним конкурировал один из членов С.-Петербургского комитета духовной цензуры. Но их всех затмил директор Пермского тюремного комитета протоиерей Попов. Он специализировался на издании книг под таким названием: «Молитвенник для заключенных» (1881 г.), «Руководство узнику в молитве» (1878 г.), «Беседы с заключенными». Этот автор,

ронезского вице-губернатора с арестантами местного тюремного замка», на 39 листах.

¹ ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, дело № 1276, 1885—1886 гг. «О доставке сведений о числе книг священного писания для тюрем, пожертвованных Великобританским библейским обществом».

пользовавшийся покровительством высшего начальства, предусмотрительно просил у местного тюремного комитета выдачи ему аванса, несмотря на протесты значительного числа членов этого комитета, считавших, что этот «просветитель» будет таким образом получать жалованье, запрещенное законом.

Прежде чем покончить с характеристикой такой литературы для арестантов, добавим несколько слов из отзывов о ней.

Журнал духовного ведомства «Церковный вестник» считал молитвенник Попова «небывалым явлением в литературе», а архиепископ казанский называл его «хлебом насущным для ежедневного питания души этих бедных существ» (т. е. арестантов).

В то время как арестанты получали эту пищу для души, автор этой книги хлопотал об авансе на ее переиздание. Несомненно, он остался в большем выигрыше, чем его читатели.

Автор молитвенника для заключенных сообщил Главному тюремному управлению, что передает 50 000 экземпляров этого молитвенника в его распоряжение и просит раздать их ко дню коронации Александра III¹. Неизвестно, почему заключенные должны были стать обладателями этой книжки со дня коронации. Очевидно, здесь сказывались верноподданнические чувства автора, который преподнес экземпляр самому императору и получил от него выражение «высочайшего благоволения».

Таким образом, протоиерей Попов за свой молитвенник получил не только гонорар, но и те выгоды, которые были сопряжены с выраженным ему «благоволением».

Не знаем, как отнеслись к этому молитвеннику сами заключенные и избег ли молитвенник столь обычного в тюрьме использования на «цигарки». Есть основания предполагать, что большая часть экземпляров молитвенника не попала в тюрьмы. Автор его писал в 1884 году в Главное тюремное управление, что отпечатанные в 1881 году 30 000 экземпляров этой книжки продолжают оставаться в Московской типографии, подвергаясь порче, а 2000 экземпляров уже сделались негодными к употреблению. По-видимому, и это обращение протоиерея не имело успеха. Главное тюремное управление предложило тюремным комитетам выписывать за 5 руб. другое сочинение того же автора по догматическому богословию. Оно заботилось не о просвещении арестантов, а о материальных интересах самого автора.

В то самое время, когда тюремное начальство, духовенство и губернаторы занимались религиозной пропагандой и шли к

¹ ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, опись I, дело № 584. «О рассылке книг духовного содержания», 1879.

заклученным с лицемерными словами утешения, сам по себе режим тюрьмы со всеми его несправедливостями и тяготами возбуждал в заключенных чувства, далекие от смирения.

Выше мы говорили, что просветительная работа в тюрьмах сводилась к религиозному воздействию на заключенных посредством распространения среди них книг соответствующего содержания. В программе деятельности тюремного ведомства стоял вопрос и о тюремных библиотеках. Нам попалось архивное дело 1882 года об устройстве тюремных библиотек. Настоящей иронией являются размеры этого дела (семь листов). Из дела видно, что Главное тюремное управление обратилось в Комитет грамотности с просьбой о присылке ему каталога книг для тюремных библиотек.

В ответ он получил список в 122 названия на сумму в 33 р. 45 к. Почти 25% из них составляли книги религиозного содержания, но в списке были указаны отдельные рассказы Григоровича, Толстого, Гоголя, Тургенева. Были разделы по географии, истории, гигиене и естественным наукам. Из дела не видно, было ли что-нибудь выписано. Можно предположить, что указанный список произвел на Главное тюремное управление не особенно благоприятное впечатление, и переписка Главного тюремного управления с Комитетом грамотности оборвалась¹.

Создание при тюрьмах библиотек за первые годы существования Главного тюремного управления не продвинулось. Впрочем, оно дало сведения о постановке этого дела в своем отчете лишь за 1904 год, т. е. накануне первой революции. В названном отчете оно объявляло, что одной из главных его забот постоянно было «нравственное перевоспитание арестанта путем укрепления в нем религии, положительных душевных качеств»². Вместе с тем Главное тюремное управление признавало, что просветительное дело в тюрьмах еще не поставлено на должную высоту. Снабдить тюрьму библиотекой было труднее, чем розгами.

С целью замаскировать действительное состояние библиотек в тюрьмах отчет сообщал сведения о них не по отдельным тюрьмам, а сразу по губерниям и областям. Так, например, было указано, что наибольшее число библиотек, а именно 15, оказалось в Харьковской губернии, а окраинные губернии и области, например, Сибирь и Кавказ, по большей части вовсе не имели

¹ ЦГИА в Москве, фонд Главного тюремного управления, № 122, опись I, I делопроизводство, дело № 822, 1882. «Об устройстве тюремных библиотек».

² «Отчет Главного тюремного управления за 1904 год», СПб., 1906.

тюремных библиотек. В виде исключения были даны сведения о количестве книг в библиотеках 13 тюрем, в которых число книг оказалось наивысшим. На первом месте оказалась библиотека с.-петербургского Дома предварительного заключения с 7316 томами. Конечно, она была создана в значительной части усилиями самих заключенных. Библиотеки, занимавшие по численности книг места, следовавшие за названной, содержали в себе от двух до трех тысяч книг.

Относительно состава библиотек отчет не дал сколько-нибудь подробных сведений, ограничившись указанием, что 10% всех библиотек содержали исключительно религиозные книги. При этом отчет отметил явное предпочтение арестантами книг беллетристического содержания.

В отчете помещена таблица с указанием года открытия первой тюремной библиотеки в той или другой губернии или области и с обозначением наибольшего и наименьшего числа книг в тюремных библиотеках каждого района. Выяснилось, что до 1860 года библиотеки существовали только в двух тюрьмах, а именно: в Пензе с 1801 года и в Харькове с 1839 года. За 60-е годы были открыты первые библиотеки в неизвестных нам тюрьмах четырех губерний. Места лишения свободы во всех остальных губерниях не имели библиотек до конца 60-х годов. За 70-е годы тюремные библиотеки были открыты в отдельных тюрьмах десяти губерний.

Даже после образования Главного тюремного управления первые тюремные библиотеки были организованы при некоторых местах заключения лишь в 17 губерниях, в 1890—1891 гг. — в 31 губернии и в первое пятилетие XX века — в 11 губерниях. Итак, начало некоторого развития библиотек в местах лишения свободы пришлось лишь на последнее десятилетие XIX века. Из общего числа 652 тюрем, приславших в 1904 году отчеты о библиотеках, одна треть, а именно 220 мест лишения свободы, должна была признаться в полном отсутствии у них библиотек. Число книг спускалось даже до 10, а в среднем составило 308. Эти цифры настолько ничтожны, насколько огромно количество арестантов, проходивших через тюрьмы. Книга могла попасть к тюремному читателю лишь в виде исключения.

Не лучше обстояло дело и со школьным обучением в тюрьме. За 13 лет до свержения царизма из 668 тюрем только в 120 были постоянные школы с преподавателями в лице священника и псаломщика и редко со штатными преподавателями. Состав преподавателей определял и объем преподавания, которое сводилось к обучению закону божьему, чтению и письму.

§ 57. ТЮРЕМНЫЙ ТРУД (1870—1900 ГОДЫ)

История организации труда в царской тюрьме охватывает очень небольшой по продолжительности период. Поскольку ссылка и каторжные работы не входят в область нашего исследования, мы можем сказать, что лишь закон 6 января 1886 г. впервые организовал постановку работ в местах лишения свободы различного типа.

В основание этого закона легли такие положения, как обязательность труда для различных категорий заключенных, некоторые денежные вознаграждения за произведенную работу в зависимости от вида лишения свободы, материальная заинтересованность тюремной администрации в работе.

Введение труда в местах лишения свободы представляло на практике очень большие затруднения. В тюремных зданиях совершенно не было помещений, приспособленных для того или другого вида труда. Не было никакого предшествующего опыта, отсутствовали инструменты и сырье, не было спроса на арестантский труд. Поэтому неудивительно, что первоначально работа заключенных свелась к таким занятиям, которые не требовали для их выполнения особых помещений, сложных инструментов и предварительной подготовки — к очистке улиц города, отхожих мест, пилке дров и пр. Работы внутри тюрьмы почти отсутствовали и сводились к занятиям мастерствами: сапожным, портняжным, столярным и пр.

При таком небольшом числе ремесел в стенах тюрьмы существовали ограничения права выбора того или другого вида труда. Права выбора труда не имели осужденные за преступления против собственности и за прошение милостыни. В этом сказывался классовый характер тюремного законодательства. В виде исключения из общего правила о необязательности труда для подсудимых закон объявил обязательную работу в тюрьме для обвиняемых в преступлениях против собственности, если они ранее были осуждены за преступления имущественного характера. Этим самым закон выявлял свой особый взгляд на охрану собственности и на установление более сурового режима в тюрьме для тех преступников против собственности, которые еще не были осуждены.

В отчетах о деятельности тюремного ведомства за 80-е годы нет почти никаких сведений о тюремном труде. Так, например, в отчете за 1885 год постановке тюремного труда уделено всего десять строк.

Отсутствие внутри тюрем помещений для арестантских работ привело к изданию циркуляра о развитии внешних

работ. Однако, по признанию самого центрального тюремного органа, эти внешние работы свелись первоначально к очистке улиц. Поэтому были изданы циркуляры: 1) сузить внешние работы; было рекомендовано выводить на эти работы осужденных к лишению свободы на сроки не свыше 6—8 месяцев; 2) запретить работу в одиночку или малыми партиями на огородах и на дворах у частных лиц; 3) установить круговую поруку арестантов за побеги с работы.

Итак, после этого ограничения внешних работ арестантов произошло некоторое развитие внутренних работ самого несложного характера.

Введенная законом 1886 года плата за арестантский труд вызвала у заключенных спрос на работу, несмотря на всю мизерность платы. Однако спрос на арестантский труд в большинстве тюрем отсутствовал.

Главное тюремное управление в обзоре своей деятельности за 35 лет (1879—1914 гг.) привело таблицу с цифрами о сумме заработка от тюремного труда. Таблица составлена с явным намерением затушевать действительное положение тюремного труда. В ней не указан средний заработок заключенного и не указано, в каких тюрьмах был заработок и в каких его не было. В год введения нового закона общий заработок арестантов составлял всего 345 000 рублей. В следующем 1887 году он повысился до 539 000.

Если принять заработок этого года за единицу, то, увеличившись вдвое в 1894 году, в следующие три года он снижался: в 1896 году до 1,62, и снова возрос с некоторыми перерывами в последующие годы. Обзор указал, что число работавших в 1887 году составляло 21 000 при общем числе рабочих дней в 5 миллионов. Эти цифры лишены всякого значения, поскольку не указано число арестантов, оставшихся без работы, и не сообщена цифра миллионов дней, проведенных без работы. Зная общую сумму заработка — 539 тысяч, мы определили, что каждый арестант получил в среднем за весь год всего 25 рублей. Составитель обзора предпочел обойти это молчанием.

В отчете за 1887 год было отмечено введение в отдельных тюрьмах ткацкого и прядильного производств, переплетного, столярного и других видов мастерства. Эти краткие сведения отчетов за 80-е годы очень отрывочны и не дают полной картины тюремных работ¹.

¹ О постановке работ в тюрьме см. статью М. А. Кесслера «Труд в царской тюрьме» в сб. «Тюрьма капиталистических стран», М., 1957.

Отчеты Главного тюремного управления за 1890—1899 гг. отмечали улучшение постановки тюремных работ. Однако средний заработок арестанта был определен самим Главным тюремным управлением за 1899 год всего в 10 р. 68 к. в год, а в Иркутской тюрьме он был всего 26 коп. за год. Некоторое развитие тюремного труда произошло в последнее десятилетие XIX века в крупных административных центрах. Тюремная администрация использовала труд заключенных во многих тюрьмах в самых простых, несложных формах и предпочитала заводить ассенизационные обозы, нежели вводить механизацию труда.

Скудность сведений Главного тюремного управления о тюремном труде навела проф. Гогеля на мысль обратиться к неопубликованным отчетам губернаторов о работах в тюрьмах различных губерний в середине 90-х годов. Автор нарисовал гнетущую картину тюремного безделья, когда заключенные при большом желании работать изнывали от безделья. Гогель определил, что даже в исправительных арестантских отделениях половина тюремного населения не была занята трудом и средний заработок арестанта за год не превышал 3 руб. Это составит менее копейки в день.

В губернских тюрьмах за 1894 год процент занятых работой был всего 28, а в уездных — 20. При оценке этих цифр следует иметь в виду стремление тюремной администрации повысить искусственно число арестантов, занятых работами.

Следует также иметь в виду низкий уровень производительности труда и крайнюю ограниченность его видов. Преобладали такие работы, как пилака дров, очистка улиц от снега и мусора, вывоз нечистот.

Внутренние работы сводились к сапожничеству и портняжничеству по индивидуальным заказам. Массовое производство выливалось в самые примитивные формы. Так, например, в 14 тюрьмах занимались выделкой папиросных гильз и разными картонажными работами, 6 тюрем были заняты выделкой спичечных коробок. Редким исключением были такие работы, как изготовление веялок.

В качестве вывода из своего изучения положения тюремного труда Гогель отметил крайне плохую постановку этой отрасли тюремного хозяйства. Он считал, что вследствие тюремного безделья места лишения свободы являлись «рассадником порока и преступлений, источниками нравственной заразы»¹.

¹ С. К. Гогель, Вопросы уголовного права, процесса и тюремного управления, СПб., 1906.

Неудивительно, что Главное тюремное управление давало в своих отчетах за первую четверть века своего существования скудные сведения о тюремном труде: для этого было слишком мало положительного материала. Оно в самых широких размерах эксплуатировало каторжный труд в Сибири и на Сахалине до последнего дня царизма и притом в особенно усиленных размерах в XX веке, но оно было бессильно организовать труд арестантов в огромном большинстве уездных и губернских тюрем. Ему была непосильна конкуренция с частными предпринимателями. Подрядная система и продажа продуктов арестантского труда частными предпринимателями развивались лишь в наиболее крупных центрах.

Это произошло главным образом в XX веке, когда в крупных городах были выстроены тюрьмы, рассчитанные на большое число заключенных, и когда явилась возможность введения механизации труда. Тогда Главное тюремное управление развернуло эксплуатацию арестантского труда до небывалых размеров. Арестанты превращались в рабов.

Дисциплинарные наказания, вплоть до розог, кулачная расправа широко применялись к рабочим-узникам в интересах предпринимателей.

§ 58. ЗАКЛЮЧЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ, НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ И ЖЕНЩИНЫ В ТЮРЬМАХ

Мы ознакомились в нашем предшествующем изложении с общим состоянием тюрем за последние 30 лет XIX века. Наша характеристика состояния царской тюрьмы за этот период была бы неполной, если бы мы не остановились на положении в царской тюрьме заключенных, принадлежавших к национальным меньшинствам, к числу малолетних и к женщинам.

Режим царской России, в основе которого лежало угнетение народностей, не принадлежавших к господствующей, находил свое отражение в тюремной политике. Здесь он отражался в самой откровенной и ничем не прикрытой форме.

Цинизм законодателя доходил в этом отношении до прямого запрещения матерям-еврейкам брать с собой в ссылку детей там, где это разрешалось женщинам других народностей. Точно так же запрещалось мужу-еврею следовать за сылаемой женой.

При тех «законных» ограничениях, которые были установлены в Своде законов для нерусских народностей, тюремная практика еще шире раскрывала свой произвол по отношению к заключенным из угнетенных национальностей.

Когда после Великой Октябрьской революции в печати появились воспоминания бывших заключенных, в частности, о широком применении в тюрьме розог, были указаны возмутительные факты применения розог к евреям только потому, что это были евреи.

По стопам начальников тюрем, издевавшихся над узниками, принадлежавшими к нерусским национальностям, помощники начальников и надзиратели шли так же усердно, как шли начальники по стопам своего правительства. В результате такой национальной политики евреи, латыши, поляки, армяне, грузины и др., кроме наказания в местах лишения свободы, переносили еще тяжелые и унижительные моральные мучения.

Положение заключенных в тюрьмах на национальных окраинах становилось еще более тяжелым от русификаторской политики: чины тюремной администрации набирались не из представителей местной народности, а из лиц, принадлежавших к господствующей народности, часто даже незнакомых с языком данной народности.

В особо тяжелых условиях оказывались южане: кавказские горцы, грузины, армяне и пр. Для отбывания наказания, связанного с лишением свободы на длительные сроки, их направляли в губернии с холодным климатом, где им грозило заболевание туберкулезом.

В таких случаях тюрьма для них становилась замаскированной смертной казнью.

Устав о содержащихся под стражею ни в какой степени не считался с бытовыми особенностями заключенных, совершенно их игнорируя. Циркуляры Главного тюремного управления также не учитывали этих особенностей, поэтому условия содержания в тюрьме заключенных нерусских национальностей были особенно тягостными.

В исследуемый нами период тюрьма являлась основным средством борьбы не только с преступностью взрослых, но также несовершеннолетних и малолетних. В местах заключения можно было видеть в общих камерах со взрослыми арестантами также и детей в возрасте до 10 лет.

Это явление не было изжито царизмом до последнего дня его существования, ибо число исправительных заведений для малолетних почти не возрастало (к концу 1901 года оно достигло 41).

По признанию Главного тюремного управления, даже за последние годы царизма (1911—1915 гг.) через тюрьмы прошло до 7000 детей, не считая содержащихся в арестных помещениях, через которые прошло в 1914 году — 7346, а в 1915 году — 5251 детей.

Между тем через исправительно-воспитательные заведения для юных преступников проходило в среднем за год около 4300 человек.

За последнюю четверть XIX столетия тюрьма занимала в борьбе с преступностью малолетних наиболее видное место. Так, например, Тарновский определил, что из каждой сотни осужденных в возрасте до 17 лет общими и мировыми судами в 1891—1893 гг. было приговорено к тюремному заключению 81,9%, а в исправительный приют — только 5,9% (остальные были приговорены к другим видам наказания или отданы родственникам на исправление).

Эти цифры показывают, что почти вся осужденная молодежь шла в тюрьмы. В период 1896—1900 гг. число осужденных в возрасте до 17 лет по всей России исчислялось каждый год тысячами, как это видно из приводимой таблицы.

Надо иметь в виду, что русская уголовная статистика собирала сведения об осужденных мировыми судами лишь за те преступления, которые влекли за собой наказание тюремным заключением.

ОСУЖДЕНО В ВОЗРАСТЕ ДО 17 ЛЕТ ВКЛЮЧИТЕЛЬНО¹

Общими судами		Мировыми судами	
Годы	Количество осужденных	Годы	Количество осужденных
1896	1670	1896	5523
1897	1573	1897	5145
1898	1252	1898	4342
1899	1514	1899	4424
1900	1521	1900	4768

¹ Зак, Характеристика детской преступности, сб. «Дети-преступники», М., 1912, стр. 90. См. также Тарновский, Преступность малолетних и несовершеннолетних в России, «Журнал министерства юстиции» 1899 г. № 9, стр. 10 и сл.

Приведенные нами цифры в их наибольшей части относятся к подросткам, попавшим в растлевающую обстановку тюрьмы.

Большое количество малолетних в тюрьмах объясняется в значительной степени постановлениями русского дореволюционного законодательства. По этому законодательству не привлекались к уголовной ответственности лишь не достигшие 10-летнего возраста. Относительно обвиняемых 10—17 лет в общих судах ставился вопрос, действовали ли они при совершении преступления с разумением или без разума. Даже при отрицательном ответе на этот вопрос подростки 14—17 лет могли быть направлены в особые помещения при тюрьмах и арестных домах на сроки по определению суда, но не долее как до наступления 18-летнего возраста (ст. ст. 137 и 137-в Уложения о наказаниях).

В особые же отделения при тюрьмах или арестных домах могли быть направлены на срок от двух до пяти лет 14-летние подростки, действовавшие с разумением при совершении ими преступлений, за которые закон угрожал смертной казнью, каторжными работами и ссылкой на поселение. Срок заключения в названных особых помещениях устанавливался от одного месяца до одного года, если совершенное малолетним преступление каралось по закону исправительными арестантскими отделениями или тюрьмой с лишением всех особенных, лично и по состоянию присвоенных прав и преимуществ.

Подростки 14—17 лет, совершившие преступление с разумением, подлежали заключению в тюрьму на срок от 8 до 12 лет, если закон грозил за это преступление смертной казнью, — каторжными работами на срок 15—20 лет или без срока.

Вместо каторжных работ на другие сроки и вместо поселения несовершеннолетние заключались в тюрьмы на срок от трех до восьми лет.

Вместо исправительных арестантских отделений и тюрьмы с лишением всех особенных прав и преимуществ они заключались в тюрьму на уменьшенные сроки, смотря по обстоятельствам дела.

Они могли быть заключены в особые помещения при тюрьмах или при арестных домах за совершение преступлений, за которые взрослые карались тюрьмой с лишением некоторых прав и преимуществ или без такого лишения, но срок лишения свободы уменьшался.

За все прочие, менее тяжелые, преступления несовершеннолетние 14—17 лет наказывались, как взрослые, но с уменьшением размеров наказаний.

Такая система наказания детей и подростков сложилась лишь к концу 90-х годов, после введения закона 2 июня 1897 г., а до этого закона заключение малолетних и несовершеннолетних в тюрьмы допускалось еще в более широких размерах.

Упоминаемые в законе особые помещения для несовершеннолетних при тюрьмах и при арестных домах почти нигде не были открыты.

Так, например, к концу интересующего нас периода — в 1900 году — несовершеннолетние до 17 лет содержались в особых помещениях или в отдельных камерах лишь в количестве 2837 человек, а кроме того, в арестные дома поступило 1613 человек, которые в 61 тюрьме содержались вместе со взрослыми.

Совместное пребывание несовершеннолетних и взрослых арестантов в одних и тех же камерах приводило к самым тяжелым последствиям. Если царская тюрьма была и для взрослых преступников местом не исправления, а дальнейшего развращения, то она становилась для несовершеннолетних настоящей школой порока. Уже известное нам переполнение тюрем и их антисанитарное состояние отражались на физическом состоянии детей и подростков еще сильнее, чем на взрослых. На молодом подрастающем организме пагубно отражались холод, недоедание, нехватка воздуха. Они должны были становиться еще скорее, чем взрослые, жертвами эпидемических заболеваний.

Еще большая опасность грозила детям и подросткам со стороны нравственной. Взрослые преступники, особенно профессионалы и рецидивисты, проводили время тюремного безделья в рассказах о «подвигах» на пути преступлений и разврата. Во главе преступного мира стояли наиболее закоренелые преступники. При таких условиях заключенные в тюрьму дети и подростки становились учениками и послушным орудием этого преступного мира¹.

Эти страшные последствия совместного заключения подростков и взрослых должны были быть еще более тяжелыми до закона 2 июня 1897 г.

Тарновский сообщил результаты специальной обработки статистики наказаний несовершеннолетних от 10 до 16 лет включительно за 1891—1893 гг. Оказалось, что общие суды из каждой сотни осужденных этого возраста приговаривали к каторжным работам и на поселение — 3,3%, в арестантские

¹ См. Н. В. Всесвятский, Несовершеннолетние в тюрьме. Статья в сб. «Дети-преступники», под ред. М. Н. Гернета, М., 1912, стр. 420.

отделения и в тюрьму — 55,2%, к аресту — 12,7%. Прочие заключенные приговаривались к другим мерам взыскания. Итак, основная масса осужденных несовершеннолетних направлялась в места лишения свободы, не исключая каторжных тюрем.

Такова была репрессия по приговорам общих судебных мест.

Мировые суды за тот же период направили в тюрьму 88,4% осужденных в возрасте до 17 лет.

Итак, лишение свободы применялось до закона 2 июня 1897 г. особенно интенсивно, но, как мы видели, и после издания этого закона оно применялось достаточно широко.

В результате такого применения к подросткам лишения свободы и особенно содержания их в тюрьмах совместно со взрослыми развился рецидив среди юных преступников. Специальное исследование¹ показало, что каждое новое заключение малолетнего в тюрьму заставляло предполагать совершение им в ближайшем будущем преступного деяния вновь. В условиях царской тюрьмы нельзя было ждать других результатов.

Общее положение женщины в царской России отражалось и на положении ее в тюрьме. Оно было еще более тяжелым и бесправным, чем положение российского подданного мужского пола; и особенно тяжелым оно было в исследуемый нами период последних 30 лет XIX века.

Царское уголовное законодательство беспощадно, жестоко карало женщину за специфически женские преступления. Так, например, за детоубийство внебрачного ребенка, совершенное матерью из стыда, виновная могла быть приговорена даже к каторжным работам, а за плодоизгнание наказание могло доходить до заключения в тюрьму сроком от четырех до пяти лет с лишением всех особых прав и преимуществ. В то же самое время преступления мужчины, направленные против половой чести женщины, влекли за собой нередко сниженную репрессию. Характерно, что похищение женщины влекло за собой менее суровое наказание, чем конокрадство и похищение крупного скота. Законодатель шел на помощь хозяину-мужчине даже в области супружеских отношений, грозя тюрьмой от 8 месяцев до одного года 4 месяцев жене за то, что она покинула мужа, дав свое согласие на похищение (ст. 1582 Уложения о наказаниях). Система наказаний для женщины лицемерно устанавливала как будто бы

¹ См. статью «Рецидив детской преступности» в сб. «Дети-преступники», под ред. М. Н. Гернета, М., 1912, стр. 330.

смягчение наказаний. Так, например, вместо исправительных арестантских отделений женщина подлежала заключению в тюрьму.

Однако самое суровое лишение свободы — каторжные работы назначались женщине так же, как и мужчине. Беременность женщины лишь временно приостанавливала исполнение над ней смертной казни.

Статья 182 Устава о содержащихся под стражею очень нетвердо рекомендовала содержать («буде можно») беременных и кормящих грудью матерей в помещениях, «где бы они имели лучший воздух».

Только лицемерие законодателя могло считать смягчением дисциплинарного наказания заковывание каторжанки в ножные кандалы сроком до одного года в тех случаях, когда мужчина подлежал содержанию в одиночном заключении сроком до 50 дней. Почти в течение всего исследованного нами периода дисциплинарное наказание розгами могло быть применено и к осужденным женщинам. Лишь закон 28 марта 1893 г. отменил наказание женщин розгами. Эта отмена состоялась после массового протеста против розог, примененных в 1889 году на Карийской каторге к политической каторжанке Сигиде. Мы уже говорили выше, что наказание розгами вызвало самоубийство самой Сигиды и пятерых других ее товарищей и покушение на самоубийство 14 человек.

Тяжесть положения осужденной женщины в различных местах лишения свободы увеличивалась еще и потому, что тюремная администрация в исследуемый нами период, как правило, набиралась из мужчин. Становились возможными половые посяательства на женщину-арестантку.

По общему правилу, в местах лишения свободы, полной изоляции женщин от заключенных мужчин не было. В редких случаях для женщин были устроены специальные тюрьмы (в Петербурге, Москве, Риге, Варшаве, Симбирске). Обычно женщины помещались в отдельных коридорах и камерах, и такое размещение женщин не исключало возможности общения полов между собой.

К сожалению, в русской литературе почти совсем не появилось воспоминаний о тюремном заключении, написанных женщинами.

Цитированная нами книга Марии Шеффер принадлежит к числу немногих таких работ. Она показывает полное бесправие арестантки в тюрьме и беззащитность ее в половом отношении. Некоторые же из женщин использовали такое свое положение

в целях облегчения тюремного режима: в таких случаях тюрьма сближалась с публичным домом. Сделанная нами характеристика положения женщины в царской тюрьме приобретает особое значение, если мы вспомним, что за каждый год много десятков тысяч женщин поступали в места лишения свободы. Так, например, за 1882 год в места лишения свободы империи поступило 530 707 мужчин и 66 073 женщины. Эти цифры относятся к самому началу введения отчетности Главного тюремного управления. За последний же год исследуемого нами периода, а именно за 1900 год, в места лишения свободы поступило 523 984 мужчины и 72 565 женщин.

Таким образом, число женщин, поступивших в тюрьму, к концу исследуемого нами периода возросло, а число мужчин уменьшилось. Это показывает, что проблема положения женщины в тюрьме получила еще большее значение, чем в первые годы взятого нами периода.

Приведенные цифры относятся к женщинам, находившимся под следствием и судом и уже приговоренным к различным видам лишения свободы.

Несмотря на то, что десятки тысяч женщин поступали ежегодно в царские тюрьмы, законодательство совсем не знало «женского вопроса» в местах лишения свободы. Не занималась этим вопросом и русская литература.

Историку царской тюрьмы остается лишь отметить, что уравнение в тюрьме мужчины и женщины в действительности создавало для женщины новые, добавочные тяготы.

Вопрос о выработке особых правил содержания женщин в тюрьмах был поставлен в программу и обсуждался на Парижском тюремном конгрессе в 1895 году. По этому вопросу были представлены доклады двумя женщинами: д'Аббади д'Арра и Дюпуи.

Обе докладчицы, исходя из особенностей физиологии и психологии женщины, требовали и особого отношения к ней в тюрьме при организации ее труда, при дисциплинарных наказаниях, питании и вообще при установлении всего тюремного режима.

Таковы были условия пребывания представителей национальных меньшинств, несовершеннолетних и женщин в общеуголовных тюрьмах за последние 30 лет XIX века на всем пространстве Российской империи.

С наступлением XX века это положение не улучшилось. Увеличение количества исправительных заведений для несовершеннолетних не успевало за ростом преступности в России среди

подростков. Увеличение женской преступности вследствие тяжелого положения женщины приводило к заполнению мест лишения свободы арестантками, но еще более возрастало число заключенных в центральных и местных тюрьмах из представителей национальных меньшинств: это было результатом национального гнета, развития национального самосознания и революционной борьбы угнетенных народностей.

Поистине два последние десятилетия существования царской тюрьмы были годами, когда происходила небывалая по своей силе и по своей ожесточенности борьба царизма со всем русским народом и больше всего с революционным пролетариатом за свое существование.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Рис. 1. Бритье голов и заковка в кандалы в Московской Бутырской тюрьме. Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве
- Рис. 2. Каторжник, прикованный к тачке. Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве
- Рис. 3. Ножные кандалы. Из Сборника циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1879 гг., изд. Главного тюремного управления, СПб., 1880 г.
- Рис. 4. Ручные скрепы. Из Сборника циркулярных распоряжений и инструкций по тюремной части, изданных Министерством внутренних дел с 1859 по 1879 гг., изд. Главного тюремного управления, СПб., 1880 г.
- Рис. 5. Петропавловская крепость. Ворота Трубецкого бастиона. Фотография хранится в Музее революции РСФСР в Ленинграде
- Рис. 6. Петропавловская крепость. Трубецкой бастион. Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве
- Рис. 7. Петропавловская крепость. Внутренний двор Трубецкого бастиона. Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве
- Рис. 8. Петропавловская крепость. Коридор тюрьмы Трубецкого бастиона. Фотография хранится в Музее революции РСФСР в Ленинграде
- Рис. 9. Петропавловская крепость. Камера Трубецкого бастиона. Фотография хранится в Музее революции РСФСР в Ленинграде
- Рис. 10. План второго этажа Трубецкого бастиона. Фотография из Музея революции РСФСР в Ленинграде
- Рис. 11. План Алексеевского рavelина. Из книги П. С. Поливанова «Алексеевский рavelин», Ленинград, 1926 г.
- Рис. 12. План Шлиссельбургской крепости 1881 г. Из дела ЦГИА в Москве, фонд Шлиссельбургской крепости, № 76, 1882 г.
- Рис. 13. Шлиссельбургская крепость в 1881 г. План старой тюрьмы для политических заключенных. Из дела ЦГИА в Москве
- Рис. 14. План Шлиссельбургской крепости в 1905 г. Из книги М. В. Новорусского «Записки шлиссельбуржца»
- Рис. 15. Вход в Шлиссельбургскую крепость. Из книги М. В. Новорусского «Записки шлиссельбуржца»
- Рис. 16. Шлиссельбургская крепость. Новая народвольтская тюрьма,

второй этаж — коридор. С фотографии из Музея революции СССР в Москве

- Рис. 17. Камера в Шлиссельбургской новой тюрьме. Снимок сделан после революции 1917 г. и хранится в Музее революции СССР в Москве
- Рис. 18. Государственная тюрьма Шлиссельбурга 1902—1917 гг. Старая тюрьма. Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве
- Рис. 19. Шлиссельбургская крепость 1905 г. Огороды. Фотография хранится в Музее революции СССР в Москве
- Рис. 20. Шлиссельбургская крепость. С рисунка заключенного П. В. Карповича, 1901 г.
- Рис. 21. Шлиссельбургская крепость. С рисунка заключенного П. В. Карповича, 1901 г.
- Рис. 22. Общий вид Спасо-Евфимьевского монастыря с корпусом для арестантов в 1870 г. С фотографии из ЦГАДА в Москве, опись монастыря, 1870 г.
- Рис. 23. Дом предварительного заключения, открытый в С.-Петербурге в 1875 г. С фотографии из Музея В. И. Ленина в Москве
- Рис. 24. Камера полицейской Спасской части в С.-Петербурге в 1879 г. С рисунка В. Г. Короленко
- Рис. 25. Вход в камеры Рогожской части в Москве в 1879 г. С рисунка В. Г. Короленко
- Рис. 26. Камера в Костромской тюрьме в 1879 г. С рисунка В. Г. Короленко

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН¹

А

- д'Аббади д'Арра — 398
 Адамов — 59
 Акимова, Таисия Михайловна (1874—1957) — 135, 163, 164, 172, 173
 Александр II (1818—1881) — 63, 69, 101, 102, 105, 109, 114, 119, 120, 144, 154, 155, 158, 190, 193, 194, 197, 291, 294, 334, 349
 Александр III (1845—1894) — 108, 109, 121, 127, 156, 158, 161, 162, 165, 179, 197, 212, 216, 220, 243, 256, 258, 284, 340, 372, 385
 Александров, Владимир Петрович (1857—1910) — 75
 Александрова (по мужу Натансон), Варвара Ивановна (1852—1924) — 75
 Алексеев, Петр Алексеевич (1849—1891) — 5, 6, 74, 75, 76, 77, 295

- Алквист — 371
 Ананьина (по мужу Дейч), Мария Александровна (1849—1899) — 125
 Ананьина (по мужу Бороздич), Лидия Ивановна (род. в 1862 г.) — 124
 Ананьин, Николай Иванович (род. в 1873 г.) — 122
 Андреев, Николай Андреевич (род. в 1851 г.) — 160, 198
 Андреюшкин, Пахомий Иванович (1865—1887) — 121, 125, 162, 241, 284
 Анна Иоановна (1693—1740) — 356
 Анненский, Николай Федорович (1843—1912) — 307
 Антоний (1846—1912) — 279
 Антонов, Петр Леонтьевич (1859—1916) — 120, 238, 241, 283, 286
 Антушевский, Василий Яковлевич (род. в 1873 г.) — 136
 Аптекман, Осип Васильевич (1849—1926) — 155

¹ Составлен А. В. Гернет.

- Арончик, Айзик Борисович (1859—1888) — 109, 111, 153, 154, 188, 235, 240, 262
 Арсеньев, Алексей Александрович (род. в 1849 г.) — 97
 Ашенбреннер, Михаил Юльевич (1842—1926) — 115, 116, 241, 249, 250, 277, 282

Б

- Бакунин, Михаил Александрович (1814—1876) — 62, 80
 Баландин — 157
 Балмашев, Степан Валерьянович (1882—1902) — 242, 257, 282, 283, 284.
 Баранников, Александр Иванович (1858—1885) — 109, 110, 111, 153, 154, 188, 204, 293
 Бардина, Софья Илларионовна (1853—1883) — 75, 76, 77
 Бауман, Николай Эрнестович (1873—1905) — 5, 169, 170, 171, 172, 173
 Бахарев (умер в 1895 г.) — 163, 164
 Безродный, Николай Сергеевич (род. в 1857 г.) — 272, 273, 274
 Бейдеман, Михаил Степанович (1840—1887) — 187, 189, 191, 199
 Бекетов, Андрей Николаевич (1825—1902) — 177
 Беспалова (по мужу Дубровская), Надежда Васильевна (род. в 1861 г.) — 160
 Бильчанский, Осип (1858—1879) — 101
 Бобохов, Сергей Николаевич (1858—1889) — 318, 327
 Бобровский — 325, 329
 Богданович, Евгений Васильевич (род. в 1832 г.) — 384
 Богданович, Юрий Николаевич (1849—1888) — 113, 114, 189, 205, 235, 240, 262, 270, 322
 Боголепов, Николай Павлович (1847—1901) — 278
 Боголюбов, Архип Петрович — 74, 95, 96, 98, 295, 300, 301, 363, 364, 366
 Богородский — 148, 159
 Борейшо, Антон Степанович (род. в 1859 г.) — 115
 Бохановский, Иван Васильевич (1848—1917) — 114
 Бочаров, Евгений Константинович (1855—1880) — 73, 295
 Бубнов, Владимир Александрович (род. в 1858 г.) — 160
 Булич, Александр Петрович (1853—1884) — 104
 Булыгин, Александр Григорьевич (1851—1919) — 286
 Бух, Николай Константинович (род. в 1853 г.) — 104, 146, 149
 Буцевич, Александр Викентьевич (1849—1885) — 114, 189, 205, 234, 240, 262
 Будинский, Дмитрий Тимофеевич (1855—1891) — 234, 237, 240, 262, 263

В

- Ванеев, Анатолий Александрович (1872—1899) — 136

- Варынский, Людвиг-Фаддей Северинович (1856—1889) — 118, 241, 262, 271
- Васильев, Александр — 242, 257, 285
- Васильев, Ананий (род. в 1855 г.) — 68
- Васильев - Финкельштейн, Яков — 242, 285
- Веревкин — 172
- Ветрова, Мария Федосеевна (1870—1897) — 174, 175, 176, 177, 178
- Вильямс — 212
- Виталия — 345
- Виташевский, Николай Алексеевич (1857—1918) — 85, 295, 296, 309, 315, 323
- Владимир Александрович (род. в 1847 г.) — 119, 333
- Власов — 304
- Войнаральский, Порфирий Иванович (1844—1898) — 295, 315, 321, 370, 373
- Войницкий — 218
- Волкенштейн, Людмила Александровна (1857—1906) — 115, 116, 160, 164, 240, 241, 243, 245, 246, 249, 258, 263, 269, 270
- Волков, Василий Сергеевич (1859—1887) — 132, 133
- Волохов, Петр (псевдоним Марк) Михайлович (род. в 1853 г.) — 307
- Волохов, Степан Александрович (род. в 1866 г.) — 125
- Волощук, Капитон Мартынович (род. в 1844 г.) — 87
- Вольнов (Иванов-Вольнов), Василий Иванович (род. в 1858 г.) — 120
- Воровский, Вацлав Вацлавович (1871—1923) — 139

Г

- Галкин - Врасский — 322, 371, 372
- Гамов, Дмитрий Иванович (1847—1876) — 68, 69, 294, 300
- Гангардт, И. И. — 272, 274, 276
- Гарфинкель — 157
- Гейсер, Иван Иванович — 120
- Геккер, Нахман Левинович (1862—1920) — 327
- Геллис, Меер Янкелович (1852—1886) — 189, 205, 234, 240, 262
- Гельфман, Гезя Мировна или Мироновна (1852—1882) — 105, 107, 156, 157, 158
- Генералов, Василий Дмитриевич (1867—1887) — 121, 125, 162, 241, 284
- Герценштейн, Н. — 364
- Гершкович, Гирш (Ханм) (1886—1905) — 242, 257, 285
- Гершуни, Григорий Андреевич (1870—1908) — 242, 287
- Гинзбург, Софья Михайловна (1863—1891) — 127, 128, 130, 135, 162, 240, 242, 243, 247, 248, 257, 258, 259
- Гобст, Арон-Янкель (1848—1879) — 101
- Говард, Джон (1726—1790) — 371

- Головкин — 352
- Гольденберг, Григорий Давидович (1855—1880) — 102, 151
- Горемыкин, Иван Логгинович (1839—1917) — 233
- Горкун, Петр Степанович (1866—1905) — 121, 122, 125
- Горский, Платон Григорьевич (1851—1879) — 101
- Грачевский, Михаил Федорович (1849 — 1887) — 113, 114, 115, 160, 189, 205, 211, 234, 240, 250, 257, 258
- Григорьев, Матвей Григорьевич (род. в 1859 г.) — 348, 349, 350
- Гринберг, Христина Григорьевна (род. в 1857 г.) — 115
- Гриневицкий, Игнатий Иокимович (1855—1881) — 293
- Грот, Константин Павлович — 12, 15, 298, 299, 311, 362
- Грязнова (по мужу Слонова), Мария Васильевна — 104, 149, 150, 309
- Гудзе (Гудзь) — 282
- Гурко, Иосиф Владимирович (1828—1901) — 118
- Гюго, Виктор (1802—1885) — 156
- Дейч, Лев Григорьевич (1855—1941) — 114, 160, 323, 324, 330
- Дембо, Исаак Вульфович (1865—1889) — 128
- Дембский, Александр Ипполитович (род. в 1857 г.) — 128
- Джабадарн, Иван Спиридонович (1855—1913) — 75, 77, 296, 315
- Дзвонкевич, Николай Николаевич (1842—1909) — 113
- Диковский, Сергей Дорофеевич (1857—1909) — 327
- Димитриев, Антон — 352
- Дмоховский, Лев Адольфович (1851—1881) — 68, 69, 294, 315
- Добролюбов, Николай — 334
- Добрускина (по мужу Михайлова), Генриетта Николаевна (род. в 1862 г.) — 120
- Долгорукова (по мужу Ширяева), Анна Дмитриевна (род. в 1857 г.) — 151, 202
- Долгушин, Александр Васильевич (1848—1885) — 66, 67, 68, 69, 72, 187, 235, 236, 237, 239, 241, 262, 294, 295, 300, 315, 321, 323, 373
- Дондуков-Корсаков, Александр Михайлович (1820—1893) — 375, 376
- Дондукова - Корсакова, Марна Михайловна (1828—1909) — 279, 375, 376
- Досифей — 344
- Драгоманов, Михаил Петрович (1841—1895) — 92
- Дрей, Михаил Иванович (род. в 1860 г.) — 113

Д

- Давиденко, Иосиф Яковлевич (1856—1879) — 101
- Давыдов — 351
- Дегаев, Сергей Петрович (1854—1908) — 115, 116, 119, 158

- Дрейер — 63, 64, 97, 110, 123, 124
 Дрентельн, Александр Романович (1820—1888) — 196, 199
 Дриго, Владимир Васильевич (род. в 1849 г.) — 103, 104, 149
 Дубровин, Владимир Дмитриевич (1855—1879) — 156
 Дурново, Петр Николаевич (1844—1915) — 274
 Душевский, Петр Григорьевич (род. в 1865 г.) — 128
 Дюпун — 399

Е

- Евреинов — 59
 Евсеев, Николай Петрович (род. в 1861 г.) — 112
 Егоров, Михаил Иванович — 160, 163
 Елецкий — 303
 Елько, Петр Андреевич — 120
 Екатерина II (1729—1796) — 63, 190
 Емельянов, Иван Пантелеймонович (1860—1916) — 109, 111, 153
 Емельянов, Алексей Степанович (род. в 1852 г.) — см. Боголюбов Архип Петрович — 300
 Емельянов, Степан — 301
 Ергин, Александр Александрович (род. в 1868 г.) — 136

Ж

- Жданов, Владимир Анатольевич (род. в 1869 г.) — 285

- Желваков, Николай Алексеевич (1860—1882) — 112
 Желябов, Андрей Иванович (1850—1881) — 85, 104, 105, 106, 107, 156, 290, 291, 292

З

- Запорожец, Петр Кузьмич (1872—1905) — 136
 Заславский, Евгений Осипович (1847—1878) — 86, 87, 88, 89, 90
 Засулич, Вера Ивановна (1851—1919) — 95, 96, 97, 98, 99, 141, 231, 363
 Зданович, Георгий Феликсович (1855—1917) — 75, 77
 Зибольд — 175
 Златопольский, Лев Соломонович (1847—1907) — 109, 111, 153
 Златопольский, Савелий Соломонович (1855—1885) — 113, 114, 115, 189, 205, 234, 240, 262, 291
 Золотницкий — 339
 Зубковский, Афанасий Андреевич (1855—1921) — 104, 149
 Зубов, Петр Алексеевич (1819—1880) — 12
 Зунделевич, Аарон Исаакович (1854—1923) — 104, 149, 151
 Зыбин — 59

И

- Иванов, Василий Григорьевич (1859—1917) — 115, 116, 241

- Иванов, Иван Иванович — 61, 62, 63
 Иванов, Игнатий Кириллович (1859—1886) — 160, 188, 204, 205, 236, 241, 262
 Иванов, Павел Осипович (1853—1894) — 328
 Иванов, Сергей Андреевич (1859—1927) — 120, 238, 242, 276, 286
 Иванова (по мужу Борейшо), Софья Андреевна (1856—1927) — 104
 Ивановская (по мужу Волошенко), Прасковья Семеновна (род. в 1853 г.) — 114, 115
 Ильин, Николай — 352
 Исаев, Григорий Прокофьевич (1857—1886) — 109, 111, 153, 154, 188, 203, 234, 240, 262
 Ишутин, Николай Андреевич (1840—1879) — 315

К

- Калюжная, Мария Васильевна (1864—1889) — 160, 326, 327
 Калюжный, Иван Васильевич (1858—1889) — 115, 325, 327
 Каляев, Иван Платонович (1877—1905) — 242, 257, 284, 285
 Камарницкий, Сигизмунд — 160
 Каминский — 160
 Кананович — 317, 318, 320, 321
 Канчер, М. Н. — 121, 122, 125

- Каракозов, Дмитрий Владимирович (1840—1866) — 119, 315
 Караулов, Василий Андреевич (1854—1910) — 117, 241
 Кардашев, Степан Мартинович (род. в 1852 г.) — 75
 Карпович, Петр Владимирович (1874—1917) — 242, 278, 282, 286
 Квятковский, Александр Александрович (1853—1880) — 104, 105, 150
 Кеннан, Джордж (1845—1924) — 135
 Кибальчич, Николай Иванович (1853—1881) — 105, 107, 108, 109, 290, 292
 Клеменц, Дмитрий Александрович (1848—1914) — 92, 293
 Клеточников, Николай Васильевич (1847—1883) — 110, 111, 153, 154, 188, 203, 204, 293
 Клименко, Михаил Филимонович (1856—1884) — 115, 187, 235, 240, 257, 258
 Кобылянский, Людвиг Александрович (1857—1886) — 104, 149, 150, 235, 240, 262
 Ковалев, Федор — 345, 346, 347
 Ковалевская (урожд. Воронцова), Мария Павловна (1849—1889) — 326
 Ковалевский, Михаил Евграфович (1830—1884) — 97
 Ковалевский, Павел Иванович (1849—1923) — 300

- Ковалек, Сергей Филиппович (1846—1926) — 85, 295, 373
- Ковальская, Елизавета Николаевна (1852—1933) — 293, 324, 325, 328, 329
- Коган-Бернштейн, Лев Матвеевич (1862—1889) — 160
- Козлов — 285
- Колодкевич, Николай Николаевич (1850—1884) — 104, 109, 111, 153, 154, 156, 188, 203
- Колчин, М. — 350, 351, 352
- Кол, Феликс Яковлевич (1864—1941) — 103, 118, 315, 319, 324, 326, 327, 328
- Конашевич, Василий Петрович (1859—1915) — 119, 120, 242, 247, 259, 267
- Кони, Анатолий Федорович (1844—1927) — 58, 59, 60, 71, 78, 96, 97, 366
- Коноплянникова, Зинаида Васильевна (1879—1906) — 240, 242, 243, 248, 285
- Корба-Прибылева, Анна Павловна (род. в 1849 г.) — 113, 115, 147, 148, 159
- Короленко, Владимир Галактионович (1853—1921) — 307, 308, 358, 359, 367, 372, 373, 374
- Короленко, Макар Романович (род. в 1956 г.) — 87, 89
- Корф, Андрей Николаевич (1831—1893) — 324, 328, 329
- Котляревский — 124
- Кочура (Кочуренко), Фома Корнеевич (род. в 1877 г.) — 238, 242
- Кравченко, Федор Иванович (род. в 1852 г.) — 87, 90, 295
- Кречетов, Федор — 190
- Кржижановский, Глеб Максимилианович (1872—1959) — 136
- Кропоткин, Дмитрий Николаевич (1836—1879) — 101, 102, 104, 116, 298, 302
- Кропоткин, Петр Алексеевич (1842—1921) — 92, 141, 142, 143, 144, 156
- Крупская, Надежда Константиновна (1869—1939) — 136
- Крыжановский, Никанор Федорович (1859—1885) — 241
- Кузин, С. Е. — 120
- Кузнецов, Алексей Кириллович (1845—1928) — 62
- Кузьмин — 153
- Кузьмин, Павел Алексеевич (1819—1885) — 117
- Куперник — 68
- Курганский, Михаил Фомич (род. в 1849 г.) — 87

Л

- Лавров (Митров), Петр Лаврович (1823—1900) — 72, 80, 119, 135
- Лаговский, Михаил Федорович (1856—1903) — 164, 241, 276

- Ланганс, Вильгельм-Мартын Рудольфович (1852—1883) — 111, 153, 154, 188, 204, 205
- Лаптев — 308
- Лебедева, Татьяна Ивановна (1850—1887) — 109, 111
- Ленин (Ульянов), Владимир Ильич (1870—1924) — 47, 56, 76, 100, 128, 131, 133, 136, 137, 167, 170, 173
- Ленчевский — 339
- Леонтьев — 351
- Лепешинский, Пантелеймон Николаевич (1868—1944) — 136
- Лесерен де Кирвили — 160
- Лесник — 149, 172
- Ливадин В. В. — 120
- Лизогуб, Дмитрий Андреевич (1850—1879) — 101
- Липпоман — 160
- Лисовская, Антонина Игнатьевна (1858—1885) — 114, 115
- Лобас, Н. С. — 397
- Лопатин, Герман Александрович (1845—1918) — 118, 119, 120, 238, 242, 277, 286
- Лопухин — 60
- Лорис-Меликов, Михаил Тариевич (1825—1888) — 101, 104, 303, 309
- Луговский, А. М. — 160
- Лукашевич, Александр Осипович (род. в 1855 г.) — 75
- Лукашевич, Иосиф Дементьевич (1863—1928) — 123, 124, 125, 162, 238, 241, 275, 276, 277, 286
- Лучинский — 40, 41
- Луценко, Степан Дмитриевич (род. в 1838 г.) — 87
- Любатович, Вера Спиридоновна (1855—1907) — 75
- Любатович (по мужу Джабадари), Ольга Спиридоновна (род. в 1854 г.) — 75, 152
- Люстиг, Фердинанд Осипович (род. в 1854 г.) — 111, 153
- Ляховский (Ляхович), Митрофан Яковлевич (род. в 1848 г.) — 87

М

- Майер, Самуил Владимирович (род. в 1858 г.) — 113
- Макаров — 110
- Малевский, Владимир Евгеньевич — 187, 235, 241, 262, 323, 373
- Малиновский, Марк Прохорович (1851—1877) — 303
- Малченко, Александр Леонтьевич — 136
- Манучаров (Манучарьян), Иван Львович (1861—1909) — 164, 241
- Мартынов, Николай Федулович (1855—1903) — 117, 241, 252
- Мартыновский, Сергей Иванович (1860—1926) — 104, 147, 148, 149, 151, 159
- Масюков — 324, 325, 326
- Медем — 285
- Мезенцов, Николай Владимирович (1827—1878) — 70,

- 84, 97, 101, 109, 110, 294, 297, 298, 299, 302, 303, 304
- Мельников, Михаил Михайлович** (род. в 1878 г.) — 242, 287
- Меркулов** — 99
- Меркулов, Василий Апполонович** (род. в 1860 г.) — 110, 111, 112
- Мин, Георгий Александрович** (1855—1906) — 248, 285
- Минаков, Егор Иванович** (1854—1884) — 189, 205, 227, 234, 235, 240, 255, 256, 257, 260, 268, 274, 321, 323
- Мирский, Леон Филиппович** (1859—1920) — 185, 187, 188, 196, 197, 199, 200, 201
- Михайлов, Александр Дмитриевич** (1855—1884) — 109, 111, 153, 154, 188, 203, 204, 205
- Михайлов, Тимофей Михайлович** (1859—1881) — 105, 106, 107, 108
- Михалин, Николай** — 170
- Мицкевич, Сергей Иванович** (1869—1944) — 135
- Млодецкий, Ипполит Осипович** (1855—1880) — 101
- Моисеенко, Петр Анисимович** (1852—1923) — 132, 133
- Морейнис, Фаина Абрамовна** (по мужу Муратова) (род. в 1859 г.) — 113
- Морозов, Николай Александрович** (1854—1946) — 104, 109, 111, 153, 154, 161, 188, 234, 238, 240, 249, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 275, 277, 279, 286
- Мрачковский, Виталий Яковлевич** (род. в 1855 г.) — 87
- Муравский, Митрофан Данилович** (1837—1879) — 85, 295
- Муравьев, Николай Валерьянович** (род. в 1850 г.) — 106, 109, 358, 359
- Мышкин, Ипполит Никитич** (1848—1885) — 5, 60, 81, 82, 83, 84, 85, 145, 189, 205, 227, 235, 239, 241, 256, 260, 261, 262, 268, 295, 301, 315, 321, 322, 323, 373, 374

Н

- Нагорный, Осип Иванович** (1857—1914) — 112
- Наддачин, Николай Борисович** (род. в 1852 г.) — 87
- Наумов, Степан Степанович** (1849—1905) — 87
- Немирович-Данченко, Василий Иванович** (1844—1936) — 333
- Немоловский, Апполон Иринеич** (умер в 1886 г.) — 115, 116, 241, 262
- Нечаев, Сергей Геннадиевич** (1847—1882) — 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 72, 97, 110, 130, 141, 142, 145, 184, 185, 187, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203

- Никитин, Александр Федорович** — 136
- Никитина, Екатерина Дмитриевна** (1885—1943) — 129, 130
- Николаев, Николай Николаевич** (род. в 1850 г.) — 62
- Николай I** (1796—1855) — 63, 190
- Николай II** (1868—1918) — 135, 163.
- Николай Николаевич Романов** (1856—1929) — 144
- Новиков, Николай Иванович** (1744—1818) — 57, 63, 190
- Новицкий, Митрофан Эдуардович** (1854—1920) — 112, 159
- Новицкий Н.** — 117
- Новорусский, Михаил Васильевич** (1861—1925) — 124, 125, 162, 211, 221, 225, 237, 238, 241, 249, 254, 268, 270, 271, 273, 274, 275, 276, 277, 279, 286, 287
- Новосельский** — 59
- Обнорский, Виктор Павлович** (1852—1920) — 5, 87, 91, 92, 93, 94, 95, 132
- Оболенский, Дмитрий Александрович** (1822—1881) — 60, 238
- Обухов** — 282
- Овсянников** — 370
- Окладский, Иван Федорович** (род. в 1858 г.) — 103, 104, 149, 150, 152
- Оловеникова, Елизавета Николаевна** (род. в 1858 г.) — 152
- Ольминский (Александров), Михаил Степанович** (1863—1933) — 381, 382
- Оржевский** — 124, 217, 231, 233
- Оржих, Борис Дмитриевич** (род. в 1864 г.) — 126, 127, 242
- Орлов, Павел Александрович** 1857—1890) — 153
- Орочко, Алексей Венедиктович** (род. в 1866 г.) — 128
- Осипанов, Василий Степанович** (1861—1887) — 121, 125, 162, 241, 284

П

- Павленков, Флорентий Федорович** (1839—1900) — 307
- Пален, Константин Иванович** (род. в 1833 г.) — 60, 71, 84, 97, 98
- Панкратов, Василий Семенович** (1864—1925) — 117, 241, 249, 253, 277
- Папин, Иван Иванович** (род. в 1849 г.) — 68, 294
- Пашковский, Тит Ильич** (1857—1895) — 125
- Перовская, Софья Львовна** (1853—1881) — 85, 105, 107, 108, 290, 291, 292
- Петерс** — 83, 84, 97
- Петерсон, Петр Николаевич** (род. в 1851 г.) — 91, 94

- Петр I Великий (1672—1725) — 213
- Петровский, Ефим Иванович (род. в 1863 г.) — 126
- Пилсудский, Бронислав — 125
- Плеве, Вячеслав Константинович (1846—1904) — 198, 265, 274, 279
- Плеханов, Георгий Валентинович (1856—1918) — 72, 73, 74, 83, 92, 95, 348
- Плотников, Николай Александрович (1851—1886) — 67, 68, 69, 70, 294, 300
- Победоносцев, Константин Петрович (1827—1907) — 345
- Подгорный, Василий — 340, 342
- Подревский — 172, 175
- Покрошинский — 185, 218, 220, 284
- Поливанов, Петр Сергеевич (1859—1905) — 112, 159, 160, 187, 188, 204, 206, 208, 212, 213, 214, 215, 235, 240, 268, 277, 290
- Попов, Евгений Алексеевич (1824—1888) — 384, 385
- Попов, Макар Павлович (род. в 1862 г.) — 120
- Попов, Михаил Родионович (1851—1909) — 5, 188, 204, 234, 238, 240, 244, 247, 249, 252, 258, 260, 266, 267, 270, 276, 277, 279, 286
- Попов, Моисей Степанович (род. в 1855 г.) — 113
- Потапов, Яков Семенович (род. в 1860 г.) — 6, 73, 74, 348, 349, 350
- Похитонов, Николай Данилович (1857—1897) — 115, 116, 241, 268
- Прейм, Семен — 112
- Пресняков, Андрей Корнеевич (1856—1880) — 104, 105, 149, 150, 293
- Прибылев, Александр Васильевич (род. в 1957 г.) — 115
- Прибылева, Р. Л. — 115
- Прокопенко, Павел Васильевич (род. в 1845 г.) — 141
- Прохоров — 113
- Прудон, Пьер Жозеф (1809—1865) — 67
- Прыжов, Иван Гаврилович (1828—1885) — 62
- Пугачев, Емельян Иванович (1742—1775) — 72
- Пушкин, Ариан — 351

Р

- Радищев, Александр Николаевич (1749—1802) — 57, 63, 190
- Разин, Степан Тимофеевич (умер в 1671 г.) — 72
- Раппопорт, Шарль (род. в 1865 г.) — 163
- Распутин, Иван — 135, 163, 164
- Рахов, Василий — 340, 342, 343, 344
- Реппенкампф, Павел Карлович (1854—1918) — 200
- Рогачев, Дмитрий Михайлович (1851—1884) — 85

- Рогачев, Николай Михайлович (1856—1884) — 115, 116, 235, 241, 256, 283, 293, 295
- Романенко, Герасим Григорьевич (1855—1918) — 160
- Романов, Сергей Александрович (1857—1905) — 284
- Рошфор, Анри (1830—1913) — 156
- Рыбицкий (Ребицкий, Рывицкий), Иван Осипович (род. в 1849 г.) — 87, 90, 295
- Рысаков, Николай Иванович (1861—1881) — 105, 107, 108, 292

С

- Саблер (Десятковский), Владимир Карлович — 334
- Саблин, Николай Александрович (1849—1881) — 156
- Сажин, Михаил Петрович (1845—1934) — 85, 295, 296, 373
- Сазонов, Егор Сергеевич (1879—1910) — 242, 287
- Салова, Неонила Михайловна (род. в 1860 г.) — 120
- Свитыч, Вера Павловна — 315
- Серафим — 350
- Сердюков, Анатолий Иванович (1852—1878) — 91
- Сердюкова, Анна — 125
- Сигида, Аким Степанович (1863—1888) — 126
- Сигида (Малаксиано), Надежда Константиновна (1862—1889) — 126, 127, 313, 326, 327, 328, 329, 330, 397
- Сикорский, Симон Вульфович (1883—1928) — 242, 287
- Силенко, Петр Максимович (род. в 1851 г.) — 87
- Синегуб, Сергей Силович (1851—1907) — 79, 143, 145, 361, 363, 364
- Сипягин, Дмитрий Сергеевич (1853—1902) — 282
- Скверн, Михаил Петрович (1856—1924) — 87
- Смирницкая, Надежда Семеновна (1852—1889) — 115, 160, 326, 327
- Смирнов, Яков Петрович — 91, 94
- Соколов, Матвей (род. в 1834 г.) — 180, 183, 204, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 221, 249, 250, 254, 255, 258, 260, 261, 291, 292
- Соколов, Федор Денисович (род. в 1840 г.) — 87
- Соколовский — 303
- Соллогуб, Владимир Александрович (1814—1882) — 12
- Соловьев, Александр Константинович (1846—1879) — 101, 155, 156, 334, 350
- Спандон-Басманджи, Афанасий Афанасьевич (1853—1906 г.) — 115, 116, 160
- Спасович, Владимир Данилович (1829—1906) — 68, 115

- Старков, Василий Васильевич (1869—1925) — 136
- Стародворский, Николай Петрович (1863—1908) — 119, 120, 242, 280
- Стаховский, Василий Аполлонович (1851—1917) — 79
- Степанова, Евгения — 113
- Стефанович, Яков Васильевич (1853—1915) — 114, 115, 290, 291
- Стояновский, Михаил Васильевич (род. в 1870 г.) — 128
- Стрельников, Ф. Е. (умер в 1882 г.) — 111, 112, 113
- Субботина, Евгения Дмитриевна (род. в 1853 г.) — 75
- Субботина, Надежда Дмитриевна (род. в 1855 г.) — 75
- Судейкин, Григорий Порфирьевич (умер в 1883 г.) — 115, 119, 201
- Суровцев, Дмитрий Яковлевич (1852—1925) — 115, 116, 164, 241
- Суханов, Николай Евгеньевич (1853—1882) — 109, 110, 111, 153
- Сухомлин, Василий Иванович (род. в 1860 г.) — 120
- Сушинский, В. Г. — 171
- Т**
- Талапиндов, Николай Степанович (род. в 1835 г.) — 160
- Тан-Богораз, Владимир Германович (1865—1936) — 381
- Тараканова — 190
- Тараненко, Григорий Никифорович (род. в 1840 г.) — 87
- Теллалов, Петр Абрамович (1853—1885) — 113, 114, 115
- Телье — 160
- Терентьева, Людмила Дементьевна (1862—1883) — 110, 153
- Тетерка, Макар Васильевич (1853—1883) — 109, 111, 153, 188, 204, 205
- Тизенгаузен, Виктор Александрович (род. в 1840 г.) — 78
- Тимофеев, Василий Тимофеевич (род. в 1853 г.) — 73, 74
- Тиханович, Александр Пахомович (1856—1884) — 115, 116, 235, 241, 262
- Тихомиров, Василий Александрович (род. в 1845 г.) — 66
- Тихомиров, Лев Александрович (1852—1929) — 104
- Тихонов, Яков Тихонович (1851—1883) — 104, 149, 150
- Ткачев, Петр Никитич (1844—1885) — 141
- Толстой, Дмитрий Андреевич (1823—1889) — 119
- Толстоносов — 88
- Топорков, Лев Александрович (род. в 1847 г.) — 141
- Топоркова (по мужу Горева), Анна Григорьевна (род. в 1854 г.) — 75
- Трепов, Федор Федорович (1803—1889) — 95, 96, 97, 98, 285, 300, 301, 363, 364, 366

- Тригони, Михаил Николаевич (1850—1917) — 109, 111, 112, 152, 153, 154, 188, 203, 206, 207, 212, 214, 234, 240, 293
- Тринитатская, Екатерина Михайловна (1853—1890) — 126
- Тютчев, Николай Сергеевич (1856—1924) — 289, 290, 291, 293
- У**
- Ульянов, Александр Ильич (1866—1887) — 121, 124, 125, 160, 162, 241, 284
- Ульянова (по мужу Елизарова), Анна Ильинична (1864—1935) — 124, 125
- Ульянова, Мария Александровна (1835—1916) — 123, 124
- Успенский, Петр Гаврилович (1847—1881) — 62, 315
- Утин, Евгений Исаакович (1843—1894) — 68
- Ф**
- Федоров, Анисим (Гобст Арон) — 101
- Федорова, Устинья Николаевна (род. в 1867 г.) — 126
- Федосеев — 339, 340
- Фигнер, Вера Николаевна (1852—1942) — 76, 77, 108, 115, 116, 155, 160, 161, 210, 211, 240, 241, 243, 244, 245, 246, 249, 251, 252, 262, 263, 269, 270, 272, 274, 276, 277, 279, 281, 282, 283, 287, 290, 293
- Фигнер (по мужу Сажина), Евгения Николаевна (1858—1931) — 104, 149, 150, 309
- Фигнер (по мужу Стахевич), Лидия Николаевна (1853—1920) — 75
- Фомин (Медведев), Алексей Александрович (род. в 1858 г.) — 160, 161, 370, 373
- Фрейфельдт, Лев Владимирович (род. в 1863 г.) — 128
- Фриденсон, Григорий Михайлович (1854—1912) — 111, 153
- Фриш, Эдуард Васильевич (1833—1907) — 59
- Фролов — 105
- Фроленко, Михаил Федорович (1848—1938) — 109, 110, 111, 153, 154, 188, 203, 206, 207, 212, 214, 234, 238, 240, 286, 290, 293
- Фукс, Эдуард Яковлевич (1834—1909) — 106
- Х**
- Халтурин, Степан Николаевич (1856—1882) — 92, 104, 112, 132
- Халтурин — 322
- Хвостов, Александр Алексеевич (род. в 1857 г.) — 37, 58
- Хоржевская, Александра Сергеевна (1853—1886) — 75

Ц

Цветков — 340, 347

Цицианов, Александр Константинович (1850—1885) — 75, 77, 160

Цукерман, Лейзер Иосифович (1852—1887) — 104, 149

Ч

Чарушин, Николай Апполонович (род. в 1851 г.) — 292, 316, 317, 320

Чемоданова, Любовь Васильевна — 115, 116

Чепегин, Никита (род. в 1882 г.) — 242

Черкезов, Варлаам Николаевич (1846—1925) — 92

Чернов, Александр (Виталий) Васильевич (род. в 1862 г.) — 126

Чернышевский, Николай Гаврилович (1828—1889) — 63, 72, 81, 145, 190, 315

Чернявский, Иван Николаевич (род. в 1850 г.) — 83, 295

Чернявский, Иван Николаевич (род. в 1850 г.) — 83, 295

Чехов, Антон Павлович (1860—1904) — 321

Чечурина — 137

Чикондзе, Михаил Николаевич (1853—1897) — 75, 160

Чубаров, Сергей Федорович (1845—1879) — 101

Чудновский, Соломон Лейзерович (1849—1912) — 145

Чуйко, Владимир Иванович — 115, 116

Ш

Шановалов, Александр Сидорович (1871—1942) — 5, 166, 167, 168, 169, 170, 173

Шата — 136

Шахова — 175

Шведов, Сергей Порфирьевич (1858—1930) — 307

Шебалин, Михаил Петрович (1857—1937) — 117, 164, 241, 270, 275

Шевырев, Петр Яковлевич (1863—1887) — 121, 122, 123, 125, 162, 241, 284

Шепелев, Сергей Н. — 160

Шестопалов — 137

Шефтель, Фелиция Исааковна (род. в 1860 г.) — 73

Ширяев, Степан Григорьевич (1856—1881) — 104, 149, 150, 151, 188, 196, 202, 293

Шмидова, Ревекка Абрамовна — 125

Штромберг, Александр Павлович (1854—1884) — 115, 116, 160, 235, 241, 256, 283, 290, 293

Щ

Щедрин, Николай Павлович (1858—1919) — 188, 204, 212, 213, 234, 240, 247, 259, 267, 293, 323

Э

Эллис, А. В. — 164, 166, 175

Ю

Ювачев, Иван Павлович (род. в 1850 г.) — 115, 116, 241, 249, 254, 269

Юрковский, Федор Николаевич (1851—1896) — 235, 240, 263, 323

Юшкова, Мария Александровна — 115

Я

Якимова (по мужу Диковская), Анна Васильевна (1856—1942) — 78, 79, 109, 111, 153, 155

Яковлев — 108, 212, 282

Якубович (псевдоним Л. Мельшин), Петр Филиппович (1860—1911) — 120, 329

Янович, Людвиг Фомич (1859—1902) — 118, 164, 241, 275, 286

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА КО 2-МУ ИЗДАНИЮ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К 1-МУ ИЗДАНИЮ	6

Глава первая

ИСТОРИЯ ТЮРЕМНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

§ 1. КОМИССИЯ 1872 ГОДА ПО ТЮРЕМНОМУ ПРЕОБРАЗОВАНИЮ

Учреждение комиссии для составления «общего систематического проекта тюремного преобразования». Причина постановки этого вопроса. Издание устава уголовного судопроизводства. Собираемые материалы для составления нового тюремного устава. Сложная и путаная классификация тюрем по проекту. Дисциплинарные наказания по проекту. Проектирование башлыков-капюшонов и арестантских работ «черных», «серых» и «белых». Основные начала реформы по проекту. Нежизненность проекта. Прекращение работ комиссии 9

§ 2. УЧРЕЖДЕНИЕ ГЛАВНОГО ТЮРЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Записка о положении тюремного преобразования в России. Сообщение в 1879 году Главного тюремного управления. Первый его отчет за период с 16 июня 1880 г. до конца 1881 года. Обход в отчетах темных сторон тюремного дела. Незначительная инициатива Главного тюремного управления в издании законов о тюрьме. Законодательные акты общеимперского значения по тюремному делу. Попытка расширения одиночного заключения. Закон 11 июня 1885 г. об упразднении трех видов каторжных работ. Закон 24 апреля 1884 г. о закрытии рабочих и смиренных домов. Закон 6 января 1886 г. о труде арестантов. Циркуляры об арестантских работах 12

§ 3. УСТАВ О СОДЕРЖАЩИХСЯ ПОД СТРАЖЕЮ 1886 И 1890 ГОДОВ

Новое издание в 1886 году Устава о содержащихся под стражею и последнее его издание 1890 года. Четыре группы мест лишения свободы. Разнообразие наименований мест

лишения свободы. Управление тюрьмами на местах. Порядок содержания заключенных в различных местах лишения свободы. Значение классового момента в размещении заключенных. Полицейский арест. Тюрьма. Исправительно-арестантские отделения. Продолжение т. XIV Свода законов. Дисциплинарные наказания для заключенных. Общая характеристика Устава содержащихся под стражею. Содержание устава о ссыльных. Проект преобразования каторжных тюрем . 17

§ 4. ЦИРКУЛЯРЫ ГЛАВНОГО ТЮРЕМНОГО УПРАВЛЕНИЯ ЗА ПЕРИОД 1879—1917 ГОДОВ

Огромное число циркуляров за 1879—1917 гг. Бедность их содержания. Скрытие циркулярами отрицательных сторон состояния тюрем. Циркуляры о так называемой «просветительной» работе в тюрьмах. Усиление роли православного духовенства. Запрет доступа к ссыльным периодической печати. Циркуляры об употреблении огнестрельного оружия. Отношение тюремного управления к розгам. «Предупредительные связки». Кандалы. Циркуляры о тюремном режиме накануне революции 1905 года и в период реакции. «Правила содержания политических арестантов в губернских и уездных замках и пересыльных тюрьмах» 1886 года. «Правила о содержании в тюрьмах гражданского ведомства политических арестантов» 1904 года. Циркуляр 1908 года о голодовках. Циркуляры о санитарии, неосуществление их на практике. Игнорирование защиты труда заключенных. Секретные циркуляры. Общая характеристика циркуляров . . 25

§ 5. ОБЩАЯ ТЮРЕМНАЯ ИНСТРУКЦИЯ 28 ДЕКАБРЯ 1915 ГОДА

Применение проекта тюремной инструкции с 1 марта 1912 г. Лицемерное упоминание о гуманности. Роль православного духовенства. Запрещение организации заключенных. Дисциплинарные наказания по инструкции. Проповедь темного карцера. Обучение военному строю. Прогулка. Поправление инструкцией человеческого достоинства узников. 37

§ 6. УСТАВ О ПРЕДУПРЕЖДЕНИИ И ПРЕСЕЧЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Применение лишения свободы без суда. Переиздание в 1876 году Устава о предупреждении и пресечении преступлений. Отражение на нем внутренней политики царизма. Раскрытие простора для полицейского произвола. Предупреждение преступлений против веры. Предупреждение преступлений против общественного порядка. Предупреждение преступлений против личной безопасности и против имущества. Переиздание Устава в 1890 году. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 года . 42

§ 7. ПРИМЕНЕНИЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Роль наказания лишением свободы в уголовных кодексах царизма. Размах царизма в угрозе тюрьмою за преступления религиозные, политические и общеуголовные. Таблица: виды лишения свободы

и их сроки по главнейшим кодексам. Применение лишения свободы по Уставу уголовного судопроизводства. Характеристика В. И. Лениным роста репрессий 47

Глава вторая

СУДЕБНАЯ И АДМИНИСТРАТИВНАЯ БОРЬБА ЦАРИЗМА С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ (1870—1900 ГОДОВ)

§ 8. ХАРАКТЕРИСТИКА СУДЕБНОЙ БОРЬБЫ ЦАРИЗМА С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ

Увеличение числа политических процессов в 1870—1880 гг. Передача политических процессов в особое присутствие Сената и в военные суды. Рассмотрение дел при закрытых дверях. Лицемерие классовой юстиции царизма в политических процессах. Характеристика, данная А. Ф. Кони членам политических судов царизма. Взгляды столичной аристократии и бюрократии на борьбу с политическими преступлениями. Отзыв революционера Мышкина о сенаторах . . . 57

§ 9. ПРОЦЕССЫ НЕЧАЕВЦЕВ И НЕЧАЕВА

Процесс 84 нечаевцев в 1871 году. Политические идеи нечаевцев. Приговор судебной палаты. Выдача Сергея Нечаева швейцарским правительством — царскому. Неисполнение царизмом условий выдачи. Суд над Нечаевым в Москве. Позиция Нечаева на суде. Осуждение Нечаева. Нечаев у позорного столба. Незаконное изменение царем приговора по делу Нечаева. Заключение Нечаева в Петропавловскую крепость 61

§ 10. ПРОЦЕСС ДОЛГУШИНЦЕВ

Пропагандисты — учащиеся высших учебных заведений. Прокламации: «К интеллигенции», «К русскому народу» и др. Каторжный приговор. Осужденные у позорного столба. Демонстрация при исполнении гражданской казни. Пропаганда с эшафота и проекты борьбы с нею. Применение в процессе долгушинцев закона о замене предварительного следствия жандармским дознанием 66

§ 11. ДЕМОНСТРАЦИЯ НА ПЛОЩАДИ КАЗАНСКОГО СОБОРА

Описание демонстрации 6 декабря 1876 г. Суд над 21 обвиняемым. Неисполнение судом законных требований защиты. Заявление одного из подсудимых о недобросовестности составителя обвинительного акта. Приговор Сената. Оценка приговора Г. В. Плехановым . . . 71

§ 12. ПРОЦЕСС 50-ти

Пропаганда среди рабочих. Перечень заводов, где велась пропаганда. Архивное дело по дознаниям и обыскам у Петра Алексея. Приговор Сената. Речи Петра Алексея и Бардиной на суде. Воспоминания осужденного Джабадари о процессе. Протокол заседания Сената. Воспоминания А. Ф. Кони о пристрастии судей в этом процессе 74

§ 13. ПРОЦЕСС 193-х

Аресты пропагандистов по городам империи. Длительность дознания. Пропаганда в деревнях. Характеристика пристрастности обвинительного акта. Материалы из архива с показаниями Иполита Мышкина. Судебное рассмотрение — поединок суда и революционеров. Воспоминания Г. В. Плеханова об этом процессе. Приговор Сената . 78

§ 14. ПРОЦЕСС «ЮЖНОРОССИЙСКОГО СЮЗА РАБОЧИХ» И «СЕВЕРНОГО СОЮЗА РУССКИХ РАБОЧИХ»

Дело «Южнороссийского союза рабочих» — первый судебный процесс против рабочих. Деятельность Заславского с начала 1870 года. Устав «Южнороссийского союза рабочих». Влияние Коммунистического манифеста на устав. Предание суду 15 человек. Невызов на суд доносчика. Обвинительный акт. Судебное заседание. Приговор Сената. Осуждение больного Заславского. Неправильная судебно-медицинская экспертиза. Смерть Заславского.

Новый процесс в военно-окружном суде о рабочей организации. Обвинительный акт по делу Обнорского. Сведения о личности обвиняемого. Неопубликованные показания Обнорского 1879 года. Пролетарский характер организаций. Воспоминания Г. В. Плеханова. Программа «Северного союза русских рабочих». Приговор военного суда 1880 года 85

§ 15. ПРОЦЕСС ВЕРЫ ЗАСУЛИЧ

Общественное значение процесса Веры Засулич. Мотивы выступления Веры Засулич. Наказание полицмейстером Треповым Боголюбова розгами. Возмущение этим актом русской передовой общественности. Предание Веры Засулич суду присяжных. Воспоминания А. Ф. Кони о давлении правительства на суде. Оправдание Засулич. Архивное дело о покушении Засулич. Изъятие после оправдания Веры Засулич подобных дел из ведения суда присяжных и передача их военным судам 95

§ 16. СТАТИСТИКА III ОТДЕЛЕНИЯ ПО ДЕЛАМ ПРОПАГАНДИСТОВ

Статистика III отделения по делам пропагандистов за 1873—1877 гг. Недостатки этой статистики. Сведения об исходе этих дел, о возрасте привлекавшихся и пр. 98

§ 17. СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ О ТЕРРОРИСТАХ

Переход от пропаганды к террору. Воронежский съезд. Осуждение В. И. Лениным тактики индивидуального террора в революционной борьбе 100

§ 18. ПРОЦЕСС О ПОКУШЕНИИ НА ЖИЗНЬ ЛОРИС-МЕЛИКОВА

Покушение Молодецкого 20 февраля 1880 г. Заключение его в крепость и казнь 22 февраля 101

§ 19. ПРОЦЕСС 16-ТИ ТЕРРОРИСТОВ

Заседание военно-окружного суда в октябре 1880 года. Обвинения в покушениях на Александра II и в других террористических актах. Предательства Гольденберга, Окладского и Дриго. Пребывание их в крепости. Попытка выведать сведения от приговоренных к казни. Речь Ширияева на суде. Казнь Преснякова и Квятковского в крепости 102

§ 20. ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ 1 МАРТА 1881 Г.

Суд над шестью народовольцами. Протест Желябова против состава суда. Стеснения на суде подсудимых и их защитников. Речи обвиняемых. Приговор к казни. Казнь на Семеновском плацу 3 апреля 1881 г. Письмо Кибальчича накануне казни 105

§ 21. ПРОЦЕСС 20-ТИ НАРОДОВОЛЬЦЕВ В 1882 ГОДУ

Этот процесс 1882 года дал наибольшее число узников в Алексеевский равелин и Шлиссельбургскую крепость. Обвинение в террористических актах, распространении агитационной литературы, в совершении вооруженных сопротивлений и др. Стеснение защиты. Расстрел Суханова 109

§ 22. ПРОЦЕСС ПО ДЕЛУ ОБ УБИЙСТВЕ ГЕНЕРАЛА СТРЕЛЬНИКОВА И ДРУГИЕ ПРОЦЕССЫ В 1882 ГОДУ

Процесс об убийстве Стрельникова в Одессе. Дело об убийстве шпиона в Петербурге. Дело о попытке освобождения Новицкого из Саратовской тюрьмы 111

§ 23. СТРЕЛЬНИКОВСКИЙ ПРОЦЕСС 23-х В ОДЕССЕ В 1883 ГОДУ

Описание в печати незаконных действий судебных властей по этому процессу 112

§ 24. ПРОЦЕСС 17-ТИ В 1883 ГОДУ

Арест пяти членов центрального исполнительного комитета партии «Народная воля». Шесть разделов обвинительного акта. Обвинение в покушении на Александра II (Чигиринское дело). Речи подсудимых. Приговор Сената 113

§ 25. ПРОЦЕСС 14-ТИ В 1884 ГОДУ

Дело военной организации партии «Народная воля». Список обвиняемых. Обвинительный акт. Предательство Дегаева. Незаконные действия судебных властей. Приговор к казни Веры Фигнер и других. Направление осужденных в Шлиссельбург 115

§ 26. ПРОЦЕСС 12-ТИ В КИЕВЕ В 1884 ГОДУ

Действия генерала Новицкого по созданию этого процесса. Репрессия против председателя военного суда за мягкость приговора. Заключение в Шлиссельбург четырех осужденных 117

§ 27. ПРОЛЕТАРИАТЫ В 1885—1886 ГОДАХ

Военно-окружной суд в Варшаве в 1885 году. Указания Феликса Кона на использование прокуратурой провокаторов и шпионов. Приговор суда 117

§ 28. ПРОЦЕСС 21-ГО В ПЕТЕРБУРГЕ

Привлечение к дознанию до 300 человек. Административная расправа над большинством обвиняемых. Главный обвиняемый Лопатин. Роль Судейкина в политическом сыске. Предательство Дегаева и убийство им Судейкина. Участие Лопатина на суде. Приговор суда. Заключение пятерых в Шлиссельбургскую крепость 118

§ 29. ПРОЦЕСС 1 МАРТА 1887 Г.

Архивный документ с перехваченным письмом участника заговора Андреюшкина. Аресты на Невском. Аресты 74 человек. Предание суду 15-ти. Архивные дела по этому процессу. Приговор Сената. Его конфирмация. Административная расправа над прочими привлеченными 120

§ 30. ПРОЦЕСС ОРЖИХА, СИГИДЫ И ДРУГИХ В 1887 ГОДУ

Предание суду восьми обвиняемых в принадлежности к партии «Народная воля», издания революционной литературы и пр. Заключение Оржиха в Шлиссельбургскую крепость 126

§ 31. ПРОЦЕСС СОФЬИ ГИНЗБУРГ В 1890 ГОДУ

Образование в Швейцарии революционного кружка. Выезд Софьи Гинзбург в Россию. Арест Гинзбург и других лиц. Суд над ними. Заключение Гинзбург в Шлиссельбургскую крепость. Судебный процесс по делу Гинзбург — последний крупный процесс XIX века . . . 127

§ 32. ИТОГИ ПРОЦЕССОВ О ТЕРРОРИСТАХ 1880—1890 ГОДОВ

Негласное рассмотрение судами политических процессов 1880—1890 гг. Статистическая обработка политических народовольческих процессов. Репрессия по этим процессам. Сословная принадлежность осужденных. Общая характеристика приемов следствия и суда по политическим процессам этого периода 128

§ 33. АДМИНИСТРАТИВНАЯ БОРЬБА ЦАРИЗМА С РЕВОЛЮЦИОННЫМ ДВИЖЕНИЕМ В 90-е ГОДЫ

Передача исключительно административным органам расправы с участниками революционного движения в 90-е годы. Широкое применение такой борьбы по более ранним революционным выступлениям. Пример административной расправы при национальных восстаниях. «Россия — тюрьма народов». Развитие рабочего движения в России. Слова Ленина о значении 90-х годов в истории русской социал-демократии. Внесудебная расправа с участниками рабочего движения. Расправа со стачечниками в 1881—1886 гг. Судебно-административная расправа с участниками стачки в Орехово-Зуеве в 1885 году. Ленин об административной борьбе царизма с рабочим движением. Обзоры важнейших жандармских дознаний, производившихся в жандармских управлениях. Статистика административно-осужденных 1893—1899 гг. Жандармские отчеты о создании «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Аресты организаторов этого союза. Внимание обзоров жандармских дознаний к рабочему движению и, в частности, к «Союзу борьбы за освобождение рабочего класса» в конце 90-х годов. Лишение свободы как мера пресечения и как наказание по жандармским отчетам. Признание автором секретного исследования социально-революционного движения в России бессилия царизма в борьбе с рабочим движением 130

*Глава третья***ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ (1871—1900 ГОДЫ)**

§ 34. ТРУБЕЦКОЙ БАСТИОН

Размещение арестованных по куртинам крепости до открытия тюрьмы Трубецкого бастиона. Описание Трубецкого бастиона. Наиболее ранние описания бастиона в 1870-е годы Сичегубом, Кропоткиным, Чудновским. Описание тюрьмы 1880 года. Узники крепости по народовольческим процессам. Самоубийство Гольденберга. Заключение некоторых узников в Екатерининскую куртину. Обнаруженные после Октябрьской революции 45 неотправленных писем узников Трубецкого бастиона. Архивное дело 1881 года по поискам подкопов в Петропавловской крепости. Пребывание Веры Фигнер в Трубецком бастионе в 1883—1884 гг. Пребывание в крепости «первомартовцев». Судьба приговоренной к казни Гельфман. Заключение в крепость в 1881 году 22 жандармов. Воспоминания Поливанова 1882 года.

Рапорты коменданта крепости об обысках, заболеваниях, покушениях на самоубийство. Увеличение числа узников в 1887 году. Воспоминания Лукашевича. Заключение в крепость Софьи Гинзбург. Уменьшение числа заключенных в 90-е годы. Вопрос о закрытии тюрьмы в бастионе. Заключение в крепость Распутина, Акимовой, Егорова в 1896 году по делу умысла на царубийство. Поступление в крепость борцов за рабочее дело. Пребывание в крепости Шаповалова и Баумана. Самоубийство Ветровой. Таблица сроков пребывания узников в Трубецком бастионе 1873—1917 гг. 141

§ 35. СВЕДЕНИЯ О СТРОИТЕЛЬСТВЕ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА

Отсутствие крупных ремонтов Алексеевского рavelина за исследуемый период. Опись инвентаря 1880—1882 гг. Закрытие рavelина в 1884 году. Перевод узников в Шлиссельбургскую крепость. Опись переданного имущества. Состав библиотеки Алексеевского рavelина. Подвальные казематы в рavelине 179

§ 36. УЗНИКИ АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА

Список узников. Характеристика состава заключенных 186

§ 37. НЕЧАЕВ

Значение процесса Нечаева в истории царского правосудия и царской тюрьмы. Инструкция содержания Нечаева в рavelине. Ежедневные рапорты о содержании Нечаева. Времяпровождение Нечаева в камере. Отобрание у него книг и рукописей. Голодовка. Пропаганда Нечаева среди сторожей и жандармов рavelина. Связь его с центральным комитетом партии. Предательство заключенного Мирского. Осуждение 24 человек охраны рavelина. Смерть Нечаева 21 ноября 1882 г. 189

§ 38. МИРСКИЙ

Покушение Мирского на шефа жандармов. Приговор Мирского к смертной казни в 1879 и в 1906 гг. Раскрытие предательства Мирского. Льготные условия пребывания его в рavelине 199

§ 39. НАРОДОВОЛЬЦЫ В АЛЕКСЕЕВСКОМ РАВЕЛИНЕ

Архивные дела о пребывании узников в Алексеевском рavelине. Дело Ширяева 1880 года и 10 других узников 1882 года. Доставка с Кары в рavelин трех узников. Узник Щедрин, прикованный к тачке. Прибытие Поливанова. Смерть пяти узников в 1883 году. Душевное заболевание Иванова. Перевод в 1884 году семи заключенных Трубецкого бастиона. Материальные и моральные условия режима 1880—1884 гг. Воспоминания Фроленко, Тригоны, Поливанова. Смотритель рavelина Соколов-«ирод». Врач рavelина Вильямс. Сырость в рavelине. Перестукивание. Прогулки. Болезни и смерть в рavelине. Перевоз узников в Шлиссельбургскую крепость 201

Глава четвертая

ШЛИССЕЛЬБУРГСКАЯ КРЕПОСТЬ

§ 40. СТРОИТЕЛЬСТВО ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Архивное дело о постройке новой тюрьмы в Шлиссельбурге. Записка Оржевского. Три проекта постройки тюрьмы. Устройство двухэтажного корпуса с 40 одиночными камерами. Юридическое оформление управления новой тюрьмой. Набор штата. Включение в штат Соколова-«ирода» и надзирателей Алексеевского рavelина. Описание Новорусским старой Шлиссельбургской тюрьмы. Назначение этой тюрьмы с 1884 года. Ремонт в Шлиссельбургской крепости перед переводом сюда заключенных. Постройка одиночных дворишков. Описание Новорусским новой тюрьмы. Изменения в устройстве новой тюрьмы 216

§ 41. ИНСТРУКЦИИ

Изменения инструкции в борьбе заключенных с режимом. Краткая инструкция 1884 года, вывешенная на стенах камер. Инструкция 4 августа 1884 г. Героическая борьба узников приводит к расширению библиотеки и к предоставлению письменных принадлежностей; допущение работ в мастерских 226

§ 42. УЗНИКИ ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ 1884—1906 ГОДОВ

Первые одиннадцать узников крепости. Прибытие новых узников. Список узников за 22 года. Материалы для составления этого списка 234

§ 43. ЖЕНЩИНЫ В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Принцип пенитенциарии второй половины XIX века о разобщении заключенных мужчин и женщин в тюрьмах. Игнорирование этого принципа в русских государственных тюрьмах. Пребывание в крепости Веры Фигнер, Людмилы Волкенштейн, Софьи Гинзбург. Самоубийство Гинзбург. Казнь Зинаиды Коноплянниковой 242

§ 44. ТЮРЕМНЫЙ РЕЖИМ 1884—1906 ГОДОВ

Шлиссельбургская тюрьма открывала простор произволу. Воспоминания бывших узников. Режим Шлиссельбурга — продолжение режима Алексеевского рavelина. Мертвая тишина в крепости. Перестукивание. Борьба за книги и за бумагу. Запрет общения с внетюремным миром. Заключение в карцер. Недостаточное питание. Температура. Прогулки в одиночных двориках. Стрижка. Обьски. Казнь Минакова. Самоубийство Клименко. Самоубийство Грачевского. Самоубийство Гинзбург. Казнь Мышкина. Огромная смертность в крепости. Переживания узников. Переписка заключенных. Письма Морозова и Попова

§ 45. ИЗМЕНЕНИЕ РЕЖИМА В ШЛИССЕЛЬБУРГСКОЙ КРЕПОСТИ

Возражения Морозова против описания Новорусским пребывания в крепости за последние 15 лет. Влияние общего положения в стране на режим крепости. Начало работ на огородах. Первоначальные формы работ в крепости. Общая борьба узников за продуктивный труд. Работы в мастерских. Изготовление коллекций для школ. Значение переплетных работ. Умственная жизнь в крепости. Прибытие Стародворского. Введение в 1902 году прежней инструкции. Покушение В. Фигнер. Казнь Балмашева. Предшествующие казни в крепости в 1884, 1887 гг. Казнь Каляева в 1905 году и других. Казнь в 1906 году Э. Коноплянниковой. Освобождение узников из крепости 28 октября 1905 г. 268

Глава пятая

ТЮРЬМА III ОТДЕЛЕНИЯ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ, КАТОРЖНЫЕ И ПЕРЕСЫЛЬНЫЕ ЦЕНТРАЛЫ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ТЮРЬМА НА КАРЕ

§ 46. ТЮРЬМА III ОТДЕЛЕНИЯ

Первые сведения об этой тюрьме за 1870 год. Воспоминания об этой тюрьме Тютчева. Книга записей арестованных 1880—1883 гг. Сроки пребывания в тюрьме. Стефанович. Выписки из книги арестованных 288

§ 47. ПЕРВЫЕ КАТОРЖНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЦЕНТРАЛЫ

Причины образования каторжных централов в Европейской России. Узники Новоборисоглебского и Новобелгородского централов. Описание этих централов бывшими узниками. Режим централов. Роль Мезенцова в выработке режима. Душевные заболевания. Протесты против режима. Пребывание Мышкина в тюрьме. Перечень узников централов. Закрытие централов в 1880 году 293

§ 48. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПЕРЕСЫЛЬНЫЕ ТЮРЬМЫ

Открытие их в 1878 году в Вышнем Волочке и Мценске. Расширение в 1878 году административной внесудебной борьбы с революционным движением. Вместимость обеих пересыльных тюрем. Причины открытия этих тюрем в небольших уездных городах. Роль тверского губернатора в установке режима Вышневолоцкой тюрьмы. Борьба заключенных против режима. Писатель Короленко в тюрьме. Пребывание в Мценской тюрьме арестантов из каторжных централов. Статистика заключенных в пересыльных политических тюрьмах. Закрытие этих тюрем. Оборудование для пересыльных башен Бутырской тюрьмы в Москве. Режим в первые годы существования этой тюрьмы. 303

§ 49. КАРИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАТОРЖНАЯ ТЮРЬМА

История этой тюрьмы 1873—1890 гг. Воспоминания бывших каторжан. Состав заключенных. Таблица поступлений заключенных на Кару. Сроки приговоров. Описание тюрем. Комендант Кананович. Жизнь в тюрьме в 1880 году. Тюремная артель. Библиотека. Рукописные журналы. Побег Мышкина и др. Изменение режима. Голодовка. Воспоминания Виташевского и Феликса Кона. Женская Карийская каторга. Увоз Ковальской из тюрьмы. Карийская трагедия 1889 года. Самоубийство Сигиды и др. Воспоминания Ковальской. Перевод узников Кары в Акатуй. Выполнение угрозы уравнивать политических с уголовными арестантами 312

*Глава шестая***МОНАСТЫРСКИЕ ТЮРЬМЫ**

§ 50. СТРОИТЕЛЬСТВО СУЗДАЛЬСКОЙ И СОЛОВЕЦКОЙ МОНАСТЫРСКИХ ТЮРЕМ

Архивное дело с описью 1870 года Суздальского монастыря. Описание тюрьмы. Состояние тюрьмы в 1901 году. Описание Соловецкой тюрьмы Немировичем-Данченко. Передача здания тюрьмы в 1903 году под больницу. Образование исторического музея на Соловках после Октябрьской революции 331

§ 51. РЕЖИМ ТЮРЬМЫ СУЗДАЛЬСКОГО МОНАСТЫРЯ

Кто направлялся в Суздальскую тюрьму. Посещение тюрьмы ре-визором. Условный адрес заключенных царю в 1878 году. Безумные в тюрьме. Малолетние преступники. Отставание духовенством монастырской тюрьмы в 1902 году. Конец существования этой тюрьмы 333

§ 52. УЗНИКИ СУЗДАЛЬСКОЙ МОНАСТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ

Число узников 1870—1901 гг. Изменение состава узников. Отдельные узники тюрьмы. Сектант Ковалев, заживо замуровавший 25 единоверцев. Число узников Суздальской монастырской тюрьмы за 150 лет. Бессилие монастырской тюрьмы в достижении поставленных ею целей 338

§ 53. ЗАКЛЮЧЕННЫЕ МОНАСТЫРСКОЙ ТЮРЬМЫ НА СОЛОВКАХ

Изменение состава заключенных в остроге Соловецкого монастыря. Рабочие Потапов и Григорьев — участники демонстрации в Петербурге 1877 года. Другие узники острога. Последние узники 1883 года. Антон Дмитриев, проведенный в остроге 62 года (1818—1880 гг.). Закрытие тюрьмы в 1905 году 348

*Глава седьмая***ОБЩЕУГОЛОВНЫЕ ТЮРЬМЫ**

§ 54. СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ В РОССИИ В 70-е ГОДЫ

Официальные материалы по тюремному вопросу. Мемуарная литература. Обзор деятельности главного тюремного управления 1879—1889 гг. Труд и питание заключенных. Постройка в С.-Петербурге одиночной тюрьмы. Характер описаний тюрем в литературе 1870—1880 гг. Министр Муравьев. Писатель Короленко. Книга Никитина. Первая монография по тюремной статистике. Воспоминания заключенного о жестокостях в тюрьмах. Открытие в Петербурге Дома предварительного заключения в 1875 году. Различия в содержании по сословному моменту. Воспоминания о пребывании в этой тюрьме бывших ее заключенных. Телесные наказания студента Боголюбова. Состояние в 70-х годах некоторых тюрем (Псков, Илецк). Политический осужденный Фомин в общеуголовной тюрьме. Миллионер Овсянников в полицейском арестном доме 353

§ 55. СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМ В РОССИИ В 1880—1890 ГОДАХ

Описание состояния русских тюрем за этот период в зарубежной печати. Полемика Главного тюремного управления. Воспоминания писателя Короленко о различных тюрьмах. Описания Птицыным этапных тюрем по Якутскому тракту. Ревизия тюрем в 1885 году по Кавказу и Закавказскому краю. Тюрьмы в Одессе, в Симферополе. Постройка новых тюрем. Устойчивость процента смертности и заболеваемости в тюрьмах. Состояние тюрем в различных городах империи в 90-е годы. Статистика тюрем разного наименования к концу XIX столетия. Статистика заключенных на 1 января 1900 г. Воспоминание о Петербургской столичной тюрьме в 1896 году Ольминского. 371

§ 56. «ПРОСВЕТИТЕЛЬНАЯ» ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В ТЮРЬМАХ ЗА 1870—1900 ГОДЫ

Отсутствие просветительной работы в местах лишения свободы объясняется отношением царизма вообще к просвещению народа. Сведение просвещения к поддержанию православия. Архивные дела о такой деятельности Главного тюремного управления. Специальный «молитвенник для заключенных». Жалкое состояние тюремных библиотек. Анкета 1904 года о тюремных библиотеках. Ничтожное число школ при тюрьмах. Постановка преподавания в них псаломщиками и т. п. 382

§ 57. ТЮРЕМНЫЙ ТРУД (1870—1900 ГОДЫ)

Отсутствие постановки тюремных работ до закона 1886 года. Причины отсутствия работы в тюрьмах. Классовый характер тюремного законодательства о труде. Обзор деятельности тюремного управления со статистикой тюремного труда. Средний заработок заключенных 1890—1899 гг. Низкая производительность труда заключенных и ограниченность его видов. Подрядная система и продажа рабочих арестантских рук частным предпринимателям 388

§ 58. ЗАКЛЮЧЕННЫЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ МЕНЬШИНСТВ,
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИЕ И ЖЕНЩИНЫ В ТЮРЬМАХ

Царская политика угнетения народностей, не принадлежавших к господствующей. Тяжелое положение заключенных из национальных меньшинств в центральных тюрьмах и на окраинах. Игнорирование бытовых условий нерусских национальностей в тюрьме. Роль тюрьмы в борьбе с преступностью малолетних. Таблица о малолетних преступниках за 1896—1900 гг. Постановление русского законодательства о малолетних правонарушителях. Результаты совместного пребывания взрослых и малолетних в тюрьмах. Рецидив малолетних преступников. Бесправное положение женщины в царской России отражалось на ее положении в тюрьме. Заковывание женщин в кандалы. Мужская администрация в женских тюрьмах. Парижский тюремный конгресс о женских тюрьмах 391

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ 401

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН 403

Гернет Михаил Николаевич
„ИСТОРИЯ ЦАРСКОЙ ТЮРЬМЫ“

Том III

Редактор *Т. А. Помыкаева*

Художники-оформители *Е. Б. Бельская*
и *В. И. Бельский*

Художественный редактор *И. Ф. Федорова*

Технический редактор *А. Н. Макарова*

Корректоры *А. Г. Мурашева, М. И. Буланова*

Сдано в набор 20/X 1960 г. Подписано в печать 17/VIII
1961 г. Формат бумаги 60×92¹/₁₆. Объем: фля. печ. л.
27,63; усл. печ. л. 27,63; учетно-изд. л. 33,29.
Тираж 18 000. А-01991. Цена 1 р. 82 к. Зак. 1066

Госюриздат—Москва, Б-64, ул. Чкалова, 38—40.

Отпечатано с набора 1-ой Образцовой типографии
в 8-ой типографии Мосгорсовнархоза,
Москва, 1-ый Рижский пер., 2. Зак. 973

